

A

C

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д
В
У
У
Х
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 7

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1932

Э. Квиринг — Промышленность и сельское хозяйство СССР к пятнадцатой годовщине Октября	3
М. Рагольский — О накоплении и потреблении в первую пятилетку	14
Т. Спивак — О балансе производства и потреблении в СССР за 1928—1930 гг.	36
С. Слуцкина — К вопросу об уничтожении противоположности между городом и деревней	58
В. Носов — К вопросу о воспроизводстве и обращении в СССР	94
З. Атлас — О роли кредита в переходный период	117
И. Блюмин — Теория комбинирования социал-фашистов и буржуазных экономистов	133
В. Толстой и П. Починщиков — К вопросу о потребительной стоимости	176
Л. Фрейлих — Черновой текст первого тома „Капитала“.	186
А. Реуэль — Poleмика вокруг теории стоимости в России 90-х и 900-х годов	199

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Эрлихман — Вопросы автоматизма (О книге Г. Цилеровича „Автоматизм“)	230
Г. Иванов-Гель — Буржуазная контрабанда под флагом марксизма (Черданцев: Основы сельскохозяйственной географии, Сельколхозгиз, 1932 г., тир. 3 000).	236

Э. КВИРИНГ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР К ПЯТНАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Пролетариат Советского союза под руководством ленинской партии уже 15 лет осуществляет программу строительства социализма, изложенную классиками марксизма-ленинизма.

Излюбленным приемом адвокатов международной буржуазии—Кутского, Гильфердинга, Реннера и других — является попытка «доказать» неизбежность краха большевизма в силу отсталости бывшей капиталистической России и неподготовленности к делу строительства социализма. Все эти нападки насквозь фальшивы, так как во всех развитых капиталистических странах социал-фашисты также отчаянно борются против коммунистов, организующих и подготовляющих рабочий класс к штурму капитализма.

Между тем Маркс и Энгельс — творцы научного коммунизма уже в «Коммунистическом манифесте» показали, как производственные отношения капитализма становятся оковами его производительных сил. В более поздней работе, «Анти-Дюринг», законченной в 1878 г., Энгельс в полном согласии с Марксом указывал, что капиталистические страны достигли уровня, необходимого для свержения капитализма.

«Упразднение общественных классов имеет своей предпосылкой такой уровень общественного развития, на котором не только существование того или иного определенного и господствующего класса, но и вообще господствующего класса, т. е. самого различия классов, становится устарелым пережитком. Следовательно оно имеет предпосылкой такой уровень развития производства, когда присвоение средств производства и продуктов, а с ним и политического господства и монополии на образование и духовное руководство со стороны особого общественного класса становится не только излишним, но и прямым препятствием к дальнейшему экономическому, политическому и интеллектуальному развитию. Уровень этот ныне достигнут».

Далее Энгельс подчеркивает, что производительные силы уже переросли буржуазные производственные отношения:

«Новые силы производства уже переросли буржуазную форму их использования» (стр. 242), «капиталистический способ производства обнаружил свою неспособность к дальнейшему управлению этими производительными силами» (стр. 251), «буржуазия стала излишней ввиду роста крупных акционерных и государственных предприятий» (стр. 253).

С тех пор капитализм поднялся на новую ступень. Империализм, как учил Ленин, является уже полнейшей материальной подготовкой социализма. Мы живем в эпоху империалистических войн и пролетарских революций.

Нужно ли доказывать, что уровень капиталистической зрелости царской России в 1917 г. был во всяком случае не ниже уровня зре-

лости германского капитализма в 70-х годах, нужно ли доказывать, что пролетариат России в 1917 г. с его богатым опытом 1905 г. и подъемом рабочего движения в 1912—1914 гг., с революционным движением, которое втянуло в свою орбиту миллионные массы рабочих и выделило высоко квалифицированные кадры руководителей и организаторов, что этот пролетариат был достаточно подготовлен к революционному свержению капитализма?

Царская Россия была среднеразвитой капиталистической страной. В цепи мирового империализма капиталистическая Россия в 1917 г. оказалась наиболее слабым звеном. Рабочий класс во главе с большевистской партией, вооруженный революционной теорией Маркса—Ленина, совершил победоносную пролетарскую революцию и тем самым создал необходимые условия для строительства социализма.

Условия зарождения и роста социализма в корне отличны от условий зарождения всех предшествовавших хозяйственных систем.

Монополистический капитализм создал материальные предпосылки для перехода к социалистическому обществу, но в капиталистическом обществе невозможно создание социалистических производственных ячеек, которые могли бы стать такой силой по сравнению с капиталистическими ячейками, что революции осталось бы лишь оформить фактическое преобладание социалистических ячеек.

Кооперация при капитализме есть шаг вперед по сравнению с частной торговлей, государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с капитализмом частным. Но называть всерьез социалистическими ячейками в капиталистических странах всякие государственные, коммунальные и кооперативные предприятия и строить на этом перспективу постепенного «врастания социализма в капитализм» могут лишь старые «марксистские» колпаки и прожженные предатели рабочего класса, которые всерьез о переходе к социализму не думают, которые боятся такого перехода.

Научный социализм разоблачает предательскую сущность всяких «добродетельных» теорий мирного самозарождения социализма. Только сознательное предательство или непонимание коренного отличия буржуазных революций от пролетарских могут рождать подобные мирные утопии.

По учению Маркса — Энгельса — Ленина строительство социализма может быть начато лишь после политического и экономического разгрома буржуазии, после революции в самом способе производства, лишь после победы рабочего класса, после того как он начнет осуществлять свою функцию могильщика, победоносно захватив в пролетарской революции власть и организовав свою диктатуру как политическую базу социализма.

В совершенно иных условиях зарождался в недрах феодального общества капитализм. Капиталистические производственные отношения имели место уже в эпоху феодализма. Более того, капитализм в недрах феодализма накопил уже такую экономическую мощь, которая заставляет окрепнувшую буржуазию вступить в бой с феодализмом за политическую власть, за уничтожение всех феодальных рогаков, затруднявших дальнейший рост и укрепление капиталистической системы.

В предисловии к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс дал замечательную характеристику буржуазных революций и условий, в которых вырастал капитализм. Энгельс отмечает, что «Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбро-

сило с себя религиозную мантию и прошло во всех стадиях на открытой политической почве. Оно было также и первым восстанием, которое действительно было проведено до конца, до уничтожения одной из борющихся сторон, аристократии, и до полнейшей победы другой стороны — буржуазии¹.

«В Англии,— пишет Энгельс,— буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила аристократию в почти исключительном обладании почти всеми высокими правительственными должностями» (384).

Подводя итоги, Энгельс приходит к следующему выводу:

«Повидимому можно принять за исторический закон, что ни в одной европейской стране буржуазии не удастся, по крайней мере на продолжительное время, завладеть политической властью таким же исключительным образом, как феодальная аристократия удерживала ее в продолжение средних веков» (383).

Юнкерская Германия, австро-венгерская монархия, царская Россия и многочисленные мелкие королевства и царства дополняют эту картину.

В основе этого исторического закона лежит, по Энгельсу, то обстоятельство, что «промышленная и торговая буржуазия не успела еще окончательно устранить земельную аристократию от политической власти, как выступил на арену истории новый конкурент—рабочий класс» (стр. 385). Реакция против выступлений рабочих всегда приводила к компромиссу между буржуазией и аристократией.

Компромисс как политический, так и хозяйственный между буржуазией и аристократией не только теоретически возможен, но практически осуществим и сейчас существует в крупнейших капиталистических странах, поскольку этим компромиссом обеспечивается свободное развитие капитализма и его хозяйственная гегемония.

Буржуазные революции лишь в виде исключения, на короткий срок, доводят дело до конца, т. е. до полного перехода власти к буржуазии и до уничтожения власти феодальной аристократии.

Для строительства социализма никакой компромисс между рабочим классом и буржуазией невозможен. Печальный опыт социал-демократии показывает, что ее сотрудничество с буржуазией проводится ценой отказа от борьбы за социализм, ценой активной борьбы против революции и коммунизма.

К строительству социализма пролетариат может приступить, лишь захватив власть и победив буржуазию.

Но это конечно не значит, что «на другой день» после захвата власти сразу можно сделать скачок из царства необходимости в царство свободы.

Между капитализмом и социализмом лежит переходный период, в течение которого завершается ликвидация капитализма и переделка докапиталистических форм хозяйства. Как писал В. И. Ленин, «этот период не может не быть периодом борьбы между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом».

Длительность этого периода определяется для каждой страны соотношением сил борющихся хозяйственных систем и классов.

Строительство социализма сопровождается длительным периодом ожесточенной классовой борьбы, принимающей самые различные формы в зависимости от конкретных условий.

¹ „Анти-Дюринг“, изд. 1931 г., стр. 380.

Маркс предвидел десятки лет жесточайших классовых боев за социализм.

Советский союз пережил и переживает до сих пор эти бои. Добрая половина первого десятилетия ушла на отчаянную, разрушительную гражданскую войну, на отражение интервенции капиталистических стран, на борьбу за право существования диктатуры пролетариата.

Вслед за этим начался период таких «мирных» методов борьбы остатков капиталистических классов, как вредительство, прямое сопротивление капиталистических элементов мероприятиям советской власти, саботаж кулачества в хлебозаготовках, хищнический убой скота и т. д.

Титаническая работа рабочего класса по строительству социалистической промышленности и переводу мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического сопровождалась разрушительной дезорганизаторской работой внутри со стороны враждебных элементов.

И все же, несмотря на эту борьбу, несмотря на отчаянное сопротивление, Советский союз за первые 15 лет своего существования создал такие новые материальные богатства страны, поднял экономику страны на такую высоту, показал такие темпы роста социалистической промышленности, которые в условиях капиталистического общества просто невозможны.

Довоенная капиталистическая промышленность России дала в 1913 г. валовой продукции на 10,2 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.).

Советская власть за 15 лет своего существования и за 12 лет работы в «мирных» условиях больше чем утроила выпуск цензовой промышленности, которая в 1931 г. дала продукции на 30,7 млрд. руб., а в 1932 г. даст продукции около 36 млрд. руб.

САСШ в лучшие годы своего процветания поднимали свою промышленную продукцию максимально до 178,0% по сравнению с довоенным производством, а в 1931 г. снова скатились до 124,3%, в то время как СССР в 1931 г. достиг 291,0% по отношению к 1913 г.

Все остальные капиталистические страны в лучшие для них послевоенные годы едва достигали незначительного превышения довоенного уровня, а старая капиталистическая Англия так и не могла подняться до довоенного уровня.

Промышленность Советского союза по темпам развития за период своего пятнадцатилетнего существования далеко опередила все капиталистические страны и показала огромные преимущества по сравнению с капиталистическими системами.

За весьма короткий исторический период — за 15 лет — советская власть в области промышленного развития страны достигла в 3 раза больше, чем за весь предыдущий период развития капитализма в России.

Первые заводы построены в России около 300 лет тому назад. За 300 лет господства дома Романовых над многомиллионным народом, за 300 лет жесточайшей эксплуатации крестьян и рабочих объединенными силами самодержавия и буржуазии была создана промышленность (цензовая) с выпуском продукции в 10 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.), в то время как за 15 лет советская власть больше чем утроила его.

Это поистине титаническая работа. Никакое буржуазное правительство, никакая капиталистическая система не могли бы за 15 лет обеспечить такой колоссальный рост.

При этом обращает на себя внимание особенно большой прирост

массы промышленной продукции за последние пять лет, т. е. за реконструктивный период.

В 1921 г. промышленная продукция выросла на 42%, но в абсолютном выражении это составляло всего 500 млн. руб. Между тем в 1931 г., при 21% роста, абсолютный прирост составил 5,7 млрд., т. е. прирост за год составил 55% всей довоенной продукции. Это значит, что уже в ближайшие годы мы получим ежегодный прирост продукции, равный всей довоенной продукции царской России.

Такой огромный рост промышленной продукции происходит за счет создания по существу новой промышленности страны. Особенный размах промышленное строительство получило в годы осуществления первой пятилетки.

В восстановительный период капитальные вложения были незначительны, и быстрые темпы роста продукции тогда являлись следствием простого ввода в действие старых предприятий с небольшими ремонтами.

За исключением нефтяной промышленности до 1926 г. размер вложений по отраслям был очень ограничен.

Наши многочисленные враги тешили себя долгие годы тем, что советское хозяйство якобы растет лишь в пределах довоенной мощности экспропрированной промышленности.

Однако эта клеветническая версия была опрокинута ростом капиталовложений и промышленной продукции в реконструктивный период. Утроенная довоенная продукция не могла быть получена на старых заводах. Рабочий класс за короткий период создал новую советскую промышленность.

Основные фонды ценовой промышленности, с учетом износа в ценах соответствующих лет, на 1 октября 1928 г. составляли 5 712 млн. руб., а на 1 января 1932 г. — уже 12 713 млн. руб. За три года реконструктивного периода (1929—1931) основные фонды советской промышленности более чем удвоились, составляя 222,6% к 1928 г.

Такие огромные накопления произведены исключительно за счет внутренних ресурсов Советского союза, без какой-либо «помощи» иностранного капитала. Советский союз сумел мобилизовать внутри страны огромные средства для социалистического строительства, Советский союз собственными средствами строит свою экономическую самостоятельность в борьбе против мирового капитала.

Такой колоссальный рост промышленной продукции и основных фондов промышленности является результатом неуклонного проведения генеральной линии партии на форсированную социалистическую индустриализацию страны, на решительное вытеснение и ликвидацию остатков капиталистических элементов в стране, на построение в возможно короткий исторический срок социализма в нашей стране.

Особое всемирно-историческое значение небывалых темпов роста советской промышленности заключается в том, что эта социалистическая промышленность выросла в условиях нэпа, в условиях, когда частнокапиталистическому началу в первый период нэпа была предоставлена в известной мере возможность развиваться. Но, несмотря на это, из 31 млрд. продукции, выпущенной в 1931 г. советской ценовой промышленностью, только на 50 млн. руб. произведено частнокапиталистическим сектором. Все остальное дано социалистическим сектором. В промышленности СССР частный капитал сведен к нулю, и нет для него никаких перспектив.

Социалистическая промышленность не может существовать и развиваться без воздействия на остальные отрасли хозяйства. «За истекшие

годы тяжелая промышленность поставлена твердо на ноги, и тем самым создана база для завершения реконструкции всего народного хозяйства» (из решений XVII партконференции).

Ведущее значение социалистической промышленности заключается в том, что она создает новые условия для роста социализма прежде всего в сельском хозяйстве, что она ведет за собой социалистическую перестройку миллионов крестьянских хозяйств.

На протяжении многих веков крестьянство сохранило большую неподвижность своих форм хозяйствования и техники производства. Капитализм приспособил к себе и подчинил себе крестьянское хозяйство как хозяйство мелкотоварное. Американский фермер с трактором и фордовским автомобилем — это высшая стадия капиталистической перестройки крестьянского хозяйства.

Капитализм привел к небывалому разорению мелких товаропроизводителей. Наряду с капиталистической группой миллионы крестьян превращены в люмпенпролетариев.

Социалистическая система не может развиваться в условиях мирного сожительства и параллельного роста различных социальных секторов в народном хозяйстве.

В этом также принципиальное отличие социалистической системы от капиталистической.

Как показал опыт нашей революции, социализм в неизмеримо малый исторический срок охватывает все отрасли хозяйства, вытесняя, ликвидируя и переделывая старые хозяйственные системы.

Эволюционным буржуазным теориям о мирном сожительстве различных хозяйственных систем нанесен сокрушительный удар. Социалистическая революция кладет начало таким революционным переменам в хозяйстве, которые опрокидывают все буржуазные и социал-соглашательские «законы» развития хозяйственной жизни. Быстрый рост социализма в сельском хозяйстве СССР опрокидывает также теоретические основы правого уклона, являющегося отражением указанных выше эволюционных буржуазных теорий. Тов. Сталин в своем докладе на конференции аграрников-марксистов разбил теорию равновесия социальных секторов и показал, почему рядом с крупной социалистической промышленностью не может существовать продолжительное время мелкое крестьянское хозяйство.

«Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и движется вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и

на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрепить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства»².

Для этого укрупнения сельского хозяйства существуют два пути: капиталистический, который ведет к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве, и социалистический, «состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия»³.

Этот второй путь и есть путь социалистической революции.

Социалистическая промышленность подвела материальную базу под социалистическую перестройку сельского хозяйства. Организация в широком масштабе производства тракторов, комбайнов и других сложных сельскохозяйственных машин, ведущих к механизации сельскохозяйственных производственных процессов, является важнейшим условием роста социализма в сельском хозяйстве. Но одной техники недостаточно. Тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины применяются также в современных помещичьих хозяйствах. Для того чтобы направить развитие крестьянского хозяйства по социалистическому пути, нужен был еще ряд дополнительных условий.

Тов. Сталин в политическом докладе на XVI съезде партии дал исчерпывающий анализ быстрого роста колхозов за последние годы.

«Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется по крайней мере еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашения лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуально крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальными хозяйствами. Подготовлялся он наконец сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 444.

³ Там же, стр. 445.

Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны».

В результате всех указанных условий крестьянство в 1928 г. пришло в движение, принявшее настолько бурные темпы, что к середине 1932 г. уже 80% всей посевной площади охвачено совхозами и колхозами.

В постановлении от 5 июля 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК с полным правом констатируют, что:

«Полная победа в сельском хозяйстве колхозов и совхозов, охвативших в итоге посевной кампании текущего года $\frac{4}{5}$ всей яровой посевной площади, свидетельствует о том, что СССР окончательно утвердился на новом, социалистическом пути. Буржуазная теория возврата СССР к капитализму тем самым окончательно разбита и развезена в прах».

Успехи строительства социализма в СССР за последние годы настолько неоспоримы, что даже среди социал-фашистов под давлением рабочих масс находятся «смельчаки», которые вынуждены признавать успехи в строительстве социализма в СССР.

Писания некоторых социал-фашистов о СССР за последнее время выглядят довольно комично. Вот один «из стаи славных либерданов», «сам» Ф. Дан.

Ф. Дан признает, что реконструкция советского хозяйства пошла «не так, как мы (т. е. меньшевики) ожидали».

«Мы думали, что экономически «реконструкция» будет совершаться преимущественно на частнокапиталистических основаниях в промышленности и торговле и на основах мелкого земледелия в сельском хозяйстве, что социально ее главным носителем будет возрождающаяся городская и сельская буржуазия и что именно поэтому экономический кризис нэпа будет и политическим кризисом большевистской диктатуры».

Так думали меньшевики. Большевиков они ругали утопистами, потому что большевики рассчитывали, делали и строили как раз наоборот. Теперь Ф. Дан вынужден констатировать, что «в действительности получилось иначе. Диктатура стала носительницей реконструкции, т. е. того процесса, который составляет одну из важнейших положительных «задач» великой революции».

Недаром Р. Абрамович следующим образом опровергает еретические признания Дана:

«Из формул Дана конечно совершенно против его воли и желания (еще бы! — Э. К.) можно вычитать историческую санкцию, оправдание задним числом большевизма. Из положений, выставленных ныне Дана, каждый будет иметь право делать вывод, что по признанию самих меньшевиков правыми оказались... большевики. Правда, к социализму еще не пришли, но очень к нему приблизились (?)».

Мы не будем останавливаться на этой семейной распре. Большевики найдут какую-нибудь формулу «постольку — поскольку» и единым фронтом продолжать свою подрывную работу против СССР, против социализма вообще.

Мы хотели лишь привести свидетельство врага о наших успехах.

Социализм из года в год закрепляет свои позиции в СССР, вытесняя другие хозяйственные уклады.

Если при переходе к нэпу вопрос «кто — кого» стоял как серьезная экономическая и политическая проблема, то сейчас он решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма.

Успехи наши бесспорны. Несмотря на трудности, которыми сопровождается коллективизация, и недочеты в работе колхозов, остается бесспорным факт, что на протяжении четырех лет почти $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств Советского союза перешли на рельсы крупного коллективного хозяйства.

Задача состоит теперь в том, чтобы в возможно короткий срок укрепить эти коллективные хозяйства и перекрыть весь урон организационного периода, весь урон, нанесенный сельскому хозяйству в результате отчаянного сопротивления кулацких элементов политике социалистической перестройки крестьянского хозяйства.

Решающее значение имеет самый факт окончательной победы социалистического начала в сельском хозяйстве. Теперь необходимо добиться хозяйственного укрепления десятков тысяч созданных коллективных хозяйств.

Решения партии о колхозной торговле, о снижении плановых заготовок, о запрещении принудительного обобществления скота, о сохранении и развитии конского поголовья, об охране общественной собственности как основе советского строя и революционной законности и ряд других направлены к дальнейшему укреплению хозяйства колхозов, к дальнейшему их росту, к ликвидации ряда перегибов, которые мешали делу укрепления колхозов.

Полная победа социалистического сектора в промышленности и в сельском хозяйстве означает, что СССР уже вступил в период социализма, что построен фундамент социалистической экономики. Это значит, что на деле доказана возможность строительства социализма в СССР, не дожидаясь победы пролетариата в других капиталистических странах.

Это значит, что троцкистская социал-демократическая теория о невозможности строительства социализма в одной стране, о невозможности вовлечения основных крестьянских масс в дело строительства социализма опровергнута уже не только теоретически, но и на деле, ходом социалистического строительства в нашей стране.

Это значит также, что опровергнута жизнью ставка правых на крепкого индивидуального крестьянина, на развитие рыночной стихии, на мирное сожительство с кулаком, на равновесие социальных секторов, на ослабление наступления против капиталистических элементов и т. д.

Это значит, что правильность генеральной линии партии подтверждена ходом социалистического строительства, опытом миллионных масс рабочих и колхозного крестьянства.

Подчеркивая огромные решающие достижения в деле социалистического строительства, мы должны отметить и трудности нашего роста.

Мы вступили в период социализма.

Однако, как отметил т. Сталин, «до построения социалистического общества еще далеко». У нас еще налицо классы и острые формы классовой борьбы. Перед нами стоит задача укрепления диктатуры пролетариата, задача сокрушения сопротивления остатков капиталистических классов. В условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту партия ведет борьбу за стальное единство своих рядов против оппортунизма во всех его видах, против правого оппортунизма — главной опасности на современном этапе.

У нас еще очень сильно сказываются «родимые пятна» капитализма. Социалистическая переделка людей еще только начинается, а между тем вопрос о кадрах, о надлежащем руководстве работой на всех фронтах имеет огромное значение.

Тов. Сталин в ряде своих статей и выступлений, особо выткнуло в речи под названием «Шесть условий», подчеркнул огромное значение руководящих кадров для выполнения наших планов.

«Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план».

Все шесть условий в той или иной форме предъявляют требование: работать и руководить по-новому, конкретно, а не «вообще», чтобы овладеть техникой, чтобы использовать и старых специалистов, повернувшихся к советской власти, и форсировать создание своей производственно-технической интеллигенции, чтобы ликвидировать уравнительку и поднять материально-бытовое положение рабочих и прекратить текучесть, чтобы умелой работой обеспечить систематическое снижение себестоимости и усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения областях промышленности. Мы должны отметить, что эти условия еще не выполнены полностью или выполнены неудовлетворительно, за небольшими исключениями.

Качественные показатели работы промышленности за последнее время неудовлетворительны — вместо снижения себестоимости большинство отраслей дает повышение себестоимости. Задания по росту производительности труда не выполняются, размер накопления по плану и само выполнение производственного плана идет со значительными отставаниями.

Совершенно недостаточно выполняется одно из важнейших условий т. Сталина — правильная организация зарплаты и повышение материально-бытового уровня. Плохо поставлено развитие на предприятиях собственной овощной и других продовольственных баз.

Мероприятия правительства по расширению рыночной продукции широкого потребления тормозятся невыполнением производственных программ.

Сельское хозяйство еще продолжает отставать от социалистической промышленности благодаря недостаточному организационно-хозяйственному укреплению совхозов и колхозов.

Но эти трудности роста имеют временный характер. Они преодолены. Партия уже наметила и осуществляет пути их преодоления. Выполнение шести условий т. Сталина и последних решений ЦК об укреплении колхозов и упорядочении их работы при большевистской устойчивости должны дать быстрые и положительные результаты.

На основе достигнутых успехов XVII партконференция дала основные установки на дальнейшее развитие строительства социализма.

Конференция подчеркнула, что «основной политической задачей на протяжении второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов СССР и классов вообще» и «превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового общества».

Одной из важнейших причин отставания сельского хозяйства является недостаточность его технической базы, слабая механизированность работ даже в совхозах, особенно совхозах технических культур, наиболее трудоемких.

Советскому машиностроению принадлежит ведущая роль в завершении технической реконструкции всего народного хозяйства. Поэтому конференция намечает рост машиностроения в три — три с половиной раза против 1932 г.

Вместе с тем конференция ставит задачу «достигнуть более быстрого подъема благосостояния рабочих и крестьянских масс и решитель-

ного улучшения жилищного и коммунального дела» и увеличить не менее чем в два-три раза обеспечение населения основными потребительскими товарами и предметами питания».

Этот вопрос ЦК партии уже сейчас поставил особенно остро, добиваясь усиления производства предметов широкого потребления. Развертывание этой работы является настоятельно необходимым для обеспечения дальнейшего успешного закрепления наших хозяйственных достижений.

Сентябрьский пленум ЦК ВКП(б) принял важнейшие решения по расширению производства предметов широкого потребления и развертыванию советской торговли, которые направлены к дальнейшему повышению жизненного уровня рабочего класса и колхозных масс. Выполнение этих решений является одной из важнейших задач.

Достигнутые советским хозяйством успехи за 15 лет и блестящие перспективы его роста находятся в резком противоречии с загниванием капиталистического хозяйства.

Кризис небывалой силы уже три года разъедает капиталистическое хозяйство.

В то время как промышленная продукция Советского союза в 1931 г. выросла по сравнению с продукцией 1928 г. в два раза (против 15 млрд. руб. — 31 млрд. руб. в ценах 1926—1927 гг., а в 1932 г. эта продукция составит около 36 млрд. руб.), индекс физического объема промышленной продукции всего капиталистического мира составил в 1931 г. 77 против 1928 г., принятого за 100.

В САСШ индекс 1931 г. составлял 73%, а в марте 1932 г. — 62,5%, в Англии соответственно 82 и 89,2%, в Германии — 69,1 и 55,3, во Франции — 97,6 и 77,2⁴.

Прошло 3 года со времени начала мирового кризиса, и до сих пор не видно никакого улучшения. Наступил конец относительной капиталистической стабилизации. Производство из месяца в месяц сокращается, количество безработных растет, растет и нажим капиталистов на рабочий класс. Во всем мире усиливается безудержный террор против рабочего класса. Буржуазия зашла в тупик и как всегда ищет выхода за счет рабочего класса. Социал-фашисты усердно ей помогают. Однако повсюду нарастают предпосылки революционного кризиса. В капиталистических странах растут силы коммунизма для предстоящих в ближайший период решающих классовых боев.

Советский союз самым фактом своего существования как государство рабочее, как государство, строящее социализм, является революционизирующим фактором огромного значения. Поэтому к 15-летию существования Советского союза рабочие, колхозники, все трудящиеся должны с еще большей энергией налечь на преодоление наших трудностей, на победное строительство развернутого социализма в нашей стране.

⁴ „Народное хозяйство СССР“ № 1—2 за 1932 г.

О НАКОПЛЕНИИ И ПОТРЕБЛЕНИИ В ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ ¹

Социалистическое накопление в промышленности началось уже в первые годы нэпа. Эта задача была во всю ширь поставлена XII съездом ВКП(б), который в резолюции «О промышленности» заявил, что «победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает».

Уже в 1923/24 г. наша государственная промышленность получила 200 млн. руб. прибыли. В дальнейшем эти прибыли росли быстрым темпом. Однако социалистическое накопление в промышленности в смысле применения прибавочного продукта для целей расширенного социалистического воспроизводства значительно превысило собственные прибыли промышленности.

Одним из выражений и опосредствующих звеньев расширенного воспроизводства в промышленности СССР является финансирование вложений в оборотные средства и на капитальное строительство в промышленности.

Динамика этих вложений по отдельным годам представляется в следующем виде:

Вложения в госпромышленность СССР (в млн. руб.)
(финансирование)

Направление средств	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.
I.								
Вложения в капитальное строительство	385	811	1 038	1 315	1 659	3 422	765	5 900
Пополнение оборотных средств ²	801	543	548	1 124	1 364	1 033	1 118	3 870
Амортизационные отчисления	269	324	360	440	480	485	130	650
Платежи в государственный и местный бюджет	147,1	215,8	414,6	447	499	1 280	343,2	824

Каковы были источники этого мощного процесса расширенного воспроизводства в государственно-социалистической промышленности?

Этими источниками были: 1) прибыли самой промышленности, 2) кредитная система (Госбанк преимущественно), 3) государственный бюджет, 4) прочие источники (в том числе в небольшой доле иностранное кредитование).

Роль этих средств может быть иллюстрирована такой таблицей:

¹ Редакция оговаривает ориентировочный характер расчетов автора статьи, правильно выражающих основные тенденции.

² Финансирование пополнения оборотных средств, как увидим ниже, не совпадает с действительным приростом оборотных средств производства и запасов.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.
Общая сумма финансирования промышленности ^в	1 333	1 570	2 061	2 449	3 043	4 993	1 852	9 770
Финансирование за счет собственных средств промышленности (амортизация и прибыль)	697	934	1 060	1 252	1 580	1 975	560	839
За счет бюджета	106	177	48	842	900	1 800	827,5	6 385
За счет кредитной системы	528	295	422,5	469	463	950	435	2 362
Сальдо расчетов промышленности с бюджетом	- 31	- 45	+ 93	+146	+401	1 012	485	5 651

При взгляде на таблицу прежде всего бросается в глаза большая роль собственных средств промышленности, которая вплоть до особого квартала 1930 г. составляет довольно устойчивую величину — стоя примерно на уровне 50%. Остальные 50% покрывались бюджетом, кредитной системой и некоторыми второстепенными источниками.

При этом абсолютные размеры финансирования промышленности кредитной системой за 1926/27—1929/30 гг. не испытывают крупных изменений. 1931 г. дает резкий скачок финансирования промышленности кредитной системой (Госбанком СССР) в связи с выделением промышленности собственных оборотных средств, а также в связи с более усиленным пополнением оборотных средств промышленности вследствие невыполнения плана накопления прибылей. Кредитная система играла крупнейшую роль преимущественно по линии пополнения оборотных средств — приобретение дополнительного сырья, расширение фонда зарплаты и пр. (что представляет составной элемент социалистического накопления).

Обращаясь к роли государственного бюджета, находим, что его роль была двоякая: 1) с одной стороны, он перераспределял средства промышленности, направляя получаемые в бюджет отчисления промышленности (преимущественно легкой), на капитальное строительство — по преимуществу тяжелой индустрии; 2) с другой стороны, он направлял в пользу промышленности дополнительные средства от других отраслей народного хозяйства. Сальдо расчетов промышленности с бюджетом росло и начинает играть крупную роль с 1928/29 г., когда нам удалось в основном разрешить проблему накопления для капитального строительства в тяжелой промышленности.

Роль государственного бюджета была особенно значительной в 1931 г., когда на госбюджет легла задача финансирования капитальных затрат в условиях прорыва по линии прибылей в промышленности.

Финансирование промышленности далеко не совпадает с действительным реальным накоплением (несовпадение преимущественно по линии оборотных средств, где прирост денежных средств переплетается с приростом вещных и оборотных фондов). Мы находим поэтому

^в В общую сумму финансирования входит и сумма отчислений промышленности в госбюджет; вычитывая эту сумму, получаем „чистое“ финансирование.

необходимым рассмотреть дополнительно этот вопрос в следующей таблице:

Накопление в планируемой промышленности и его источники (в млн. руб.)

п	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г. и особый квартал
Капитальные вложения	755	1 074	1 351	1 527	4 187
Прирост оборотных фондов (тов. матер. запасов)	548	228	456	109	1 101
Итого	1 303	1 302	1 707	1 866	5 288
Прибыль	642	647	800	1 217	1 700
Амортизация	340	346	386	417	490
Итого внутри промышленности	982	993	1 186	1 687	2 190
Приток средств в промышленность (3—6) . . .	421	309	521	179	3 098
В том числе:					
а) за счет госбюджета (сальдо расчетов с гос- бюджетом)	-45	+93	+146	+401	1 496
б) за счет кредитной системы	295	422,5	469	463	1 385

Как видим, финансирование расширенного воспроизводства в промышленности далеко не тождественно с действительным накоплением, особенно по линии оборотных средств. Последняя таблица дает более верное представление о действительном притоке материальных средств в промышленность из других отраслей народного хозяйства. Однако и в этой таблице есть элементы условности по линии прибылей (прибыль за предыдущие годы до 1930 г. вычислена за выплатой некоторых налогов). Дополнительные расчеты однако вряд ли могут существенно изменить обрисованное положение.

Итак, сделанный нами вывод об огромной роли внутрипромышленных средств для накопления в промышленности, находит себе полное подтверждение.

Анализ источников социалистического накопления в госпромышленности СССР целиком опровергает троцкистскую теорию «первоначального социалистического накопления» Е. Преображенского, который сводил социалистическое накопление к максимальному обложению крестьянства, рассматривающегося им как колония пролетариата через налоги и цены. Е. Преображенский утверждал, что «чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства... тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию (подчеркнуто мною.— М. Р.) досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем меньше

удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства, тем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний (подчеркнуто мной. — М. Р.), т. е. уменьшить эксплуатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм»⁴.

Подобно тому как первоначальное капиталистическое накопление происходило за счет ограбления крестьян и колоний, подобно этому — согласно Преображенскому — социалистическое накопление должно происходить на основе эксплуатации пролетариатом крестьянства — путем повышения цен, налогов, путем изъятия всего технически возможного, путем изъятия из деревни «больше того что брал царизм». Эта теория непримиримо враждебна марксизму-ленинизму. Она привела бы неизбежно к разрыву союза рабочего класса и среднего крестьянства. Вредность теории Преображенского в том, что вместе с перенесением центра тяжести социалистического накопления на изъятия от крестьянства она сводила к минимуму значение социалистического накопления в промышленности, что противоречило указанию XII съезда ВКП(б) о том, что вопрос о создании прибылей в государственной промышленности «есть вопрос о судьбе советской власти, т. е. о судьбе пролетариата».

«Эксплуатация пролетариатом крестьянства» — таков решающий источник «первоначального социалистического накопления» по Преображенскому. Эта теория, вытекающая из буржуазной теории троцкизма о невозможности построения социализма в СССР, о неизбежности раскола рабочего класса и крестьянства, была разоблачена и отброшена.

Партия вела в вопросах социалистического накопления борьбу на два фронта — борьбу с троцкизмом, выродившимся впоследствии в контрреволюционное течение и ставшим авангардом буржуазии в ее борьбе против СССР, и борьбу с правым оппортунизмом — этой агентурой кулачества.

«Неправильно исходить, — указывал XV съезд ВКП(б), — из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия и ущерб индустриализации страны».

Партия крепко ударила по правым оппортунистам, которые выступали против всякого привлечения средств от крестьянства на цели социалистической индустриализации, выступали против индивидуального обложения кулачества и клеветнически обвиняли партию в «военно-феодальной эксплуатации крестьянства».

Как мы видели выше, средства, которые промышленность получила сверх собственных, шли преимущественно из кредитной системы и государственного бюджета, который путем займов, налогов, а в дальнейшем и дифференцированных цен перераспределял народный доход, направляя эти средства на индустриализацию СССР. В конечном сче-

⁴ „Вестник Комкадемии“, VIII.

те эти средства создавались трудом рабочих и крестьян, которые являются создателями всего общественного богатства в СССР.

Являясь хозяином, совокупным присвоителем общественного продукта, создаваемого в последовательно социалистических предприятиях, рабочий класс делил этот продукт (за вычетом возмещения израсходованных средств производства) между зарплатой, фондом социалистического накопления, а известную часть направлял на покрытие расходов по управлению, школам, больницам и т. д. Распределение этих частей определялось пролетарским государством. Сверх того, подписываясь на займы своего советского государства, рабочий направлял часть и своей зарплаты на дело построения гигантов социалистической индустрии. Как известно, рабочий класс оказал огромную поддержку этим займам, покрывая быстро такие суммы, о реализации которых буржуазия в своих странах не может и мечтать.

Участие крестьянства в деле социалистической индустриализации выразилось в направлении известной части налогов с крестьянства и выручки от займов на цели создания крупной машинной индустрии в СССР. Другая часть налогового обложения крестьянства шла на цели покрытия расходов социально-культурных, по управлению, обороне и т. д.

Пролетарское государство определяло эту долю участия трудящихся деревни, исходя из необходимости сохранения прочного союза рабочего класса со средним крестьянством, укрепления доверия его к рабочему классу и помощи ему в переходе от отсталого мелкого хозяйства к крупному коллективному производству.

За годы первой пятилетки были вложены огромные средства в сельское хозяйство — около 11 млрд. по одному только обобществленному сектору, что далеко превысило то, что раньше, до пятилетки вкладывалось в сельское хозяйство. Эти вложения в совхозы, МТС, колхозы на основе укрепления тяжелой индустрии сыграли большую роль в социально-экономической и технической перестройке деревни. Наконец весьма значительную роль, особенно на предыдущем этапе нэпа, сыграло изъятие средств от городской и деревенской буржуазии, которую мы все более жестко обкладывали, ограничивая ее накопление, вытесняя ее, а затем и ликвидируя.

Определить, сколько именно шло на цели индустриализации от рабочих и крестьян (а также было изъято от буржуазии), — дело очень нелегкое. Трудность в том, что поступления от займов и налогов шли пролетарскому государству на покрытие всех его расходов — по финансированию промышленности, по управлению, культуре, обороне и пр. Если выделить частный сектор и рассмотреть его взаимоотношения с социалистическим сектором: сколько частный сектор давал и сколько получал от государства в виде школ, больниц и т. п., то по данным народнохозяйственного баланса получается сальдо в пользу социалистического сектора: для 1928 г. — примерно в 1,2 млрд. руб., для 1929 г. — около 1,5 млрд. руб., и для 1930 г. — 2 млрд. руб.

Более подробный ответ на этот вопрос возможен лишь после особого исследования. Важно, подводя итоги, подчеркнуть, что линия партии в этом вопросе, линия, которую она неизменно проводила против троцкистов, «леваков», правых оппортунистов, нашла себе блестящее историческое оправдание.

Ход социалистического накопления в СССР ярко продемонстрировал единство и взаимодействие производства, распределения, обмена и потребления при решающей однако роли производства.

Быстрые темпы социалистической индустриализации и социалистического обобществления производства были решающими факторами социалистического накопления. Изменение соотношения экономических укладов в ходе воспроизводства означало и изменение распределения производительных сил и общественного продукта между секторами. Увеличение удельного веса социалистического сектора в народном доходе означало опромное увеличение возможностей накопления. В то же время укрепление позиций социалистического сектора в производстве позволяло пролетарскому государству все более успешно использовать рычаги перераспределения народного дохода в виде налогов, займов и пр.

Будучи обусловлены в конечном счете производством в его исторической определенности, финансы не отражали однако пассивно ход этого производства, а являлись фактором, воздействующим на ход социалистического воспроизводства. Эту роль финансов мы можем ярко проследить на ходе выполнения финансового плана первой пятилетки.

* * *

Анализ внутрипромышленного накопления показывает, что решающую роль в нем играла до сих пор легкая индустрия. Об этом говорит ярко распределение прибылей промышленности между группами «А» и «Б». Это распределение представляется в следующем виде:

Распределение прибылей госпромышленности по группам „А“ и „Б“ (в млн. руб.).

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930 г.	1925/26— 1930 г.
Вся планируемая промышленность .	642	647	800	1 217	1 450	1 700	6 456
В том числе							
по группе „А“	171	179	208	449	500	550	2 057
„ „ „Б“	471	458	592	768	950	1 150	4 399

Как видим, преобладающую роль в прибылях играла гр. «Б», на которую в 1928/29—1931 гг. приходится 68% всех прибылей.

Если сравнить размеры реального накопления в группах «А» и «Б» с размерами их прибылей, то увидим, что прибыли в гр. «Б» далеко превышали ее собственное накопление. Очевидно разница шла в пользу гр. «А». Это видно из следующего (см. табл. на стр. 20).

Итак, приток средств из народного хозяйства в промышленность в годы реконструктивного периода означал приток средств в гр. «А», в тяжелую индустрию.

Источниками накопления были легкая промышленность, сельское хозяйство и государственный бюджет, перераспределявший народный доход, а наибольшая часть внутрипромышленных накоплений приходилась на легкую индустрию.

На совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. т. Сталин, говоря об источниках нашего накопления, указывал: «В чем состоит новое и особенное в развитии нашей промышленности, с точки зрения накопления? В том, что старых источников накопления начинает уже не хватать для дальнейшего разворачивания промышленности, в том, что

Накопление и прибыль в группах „А“ и „Б“

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	
Накопление в основных и в оборотных фондах:				Накопление по календарным годам; прибыли за 1928 и 1929 гг. по хозяйственным годам; накопление в оборотных фондах исключено ст. научным сотрудником ИЭИ т. Путиловым.
В группе „А“	1 417	1 840	3 620	
То же в группе „Б“	198	104	797	
Прибыль в группе „А“	208	449	550	
„ „ „ „Б“	532	768	1 150	
Превышение прибылью в группе „Б“ накопления в ней (4—2)	394	872	353	
Превышение накопления в гр. „А“ над ее прибылью (1—3) (приток средств в гр. „А“)	1 209	1 392	2 470	

необходимо стало быть нащупать новые источники накопления и усилить старые, если мы хотим действительно сохранить и развить большевистские темпы индустриализации...»

Тов. Сталин указывал, что, для того чтобы создать новую, технически вооруженную промышленность на Урале, в Сибири, Казакстане, чтобы создать крупное сельскохозяйственное производство в зерновых, животноводческих и сырьевых районах СССР, создать новую железнодорожную сеть между Востоком и Западом СССР, необходимо, «усиливая и разворачивая старые источники накопления», добиться того, чтобы тяжелая промышленность, и прежде всего ее машиностроительная часть также давали накопления... В этом — выход⁶. Только этим и может быть разрешена проблема источников накопления на современном этапе.

Для решения этой задачи необходимо «уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех, без исключения, отраслях промышленности» (И. Сталин).

Итак, новое в ходе воспроизводства и накопления на современном этапе состоит в том, что мы должны в гораздо большей мере опираться на накопления в тяжелой промышленности. Мы поставили тяжелую индустрию твердо на ноги и решили проблему основного капитала. Мы создали советское машиностроение как одну из важнейших и решающих отраслей тяжелой индустрии. Продукция машиностроения составила в 1931 г. 4,2 млрд. руб., а число рабочих — 764 тыс. чел.

Общее число рабочих в гр. «А» достигло в IV квартале 1931 г. — 2 895 тыс. чел. Советское машиностроение за годы первой пятилетки добилось значительных успехов в деле снижения себестоимости, подойдя вплотную к выполнению намеченного плана. Тяжелая промышленность, в значительной степени работающая на новейшем оборудовании, концентрированная и т. д., может и должна давать накопления в гораздо большей мере, чем это было до сих пор. Это будет играть огромнейшую роль для ее взаимоотношений с другими отраслями народного хозяйства, это позволит усилить роль собственных средств самой гр. «А» для расширения в ней производства, для осуществле-

⁶ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 4-е, 1931 г., стр. 768.

ния капитальных затрат. Несомненно, что и во второй пятилетке расширенное воспроизводство в гр. «А» будет осуществляться в известной мере за счет притока средств извне. Но удельный вес этого притока в общем фонде расширенного воспроизводства тяжелой индустрии будет меньше, а следовательно будет выше удельный вес собственного накопления.

1931 г. дал неблагоприятные показатели по линии себестоимости. Вместо снижения себестоимости по плану в 11% мы имели повышение себестоимости в 7,5. Это сказалось весьма отрицательно на внутрипромышленном накоплении. Если исходить из себестоимости товарной продукции промышленности ВСНХ в 1931 г. в 13,5 млрд. руб. (без новых видов продукции), то каждый процент снижения себестоимости означает экономию, получение средств для накопления в 135 млн. руб. Недовыполнение плана снижения себестоимости в 1931 г. означало недополучение, прямую потерю для промышленности ВСНХ около 1 млрд. руб.

1931 г. поставил со всей остротой проблему качественных показателей и обусловленную ею проблему внутрипромышленного накопления. Выполнение шести исторических условий т. Сталина, неразрывной частью которых является укрепление хозрасчета и борьба за усиление накопления во всех отраслях промышленности, и в частности и в особенности в машиностроении, должно восстановить роль внутрипромышленного накопления.

Итак, социалистическое накопление находилось и находится в решающей для него связи с количественным и качественным ростом социалистического производства. Борьба пролетариата за выполнение и перевыполнение плана производства была первостепенным фактором борьбы за создание источников и осуществление социалистического накопления. При выполнении важнейших количественных наметок плана мы имели недовыполнение качественных показателей. Решающее значение приобретает осуществление плана производства и накопления на основе овладения техникой производства, роста производительности труда, снижения себестоимости, жесткого проведения режима экономии, повышения урожайности и т. д. Это требует мобилизации революционных сил пролетариата на основе усиления соцсоревнования и движения за хозрасчетные бригады, усиления массовой политической работы, особенно среди новых слоев пролетариата, борьбы за улучшение быта и культурного уровня и т. д.

Взаимодействие производства, обмена и распределения в их исторической определенности (социалистическое производство, советская торговля, деньги как орудие, используемое социалистическим сектором в борьбе с капитализмом, советский кредит и налоги) определяет огромное значение развертывания советской торговли, проведения принципа хозрасчета, укрепления денег, советского кредита и финансов как мощного фактора и орудия социалистического накопления. Выполнение плана производства и накопления тесно связано и взаимно обусловлено с выполнением плана развертывания товарооборота, выполнением плана по линии государственного и местного бюджета и т. д.

Борьба за выполнение плана социалистического накопления — есть один из важнейших участков классовой борьбы пролетариата за построение социалистического общества в СССР. Эта борьба не может идти «плавно», без трудностей, без непримиримой классовой борьбы.

Преодоление трудностей по линии социалистического накопления возможно лишь на основе развернутого социалистического наступления, большевистских темпов развертывания производства, на основе напряжения всей революционной энергии рабочего класса и самой непримиримой борьбы с оппортунизмом во всех его видах, с правым оппортунизмом, являющимся главной опасностью на современном этапе, проповедующим «плавность» развития, ослабление наступления, затухание классовой борьбы, а также борьбы с контрреволюционным троцкизмом, ставшим передовым отрядом буржуазии в ее борьбе с СССР.

* * *

При анализе проблемы накопления и потребления следует учитывать, что соотношение производства и потребления складывается своеобразно, различно в различных экономических системах.

В условиях капитализма рабочий класс является по существу принадлежностью капитала и потребляет лишь постольку, поскольку это диктуется интересами капитала, потребляет лишь столько, чтобы суметь произвести прибавочную стоимость, но не больше этого.

Капиталистическое накопление, создавая все большую резервную армию, увеличивая норму эксплуатации и т. д., ведет к абсолютному и относительному ухудшению положения рабочего класса. В капиталистическом строе, как подчеркивал Ленин, потребление идет за производством. Рабочий производит лишь тогда, когда он производит обильную прибавочную стоимость и только под этим условием.

Поэтому во времена кризиса перепроизводства, когда производство становится убыточным или хотя бы менее выгодным, капитал безжалостно выгоняет на улицу миллионы рабочих, обрекая их на форменный голод и холод.

Для капитализма характерно противоречие между огромным ростом производительных сил и крайне слабым ростом, а чаще всего и уменьшением потребления широких народных масс. «Это развитие производительных сил общества без соответствующего развития потребления есть конечно противоречие, именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма...»⁶.

Иначе обстоит дело в СССР. Здесь цель, которую себе ставит рабочий класс — построение социалистического общества, не находится в противоречии с задачей улучшения его положения, а, наоборот, ведет ко все большему улучшению материального положения рабочего класса и трудящихся.

В СССР социалистическое накопление сопровождается ростом общего фонда потребления рабочего класса и ростом потребления каждого рабочего. Это вытекает из самой природы нашей советской системы. Расширенное воспроизводство увеличивает размер валовой и чистой продукции, хозяином которой является пролетариат. Пролетариат делит чистую продукцию на фонд индивидуального потребления рабочих (зарплата), фонд покрытия общегосударственных нужд и фонд накопления. В условиях СССР вполне осуществим одновременный рост фонда потребления и фонда накопления, поскольку растет размер производства и производительности труда. В этом — огромное преимущество нашей советской системы. Как раз это отрицалось

Е. Преображенским, который в своей книге «Новая экономика» указывает:

«С момента своей победы рабочий класс из объекта эксплуатации превращается также и в субъект ее. Он не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям так же, как относился к ним капиталист. В этом заключается определенная преграда для темпов социалистического накопления, преграда, которой не знала капиталистическая промышленность в первый период ее развития»⁷.

Из теории Преображенского вытекают два вывода: 1) возможности социалистического накопления в СССР не больше, а скорее меньше, чем при капитализме; 2) если же фактически это накопление идет, то оно идет за счет ухудшения положения рабочего класса. Оба эти вывода совершенно ложны. Тов. Преображенский упустил из виду основное, а именно — социалистическую природу нашей промышленности. Здесь при росте чистой продукции возможен одновременный рост и фонда накопления и фонда потребления. Мы имеем единство и взаимосвязанность накопления и потребления. Развертывание социалистического накопления сопровождалось и ростом потребления. И в то же время мы имеем относительную противоречивость этих моментов, но отнюдь не их антагонизм, как при капитализме. Решающую роль в обеспечении одновременного роста накопления и потребления играет рост производительной силы труда, который увеличивает массу потребительных стоимостей, производимых в то же рабочее время. Действительность полностью опровергла троцкистскую теорию Преображенского.

Увеличение удельного веса фонда накопления в народном доходе СССР вовсе не означало ни падения фонда потребления, ни задержки его роста. Оно совместимо и фактически сопровождалось абсолютным ростом фонда потребления и ростом душевого потребления трудящихся. Прирост народного дохода за данный год делился на две части: одна шла на цели накопления, другая — на цели расширения потребления.

Поскольку накопление включает в известной мере индивидуальное потребление (потребление дополнительных рабочих, втянутых в действующие предприятия, и потребление строителей новых предприятий и производителей сверх израсходованного оборудования), это накопление упиралось непосредственно в ресурсы потребления и переплеталось с потреблением.

По данным народнохозяйственного баланса фонд непродовственного потребления определяется для 1928 г. в 21 306 млн. руб., для 1929 г. — 24 219 млн. руб.; для 1930 г. — 28 463 млн. руб., в то же время фонд накопления составил за те же годы: 5 137, 5 917 и 9 870 млн. руб. Как видим, фонд индивидуального потребления дает значительные абсолютные и относительные приросты, значительно обгоняющие приросты населения.

Но эти общие размеры фонда потребления еще не дают ответа на вопрос о потреблении отдельных классов, и прежде всего — рабочего класса.

Потребление рабочего класса СССР складывалось в зависимости от уровня производительных сил и от тех общеклассовых задач, которые стояли в данный период перед пролетариатом. В годы военного коммунизма, в обстановке осажденного лагеря стояла задача спасти

⁷ „Новая экономика“, изд. 2-е, стр. 136.

рабочий класс от голодной смерти. Средством для этого могла служить только политика продрозверстки.

С введением нэпа встал задача во что бы то ни стало быстро поднять резко упавшее потребление — зарплата в первые два года поднималась вне строгой зависимости от роста производительной силы труда. Эта временная мера не могла быть продолжительной. Уже с 1924 г. зарплата приводится в соответствие с ростом производительности труда, который в дальнейшем предшествует росту зарплаты. Только такой порядок мог обеспечить источник дальнейшего роста зарплаты и роста потребления. К началу реконструктивного периода пролетариат СССР на основе достижений в области социалистического производства добился крупнейших сдвигов в области потребления. Эти сдвиги иллюстрируются такими данными:

Суточное питание рабочих в калориях и основных питательных началах в среднем на 1 взрослого едока по данным девяти их обследований и бюджетным обследованиям рабочих СССР в 1927/28 г. (ноябрьское обследование)

	Годы	Калории			Белки		
		раст.	жи- вотн.	всего	раст.	жи- вотн.	всего
Петерб. текст. семейн. рабочий	1908	740,2	514,5	3 255,4	78,83	37,70	111,53
Бакинск. русск. семейн. рабочий	1911	2 932,2	409,1	3 341,3	72,84	39,53	112,37
Богородский уезд	1909	2 755,9	151,5	2 907,4	62,96	10,47	73,43
Середа	1910	2 850,5	185,5	3 036,0	68,00	14,58	82,58
По СССР	1927/28 г.	3 295,1	611,4	3 906,5	81,32	45,81	127,13

	Годы	Жиры			Углеводы		
		раст.	жи- вотн.	всего	раст.	жи- вотн.	всего
Петерб. текст. семейн. рабочий	1908	16,62	36,26	52,88	—	—	562,39
Бакинск. русск. семейн. рабочий	1911	16,12	14,65	30,77	—	—	593,10
Богородский уезд	1909	47,40	7,52	54,92	—	—	504,79
Середа	1910	29,00	9,56	38,56	—	—	562,50
По СССР	1927/28 г.	26,08	42,10	68,12	663,20	7,76	670,96

Как видим, и количественно и качественно питание рабочих СССР уже в 1927/28 г. было значительно выше довоенного.

В отношении трудящихся деревни достижения в области потребления были также значительными. Это видно из таких данных (см. табл. на стр. 25).

Как видим, по всем особо ценным продуктам питания довоенное потребление превзойдено в значительной мере.

При этом следует учесть, что довоенная средняя норма потребления скрывает за собою полуголодание бедняка, скудное питание середняка и обильное питание кулака. При сравнении норм питания 1928/29 г. с довоенными нормами питания бедняка и середняка разница была бы еще большей. Социально-классовая дифференциация в потреблении

Формы душевого потребления продуктов питания с.-х. населения до войны и в 1928/29 г. по (испытанным данным (в кг)

Наименование продуктов	До войны	1928/29 г.		
	среднедушевая	полупролетариат и пролетариат	средняя кооперация	среднедушевая с.-х. населения
Мука ржаная	155,2	92,36	94,74	75,05
„ пшеничная	47,8	60,35	71,51	77,95
Прочие хлебные	45,76	39,60	38,37	42,68
Картофель	128,16	149,69	154,51	138,46
Овощи и фрукты	49,76	78,16	92,94	90,72
Масло растительное	2,08	2,03	2,27	2,18
Сахар	3,04	—	—	4,5
Мясо, сало	18,1	15,22	22,80	21,30
Масло коровье	1,12	0,87	1,32	1,25
Яйца	1,98	—	1,96	1,96
Молоко и молочные	149,0	135,48	183,71	161,51

была значительно уменьшена, но не уничтожена. Наличие на предыдущем этапе классового расслоения в деревне сказывалось и на потреблении. Так, среднедушевое потребление зажиточно-кулацкой верхушки было выше потребления пролетарской и бедняцкой группы: по пшеничному хлебу — в 1,8 раза, по фруктам и ягодам — в 2,62 раза, по мясу и салу — в 2,1 раза, по коровьему маслу — в 2,3 раза и т. д.

Большие достижения в области потребления рабочего класса, а также и трудящихся деревни нельзя было считать прочно закрепленным, а тем более нельзя было считать обеспеченным их дальнейший рост. В соотношении производства и потребления решающим является производство. Противоречия в области производства скрывали большие опасности и в области потребления.

С окончанием восстановительного периода основным вопросом строительства социализма стал вопрос о быстрых темпах индустриализации СССР. Без этого дальнейшее движение к социализму было невозможно. Без этого нельзя было решить вопрос «кто — кого» в пользу социализма. Без этого нельзя было подготовить условий для переделки на социалистический лад миллионов мелкотоварных крестьянских хозяйств, нельзя было уничтожить противоречия между промышленностью, развивающейся по принципу расширенного воспроизводства, и миллионами простых товарных хозяйств, не только не осуществляющих расширенного, но часто не имеющих и простого воспроизводства. А это противоречие стояло препятствием и на пути дальнейшего роста потребления рабочих и трудящихся масс.

Потребление в годы первой пятилетки складывалось в условиях разрешения этих коренных задач поступательного хода строительства социализма в СССР и отразило трудности технической реконструкции промышленности и социально-экономической и технической реконструкции сельского хозяйства в условиях обостренной классовой борьбы и бешеного сопротивления классовых врагов.

Быстрые темпы социалистической индустриализации и огромный разворот капитального строительства сопровождались бурным ростом рядов рабочего класса.

За годы пятилетки численность пролетариата увеличилась с 9 545 тыс. чел. в 1928 г. до 17 324 тыс. в 1932 г. или почти на 8 млн.

чел., не считая 1,5 млн. рабочих в совхозах, а численность рабочего класса по одной только промышленности, строительству и транспорту увеличилась на 4 млн. чел. Вместе с тем средняя месячная зарплата одного рабочего увеличилась с 74 р. 25 к. в 1928/29 г. до 96 руб. в 1931 г. и до 107 р. 90 к. в 1932 г. (по плану). Зарплата 1932 г. превышает зарплату 1927 г. на 60%.

В итоге роста числа рабочих и средней зарплаты увеличился фонд зарплаты рабочего с 8,1 млрд. руб. в 1928 г. до 25,1 млрд. руб. в 1932 г. (по плану).

Этот рост фонда зарплаты означал огромный рост спроса рабочего класса на средства потребления. Следует иметь в виду, что например в 1930 г. 53% всего потребления приходилось на продукты питания.

Удовлетворение быстро растущего спроса со стороны рабочего класса на предметы потребления требовало быстрых темпов роста с.-х. продукции — средств питания и с.-х. сырья.

Между тем в сельском хозяйстве к началу пятилетки преобладало малопроизводительное, мелкотоварное хозяйство с ничтожной товарной продукцией.

Такова была первая наибольшая трудность. С другой стороны, трудность строительства таких гигантов, как Днепрострой, Магнитогорск и пр., состоит в том, что на весь неизбежно довольно длительный период строительства необходимо изымать из народного хозяйства средства производства (металл, цемент, кирпич и пр.) и средства потребления.

Эти предприятия начинают давать продукцию — металл, электроэнергию и т. п. — только после того как они войдут в эксплуатацию. Именно поэтому строительство таких предприятий создает известное напряжение по линии строительного баланса, а также по линии средств потребления. Отказаться от такого напряжения значило бы отказаться от создания материальной базы социализма.

Находясь в тесном взаимодействии и даже в известной мере переплетаясь, накопление и потребление представляют однако единство противоположностей.

XV съезд ВКП(б) так определил соотношение накопления и потребления:

«В области соотношения между производством и потреблением необходимо иметь в виду, что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как это требует оппозиция теперь), ибо это — неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления. Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» (из резолюции XV съезда ВКП(б) о директивах к составлению пятилетнего плана).

Относительная противоречивость накопления и потребления сказывалась довольно остро в первую пятилетку, поскольку именно на эти годы пришлось выполнение задачи построения фундамента социалистической экономики, создания собственной базы технической реконструкции.

Основная трудность лежала именно по линии недостаточно быстрых темпов роста сельского хозяйства вследствие преобладания в нем мелкого производства.

Итак, стояла задача развернуть мощными темпами капитальное строительство и в то же время обеспечить средствами потребления бурнорастущие ряды рабочего класса. Решение этой труднейшей задачи было возможно лишь на путях развернутого социалистического наступления путем развертывания высоких темпов индустриализации и только на них. Предложения правых оппортунистов равняться на узкие места, не развертывать быстрыми темпами индустриализацию означали фактически капитуляцию перед капитализмом, перед кулачеством. Партия, разоблачив капитулянтскую линию правых, решала эти задачи усилением темпов развертывания индустрии и капитального строительства, проведением социалистической перестройки мелкокрестьянских хозяйств, переходом от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса.

Коренная ломка старого, векового уклада в сельском хозяйстве не могла пройти без известных издержек. Она сопровождалась бешеным сопротивлением ликвидируемого как класс кулачества. Процесс обостренной классовой борьбы с особой силой отразился на развитии животноводства, которое потерпело значительный урон. Именно в этой области мы имели наибольшие трудности.

Трудности в области потребления были трудностями классовой борьбы пролетариата за построение фундамента социалистической экономики, за создание собственной базы крупной машинной индустрии, за социалистическую переделку деревни. Классовый враг оказывал бешеное сопротивление, идя на все для подрыва дела пролетариата.

Трудности эти усугублялись оппортунизмом отдельных работников, ставкой на самотек, плохой организацией труда, недостаточным развертыванием товарооборота, а то и его замораживанием, и т. д. Плохая организация производства приводила к невыполнению планов производства рядов предприятий, затягиванию капитального строительства, непоступлению во время продукции. Замораживание товарооборота, механическое распределение товаров, без учета потребностей потребителей данных районов, вместо развертывания советской торговли, медлительность в развертывании децентрализованных заготовок, неумение использовать внутренние ресурсы — все это сказывалось отрицательно на росте потребления рабочего класса. Партия давала беспощадный отпор этим героям самотека и «механического распределения», развертывая борьбу за использование всех возможностей, за революционное превращение этих возможностей в действительность.

Как велики возможности, лежащие в самом производстве для ослабления связанного с быстрыми темпами капитального строительства напряжения в отношении средств производства и потребления, мы хотели бы показать на таком примере. Известно, что чем меньше сроки строительства крупных предприятий (а для этого нужна их максимальная концентрация на определенном числе объектов), тем на меньший срок должны изыматься из народного хозяйства средства производства и потребления.

Предположим (мы сознательно допускаем известную условность и схематизацию), что годовая продукция новых предприятий составляет половину стоимости постройки этих предприятий. В таком случае при ежегодно растущих, скажем на 20%, капитальных затратах, при

среднем сроке строительства в 3 года и при капитальных затратах первого года в 1 млрд. руб. необходимо направить на строительство в течение первых 3 лет 3 640 млн. руб., не получая в течение этих трех лет продукции от новых предприятий. Только в четвертом году будет получена продукция в 500 млн. руб. от предприятий, вошедших в действие с четвертого года; 600 млн. руб. с предприятий, вступивших в действие с пятого года, а всего в пятом году 1 100 млн. руб. и т. д.

Напряжение в смысле наличия и потребности в товарах будет ослабевать при взятых предпосылках с четвертого года и исчезает только в восьмом году. Иначе сложится положение при двухлетнем среднем сроке строительства. Здесь напряжение на рынке начнет ослабевать уже в третьем году и исчезнет в четвертом году (см. таблицу).

	Положение при трехлетнем сроке строительства			Положение при двухлетнем сроке строительства		
	общая сумма затрат на строительство	снятие с рынка товаров	продукция новых предприятий	общая сумма затрат на строительство	снятие с рынка товаров	продукция новых предприятий
1 год	1 000	1 000	—	1 000	1 000	—
2 "	1 200	1 200	—	1 200	1 200	—
3 "	1 440	1 440	—	1 440	940	500
4 "	1 728	2 223	500	1 728	628	1 100
5 "	2 074	974	1 100	2 074	254	1 820
6 "	2 497	677	1 820	2 497	187	2 684
7 "	2 997	377	2 694	—	—	—
8 "	3 593	128	3 721	—	—	—

Очевидно, чем короче период строительства и ввода в эксплуатацию новых предприятий, тем меньше трудности капитального строительства.

Можно было бы проиллюстрировать и огромное значение быстроты оборота в советской торговле для развертывания самого производства и т. п. На этих примерах мы легко убеждаемся, как качество работы переходит в количество продукции, как велики возможности, имеющиеся в нашем распоряжении. Трудности в области потребления неизбежны, как трудности классовой борьбы, как трудности построения социализма в стране, впервые взявшей на себя эту задачу. Но глубина этих трудностей и сроки их преодоления зависят в решающей мере от нас, от выполнения плана производства, товарооборота, от использования местных ресурсов и т. д. Несмотря на эти трудности, классовая политика в потреблении обеспечила в годы пятилетки весьма значительный рост фонда потребления рабочего класса при росте физического объема потребления каждого рабочего и члена его семьи. Орудиями этой классовой политики являются выделение основных масс рабочего класса в особые списки, развертывание общественного питания, развертывание децентрализованных заготовок и советской торговли.

При учете потребления рабочего класса в годы пятилетки весьма важно иметь в виду, что за годы пятилетки в ряды рабочего класса влилось около 8 млн. новых рабочих (кроме рабочих совхозов), из которых около 6,5—7 млн. пришли из деревни. Эти миллионы трудящихся, перейдя к более производительному индустриальному труду, вместе

с тем приобщались и к более высокому уровню потребления как в отношении продуктов питания, так и в отношении потребления одежды, обуви и т. д. Для этих 7 млн. трудящихся, а также для 1,5 млн. новых рабочих совхозов переход к потреблению рабочего означает уничтожение той разницы в потреблении, которая существовала и еще существует между потреблением рабочих и крестьян.

Следует иметь в виду, что труд рабочего вследствие более высокой техники, а также и квалификации рабочего индустрии, значительно производительнее, чем труд в сельском хозяйстве. Чистая продукция («вновь оозданная стоимость»), создаваемая рабочим в промышленности, гораздо выше чистой продукции, создаваемой крестьянином за тот же период труда. Это видно хотя бы из того, что например в 1930 г. 4 млн. рабочих в цензвой промышленности СССР создали 11 млрд. руб. чистой продукции, а чистая продукция сельского хозяйства, где число работников гораздо больше, составила в том же году 10,3 млрд. руб. (в ценах 1928 г.).

Отсюда и в условиях СССР неизбежность разницы в потреблении рабочего и крестьянина, которая будет существовать до тех пор, пока не будут уничтожены классы и противоположность между городом и деревней.

Поскольку рабочий больше производит, получается такое положение, что он, с одной стороны, больше потребляет, с другой стороны, прибавочный продукт, созданный рабочим, присваиваемый совокупно рабочим классом и направляемый на цели социалистического накопления, гораздо больше, чем та часть чистой продукции, которую создает крестьянин и которая может идти на цели расширения его хозяйства, а также и на покрытие части государственных расходов и социалистическое накопление. Крестьянин меньше производит, меньше потребляет и меньше может отдавать на цели накопления. Как подчеркивал т. Сталин, мелкое товарное хозяйство не только не осуществляет в своей массе расширенного воспроизводства, но часто не имеет и простого воспроизводства.

В 1929 г. среднедушевое потребление рабочего класса превышало среднедушевое потребление середняцкого хозяйства: по пшеничному хлебу на 40%, мясу на 115%, по сахару на 240%, по маслу на 80%, уступая по овощам, молоку (вдвое меньше) и некоторым другим. Потребление промтоваров на душу с.-х. населения составило в 1928 г. 25 р. 67 к., а городского населения — 93 р. 44 к., т. е. в 3,4 раза больше.

В 1930 г. рабочий приобрел тканей и изделий из них на душу в 1,5 раза больше, чем с.-х. население, обуви — в 2,6 раза больше.

Приведенные данные показывают, что, если судить лишь по росту средних норм душевого потребления рабочего класса за годы пятилетки, годы быстрого роста численности рабочего класса, мы преуменьшаем действительный рост потребления рабочих СССР.

При большом росте фонда потребления рабочего класса и при общем росте физического объема потребления каждого рабочего этот рост неоднородно распределяется между отдельными продуктами потребления.

При росте среднедушевого потребления рабочего класса по таким статьям, как хлеб (на 16% в 1931 г. по сравнению с 1928 г.), крупа (35%), овощи (в 2,1 раза), рыба (увеличение с 9,5 в 1928 г. до 20,2 кг в 1931 г.), сахар (увеличение с 16,5 до 20,1 кг.), кондитерские изделия (с 1,8 до 3,9 кг.), мы имели некоторое понижение потребления по мясу и молочным продуктам. В общем калорийность среднедушевого питания уве-

личилась. Следует также иметь в виду, что среднедушевые нормы потребления смазывают известные различия в потреблении отдельных частей рабочего класса в зависимости от значения производства, квалификации и т. д. Огромную роль сыграло выделение основных слоев рабочего класса в особые списки с повышенным снабжением. Если взять особый список снабжения, то здесь нормы потребления значительно выше, чем среднедушевые, и показывают рост потребления за годы пятилетки и по таким статьям, как например коровье масло и т. п.

Было бы неправильно сводить положение рабочего класса к нормам потребления средств питания. Расходы на питание составляют лишь 53—54% бюджета. Остальное приходится на одежду, обувь, жилище, культурные нужды и пр.

«Нынешний рабочий, наш советский рабочий,— говорил т. Сталин,— хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилища, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия»⁸.

Новый социалистический строй производства создает и новые потребности. Перестраиваются не только отношения производства и производственный аппарат, но изменяется и сам рабочий, становясь в своей самой широкой массе сознательным, активным строителем социализма. Потребность в культурном жилище, в газете, журнале, книге, кино, радио, театре, домах отдыха и т. д. становится такой же настоятельной, как и потребность в хлебе, мясе и т. д.

Эти новые потребности играют все большую роль в бюджете рабочего, и роль их будет возрастать по мере дальнейшего подъема материального положения. Затем, все большую роль играют новые формы организации потребления, как например общественное питание. Общественное питание охватывает все большую часть рабочего потребления, освобождая женщину от изнурительного и отупляющего труда на кухне, предоставляя всем трудоспособным возможность участия в производительном труде, возможность активного участия в строительстве социалистического общества. Сюда же относятся ясли, детские сады, коммунальные прачечные и т. д. Производство в своем развитии должно учесть эти новые формы потребления, требующие постройки столовых, фабрик-кухонь, механических прачечных и т. д. Эти новые формы потребления — формы, меняющие и его содержание — должны оказать большое влияние на производство, создавая на наших глазах новые отрасли производства, и одновременно предоставляющие в распоряжение социалистического общества дополнительную рабочую силу в виде освобождающихся домашних хозяек.

Наконец при характеристике положения рабочего класса поистине огромную роль играют такие факты, как ликвидация безработицы, сокращение рабочего дня и т. д.

Статистика труда определяет для весны 1932 г. увеличение реальной заработной платы рабочего класса на 86,6% по сравнению с довоенной. Безработица ликвидирована полностью еще в 1930 г. Число зарабатывающих работников в семье увеличилось с 1,45 в 1928/29 г. до 1,51 работника в 1931 г. при некотором уменьшении численности семьи. А это означало увеличение денежного дохода всей рабочей семьи. Этот доход увеличился с 1 396 в 1928/29 г. до 1 957 руб. в 1931 г. Кроме того

⁸ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 590—591.

на каждую душу рабочего населения приходилось в виде денежных получений по линии соцстраха, стипендий учащимся, рабочим, оплаты отпусков и пр. в 1928/29 г. 62 р. 30 к., а в 1932 г.— 57 р. 21 к. Наконец натуральная часть так называемой социализированной зарплаты (культобслуживание, медпомощь, ФУБР и пр.) составляла в 1928/29 г. 47 р. 50 к., а в 1932 г.— 101 р. 87 к.

За годы первой пятилетки значительно улучшились условия труда. К весне 1932 г. 83% рабочих, занятых в промышленности, переведены на семичасовой рабочий день (до войны рабочий день составлял 9,6 часа). Бюджет социального страхования увеличился до 2,5 млрд. руб. в 1931 г. против 1 950 млн. руб., намечавшихся на последний год пятилетки. Улучшение условий труда и благосостояния рабочего класса имело своим результатом значительное снижение заболеваемости и резкое сокращение смертности. С 1924/25 до 1929 г. смертность на 1 000 застрахованных сократилась с 6,0 до 4,3 чел.— почти на 30%.

При учете положения рабочего класса следует иметь в виду все эти моменты. Например такое обстоятельство, как большое развертывание рабочего жилищного строительства (за 1928—1931 гг. выстроены 30 млн. кв. м, куда вселены миллионы рабочих семей), не может не учитываться полностью при оценке потребления рабочего класса. Жилище в потреблении рабочего играет огромную роль: германский рабочий тратит на жилище около четверти всего бюджета и вынужден при этом ютиться большей частью в одной комнате с семьей (не говоря о безработных, которые сотнями тысяч живут в шалашах); в бюджете рабочих СССР расход на жилище составляет всего 7%, при этом его жилищные условия гораздо лучше.

* * *

Весьма значительные сдвиги произошли в потреблении трудящихся деревни в связи с осуществлением в основных районах сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Решающим в этом отношении являются коллективизация $\frac{2}{3}$ крестьянских хозяйств, организация больше 2 тыс. МТС и ликвидация в основном кулачества как класса. «Мы подорвали в корне расслоение в деревне, стало быть преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город. Наконец мы снабдили деревню десятками тысяч тракторов и с.-х. машин, разбили кулака, организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Теперь деревню уже нельзя назвать мачехой для крестьянина»⁹.

Огромные массы мелких, мельчайших товаропроизводителей — бедняков, войдя в колхозы и наладив крупное коллективное производство, вместе с тем ликвидируют свой низкий уровень потребления. Миллионы мелких товаропроизводителей, середняков, не имея возможности применить новейшие производительные силы — сложные машины, тракторы и пр., были обречены на чрезмерный труд при отсутствии расширенного воспроизводства, а с ним и возможности расширения потребления; войдя в колхозы, они получают возможность быстрых темпов расширенного воспроизводства и на этой базе возможность быстрого роста потребления и ликвидации отставания в потреблении от города.

Следует иметь в виду, что непременным условием реализации огромных возможностей роста потребления колхозников является организационно-хозяйственное укрепление колхозов на

⁹ И. Сталин, Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства, „Правда“ от 4 июля 1931 г.

основе правильной организации труда, повышения урожайности, удойности, своевременной и полной уборки, несприкосновенности колхозной собственности, строгой и сознательной трудовой дисциплины, распределения продукции по количеству и качеству труда, одним словом, только на основе расширенного воспроизводства будет обеспечен систематический и быстрый рост потребления в колхозах.

Имеющиеся данные показывают значительное превышение доходов колхозников по сравнению с единоличниками. Это видно из такой таблички:

Доход колхозников и единоличников на 1 хозяйство в 1930 г. (в рублях) ¹⁰

	Колхозники			Единоличники		
	Бедняки	Средняки	Выше среднего	Бедняки	Средняки	Выше среднего
Сев. Кавказ	487,3	755,5	998,5	154,5	385,9	309,9
Башкирская ССР	401,2	681,2	703,9	187,1	397,5	577,2
Ленинградская область	658,4	967,0	1 195,7	231,7	559,1	804,5
Западная область	410,9	560,4	587,3	146,1	292,2	729,9
Иваново-помышлененная область	763,8	1008,6	1 110,7	346,7	875,0	887,6

Как видим переход к колхозному производству поднял доход крестьянина и бедняка и середняка. При этом значительно уменьшилась разница в доходе бедняка и середняка. Если среди единоличников, например, по Северному Кавказу доход бедняка составлял всего 40% от дохода середняка, то среди колхозников доход бедняцкого хозяйства в 1930 г. составлял уже 64,5% от середняцкого и т. д.

Имеющиеся материалы о потреблении с.-х. населения в годы первой пятилетки говорят о росте среднедушевых норм потребления. Для бывшей бедноты и середняков этот рост выше роста среднедушевых норм потребления, ибо вместе с ликвидацией кулачества как класса ликвидировано и его гораздо более высокое потребление. По промыслам имеющиеся материалы показывают рост среднедушевого потребления с.-х. населением в 1930 г. по сравнению с 1928 г. на 31%, в том числе по готовым изделиям из тканей — на 140%, по шерстяным тканям (включая изделия) — на 74%, по обуви — на 38%, всего по одежде и обуви на 35%, по мебели — на 44%, по посуде и утвари — на 28% при уменьшении по хлопчатке — на 15% и по хозяйственному мылу — на 18%.

Что касается сравнения потребления колхозников и единоличников, то имеющиеся материалы показывают, что потребление колхозников выше, чем у единоличников. Так, по Сибирскому краю годовая душевая норма питания составляла по коммунам: пшеничной муки — 201 кг, ржаной — 12,7 кг, мясных продуктов — 25,4 кг, молока — 128, масла коровьего — 1,8, яиц — 22 и т. д. Те же цифры для единоличников: 161; 37; 22,5; 1,4; 55.

Мы находимся лишь в самом начале превращения в действительность огромных возможностей роста производства и потребления, создавшихся одновременно с ростом в нашей стране крупного социалистического типа сельского хозяйства. Вместе с превращением с.-х. труда в отрасль труда индустриального уже во втором пятилетии должны быть сделаны решающие шаги в деле ликвидации разницы в потреблении трудящихся города и деревни. В первом пятилетии в

¹⁰ „Основные проблемы распределения в колхозах“, стр. 114, 115.

этом направлении созданы решающие предпосылки и сделаны известные, довольно существенные, шаги.

К середине 1930 г. довоенная зарплата была превышена на 70%; в итоге четырех лет пятилетки реальная зарплата составит 190% с лишним от довоенной.

Пятилетний план намечал увеличение реальной зарплаты до 210% от довоенной при росте производительности труда на 110%, росте номинальной зарплаты на 50% и снижении цен на средства потребления. Как видно, мы несколько отстаем по этой линии от задания пятилетки. Причинами этого являются:

1) трудности в области животноводства, тормозившие намеченный рост потребления по этой линии;

2) невыполнение качественных показателей и прежде всего плана повышения производительности труда; задание по этой линии выполняется лишь на 40%.

3) невыполнение плана снижения цен и недостатки в организации товарооборота, недостаточное развертывание местных заготовок и т. п.

Несмотря на огромные трудности, на бешеное сопротивление классового врага, рост материального уровня за годы пятилетки весьма значителен. Ни в одной стране, кроме СССР, немыслим такой подъем материального уровня рабочего класса. Наоборот, в то время как в СССР ликвидирована безработица, сокращен рабочий день до 7 час., подымается и непрерывно улучшается положение рабочего класса, в странах капитализма в прямую противоположность этому выросла до неслыханных размеров безработица, упала почти вдвое зарплата, непрерывно растет абсолютное обнищание рабочего класса.

Мы можем с полной точностью установить, что в прямую противоположность капитализму законом расширенного социалистического воспроизводства в СССР является систематическое повышение благосостояния рабочего класса по всем показателям этого благосостояния — зарплата и потребление, культурный уровень, условия труда и т. д., и в то же время уничтожение расслоения и нищеты в деревне и подъем материального уровня трудящихся деревни на почве коллективизации мелкого сельско-хозяйственного производства.

Для быстрейшего преодоления трудностей в области накопления и потребления огромную роль играет взаимодействие производства и обмена. Решающим источником накопления является производство, которое во второй пятилетке будет развертываться по всей линии при отношениях последовательно социалистического (госпредприятия) и социалистического типа (колхозы). Но было бы глубоко ошибочно ставить здесь точку и не видеть весьма важного взаимодействия производства и обмена в их истинной определенности во второй пятилетке.

Производство последовательного социалистического типа взаимодействии с обменом с укреплением

«Л
ж»

Развертывание товарооборота ускоряет все хозяйственное кровообращение в нашей системе хозяйства, ускоряет доведение продукции до потребителя и тем приводит в действие силу взаимодействия потребления и производства и уменьшает издержки обращения, увеличивает удельный вес потребительных стоимостей, находящихся в сфере производства, и в конечном счете ускоряет социалистическое накопление.

«Развертывание товарооборота — прежде всего розницы — и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе является важнейшим стимулом для выявления имеющихся в нашем хозяйстве огромных и далеко еще не использованных внутренних резервов, способствующих ускорению роста социалистического накопления, и тем самым укрепляет материальную базу всего социалистического строительства» (резолуция о директивах ко второй пятилетке XVII конференции ВКП(б); разрядка моя.— М. Р.

Развертывание товарооборота должно выразиться в развертывании торговли государственной, кооперативной колхозной и продаже колхозником, а также и единоличником излишков своей продукции. Продажа на рынке, по выполнению заготовок излишков колхозником и единоличником должна усилить стимулы к расширению с.-х. продукции и создать новые источники снабжения. Необходимо противопоставить этим потокам с.-х. продукции, которые пойдут в город, встречные потоки промышленных товаров; это требует усиления производства в кустарной промышленности и наконец использования для этой цели машиностроительных и тому подобных предприятий гр. «А», которые имеют большие возможности наряду с производством средств производства развертывать и производство средств потребления.

Усиление выпуска промтоваров на широкий рынок значительно облегчает задачу снижения цен на с.-х. продукты. Как известно, последние декреты правительства предоставляют право продажи колхозникам и единоличникам по ценам, складывающимся на рынке. Это ставит перед нами задачу добиться господства в процессе складывания рыночных цен. Нашей задачей является уничтожение «череполюсицы» цен. Развертывание товарооборота, в том числе торговли колхозов, колхозников и единоличников, развертывание торговой сети, улучшение работы кооперации и усиление ее активности на рынке, увеличение товарных масс по линии с.-х. и промтоваров, снижение рыночных цен сыграют большую роль в деле подготовки отмены нормирования отпуска товаров и замены централизованного распределения развернутой советской торговлей.

При определении форм мобилизации необходимых средств для социализации необходимо тщательный учет опыта, который необходимо прежде всего крепко удерживать от антибольшевистской левой оппозиции. В отношении денег уже принята резолюция

отпуска товаров и замену системы централизованного распределения советской торговли.

При намечении рычагов мобилизации средств для социалистического накопления следует внимательно учесть и оценить каждый из финансовых рычагов, применявшихся в первой пятилетке.

Стремление к унификации и упрощению финансовой системы не должно идти за счет недоучета своеобразия и эффективности каждого из финансовых рычагов. Нужно применять все возможные рычаги, хотя бы они создавали известную громоздкость и пестроту финансовой системы. Роль займов трудящихся пролетарскому государству должна быть усилена, охватив кроме рабочих широкие массы колхозников. Предоставление рабочими и колхозниками в заем государству месячного дохода способно обеспечить социалистическое накопление примерно на 20—25%.

Только на основе развертывания советской торговли, устойчивых денег и принципа хозрасчета на основе все более глубокого социалистического обобществления производства могут быть подготовлены и предпосылки перехода за пределами второй пятилетки (когда именно—это покажет практика) к непосредственному распределению, к трудовому учету и безденежному хозяйству.

Тогда при действии еще социалистического принципа распределения—распределения по труду, при налаженности непосредственного трудового учета—формы мобилизации фондов накопления будут другими. За проработанные, скажем, 6 часов работник социалистического общества получит квитанцию на 4 часа, если сумма фонда накопления, страхового и расходов общественного порядка будет относиться к сумме средств потребления, идущих в непосредственное потребление работников, как 2 : 4.

Но чтобы подготовить такую форму распределения, нужно пройти еще большой путь, причем всякое перепрыгивание через советскую торговлю, деньги и хозрасчет способно лишь ухудшить условия и задержать темпы социалистического накопления, а тем самым и крайне затруднить и даже сделать невозможным распределение исторических

О БАЛАНСЕ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В СССР ЗА 1928—1930 ГГ.¹

(Опыт теоретического анализа)

Важность и актуальность работы над балансом народного хозяйства вряд ли нуждается в доказательстве. В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов т. Сталин говорил: «Надо разработать вопрос о схеме построения баланса народного хозяйства. То, что опубликовано ЦСУ в 1926 г. в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифры. Не подходят также к делу трактовки Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода».

В этой работе мы делаем попытку теоретического анализа некоторых вопросов баланса производства и потребления.

Подход к анализу баланса производства и потребления, попытка вскрыть основной закон тенденции их развития в нашей экономике предполагают правильное понимание марксо-ленинского учения о воспроизводстве, о соотношении между производством и потреблением и значении этих двух моментов в воспроизводственном процессе как при капитализме, так и в условиях переходного периода.

Одним из основных положений марксо-ленинской теории воспроизводства является утверждение о необходимости различать потребление производственное от потребления личного. С точки зрения производства решающее значение имеет именно производственное потребление, последнее составляет момент непосредственного процесса про-

Не подлежит никаким сомнениям, что в основе положения Преображенского о перенакоплении основного капитала и неизбежности кризиса в экономике СССР в 1937 г., т. е. к моменту построения социалистического общества, лежит люксембургская теория реализации, механистически перенесенная в нашу экономику. Очевидно т. Преображенскому не дано понять специфики нашей экономики и ее коренного отличия от капиталистической.

Личное потребление в условиях капитализма находит себе предел в угнетенном и эксплуатируемом положении рабочего класса, в ухудшении положения мелкой буржуазии. Оно находит свой предел в законе относительного и абсолютного обнищания пролетариата.

В расширяющемся поле производства и суживающейся базе потребления находит свое наиболее яркое выражение противоречие между производством и потреблением, которое в свою очередь является формой выражения основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Принципиально по-иному стоит этот вопрос в СССР.

Октябрьская революция уничтожила антагонистическое противоречие, свойственное капиталистическому способу производства, уничтожив частную собственность на основные орудия и средства производства и превратив пролетариат в господствующий класс. Рабочий класс, став господствующим, организует под руководством нашей партии новую систему хозяйства, руководит трудящимися массами нашей страны, передельвая их в сознательных и активных строителей социалистического общества. Эта переделка осуществляется в ожесточенной классовой борьбе, в процессе которой происходит вытеснение, а затем ликвидация капиталистических элементов, переделка мелких товаропроизводителей на основе роста социализма в нашей стране.

В СССР целью производства является не извлечение прибавочной стоимости, а построение бесклассового, социалистического общества, удовлетворение общественных и личных потребностей трудящихся масс. Неотъемлемым составным элементом построения социалистического общества является непрерывное улучшение материального и культурно-бытового уровня жизни рабочего класса и остальных трудящихся. Исходным, определяющим пунктом, вопреки точке зрения Р. Люксембург и Преображенского, остается производство. Оно определяет характер и размер личного потребления в каждый данный конкретный отрезок времени.

Р. Люксембург, критикуя марксову теорию воспроизводства, пишет: «С точки зрения регулируемого общества мы должны подойти к делу конечно с подразделения второго, а не первого»².

Эта ошибка Р. Люксембург вытекает из непонимания ею того факта, что более быстрый рост I подразделения относительно II есть не только выражение антагонистических противоречий между производством и потреблением, свойственное капитализму, но что этот факт есть условие развития производительных сил.

Очевидно, что по уничтожении капиталистического способа производства развитие производительных сил должно получить и получает невиданный размах. Поэтому исходным и определяющим пунктом расширенного воспроизводства остается I подразделение и его более быстрый рост по отношению ко II подразделению. Принципиальное отличие во взаимоотношении между I и II подразделе-

² «Накопление», стр. 118.

ниями при диктатуре пролетариата заключается в том, что здесь более быстрое развитие I подразделения по сравнению со II лишено антагонистических противоречий и оно является выражением процесса развития производительных сил. Оно служит материальной базой социалистической реконструкции всего народного хозяйства, социалистической переделки мелких товаропроизводителей, ликвидации классов и необходимой предпосылкой повышения материального и культурно-бытового уровня жизни трудящихся масс.

Социалистические производственные отношения, созданные Октябрьской революцией, уничтожают антагонистическое противоречие между производством и потреблением.

Однако с уничтожением антагонистического характера противоречий между производством и потреблением противоречия между производством и потреблением в известном неантагонистическом смысле в переходный период все же остаются.

Рост социализма в переходный период необходимым своим следствием имеет систематический рост потребностей трудящихся масс. Это обстоятельство увеличивает объем потребления их и резко изменяет структуру последнего. То, что раньше вовсе не потреблялось трудящимися или потреблялось как предмет роскоши незначительной верхушкой лучше оплачиваемых рабочих, теперь в силу выросшего культурного уровня и улучшения материального благосостояния трудящихся превратилось в предмет массового потребления. Между тем задачи социалистической индустриализации страны и полной технической реконструкции народного хозяйства на известном этапе реконструктивного периода приводят к тому, что производство не может полностью удовлетворить бурно выросших потребностей трудящихся масс. Отсюда — известное неантагонистическое противоречие между производством и потреблением в переходный период, противоречие относительное, временное. Оно разрешается и снимается проведением в жизнь генеральной линии нашей партии на индустриализацию страны, на большевистские темпы развития социалистической промышленности, социалистического сельского хозяйства и на этой базе непрерывного улучшения материального и культурно-бытового уровня жизни рабочего класса и остальных трудящихся.

В резолюции XV партсъезда в директивах по составлению первой пятилетки мы читаем:

«В области соотношений между производством и потреблением необходимо иметь в виду, что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления. Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, — причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, — необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов».

Этих основных положений не хотела понять бывшая троцкистская оппозиция, ставшая ныне передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии. В троцкистском противопоставлении производства потреблению кроется отрицание ликвидации антагонизма между ними социалистической революцией. Отсюда — утверждение

троцкистов о действии всеобщего закона капиталистического накопления в наших условиях.

В отрицании того факта, что рост социализма в нашей стране неразрывно связан с систематическим повышением материального и культурно-бытового уровня жизни трудящихся, в отрицании возможности этого улучшения в меру роста производительности труда, в меру роста социализма лежит и ошибка т. Преображенского, утверждавшего, будто индустриализация в СССР происходит на основе не и з м е н н о г о жизненного уровня пролетариата. Это утверждение ничем по существу не отличается от злопахательских контрреволюционных писаний современного Троцкого.

Резолюция XVII партконференции дает четкое разрешение вопроса о соотношении между производством и потреблением, ставя задачу увеличения снабжения населения потребительскими товарами не менее чем в 2—3 раза на основе общего роста народного дохода и ликвидации паразитических классовых элементов.

В условиях капитализма антагонистическое противоречие между производством и потреблением находит свое насильственное «разрешение» в кризисах на основе сокращения производства, абсолютного обнищания рабочего класса и разорения мелкой буржуазии. В условиях советского хозяйства относительное противоречие между производством и потреблением находит свое разрешение в непрерывном росте материального благосостояния трудящихся масс на основе более быстрого роста производства средств производства, роста социализма и ликвидации паразитических классовых элементов.

Одним из основных положений марксо-ленинской теории воспроизводства является то, что производство и потребление — это не безразличные, равнодушно относящиеся друг к другу стороны, — само потребление есть один из элементов производства.

Но роль потребления как момента пропорциональности при капитализме и в СССР принципиально различна.

Потребление пролетариата в капиталистическом обществе является функцией накопления капитала. Личное потребление рабочего, служащее восстановлением его рабочей силы, «является в действительности моментом воспроизводства самого капитала» (Маркс).

Принципиально другое значение имеет потребление как элемент производства в СССР. С национализацией основных орудий и средств производства и превращением пролетариата в господствующий класс последний перестает быть производственной формой движения переменного капитала. Рабочий класс в лице пролетарского государства использует завоеванные им производительные силы, двигает их невиданными темпами вперед в целях построения бесклассового, социалистического общества. В этих условиях личное потребление рабочего класса меняет коренным образом свое общественно-экономическое содержание, оно не служит больше моментом воспроизводства капитала, ибо нет самого капиталистического отношения. При диктатуре пролетариата коренным образом изменяется роль рабочего класса как в процессе материального производства, так и вне его. В условиях капитализма производительные силы, созданные рабочим классом, противостоят ему как чуждая и враждебная ему сила. В этих условиях не рабочий потребляет машину, а машина, как пишет Маркс, потребляет рабочего, последний является придатком к машине. При диктатуре пролетариата, наоборот, плановое ведение хозяйства, рост социалистического соревнования и ударничества на-

меняют коренным образом роль рабочего в производстве,—они делают труд делом чести, делом доблести и геройства. Рабочий не служит больше придатком к машине. Жизнь рабочего класса вне процесса производства заполнена богатым содержанием общественно-политической работы и развитием своих внутренних, интеллектуальных и физических способностей, являющихся условиями еще большего роста социалистического производства. Поэтому в условиях СССР рост потребления рабочих есть необходимый момент и условие расширенного социалистического воспроизводства. Роль потребления как момент производства определяется: 1) интересами социалистического накопления в каждый данный период, следовательно определенным распределением народного дохода между накоплением и потреблением; 2) известным состоянием потребления и непрерывным его повышением, которые являются необходимым условием осуществления более шевистских темпов производства. Производство определяет потребление и в наших условиях, но известное состояние потребления и непрерывное его повышение являются условием роста производства, а следовательно роста социализма в СССР.

Динамика расширенного воспроизводства в СССР

Необходимость постоянно производить, притом в расширенных размерах, является условием существования и развития всякого человеческого общества. Содержание, форма, темп и направление этого процесса определяется характером той экономической формации, в которой этот процесс протекает и которой он определяется.

В изучении проблемы воспроизводства в переходный период мы исходим из того положения марксизма-ленинизма, что основные методологические принципы марксовой теории воспроизводства применимы и при изучении воспроизводства в переходный период. Но было бы грубейшей ошибкой простое перенесение всех выводов марксовой теории воспроизводства на нашу экономику. Если взять такие вопросы, как соотношение в развитии между I и II подразделениями общественного производства, соотношение в развитии между промышленностью и сельским хозяйством, направления индустриализации, темпы развития и т. д., то совершенно ясно, что все эти коренные вопросы разрешаются в наших условиях принципиально по-иному, чем это имеет место при капитализме.

Основное выражается в том, что партия на основе своей генеральной линии, опираясь на командные высоты диктатуры пролетариата, обуславливает и направляет процесс расширенного воспроизводства по пути расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Наиболее общим и синтетическим показателем процесса расширенного воспроизводства в СССР может служить рост народного дохода и его распределение на фонд личного потребления и фонд накопления.

Народный доход в ценах 1926/27 г.

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Народный доход	26 422	28 861	33 289	38 178
В процентах к предыдущему году	100	109,2	115,3	114,4
Обобществленный сектор в процентах к итогу	52,7	61,0	72,2	81,5

Производство в млн. руб., по ценам 1928 г.

Годы и отрасли промышленности	Средства производства			Предметы потребления	Всего
	всего гр. «А»	в том числе основные фонды	о оборотные средства производства		
Ценовая промышленность					
1928	12 212,2	1 418,2	10 838,9	7 032,0	19 295,0
1929	15 324,4	2 004,8	13 319,5	8 163,8	23 448,2
1930	19 290,7	2 979,7	16 311,5	10 306,7	29 577,4
Строительство					
1928	2 154,9	2 154,9	—	2 084,2	4 239,1
1929	2 937,3	2 937,3	—	2 723,3	5 207,0
1930	49 802,3	49 802,3	—	2 669,7	7 372,0
Сельское хозяйство					
1928	11 949,4	2 807,3	9 141,7	7 291,9	19 241,3
1929	11 795,5	2 593,7	9 201,8	7 600,3	19 395,0
1930	11 70,2	2 137,8	9 569,4	7 254,1	18 961,3
Мелкая промышленность					
1928	1 115,5	—	—	4 753,2	5 868,2
1929	1 045,2	—	—	4 600,7	5 705,4
1930	962,7	—	—	4 429,0	5 391,7

Вся ценовая промышленность возросла с 1928 по 1930 г. на 55%, а производство основных фондов производства — на 110%.

Такую же картину дает и строительство. Все строительство выросло с 1928 по 1930 г. на 73%, а строительство в гр. «А» выросло на 126%.

Другой характер носит воспроизводство в сельском хозяйстве и в мелкой промышленности. И то и другое показывают в сущности простое воспроизводство, причем 1930 г. дает даже небольшое уменьшение по сравнению с 1928 г. Необходимо иметь в виду, что 1930 г. для сельского хозяйства характеризуется резкими классовыми сдвигами в социалистической его реконструкции. 1930 г. дал крупнейшую победу в области коллективизации и ликвидации кулачества как класса на этой основе с заменой кулацкого производства хлеба совхозным и колхозным производством.

Необходимо также отметить, что наряду с разрешением в основном зерновой проблемы мы имели сокращение количества скота как результат классовой борьбы кулачества против коллективизации.

Таблица показывает, что больше всего сокращение коснулось основных средств производства, производимых в сельском хозяйстве, а это и есть в основном сокращение количества скота. Производство же оборотных средств производства, к которым относятся семена, технические культуры и др., увеличилось. Таким образом, при чтении итоговой цифры по сельскому хозяйству необходимо иметь в виду все многообразие процессов, которые за нею скрываются.

Эта таблица одновременно подтверждает положение марксизма-ленинизма о невозможности расширенного воспроизводства в мелком товарном хозяйстве.

Таблица ярко обнаруживает руководящую роль социалистической промышленности и ее передового авангарда — тяжелой индустрии. Она

иллюстрирует вместе с тем правильность линии партии на социалистическую переделку сельского хозяйства как единственный путь разрешения проблемы развития сельского хозяйства.

Если взять темпы расширенного воспроизводства социалистической промышленности в неизменных ценах, то картина такова:

Валовая продукция цензовой промышленности
(без незавершенного производства, в ценах 1926/27 г.)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	в 1931 г. проц. к 1928 г.
Вся цензовая промышленность	14 754 756	18 337 746	23 060 000	27 917 900	—
В проц. к предыдущему году	100	124,3	135,8	121,1	189,1
В том числе гр. „А“	6 365 161	7 945 092	11 433 042	14 048 900	—
В проц. к предыдущему году	100	124,8	143,9	122,9	220,7
Гр. „Б“	8 389 595	10 393 654	11 626 945	13 869 000	—
В проц. к предыдущему году	100	123,9	111,9	119,3	165,3

За 4 года вся промышленность выросла на 89% (гр. «А» — на 120,7% и гр. «Б» — на 69%). Таблица также показывает усиление темпов развития промышленности гр. «Б» в 1931 г. по сравнению с 1930 годом. Директива XVI партс'езда о необходимости более быстрого развития производства предметов потребления «на основе восстановленной тяжелой индустрии» для удовлетворения растущих потребностей рабочего класса, колхозников и остальных трудящихся получает свое конкретное осуществление.

В первом периоде нэпа задача заключалась в том, чтобы поднять сельское хозяйство, легкую промышленность и этим самым восстановить силы пролетариата, истощенные империалистической гражданской войной, и удовлетворить насущные потребности основных масс крестьянства.

Но социализм невозможен без крупной машинной индустрии. Поэтому по разрешении первой задачи рабочий класс под руководством партии приступил к одной из самых трудных задач — к восстановлению, развитию и реконструкции крупной тяжелой промышленности как базы социализма и как основы нашей экономической независимости от капиталистического окружения. Для разрешения этой решающей проблемы партия и рабочий класс сосредоточили максимум своих сил и средств на участке тяжелой промышленности, и в итоге созданы новые отношения пропорциональности в СССР между тяжелой и легкой индустрией. Эти отношения не определяют и не могут определять ведущей отраслью народного хозяйства производство средств потребления, как то предлагает своим люксембургским тезисом т. Преображенский.

Если раньше «левая» фраза троцкизма о сверхиндустриализации сочеталась с социал-демократическим отрицанием возможности победы социализма в СССР, с проповедыванием теории потухающей кривой, то теперь, в новых условиях, троцкистские «теоретики» предлагают сделать исходным пунктом построения второй пятилетки не производство, а потребление. Такой рецепт ведет к застою социалистического развития, а не к его ускорению. С другой стороны, представленная Преображенским «теоретическая» схема, по которой расширенное воспроизводство I подразделения происходит на основе

неизменного состояния жизненного уровня рабочего класса и остальных трудящихся, является прикрытой формой троцкистского утверждения о том, что у нас расширенное воспроизводство покоится на относительно суживающемся базисе потребления, что ведет к неизбежному кризису в 1937 г.

Это положение является троцкистской клеветой на линию партии и противоречит итогам первой пятилетки и решениям XVII партконференции, в резолюции которой «обеспечение населения основными потребительскими товарами, в том числе предметами питания, должно к концу второго пятилетия увеличиться не менее чем в 2—3 раза против конца первой пятилетки». Это является составной частью генеральной линии партии.

Ошибка же правых в данном вопросе сводится к тому, что их «теория равновесия секторов» действительно ставит «телегу впереди лошади». Для того чтобы обеспечить действительное непрерывное улучшение материального и культурно-бытового положения пролетариата и остальных трудящихся, необходимо создать базу для развития легкой промышленности и социалистической переработки крестьянского хозяйства. Но это предполагает наличие собственной развитой тяжелой индустрии, машинностроения в первую очередь. Эта задача потребовала коренной ломки пропорциональности экономики буржуазно-крепостнической России и создания таких отношений пропорциональности, которые обеспечивали создание собственной тяжелой индустрии, способной реорганизовать как производство, так и потребление. «Теория же равновесия» секторов исключает такого рода перестройку, так как она предполагает неизменные отношения пропорциональности.

Вообще относительно соотношений между производством и потреблением необходимо отметить следующее. Некоторые «околопартийные обыватели», не понимая действительного, реального движения нашей экономики с его особенностями, положение о том, что и при социализме производство служит не только для потребления, понимают по Туган-Барановскому, т. е. в смысле независимости производства от потребления. На практике эта ошибка приводит к оппортунистическому игнорированию линии партии на повышение материального и культурного уровня жизни рабочего класса, колхозников и остальных трудящихся. Между тем положение, что и при социализме производство — не только для потребления, направлено против мелкобуржуазных пережитков, уходящих своими корнями к лассальянству — с его тезисом о том, что при социализме каждый получит полный продукт своего труда. Эта мелкобуржуазная теория Лассалья, раскритикованная в свое время Марксом, ведет к тому, что никакое расширенное воспроизводство при социализме невозможно, т. е. эта теория отрицает по существу возможность развития производительных сил в социалистическом обществе. В действительности же социализм означает небывалое развитие производительных сил и на этой основе — небывалый подъем благосостояния трудящихся масс, тогда как при капитализме развитие производительных сил присваивается незначительным меньшинством, а народные массы обрекаются на полуголодное, нищенское существование. Правильное понимание проблемы соотношений между производством и потреблением в наших условиях и при полном социализме невозможно поэтому без непримиримой борьбы на два фронта.

Ликвидация антагонистического противоречия между производством и потреблением, следовательно между I и II подразделениями

общественного производства, не снимает вопроса о необходимости более быстрого развития производства орудий и средств производства по отношению к производству средств потребления. Уничтожение противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения не означает, как показано выше, перехода к лозунгу производства для потребления. В СССР необходимость более быстрого развития I подразделения по сравнению со II усугубляется еще сравнительной технико-экономической отсталостью, необходимостью подведения новой материально-технической базы под все общественное производство, необходимостью разрешить проблему догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении.

Анализ взаимосвязи отраслей материального производства по производству и потреблению имеет важнейшее теоретическое и практическое значение. Это изучение должно вскрыть внутренний механизм, внутренние соотношения и пропорции процесса расширенного воспроизводства. Это изучение должно показать трудности, которые приходилось преодолевать в ходе выполнения планов, должно показать пути и методы наиболее эффективного сочетания в развитии отдельных отраслей производства, обеспечивающие максимальное выполнение плана. Выяснение этих важнейших вопросов в наиболее развернутой форме возможно лишь на базисе анализа материальных балансов решающих отраслей промышленности. К сожалению на данной стадии развития балансовой работы мы вынуждены ограничиваться анализом баланса производства и потребления в его ценовом выражении.

Для изучения проблем производства и потребления марксова теория воспроизводства имеет решающее руководящее значение. В особенности это относится к его учению о двух подразделениях общественного производства и о возмещении общественного продукта в этих подразделениях.

Некоторые считают, что проблема реализации и возмещения общественного продукта никакого или почти никакого значения в наших условиях не имеет. Этот своеобразный скептицизм ничего общего с ленинской постановкой этого вопроса не имеет.

Учение Ленина, что «даже в чистом коммунизме ос-
т. (V + m) к II C и накопление» прямо указы-
и возмещения общественного

проблема реализации не снимается, а приобретает специфическое содержание. Приведенное выше указание Ленина на отношение $I(v+m)$ к $II C$ указывает, в каком направлении должно идти изучение вопроса. Возмещение общественного продукта в наших условиях, особенно основных фондов, происходит сознательно, на основе наших планов: сообразуясь с задачами накопления, себестоимостью, линией технического развития и т. д. Исходя из этого, мы устанавливаем определенные нормы амортизации. Но именно для планирования процесс возмещения общественного продукта необходимо подвергнуть его экономическому анализу. Те же, которые считают, что эта проблема почти никакой роли в изучении воспроизводства не играет, допускают, по нашему мнению, грубую ошибку. Основное, что необходимо иметь в виду при изучении возмещений общественного продукта в наших условиях, это отсутствие закона тенденции нормы прибыли к понижению, отсутствие противоречия между развитием производительных сил, техническим прогрессом и обесценением основного капитала, противоречия, имеющего решающее значение в условиях капитализма. Задача в данном вопросе заключается в том, чтобы изучить условия возмещения и реализации общественного продукта в их специфичности.

Резюмируя свое изучение вопроса о возмещении основного капитала в натуре, Маркс ставит этот вопрос применительно к социалистическому обществу. Он пишет: «Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала (здесь—капитала, функционирующего в производстве средств потребления) в различные последовательные годы изменяются. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю смертность, подобно тому как это бывает с смертностью людей), тем меньше будет она в следующем году. Напротив—предполагая, что прочие условия не изменились,—количество сырых материалов, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годовичного производства средств потребления, не изменяется от этого; следовательно все производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом—сократиться. Этому можно было бы помешать лишь постоянным относительным перепроизводством: если бы количество основного капитала отмирало в одном году в количестве больше, чем производится в следующем; с другой стороны, если бы в одном году количество основного капитала отмирало в количестве меньше, чем производится в следующем; и т. д.»

ном хозяйстве и в его отдельных отраслях и секторах, что уже значительно труднее. Для решения этой задачи необходимо по крайней мере иметь следующие элементы: народный доход, его распределение на фонд личного потребления и на фонд накопления; чтобы определить фонд накопления, необходимо в свою очередь иметь данные о сумме капитальных вложений и заработной платы вновь поступивших рабочих как во всем народном хозяйстве, так и по группам «А» и «Б». Получение этих данных в настоящий момент представляет большие трудности, так как такой учет непосредственно не ведется. Здесь необходимо идти конструктивным путем. Так например, при наличии данных об общей сумме выплаченной заработной платы за несколько лет и в среднем заработной платы на одного рабочего за каждый год можно определить сумму заработной платы старых рабочих, а остаток будет очевидно равен заработной плате вновь поступивших рабочих за данный год. Но даже и этот расчет будет грубым, приблизительным, так как он дает нам прирост рабочих во всем народном хозяйстве, а не отдельно по группам «А» и «Б».

Не лучше обстоит дело с фондами. Чтобы показать накопление и обмен между двумя подразделениями общественного производства, необходимо иметь прирост основных фондов отдельно и оборотных фондов отдельно, в их расчленении по I и II подразделениям, что по состоянию материалов также нельзя осуществить непосредственно. Поэтому и здесь приходится идти конструктивным путем.

Таким образом приводимые ниже материалы по производству и потреблению, их структура по подразделениям являются материалами различной степени точности. Структура производства и потребления дается по фактическому использованию, и она получена нами на основе отчетных материалов. Более или менее приближенной является цифра поступлений основных средств производства из «А» и «Б». Наиболее грубой является цифра поступления оборотных средств производства из «А» и «Б». Здесь мы прямых материалов не имеем, и после обмена мнений был принят метод распределения накопленных оборотных фондов между «А» и «Б» для расширенного воспроизводства в той же самой пропорции между основными и оборотными фондами, как они складывались для возмещения. Несмотря на приближенность и несовершенство этого метода, общую тенденцию тем не менее приведенные расчеты отражают.

В этой работе нам впервые удалось произвести расчленение производственного потребления на «А» и «Б» и внутри группы «А» производственного потребления основных и оборотных средств производства, что имеет важнейшее значение для понимания конкретной динамики процесса расширенного воспроизводства в СССР.

Приводимые ниже нормы производственного потребления являются средневзвешенными из норм отдельных отраслей (абсолютные суммы, в миллионах рублей).

После необходимых методологических замечаний перейдем к анализу конкретного материала (см. табл. на стр. 48).

Приведенная таблица в отличие от предыдущей считается не по преимущественному использованию. Отличие второе в том, что в первом разделении, которая деления, и следующая

Таблица строения продукции народного хозяйства по производству и потреблению
(в млн. руб., по ценам соответствующих лет)

Г р у п п ы	Вся про- дукция	Производ- ственное потребле- ние	Чистая про- дукция
1928 г.			
Группа „А“ в целом	33 869,7	18 293,7	15 655,8
В том числе основные средства производ- ства	4 647,5	2 350,7	2 296,8
Оборотные средства производства	298 29,0	15 863,2	13 359,0
Группа „Б“	22 829,0	12 314,0	10 515,0
И т о г о	56 698,7	30 607,6	26 170,8
1929 г.			
Группа „А“ в целом	38 818,0	20 478,0	18 341,8
В том числе основные средства производ- ства	5 196,0	2 678,5	2 517,5
Оборотные средства производства	33 622,0	17 791,5	15 830,5
Группа „Б“	15 620,4	14 086,1	11 584,1
И т о г о	64 438,4	34 564,1	29 925,9
1930 г.			
Группа „А“ в целом	47 101,8	23 254,4	23 847,4
В том числе основные средства производ- ства	7 995,5	3 871,0	4 074,5
Оборотные средства производства	39 156,3	19 383,4	19 722,9
Группа „Б“	30 199,7	16 117,6	14 082,1
И т о г о	77 301,5	39 372,0	37 847,5

ясно, что более правильным является метод изучения продукции не по преимущественному назначению, а по фактическому использованию.

Анализ приведенной таблицы показывает, что процесс расширенного воспроизводства характеризуется более быстрым развитием I подразделения по сравнению со II.

Продукция группы «А» выросла в 1929 г. на 14,6%, а в 1930 г. — на 21,4%. Группа «Б» соответственно выросла на 12,2 и 17,8%.

Наиболее яркую картину того, как в процессе расширенного воспроизводства партия осуществляла линию на индустриализацию страны, дает анализ динамики развития I подразделения в своем расчленении на производство основных и оборотных средств производства.

В 1929 г. производство основных средств производства выросло на 50,2%, а в 1930 г. — на 50,2%, производство оборотных средств в 1929 г. на 15,5%, а в 1930 г. — на 16,3%.

Эта роль машиностроения в деле индустриализации пролетарского государства. Развитие промышленности, что это отставание, достигнутых партией

Если взять продукцию угля, то увидим следующую картину:

Г о д ы	Производ- ство	Потребле- ние
1928	577,2	501,3
1929	641,4	588,0
1930	745,3	677,2

Таблица явно обнаруживает напряженность баланса угля на протяжении этих трех лет и очень узкие пределы маневренности. Такую же примерно картину показывает производство и потребление чугуна.

Г о д ы	Производ- ство	Потребле- ние	Запа- сы
1928	217,9	220,9	— 3,6
1929	267,3	265,3	+ 2,0
1930	309,5	306,0	+ 4,0

Приведенные материалы свидетельствуют о несомненном отставании производства оборотных средств производства. Исходя из этого факта, некоторые товарищи приходят к выводу о наличии противоречия между основными и оборотными средствами, свойственного нашей экономике.

Такое понимание проблемы ничего общего с марксо-ленинской теорией воспроизводства не имеет.

Никакого противоречия между основными и оборотными фондами как таковыми у нас нет. Давно известно, что попытка объяснять экономические законы свойствами вещей есть метод буржуазной апологетики.

Обратимся к разбору некоторых фактов, относящихся к этому вопросу.

В резолюции XV партийного съезда о составлении пятилетки мы читаем: «Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной и цветной металлургии, в особенности качественных металлов, развитие химических производств... дальнейшее развертывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, судостроения, электропромышленности...»

Эти директивы получили свое практическое осуществление и дальнейшее развитие в решениях XVI партийного съезда о создании второй угольно-металлургической базы на востоке, в решениях партии о развитии Донбасса и т. д. В приведенной части резолюции дается определенное сочетание в развитии производства оборотных средств производства как необходимой базы для развития основных средств производства. Поэтому говорить о наличии противоречия между основными и оборотными средствами производства является нелепостью.

Мы имеем гигантский рост отраслей, производящих оборотные средства производства, но этот рост нас не удовлетворяет. Внутренние ресурсы промышленности при правильной организации труда и производства дают возможность усиления темпов развития и выполнения и перевыполнения наших планов. Следующие данные доказывают правильность этого положения.

Процент использования врубловых машин тяжелого типа по Донбассу:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
50,0	66,0	68,5	79,0	82,5	76,0

Хотя мы имеем непрерывный рост использования машин, но до полного использования последних еще далеко; больше того, 1929/30 г. дает даже снижение коэффициента использования с 82 до 76%. Не лучше обстоит дело и с комплектностью снабжения в механизации работ.

Так например, подбивка механизирована на 66%, доставка — на 50%, откатка допускается до 6%.

Подобные факты можно умножить, но и приведенные убедительно показывают, что основной, решающей причиной невыполнения планов является не объективная обстановка, а неумение и подчас право-оппортунистическое нежелание по-новому работать. Проведение в жизнь шести исторических условий т. Сталина имеет решающее значение в деле выполнения и перевыполнения плана в ликвидации отставания производства оборотных средств.

В решениях XVII партконференции о работе промышленности за 1931 г. и задачах 1932 г. мы читаем: «Центральной задачей всего народнохозяйственного плана на 1932 г. является выполнение производственной и строительной программы по черной металлургии, углю и машиностроению».

После всего изложенного говорить о противоречии между основными и оборотными фондами можно лишь в силу невежества.

При анализе приведенной таблицы перед нами встает следующий важный вопрос: каково соотношение в динамике между производственным потреблением и чистой продукцией? Важность этого вопроса заключается в том, что соотношение между производственным потреблением и народным доходом определяет размеры личного потребления и накопления.

Этот вопрос представляет большие трудности, так как здесь действует целый ряд противоположных тенденций. В разрешении этого вопроса необходимо прежде всего подчеркнуть отсутствие закона тенденции нормы прибыли к понижению, свойственной капитализму и имеющей важное значение в разрешении этого вопроса в капиталистическом обществе. Что касается советской экономики, то в основном вопрос сводится к следующему: рост органического состава капитала повышает производительность труда, следовательно увеличивается масса перерабатываемого сырья, т. е. растет производственное потребление. С другой стороны, рост производительности труда снижает затраты на производство основных и оборотных фондов, следовательно снижает удельный вес производственного потребления в себестоимости продукции. Поэтому борьба за выполнение плана по производительности труда и снижению себестоимости имеет решающее значение в деле социалистического накопления.

Сделанные нами расчеты на основе материалов баланса еще недостаточны, чтобы, опираясь на них, установить общие законы, так как трехгодичный период недостаточен для таких общих выводов. Кроме того имеется целый ряд усложняющих обстоятельств, например различие в движении цен в различных отраслях народного хозяйства. Так например, если взять промышленность группы «Б», то она получает сырье и полуфабрикаты по заготовительным ценам или по ценам завода-поставщика. Цены же на готовую продукцию этой отрасли промышленности изменяются более быстро, чем цены на продукцию группы «А». Кроме этого имеется целый ряд побочных усложняющих моментов. Вот почему расчеты носят приближенный характер. Несмотря на это, мы считаем, что сделанные нами расчеты дают материал для некоторых выводов.

Сначала приведем данные, относящиеся к соотношению между производством и потреблением во всем народном хозяйстве.

Таблица строения продукции народного хозяйства по производству и потреблению
(в процентах)

Г р у п п ы	Производственное потребление	Чистая продукция	Итого
1928 г.			
Группа „А“ в целом	53,8	46,2	100
В том числе основные средства производства	50,6	49,4	100
Оборотные средства производства	54,6	45,4	100
Группа „Б“	53,9	46,1	100
Итого	53,8	46,2	100
1929 г.			
Группа „А“ в целом	52,7	47,3	100
В том числе основные средства производства	51,5	48,5	100
Оборотные средства производства	53,2	45,8	100
Группа „Б“	55,0	45,0	100
Итого	53,6	46,4	100
1930 г.			
Группа „А“ в целом	49,3	50,7	100
В том числе основные средства производства	50,0	50,0	100
Оборотные средства производства	49,5	50,5	100
Группа „Б“	53,4	46,6	100
Итого	50,9	49,1	100

Для того чтобы сделать некоторые выводы о росте чистой продукции относительно производственного потребления по мере роста техники и производительности труда, нам необходимо анализировать данные не только по всему народному хозяйству в целом, но и по отдельным отраслям, так как сопоставление народнохозяйственного и отраслевого разреза вскрыет нам некоторые закономерности (см. табл. на стр. 52).

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении соотношения производственного потребления и чистой продукции по народному хозяйству в целом и по отдельным отраслям, сводится к следующему: наблюдается общая тенденция более быстрого роста чистой продукции относительно производственного потребления в группе «А». Что касается группы «Б», то здесь мы наблюдаем колебательное движение. Так например в 1928 г. чистая продукция группы «Б» равнялась 46,1%, в 1929 г.—45%, а в 1930 г.—46,6%. Как видим, 1929 год дал некоторое снижение чистой продукции в группе «Б», а 1930 год показывает рост чистой продукции этой отрасли, притом ее доля больше, чем в 1928 г. Если взять соотношение в движении чистой продукции и производственного потребления группы «Б» не во всем народном хозяйстве, а только по ценовой промышленности, то мы наблюдаем уменьшение чистой продукции относительно,

Коэффициенты производственного потребления и чистой продукции некоторых отраслей промышленности

Годы	Гр. „А“ ценз. пром.		Гр. „Б“		Гр. „А“, в том числе				Строительство			
	производствен- ное потребление	чистая про- дукция	производствен- ное потребление	чистая продук- ция	основные средства производ.		оборотные средства производ.		гр. „А“		гр. „Б“	
					производ- ственное потреблен.	чистая продукция	производ- ственное потреблен.	чистая продукция	производ. потреблен.	чистая продукция	производ. потреблен.	чистая продукция
1928	70,7	29,3	68,0	32,0	50,6	49,4	54,6	45,4	56,1	43,9	55,7	44,3
1929	65,2	39,8	70,0	30,0	51,5	48,5	53,2	46,8	55,2	49,8	54,5	45,5
1930	57,4	42,6	72,0	28,0	50,0	50,0	49,5	50,5	55,0	45,0	54,8	45,2

водственного потребления. Основной причиной, обусловившей рост производственного потребления относительно чистой продукции группы «Б» в ценовой промышленности, являются по нашему мнению рост цен на сырье и неполная нагрузка производственного аппарата этой отрасли. Общий вывод из анализируемых нами таблиц сводится к тому, что мы наблюдаем тенденцию роста чистой продукции относительно производственного потребления. Что же касается падения чистой продукции группы «Б», то оно по нашему мнению имеет конъюнктурный характер и объясняется главным образом недостатком сырья. Этот вывод имеет важнейшее значение, так как рост чистой продукции относительного производственного потребления показывает преимущества нашего общественного строя по сравнению с капитализмом, для которого характерна обратная тенденция.

Другой вывод из сравнения этих двух таблиц заключается в том, что удельный вес чистой продукции ценовой промышленности как группы «А», так и группы «Б» по отношению к производственному потреблению меньше, чем во всем народном хозяйстве.

Этот вывод очень интересен, и он в известной степени отвечает на вопрос, как изменяется чистая продукция в связи с изменением техники, с ростом органического состава капитала.

Для того чтобы покончить с этим вопросом, необходимо обратить внимание на следующее. Быстрое падение удельного веса производственного потребления в группе «А» объясняется как положительными, так и, в известной мере, некоторыми отрицательными моментами. Положительное выражается в росте производительности труда, снижении себестоимости, и так как цены на продукты группы «А» снижались медленнее, то в результате мы имеем увеличение чистой продукции в этой группе. Наряду с этими положительными моментами, необходимо констатировать и некоторые отрицательные стороны. Последние выражаются в наличии излишков рабочей силы в некоторых отраслях промышленности, что приводит к увеличению заработной платы, к мнимому росту чистой продукции, не выражающей роста производительности труда. Известно например, что угольная промышленность не использует в полной мере механизмов, и этот пробел восполняется рабочей силой. Этот процесс имеет место и в других отраслях народного хозяйства. Но эти отрицательные моменты не снимают основного факта более быстрого роста чистой продукции относительно производственного потребления.

Переходим к вопросу о соотношении между накоплением и потреблением и к обмену между группами «А» и «Б».

Накопление в форме орудий и средств производства в группе „А“ и предметов потребления в группе „Б“ (в млн. руб.)

	Абсолютные цифры			В процентах к чистой продукции		
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Группа „А“	3 312,8	4 255,7	7 730,1	21,3	23,2	30,3
„Б“	1 573,4	1 505,2	1 792,3	15,0	13,0	12,0

Таблица обнаруживает более быстрый темп накопления в I подразделении по сравнению со II как в абсолютных цифрах, так и в относительных.

Приведенная таблица также иллюстрирует положение т. Сталина, высказанное им в статье «Год великого перелома», «что мы сумели в основном разрешить проблему накопления для капитального строительства тяжелой промышленности». Тут же необходимо отметить, что ни одна капиталистическая страна не знала таких быстрых темпов накопления и расширенного воспроизводства.

Обратимся к рассмотрению вопроса о том, как складываются взаимоотношения между группами «А» и «Б» в ходе расширенного воспроизводства, как совершается обмен между этими двумя отраслями народного хозяйства. Этот анализ мы даем в двойном разрезе. Вначале мы рассмотрим обмен между I и II подразделениями общественного производства только накапливаемой части, затем мы рассмотрим валовые обмены между этими двумя подразделениями.

Материальная структура обмена накоплений между I и II подразделениями
(в млн. руб., в ценах соответствующих лет)

1928 г.							
I							
Накопление основных средств производства	2 127,8	Накопление оборотных средств производства	1 185,0	Поступает из „А“ в „Б“ основных СП	268,4	Поступает из „А“ в „Б“ оборотных СП	565,3
				Остается в „А“ для накопления новых СП	1 859,4	Остается в „А“ для накопления оборотн. СП	619,7
				Поступление из „Б“ в „А“ коллен. ср. потребления	833,7		
В итоге накапливается в I подразделении							
		Осн. СП		Оборотн. СП		Фонд потребления	
		1 859,4		619,7		833,7	
		Всего		3 312,8			
II							
Накопление основн. СП	268,4	Накопление оборотн. СП	565,3	Накопление СП	1 573,4	Поступает из „Б“ в „А“ для основн. СП	268,4
				Поступает из „Б“ в „А“ для оборот. СП	5 658,3	Остается в „Б“ СП для накопления	739,7

В итоге накапливается во II подразделении

Осн. СП	Оборотн. СП	СП	Всего
268,4	565,3	739,7	1 573,4

Всего накапливается в I и II подразделениях 4 886,2

1929 г.

I

Накопление основн. СП	Накопление оборотн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ основн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ оборотн. СП	Ост. в „А“ для накопл. основн. СП	Ост. в „А“ для накопл. оборотн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ для накопл. сред. потреб.
2 725,3	1 530,9	480,0	492,3	2 245,3	1 038,1	972,3

Материальная структура накопления и обмена между I и II подразделениями (в млн. руб., в ценах соответствующих лет).

В итоге накапливается в I подразделении

Осн. СП	Оборотн. СП	Фонд ЗП	Всего
2 245,3	1 038,1	972,3	4 255,7 (128,5 ⁰ / ₀ к 1928 г.)

II

Накопление основн. СП	Накопление оборотн. СП	Накопление СП	Поступило из „Б“ в „А“ для обмена на осн. СП	Поступило из „Б“ в „А“ для обм. на обор. СП	Ост. в „Б“ СП для на- копления
480,0	492,3	2 605,2	480,0	492,3	532,9

В итоге накапливается во II подразделении

Осн. СП	Оборотн. СП	Фонд ЗП	Всего
480,0	492,3	532,9	1 505,2 (95 ⁰ / ₀ к 1928 г.)

Всего накапливается в I и II подразделениях 5 760,9

1930 г.

I

Накопление основн. СП	Накопление оборотн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ основн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ оборотн. СП	Ост. в „А“ для накопл. основн. СП	Ост. в „А“ для накопл. оборотн. СП	Поступило из „А“ в „Б“ для накопл. ср. потреб.
4 826,2	2 903,9	775,3	528,8	4 070,9	2 375,1	1 284,1

В итоге накапливается в I подразделении

Осн. СП	Оборотн. СП	Фонд ЗП	Всего
4 070,9	2 375,1	1 284,1	7 730,1 (180 ⁰ / ₀ к 1929 г.)

II

Накопление основн. СП	Накопление оборотн. СП	Накопление ср. потреб.	Поступило из „Б“ в „А“ на обмен на основн. СП	Поступило из „Б“ в „А“ на обмен на обор. СП	Ост. в „Б“ ср. потреб. для накопле- ния
775,3	528,8	1 792,3	775,3	528,8	508,2

В итоге накапливается во II подразделении

Осн. СП	Оборотн. СП	Фонд ЗП	Всего
775,3	528,8	508,2	1 792,3 (119% к 1929 г.)

Всего накапливается в I и II подразделениях 9 552,4.

Общий вывод из этих таблиц сводится к следующему: накопление основных и оборотных фондов в I и II подразделениях равно всему накоплению в I подразделении.

Накопление в форме средств потребления во II подразделении равно накоплению дополнительной зарплаты рабочих обоих подразделений.

Причем если взять процент из общей доли накопления внутри каждого подразделения, подлежащей обмену, и сопоставить его с суммой накоплений к своему же подразделению, то получается следующее:

Доля обмена между „А“ и „Б“ в накоплении обоих подразделений (в процентах)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Гр. „А“	20,5	20,3	10,6
„ „Б“	50,3	64,5	60,1

Сопоставление по другим разрезам показывает ту же тенденцию, поэтому мы их приводить не будем. Это сопоставление довольно ярко, — оно свидетельствует о происходящем процессе индустриализации. Несмотря на то, что абсолютная сумма, поступающая в обмен из «А» в «Б», увеличивается, ее удельный вес к накоплению в «А» уменьшается.

Приведенные таблицы характеризуют соотношение между «А» и «Б» в части накопления. Между тем нам необходимо знать общий характер этих соотношений. Следующая таблица характеризует обмен между «А» и «Б» в целом.

Распределение всей продукции между „А“ и „Б“ для накопления

1928 г.		1929 г.		1930 г.	
I.	$\frac{\Phi^3}{\Pi\Pi} 18\ 293,6 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 2\ 479,1 + \frac{\Phi^4}{З\Pi} 12\ 314 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 8\ 337 = 33\ 920,4$	I.	$\frac{\Phi}{\Pi\Pi} 20\ 478,0 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 3\ 283,4 + \frac{\Phi}{З\Pi} 14\ 086,1 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 972,3 = 38\ 819,8$	I.	$\frac{\Phi}{\Pi\Pi} 23\ 254,4 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 4\ 070,9 + \frac{\Phi}{З\Pi} 16\ 117,6 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 1\ 284,1 = 47\ 630,9$
II.	$\frac{\Phi}{\Pi\Pi} 12\ 314 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 8\ 837 + \frac{\Phi}{З\Pi} 8\ 971,6 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 739,7 = 22\ 859$	II.	$\frac{\Phi}{\Pi\Pi} 14\ 086,1 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 972,3 + \frac{\Phi}{З\Pi} 10\ 080,9 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 532,9 = 25\ 670,2$	II.	$\frac{\Phi}{\Pi\Pi} 16\ 117,6 + \Delta \frac{\Phi}{\Pi\Pi} 1\ 284,1 + \frac{\Phi}{З\Pi} 12\ 289,8 + \Delta \frac{\Phi}{З\Pi} 526,8 = 30\ 220,3$
} 56 779,4		} 64 490,0		} 77 850,2	

Потоки, идущие в обмен, в процентах к своей продукции дают следующую динамику:

Доля, поступающая в обмен из „А“ и „Б“ и обратно, в процентах к своей продукции

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Гр. „А“	38,8	38,8	36,9
„ „Б“	57,6	58,8	57,6

³ ФПП означает фонд производственного потребления.

⁴ ФЗП „ „ заработной платы.

Тенденция в общем та же самая, что и в первом случае.

Этому большевистскому росту социалистической индустриализации на основе роста народного дохода и накопления необходимо противопоставить распад, невероятный кризис современного капитализма.

В нашем распоряжении имеется статья «О балансе народного хозяйства во время кризиса» (Германия), помещенная в немецком буржуазном журнале. Не входя в разбор самой статьи, приведем из нее наиболее характерные данные.

Приходная часть баланса народного хозяйства (в млрд. мар.)

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Запасы на начало года	25	28	25	29	32	31	29
Материальное производство (сельское хозяйство)	9	10	10	11	12	11	10
Промышленность	26	24	32	34	32	26	29
Услуги	25	29	24	31	32	32	26
Импорт	12	10	14	14	13	10	7
Итого	97	101	110	114	121	110	91

Если не останавливаться на обычной манере буржуазной экономии учитывать услуги в доходе, то мы видим, что доход от промышленности сократился в 1931 г. по отношению к 1925 г. на 27%, а к 1929 г.—на 44%, а от импорта—более чем на 50%; сельское хозяйство переживает глубокий кризис и топчется на одном месте.

В сопоставлении этих двух рядов цифр—расцвет социалистической промышленности в СССР и упадок промышленности в странах капитала, рост народного дохода в СССР и его падение в странах капитала—вскрываются преимущества нашего общественного строя, обеспечивающие, на основе генеральной линии партии, возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны в максимально короткий исторический период.

Поставленные XVII партконференцией задачи завершения технической реконструкции всего народного хозяйства и уничтожения классов во вторую пятилетку могут быть разрешены на основе дальнейшего роста социалистического накопления во всей экономике, и главным образом в социалистической промышленности и в ее передовом авангарде—машиностроении. Вопросы же накопления упираются в проблему снижения себестоимости и производительности труда.

К сожалению качественные стороны развития народного хозяйства за разбираемые годы представлены в балансе крайне слабо. Снижение себестоимости зависит в основном от роста производительности труда, снижения удельного веса расходов сырья и от правильной организации труда. Достигнутые по этой линии успехи еще совершенно недостаточны, тут предстоит большая борьба, ибо качественные показатели в конечном счете решают проблему окончательной победы социализма.

В условиях резких технических сдвигов, роста вооруженности труда невыполнение заданий по производительности труда и себестоимости является результатом неумения работать по-новому, неумения полностью использовать механизмы, результатом обезлички, уравниловки и т. д.

Осуществление большевистских темпов социалистического накопления, базирующееся на мощных технических сдвигах в нашей экономике, на социалистическом соревновании и ударничестве, требует коренных улучшений в работе промышленности, особенно в отсталых ее участках, на основе выполнения шести исторических условий т. Сталина.

Прослеженный нами процесс расширенного воспроизводства в его конкретной динамике показал, как партия, осуществляя свою генеральную линию в непримиримой борьбе с классовыми врагами и их агентурой — правыми оппортунистами, а также «левацкими» загибами, — добилась успехов всемирно-исторического значения. На основе их XVII партконференция поставила еще более грандиозные задачи, решение которых обеспечивает завершение построения полного социализма в нашей стране.

С. СЛУЦКИНА

К ВОПРОСУ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ¹

Проблема классовой борьбы является центральной проблемой политики пролетариата на всем протяжении переходного периода от капитализма к социализму.

«На данном этапе,— говорит Ленин,— мы наблюдаем обострение классовой борьбы, обусловленное развитием социалистического наступления рабочего класса и жесточайшим сопротивлением капиталистических элементов. Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (Ленин).

Со всей резкостью и четкостью проблема классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, в борьбе против правых как главной опасности в партии была поставлена т. Сталиным. Партия дала решительный отпор как теории самотека, так и вытекающей из нее теории потухающей кривой классовой борьбы.

Формой движения капиталистических противоречий являются конкуренция, кризисы и войны. Противоречия капитализма движутся в сторону нарастания, обострения. Одним из противоречий капитализма является противоречие между городом и деревней. Это противоречие, обусловленное основными и решающими противоречиями капитализма, движется в сторону обострения, увеличения.

Разрешить эти противоречия возможно не на основе «перерастания» и «вползания», а на основе завоевания политической власти новым классом, на основе свержения буржуазии, на основе социалистической революции. Формой разрешения противоречий в экономике, переходной от капитализма к социализму, является экономическая политика пролетариата как господствующего класса, направленная на построение социалистического общества, на полное уничтожение противоположности между городом и деревней.

Строительство социализма в СССР идет не только как строительство социализма в городе, но и как строительство социализма в деревне. И именно городу принадлежит ведущая роль, именно из города «исходит коммунистическое движение».

«Коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из города. Коллективное движение предполагает в свою очередь гораздо более общее, совершенно не зависящее от него движение» (Энгельс).

«Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас, сам собой, начинает давать деревне прямо обратное» (Ленин).

¹ См. мои статьи в журнале „Вестник Комкадемии“ №№ 6, 7—8.

Проблема строительства социализма в городе и в деревне является также и проблемой уничтожения противоположности между городом и деревней. Проблема полной ликвидации противоположности между городом и деревней частично выходит за рамки построения бесклассового социалистического общества.

Сплошная коллективизация не завершает еще процесса уничтожения противоположности между городом и деревней. Сплошная коллективизация и уничтожение на основе последней кулачества как класса являются основным и решающим этапом в разрешении этой проблемы. Неправильно считать, что сплошная коллективизация «кладет лишь начало» процессу уничтожения противоположности между городом и деревней. Начало этому процессу кладет Октябрьская революция.

Сомкнуть наше сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство — это значит идти по пути разрешения противоположности между городом и деревней. Подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии — это значит вести линию на уничтожение классов, это значит идти по пути разрешения противоположности между городом и деревней. «Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата»².

Капитализм не может разрешить противоречия между городом и деревней, а, наоборот, идет по пути обострения этого противоречия. В стране строящегося социализма мы уничтожаем и сможем вполне уничтожить противоположность между городом и деревней, точно так же как смогли построить экономическую базу социализма.

Строить социализм и в городе и в деревне, строить его так, чтобы получилось одно типное социалистическое производство в городе и в деревне, чтобы предприятия, социалистические (по типу, превратить в предприятия последовательно социалистического типа, строить его так, чтобы равномерно распределить крупное производство по всей стране, чтобы равномерно расселить все население по всей стране,—это значит идти по линии создания нового типа селения, которое будет коренным образом отличаться от прежнего типа как города, так и деревни. Не будет отдельно городов и деревень.

Полная же ликвидация эксплуататорских элементов в нашей стране означает, что окончательно закрывается возможность «для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда» (Маркс). Закрывать возможность одной части общества переложить на другую принудительно «естественную необходимость труда» является одним из основных моментов в разрешении противоположности между городом и деревней.

Капитализм на основе машинной индустрии подготовил массовое обобществление труда. Обобществление труда Ленин считает основной характерной чертой крупной индустрии.

В то время как крупная индустрия окончательно отделяет промышленное население от земледелия, она создает условия, которыеближают работников промышленности и земледелия.

² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 270.

Ленин говорит: «Крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни. Но, разрушая патриархальные и мелкобуржуазные отношения, крупная машинная индустрия создает, с другой стороны, условия, сближающие наемных работников в земледелии и промышленности. Вводя машины в земледелие, крупная машинная индустрия приводит в деревню искусственных промышленных работников, отличающихся наиболее высоким жизненным уровнем»⁸.

В самом развитии машинной индустрии лежит необходимость уничтожения старого капиталистического разделения труда. Уничтожение разделения труда между городом и деревней становится все больше практическим требованием как промышленности, так и сельского хозяйства. В то же время именно в недрах капитализма растет мощная сила пролетариата, могущая взорвать оковы частной собственности и тем самым уничтожить старое капиталистическое разделение труда, которое, по выражению Маркса, представляет «тождественное выражение» с частной собственностью.

Эта прогрессивная сторона капитализма создает предпосылки того, что пролетариат, свергнув власть буржуазии, может приступить к осуществлению массового обобществления труда на социалистической основе, тем самым может приступить к разрешению проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней. Противоречие между городом и деревней при капитализме все больше обострялось и обостряется, и никогда при капитализме это противоречие не может быть ни смягчено, ни уничтожено. «Уничтожение при капитализме противоречия между городом и деревней,— говорит Энгельс,— не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно становится с каждым днем все более и более практическим требованием индустрии и сельского хозяйства».

Точка зрения, что противоречие между городом и деревней разрешимо в рамках капитализма, так же абсурдна, как и точка зрения, что это противоречие вообще неразрешимо и присуще самой «природе» общества. Современные апологеты капитализма считают, что противоречие между городом и деревней присуще самой человеческой природе.

Для того чтобы обосновать вечность основных капиталистических противоречий, буржуазные ученые выдвинули в последнее время особую «науку» «Rural and Urban Sociology». Апологеты капитализма в эпоху его загнивания обосновывают вечность противоречия между городом и деревней и выдвигают «Rural Problem» как проблему надисторического, как проблему естественного порядка. Во главе этой школы стоит Carl Taylor, написавший «Rural Sociology» в 1926 г. Там же подвизается и апологет капитализма, неизвестный г-н Питирим Сорокин, который считает противоречия между городом и деревней присущими самой «природе» общества.

Трактовка вопроса о противоположности между городом и деревней как противоположности естественного порядка вытекает из трактовки так называемого «закона убывающего плодородия почвы». В связи якобы с убыванием плодородия почвы происходит процесс урбанизации, процесс переселения из деревень в города. Такая трактов-

⁸ Ленин, Собр. соч., т. III, с. 440.

ка вопроса ставит проблему на «дыбы», так как именно рост городов предполагает рост производительности сельскохозяйственного труда.

В последней своей работе ⁴ г-н Сорокин и задается вопросом, приведет ли урбанизация к уничтожению разницы между городом и деревней. В заключение этой работы Сорокин ставит вопрос о возможности изжития существующих вечных противоречий между городом и деревней.

Он спрашивает: «Имеют ли эти различия между городом и деревней тенденцию к все большему и большему заострению с течением времени, или же они будут все более стираться, исчезать и в конце-концов вместо двух разных обществ — городского и сельского — будет одно урбанизованное или сельско-городское общество».

Г-н Сорокин приводит данные о том, что по существу процесс урбанизации происходит не только как процесс роста городов, но также и как процесс переселения в сельские местности городских методов хозяйствования (механизация сельского хозяйства, дифференциация труда, превращение ферм в товарное хозяйство, перенесение политических навыков (политические партии), культурных привычек (газеты, телефон, радио, клубы и т. д.). В этом он видит не обострение противоречия между городом и деревней, а путь смягчения этого противоречия.

С другой стороны, он считает, что и деревня оказывает свое большое влияние на город, питая его своим «сильным, более здоровым в моральном и физическом отношении человеческим материалом». Он говорит, что налицо взаимная диффузия. Но в то же время г-н Сорокин считает, что противоречие между городом и деревней является вечным, присущим самой человеческой природе.

Рассматривая вопрос о различиях с исторической точки зрения, он говорит, что «историческая кривая различий скорее похожа на параболу». Противоречия все увеличивались, начиная с возникновения городов; кривая достигла наибольшей высоты в XVI, XVII и XVIII столетиях и затем со второй половины XIX в. стала понижаться, противоречия стали все уменьшаться.

Г-н Сорокин объясняет параболическое движение противоречия между городом и деревней движением развития техники. Он пишет: «Промышленная революция, которая вначале как бы работала в сторону углубления различий между городом и деревней, позднее стала действовать в пользу сглаживания этих противоречий...»

Процесс, по г-ну Сорокину, идет таким образом, что противоположность между городом и деревней остается, но она делается «мягче», меньше и идет по линии сглаживания конфликтов.

«Разделение на город и деревню», «на сельскохозяйственный класс и другие классы» никогда не будет лишь «историческим воспоминанием», говорит г-н Сорокин и продолжает: «Так называемая «урбанизация» сельского населения означает лишь приближение его характеристики к характеристике городского населения, и ее нельзя понимать как полное уничтожение различий между ними. Никто не может предсказать, что это (уничтожение различий между городом и деревней) случится в период времени, который можно измерить столетиями».

Надо отметить что г-н Сорокин вообще в основном говорит о различиях в характерах и типах города и деревни, считая экономику вещь производной из этих «характеров» и «типов».

⁴ „Principles of Rural-Urban Sociology“.

Города являются «грабителями» («gobber»), «высасывающими соки деревни», а в деревне имеется «сильный, более здоровый в моральном и физическом отношении человеческий материал».

Исходя из таких «вечных» категорий, как характеры и типы, г-н Сорокин считает противоречие между городом и деревней вечным. Он успокаивает буржуазных специалистов. «Специалистам по социологии города и деревни не надо бояться, что их специальность делается ненужной вследствие исчезновения различий между городом и деревней». Сорокин является сторонником мнения, что крупное сельское хозяйство невыгодно, что всегда останутся мелкие крестьянские хозяйства, в которых условия труда отличны от промышленного труда. Сорокин не видит процессов концентрации в сельском хозяйстве. Он отрицает для сельского хозяйства существование тех же законов развития капитализма, как и для промышленности. Сорокин считает, что необходимо при урбанизации сохранить дальнейшую пропорцию между городом и деревней, так как «долгое и успешное существование высокого урбанизованного общества с недостаточным сельскохозяйственным окружением «Interland'om» весьма сомнительно».

Чрезмерная (по мнению Сорокина) урбанизация грозит тому, что город без деревни не сможет «удержать баланса».

По мнению Сорокина в таком случае городу угрожает:

1) с биологической стороны — вымирание (большая смертность, меньшая рождаемость);

2) с экономической — недостаток в предметах сельскохозяйственного производства: недостаток продуктов питания, сельскохозяйственного сырья;

3) с «моральной» — падение нравов, чрезмерное развитие радикальных идей и, что главное, ввиду отсутствия пополнения из деревни и специфических особенностей города — уменьшение числа одаренных людей и общее понижение интеллектуального уровня, так как в связи с уменьшением борьбы за существование будет выживать не лучший, а средний тип.

В связи же с этим Сорокин ставит вопрос, что для высокоиндустриальных стран Запада страны Востока, по преимуществу аграрные, являются как бы деревенским «Interland'om», который поддерживает необходимое равновесие. Но так как процессы урбанизации и влияния деревни на город идут параллельно, то может быть опасность, что западные, более высокие культуры, слишком изменятся под влиянием Востока, а поэтому необходимо сдерживать урбанизацию. «Основное сводится к тому, — говорит Сорокин, — что не существует никаких «железных законов» развития, что все зависит от того, насколько городское население поймет все опасности чрезмерной урбанизации и пренебрежения интересов деревни, насколько сумеет установить гармонию в обслуживании культурных, гигиенических и прочих условий деревни, помня, что деревня является необходимым источником успешного существования городов».

Все его выводы сводятся к тому, что так как город не может существовать без деревни, то город должен все делать для того, чтобы деревня давала городу здоровых «биологически крепких» людей, и что страны Востока должны остаться аграрным придатком индустриальных стран Запада.

Такова по этому вопросу «научная» концепция типичного апологета капитализма.

«Равновесие г-на Сорокина между высокоразвитыми странами и аграрным «Interland'om» выражается в эпоху всеобщего кризиса капитализма в чудовищных схватках, в конфликтах, в скрытой и открытой войне. В основе этого «равновесия» лежат обостряющиеся противоречия между городом и деревней в мировом капитализме, противоречия между индустриальными и аграрными странами, между метрополией и колониями.

В эпоху империализма скачкообразность развития капитализма чрезвычайно обостряет противоречия между городом и деревней в мировом капитализме. Империалистическая эксплуатация колоний является основанием для дальнейшего обострения противоположности между городом и деревней.

Одним из примеров проявления «равновесия» между метрополиями и «Interland'om» является оттавская конференция.

Ленин в свое время подверг уничтожающей критике взгляды г-на Булгакова, считающего идею уничтожения противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией» и обосновывающего вечность этой противоположности пресловутым законом убывания плодородия почвы.

Энгельс зло издевается над Дюрингом, «заимствовавшим свои взгляды у эксплуатирующих классов, согласно которым противоположность между городом и деревней неустраима по природе вещей. Ограниченность такого рода мыслей видна уже из того, что известное количество «сущест» приговаривается и в будущем обществе производить всегда какой-нибудь один продукт и что таким образом увековечивается существование особых экономических пород людей, отличающихся от других своим образом жизни и ликующих по поводу того, что они вырабатывают именно эту, а не какую-нибудь другую вещь, следовательно так глубоко опустившихся, что они радуются своему собственному порабощению и вырождению в односторонний автомат».

Ревизионисты во главе с Э. Давидом предполагают, что разрешение противоположности между городом и деревней дело столетий.

Ленин в «Конспекте и замечаниях на книгу Э. Давида» приводит мысль Давида и делает к ней замечание: «Уничтожение противоположности между городом и деревней» «столетия» (Merci) ⁵.

Современными апологетами капитализма в СССР противоположность между городом и деревней в СССР тоже мыслится вечной противоположностью и «естественным явлением». По этому вопросу мы имеем недвусмысленные высказывания проф. Кажанова в его «Сельскохозяйственной экономии». «Решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе,—говорит Ленин,—нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища доступными и всему миру, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни». И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних)

⁵ Ленинский сборник XIX, с. 327.

издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час, — нет ровно никаких технических препятствий к тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране» (Ленин).

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней есть прежде всего проблема уничтожения частной собственности на орудия производства. «Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» (Маркс).

Только при «предварительной отмене частной собственности на средства производства» выдвигается проблема создания новых принципов как общественного, так и технического разделения труда.

Речь идет об уничтожении общественного разделения труда капиталистического общества, в котором «с разделением труда был также разделен и человек» (Энгельс), общества, в котором «первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой» (Энгельс).

Это большое разделение труда, отделение города от деревни, связанное с товарным производством и с развитием капитализма, может быть уничтожено вместе с уничтожением капиталистического строя и построением нового социалистического общества.

Процесс обобществления производства на социалистической основе сопровождается процессом изменения и разделения труда. «Общественное управление производством, — говорит Энгельс, — не может осуществляться людьми вроде нынешних, из которых каждый подчинен какой-нибудь отрасли производства — прикован к ней, эксплуатируется ею, где каждый развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства... Общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применить их всесторонне развитые способности. Но вместе с тем необходимо исчезают и различные классы. Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезает: одни и те же люди будут заниматься промышленностью и сельским хозяйством, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации в силу материальных причин»⁷.

Уничтожение противоположности между городом и деревней идет таким образом и по линии уничтожения старых принципов разделения труда и создания новых принципов на основе социалистического обобществления труда. Труд становится всеобщим и распределяется между всеми работоспособными членами общества. Сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального. Окончательно уничтожается возможность эксплуатации человека человеком. Исчезновение противоположности между городом и деревней означает отрицание факта подчинения такому разделению труда, когда один человек превращается «в ограниченное городское животное», а другой — «в ограниченное деревенское животное».

⁷ Энгельс, Анти-Дюринг, с. 278.

Под углом зрения уничтожения противоположности между городом и деревней самые понятия «город» и «деревня» пересматриваются. Этими вопросами занимались еще до Маркса и Энгельса. В эпоху перехода от средних веков к новому времени, когда город, в то время борец против феодализма, выступает как носитель прогресса, появились утопии Томаса Мора и Кампанеллы. В этих утопиях дается теория уничтожения деревни и оставления только города.

В начале XIX в., когда капитализм выступает во всей силе эксплуатации, когда скопление жителей в городах ведет к антигигиеническим условиям жизни, выдвигается идея уничтожения города. Идею сохранения деревни без города выдвигают Руссо, Рескин и др.; в это же время выступают и социалисты-утописты, которые стремятся нащупать новые типы поселения будущего общества. Они выдвигают такой тип поселения, в котором люди будут заниматься одновременно и промышленным и сельскохозяйственным трудом. Сельскохозяйственный труд остается в этих утопиях самодовлеющим, и сельское хозяйство — основным занятием. Среди социалистов-утопистов заслуживает особого внимания по этому вопросу Фурье.

Основным занятием в «фаланстерах» Фурье является сельское хозяйство; мануфактурные и ремесленные работы производятся лишь по мере надобности, главным образом зимой. «Фаланстер» Фурье отличен как от современного города, так и от современной деревни. Он все же представляет образцово устроенное сельскохозяйственное поселение, где промышленный труд подчинен сельскохозяйственному труду. Роберт Оуэн дает тип поселений, сходный с «фаланстерами» Фурье.

Особого внимания заслуживает постановка вопроса о городе и деревне у Чернышевского.

У Чернышевского соединяется промышленный и земледельческий труд на новой основе — на основе высшей промышленной техники. У Чернышевского уже чувствуется «гегемония» металла. У него «чугунно-хрустальное здание», «езде алюминий и аммоний», «металлическая мебель легче ореховой», «почти все делают за них машины: и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, люди почти только ходят, ездят, управляют машинами», «в то же время эти огромные фабрики являются зелеными поселениями, утопающими в садах».

Вопрос же о городе и деревне на научную высоту на основе диалектического материализма был поставлен, разрешен и развит классиками марксизма-ленинизма.

«Капитализм, — говорит Ленин, — окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах».

Уровень развития производительных сил настойчиво требует соединения промышленности с земледелием. Производственные отношения в эпоху монополистического капитализма окончательно разрывают связь земледелия с промышленностью. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, при-

меняющих эти средства. «Общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их»⁷.

Процесс создания новых людей, потребных для нового типа производства, тоже является процессом всего переходного периода от капитализма к социализму и периода первой фазы коммунизма.

На основе социалистического обобществления труда, на основе единого плана народного хозяйства идет процесс создания новых принципов разделения труда, процесс создания бесклассового общества, процесс уничтожения противоположности между городом и деревней.

Вопрос о взаимоотношении города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней упирается целиком в понимание проблемы диктатуры пролетариата, проблемы «смычки» между пролетариатом и крестьянством, проблемы индустриализации страны, проблемы коллективизации и индустриализации самого сельского хозяйства.

Пути и методы социалистической индустриализации страны и в частности индустриализации сельского хозяйства являются путями и методами социалистической переделки сельского хозяйства, путями и методами уничтожения противоположности между городом и деревней.

Социалистическая переделка сельского хозяйства происходит на базе вытеснения старой, примитивной техники новой, крупной социалистической техникой, на базе механизации и электрификации производства сельского хозяйства, в обстановке ожесточенной классовой борьбы.

У троцкистов город и деревня — две антагонистические силы. Город «пожирает» деревню. Деревня выступает как антагонист города.

Исходным моментом в решении проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней у правых является тезис о том, что деревня идет самотеком за городом. В городе строится социализм на основе «равновесия» между городом и деревней. Деревня «вращается» в социализм.

Методология механиста не дает правым, как и троцкистам, понять единство противоположностей в переходной экономике. Как правые, так и троцкисты понимают механистически единство противоположностей. Они представляют его себе в виде единства отдельных секторов, в виде суммы разных сил. Они не видят руководящей, определяющей роли социалистических производственных отношений. В диалектическом единстве одна из противоположностей выступает как ведущая, как определяющая, и как таковая она придает качественное содержание всему единству. В таком единстве заложена борьба противоречий и тем самым отсюда вытекает действительность, исключена пассивность, исключен самотек. Механисты не видят этой ведущей противоположности. И тем самым они не видят ни единства, ни противоположностей.

Правые, говоря о единстве переходной экономики от капитализма к социализму, не видят того, что простое товарное производство односторонне с капиталистическим как товарное и частнособственническое, и неоднотипно с социалистическим производством. Они недооценивают того, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежеднев-

⁷ Энгельс, Принципы коммунизма.

но, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Таким образом, они не видят противоположностей в единстве. Но тем самым правые не могут видеть и самого единства противоположностей, так как социалистические производственные отношения не выступают в этом случае как определяющие, ведущие производственные отношения в народном хозяйстве в целом.

Троцкисты говорят о противоположностях в нашей экономике, о борьбе двух отдельных секторов. Они отрицают единство. Но в то же время они также отрицают социалистическую природу нашей государственной промышленности, они считают, что наши закономерности являются закономерностями капиталистической экономики. Они не видят того, что мелкое товарное производство, однотипное с капиталистическим, отлично от него как мелкое, основанное на собственном и личном труде самого собственника, и тем самым они по существу не понимают социальной природы ни противоположностей, ни единства. У правых оппортунистов (идеологов кулачества) налицо только два класса — пролетариат и крестьянство (в последнем растворяется кулачество). Кулачества как класса у них по сути дела не существует. У троцкистов (идеологов городской разоряющейся мелкой буржуазии) тоже два класса: пролетариат и буржуазия (последний подменяет крестьянство в целом).

Экономика капитализма неоднородна. Однако ее основной уклад однотипен с другими подчиненными ей укладами. Основные производственные отношения капитализма зародились в недрах феодализма на основе частной собственности на средства производства. Отношение к наемному труду делает деньги капиталом, но деньги сами по себе являются капиталом в потенции (*an sich*). Простое товарное производство является капиталистическим в потенции, оно имеет тенденцию развиваться в капиталистическое.

Экономика переходного периода от капитализма к социализму так же неоднородна, как и экономика капитализма. Но ее ведущий уклад не однотипен с другими, подчиненными ей укладами. Основные производственные отношения социализма не рождаются в недрах капитализма. Они являются на свет в боях социалистической революции. Производственные отношения капитализма в потенции (*an sich*) лежат в производственных отношениях простого товарного хозяйства. Производственные отношения социализма в потенции не лежат в простом товарном производстве.

«При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипным хозяйством. Конечно мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства... Можно ли следовательно сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом»⁸.

Движущим нервом развития является развитие социалистических производственных отношений. Но эти основные производственные отношения в своем движении находятся в «опосредствовании» других неоднотипных производственных отношений. Здесь происходит не

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., с. 550.

механическое взаимоотношение различного типа производственных отношений, а диалектическое «опосредствование» их. Здесь не просто сами по себе социалистические, простые товарные и капиталистические производственные отношения и их антагонизм, но их синтез, являющийся не формулой, а движением.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней не решается по теории самотека, по теории потухающей кривой классово-борьбы. «Нельзя, — говорит т. Сталин, — строить социализм только в промышленности, предоставив сельское хозяйство на произвол стихийного развития, исходя из того, что деревня «сама пойдет за городом»⁹.

В том-то и заключается ведущая роль города что он преобразует деревню. Социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад.

Правильно поняты закономерности экономики переходного периода от капитализма к социализму говорят о том, что никакого вставания не только кулака, но и вообще простого товарного производства в социализм не может быть.

Неоднотипность двух укладов — простого товарного (частная собственность на средства производства) и социалистического (обобществление средств производства) — обуславливает то положение, что тенденция, капиталистическая сама по себе, не превращается в тенденцию некапиталистического развития. Тенденция капиталистического развития преодолевается под активным воздействием социалистических производственных отношений, в упорной классовой борьбе.

Мелкое товарное производство однотипно с капиталистическим как товарное и частнособственническое, но мелкое товарное производство в то же время и отлично от капиталистического. В этом отличии мелкого товарного производства от капиталистического лежит объяснение того, что при правильной политике в период диктатуры пролетариата в «нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания... раскола» (Ленин). В этом отличии мелкотоварного производства от капиталистического лежит возможность переделки мелкого товарного производства в социалистическое на основе всей суммы условий пролетарской диктатуры.

«Крестьянин как труженик, — говорит Ленин, — тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад, к «признанному», старому, «исконному» капитализму».

Определить отношение в каждый отдельный исторический момент пролетарской власти к классу, не имеющему определенного, устойчивого положения, является одной из основных задач ленинской политики и одним из важнейших моментов ленинской теории пролетарской революции, а следовательно одним из основных моментов уничтожения противоположности между городом и деревней.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней решается правыми под углом зрения пресловутой теории «равновесия», теории, вытекающей из общих основ механистической философии и являющейся исходным моментом в объяснении всех установок правых оппортунистов.

⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., с. 457.

Из теории «равновесия» вытекает практика приспособления к исторически сложившимся пропорциям. Линия приспособления к исторически сложившимся пропорциям объясняется теми же поисками равновесия между различными «общественно-людскими группировками» с точки зрения «определенного равновесия между обществом и внешней средой».

Под углом зрения этого «равновесия» решается как вопрос противоположности между городом и деревней, так и вопрос об индустриализации страны.

В этом равновесии между обществом и средой исчезают классовые взаимоотношения, исчезает роль пролетариата. Эта теория абстрактна и недействительна, в ней выхолощена революционная сущность диалектики.

О классовом содержании этой теории четко поставил вопрос т. Сталин на конференции аграрников-марксистов: «Эта самая теория пропандируется целым рядом наших товарищей из лагеря правых... Нетрудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Нетрудно понять, что эта теория имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов»¹⁰.

Противоположность между городом и деревней, унаследованная от капитализма, должна по мнению правых с точки зрения «равновесия» предопределять темпы индустриализации, темп развития социалистического обобществления. С другой стороны, под углом зрения этого же «равновесия» должен быть определен и путь разрешения противоположности между городом и деревней. Теория равновесия как теория приспособления к наличным пропорциям определяет по мнению правых путь разрешения противоположности между городом и деревней через развитие индивидуальных хозяйств, через кооперирование только товарооборота.

По методологии правых социализм строится в городе на основе «подвижного экономического равновесия», т. е. на основе приспособления к сложившимся пропорциям и равнения на «узкие места». Деревня же через кооперирование только товарооборота «идет самотеком» за городом.

Теория «равновесия» содержит в себе точку зрения объективизма. Идея самотека родственна «струвистскому объективизму» и вытекает из теории «равновесия».

Точка зрения струвистского объективизма точка зрения, объясняющая все явления «непреодолимыми историческими тенденциями» безотносительно к расстановке классовых сил, является исходной для правого оппортунизма.

«Исходным пунктом... являются непреодолимые исторические тенденции» — говорит г-н Струве. «Это язык объективиста, а не марксиста-материалиста» — отвечает ему Ленин. «Объективист говорит о непреодолимых исторических тенденциях; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов»¹¹.

Струвистский объективизм характеризуется крайней абстрактностью, отрывом от анализа расстановки классовых сил, отрывом от конкретной исторической обстановки.

¹⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., с. 347.

¹¹ Ленин, Собр. соч., т. XXV, изд. 1929 г., стр. 10.

Струвистский объективизм фаталистичен, он исходит из неизбежности, из необходимости данного процесса.

Теория струвистского объективизма не действительна, а пассивна. В противовес струвистскому объективизму Ленин дает следующую характеристику партийности материализма:

«Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порожаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения...

Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. С другой стороны—материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события становиться на точку зрения определенной общественной группы».

Правый оппортунизм говорит о приспособлении к непреодолимым исторически сложившимся пропорциям, коммунист говорит о пролетариате, который, «заведая» данным экономическим порядком, активно преодолевает исторически сложившиеся пропорции.

Развитие экономики от капитализма к социализму идет не на основе теории «равновесия», а на основе марксистской теории расширенного воспроизводства. И тем самым развитие не приспособляется к исторически сложившимся пропорциям, а создает новые формы преобразования этих пропорций.

Социалистическое расширенное воспроизводство идет на основе планирования.

Социалистический план и субъективен и объективен.

Социалистический план выражает политику партии, господство диктатуры пролетариата. И в этом смысле он субъективен. Классовая борьба за новый способ производства есть классовая борьба за план, и тем самым планирование становится ареной классовой борьбы.

План включает в себя активную, действительную позицию революционного класса, изменяющего мир.

План в то же время объективен в том смысле, что он выражает сознание и волю миллионов строящих социализм, согласно целевым установкам своего класса, план объективен в том смысле, что целевые установки пролетариата с необходимостью вытекают из общего хода развития социалистической революции.

Роль социалистического плана изменяется исторически. План рожден Октябрьской революцией. И с самого начала план, выражая господство диктатуры пролетариата, был ведущим началом во всем народном хозяйстве.

Пути и методы социалистического расширенного воспроизводства на основе плана являются путями и методами уничтожения противоположности между городом и деревней.

Подготовка к переходу к расширенному воспроизводству на социалистической основе в сельском хозяйстве и борьба за развитие расширенного воспроизводства велись и ведутся на всем протяжении переходной экономики от капитализма к социализму. На каждом отдельном этапе строительства социализма выявлялись конкретные задачи по кооперированию и коллективизации мелких товаропроизводителей, и выдвигались лозунги ограничения роста капиталистических элементов. На новом этапе партия перешла от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Правые оппортунисты отрицают значение производственного кооперирования, они отрицают значение коллективизации.

Центральной идеей бухаринского кооперативного плана, принципиально отличного от ленинского, является движение деревни к социализму через кооперирование процессов обращения.

Отрыв производства от обращения, непонимание диалектической их связи ведут к отрицанию коллективизации, к извращению ленинского кооперативного плана. В основе этой теории лежит точка зрения социал-фашизма о примате обращения. Из отрыва производства от обращения социал-фашисты выводят «теорию организации» капитализма через обращение и кредит.

Кооперирование товарооборота являлось необходимой ступенью к переводу широких крестьянских масс бедноты и середняка на новую, высшую ступень производственного кооперирования и коллективизации. Кооперативный план Ленина указывает на переход одной, более простой формы кооперирования в высшую. Процесс индустриализации страны является базой для перехода к высшей форме кооперирования. Высшая форма кооперирования в то же время не отрицает, а включает в себя кооперирование товарооборота.

Ленинский кооперативный план не рассматривает кооперирование изолированно от задач производства. Установка сельскохозяйственной кооперации с самого начала была на все большее проникновение в область непосредственного производства. Всю свою работу в области организации сбыта, снабжения и кредита сельскохозяйственная кооперация должна была строить под углом зрения превращения на известном этапе этой работы в основную — в производственное кооперирование мелких крестьянских хозяйств. С этой точки зрения сельскохозяйственная кооперация является предпосылкой перехода к коллективизации.

Обобществление оборота через кооперацию в СССР увязано и обусловлено ведущей ролью социалистической индустриализации, и обратно — обобществленный оборот содействует социалистической индустриализации. Обобществленный оборот происходит на базе социалистической индустрии, и в свою очередь обобществленный оборот означает вытеснение частника из оборота, он означает борьбу за рынок, борьбу с частным капиталом.

Развертывание советской торговли на основе сплошной коллективизации дает дальнейшие стимулы к развертыванию индустриализации страны и дальнейшей реконструкции и самого сельского хозяйства.

Укрепление и развитие товарооборота является необходимым условием уничтожения противоположности между городом и деревней, так как укрепление и развитие товарооборота в наших условиях

является условием роста производительности труда, и в свою очередь дальнейшее укрепление и развитие товарооборота является следствием развития производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве.

На основе роста и укрепления товарооборота в наших условиях идет улучшение снабжения трудящихся города и деревни.

В связи коллективизации и колхозной торговли выражена связь производства и обращения на последнем этапе нэпа. Как коллективизация, так и колхозная торговля являются методами разрешения противоположности между городом и деревней.

Процесс уничтожения противоположности между городом и деревней имеет своей основной сущностью превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального.

В системе строящегося социализма является решающим не вообще развитие производительности труда, а развитие производительности труда, дающее строительство социализма.

Рост производительности труда играет решающую роль в строительстве социализма. На основе этого роста идет повышение жизненного уровня трудящихся при одновременном увеличении фондов расширенного производства.

Но значение роста производительности труда в экономике переходного периода может быть понято только под углом зрения его качественной характеристики, определяющей, кто и как развивает производительность труда.

Рост социалистического обобществления коренным образом меняет распределение труда, коренным образом меняет пропорции. Именно в росте социалистического обобществления заложены основы возрастающего повышения благосостояния трудящихся. Рост обобществленного сектора означает рост постоянного и возрастающего повышения благосостояния трудящихся, «потому, во-первых, что рост обобществленного сектора означает прежде всего сокращение эксплуататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве. А это значит, что доля рабочих и крестьян в народном доходе страны неминуемо должна возрастать за счет сокращения доли эксплуататорских классов. Потому, во-вторых, что при росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся. А это значит, что численность и сила рабочего класса должны возрастать, а безработица сокращаться и рассасываться. Потому наконец, что рост обобществленного сектора, поскольку он ведет к улучшению материального положения рабочего класса, означает поступательный рост емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на предметы промышленности со стороны рабочих и крестьян» (С т а л и н). Под углом зрения развития производительных сил вообще правые решают вопрос о противоположности между городом и деревней. Правые утверждают, что совершенно безразлично, кто и как развивает производительные силы в деревне. Противоположность между городом и деревней будет уменьшаться, по мнению правых, если производительность труда будет подниматься на базе индивидуального крепкого хозяйства.

Отсюда — решение проблемы противоположности между городом и деревней правыми под углом зрения «эквивалентного обмена».

Никогда партия в своей политике цен не вела линии на разорение, «пожирание» деревни. Та или иная часть общественного продукта всегда перераспределяется так, чтобы был обеспечен максимальный рост социалистического строительства.

Правооппортунистическая трактовка вопроса о развитии производительных сил в СССР является механистической — сводящей производительные силы только к технике, игнорирующей революционность класса как основного элемента производительных сил и выхолащивающей классовый характер производительных сил.

А отсюда, из этой трактовки вопроса вытекает непонимание проблемы социалистической индустриализации, непонимание того, что индустриализация в СССР «обеспечивает растущий процесс социальных форм промышленности над формами мелкобуржуазными и тем более капиталистическими» (Сталин), непонимание того, что реконструкция народного хозяйства в СССР «требуется вместе с тем перестройки социально-экономических отношений» (Сталин). Социалистическая индустриализация означает процесс перестройки социально-экономических отношений. На основе социалистической индустриализации идет процесс уничтожения противоположности между городом и деревней. Не понимая сущности проблемы социалистической индустриализации, правые не могут понять проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней упирается целиком в проблему социалистической индустриализации страны. «Обеспечить сельское хозяйство максимально орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе» (Сталин), является неотложной задачей для того, чтобы двинуть вперед индустрию. В то же время для механизации сельского хозяйства необходим быстрый темп развития социалистической индустрии.

Анализ финансирования расширенного воспроизводства социалистической индустрии показывает гигантский рост из года в год финансирования капитального строительства: 385 млн. руб. в 1924/25 г., 5 900 млн. руб. в 1931 г. и 7 250 млн. руб. в 1932 г. по плану.

В сельское хозяйство за 1927—1930 гг. были вложены огромные средства — около 4 млрд. руб. Высокие темпы индустриализации страны произвели коренное изменение в соотношении между промышленным и сельскохозяйственным производством. Путь превращения аграрной страны в индустриальную в условиях переходной экономики от капитализма к социализму есть путь уничтожения противоположности между городом и деревней. О соотношении между промышленностью и сельским хозяйством мы получаем представление из распределения валовой продукции народного хозяйства по годам:

	До войны	1927/28 г.	1931 г.
Промышленность	42,1	45,2	60,0
Сельское хозяйство	57,9	54,8	40,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Процесс индустриализации, в частности сельскохозяйственного машиностроения, создает необходимые предпосылки для организа-

ционного закрепления колхозного движения. И со своей стороны, процесс коллективизации является необходимым условием для механизации сельского хозяйства. «Перестройка технической базы сельского хозяйства невозможна без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без объединения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в сельском хозяйстве» (С т а л и н).

Социалистическая индустриализация является поэтому главным путем к переделке всего народного хозяйства — путем к уничтожению противоположности между городом и деревней.

Социалистическая индустриализация, таким образом, не односторонний, не оторванный от классового содержания процесс. Социалистическая индустриализация также не процесс, оторванный от взаимоотношений с капиталистическим миром.

На основе социалистической индустриализации достигнуты решающие успехи в области развития производительных сил сельского хозяйства и социалистического преобразования деревни.

Индекс с.-х. производства по всем странам Европы и по всему СССР в 1930 г.¹² (1913 г. = 100):

К у л ь т у р а	Европа	СССР
Пшеница	97	113
Рожь	91	116
Сахарная свекла	127	168
Хлопок	123	246

На основе социалистической индустриализации и коллективизации СССР стал страной крупнейшего сельского хозяйства в мире.

Площадь посева с.-х. предприятий САСШ, в Германии и в СССР (1931 г.)¹³:

	В гектарах	Процент хозяйств к общему числу
САСШ	свыше 200	3,5
Германия	100	0,4
Колхозы в СССР	от 70 до 310	41,0
	„ 311 „ 1270	21,4
	свыше 1270	5,6

Вместе с тем широкая работа ведется по линии создания крупнейших хлопководческих совхозов. Годовая продукция проектируемого сейчас в Казакстане хлопководческого совхоза составит не менее 100 млн. руб.

Социалистический сектор занял преобладающее положение не только в городе, но и в деревне. В факте завершения построения фундамента экономики и в факте окончательного решения вопроса «кто — кого» в пользу социализма как в городе, так и в деревне мы

¹² Доклад т. Яковлева на VI съезде советов.

¹³ Данные НКЗема СССР.

имеем решающий шаг в деле уничтожения противоположности между городом и деревней.

Приведем таблицу, дающую рост коллективизации и удельный вес социалистического сектора в динамике¹⁴:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
С о в х о з ы				
Число совхозов	3 125	3 037	4 832	5 383
Посевная площадь (в тыс. гектаров)	1 736	2 277	4 635	10 523
Валовая продукция зерносовхозов (в тыс. центнеров)	11 341	13 269	32 557	—
Количество тракторов (в тыс.)	6,7	9,7	25,0	48,6
Мощность их (в тыс. HP)	78	123	446	901
Рабочий скот в переводе на HP (в тыс.)	69	80	124	340
Итого тяговой силы (в тыс. HP)	147	203	570	1 241
Основные фонды (в млн. руб.)	393	5+6	1 375	2 535
Капитальные вложения (в млн. руб.)	109	267	1 086	1 655
Прирост числа рабочих к предыдущ. году (в тыс.)	—	54	295	595
К о л х о з ы				
Число колхозов	33 258	57 045	85 950	217 800
Число хозяйств, вошедших в колхозы (в тыс.)	416,7	4 662,5	26 868,7	—
Площадь кол. посева (в тыс. гектаров)	1 388,9	4 183,4	34 816,4	80 119,4
Процент коллективизации	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
а) хозяйств	1,7	3,9	23,6	55,1
б) площади посева	1,2	3,6	30,9	63,6
Средний размер колхоза по площади посева	41,7	73,3	405,1	367,9
капиталовложения (в млн. руб.)	80,2	257,6	913,4	1 661,3

Изменения в социально-экономической структуре показывают с особой четкостью расстановку классовых сил в год завершения построения фундамента социалистической экономики.

Посмотрим на удельный вес секторов сельского хозяйства в плановых заготовках с.-х. продуктов в 1930—1932 гг. по СССР:

Г о д ы	Совхозы	Колхозы	Едино-личники	Итого
1930	8,3	33,3	58,4	100,0
1931	16,6	46,8	35,7	100,0
1932	20,0	61,5	18,5	100,0

Распределение народного дохода
(ориентировочные исчисления)

Г р у п п ы	В процентах ко всему народному доходу				
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Колхозники	1,0	2,4	11,4	21,5	28,5
Единоличники	43,4	39,3	32,6	17,8	6,8
Кулаки	4,6	3,9	1,2	0,5	0,1

¹⁴ „Народное хозяйство СССР“. Статистический справочник на 1932 г., ЦУНХУ, с. 124, 131, 141, 143.

Колоссальный рост коллективизации и рост совхозов и огромный рост механизации социалистического сектора говорит о том, что «в сельском хозяйстве произошел коренной перелом, выразившийся в окончательном повороте к социализму бедняцко-средняцких масс деревни. Господствующее положение в сельском хозяйстве заняли социалистические формы (колхозы и совхозы). Советский союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники» (из резолюции XVII партконференции).

Разрыв между техническим уровнем сельскохозяйственного производства и техническим уровнем промышленности является неизбежным результатом развития капитализма. Этот разрыв, унаследованный от капитализма, мы ликвидируем на основе индустриализации страны, индустриализации и коллективизации самого сельскохозяйственного производства. На основе индустриализации самого сельского хозяйства идет вытеснение ремесленного и мануфактурного характера сельскохозяйственного производства. На основе вытеснения отсталой техники «системой машин, связанных в один производственный механизм» (Ленин), идет процесс уничтожения противоположности между городом и деревней.

Троцкизм и правый оппортунизм имеют помимо различий и общие методологические корни.

Новый «тушинский перелет» Троцкого на минималистские право-оппортунистические позиции по вопросам индустриализации и коллективизации объясняется известным «родством душ» с правыми, объясняется капитулянтской сущностью контрреволюционного троцкизма. «Диалектика» переходов троцкизма в правый оппортунизм и обратно — правого оппортунизма в троцкизм — не отрицает однако их реального различия.

Последний «перелет» Троцкого неизбежно вытекает из отрицания возможности победы социализма в СССР. Отрицание возможности строительства социализма в деревне означает отрицание сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса, из отрицания возможности построения бесклассового общества в одной стране логически вытекает бесцельность ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Проблему ликвидации противоположности между городом и деревней Троцкий начинает с обратного конца. Он считает, что ликвидация противоречий в деревне возможна после ликвидации противоположности между городом и деревней. «Ликвидировать противоречия в деревне можно только ликвидировав противоречия между городом и деревней, а это осуществимо лишь в рамках международной революции»¹⁵.

Вывод — разрешение противоположности между городом и деревней находится в прямой зависимости от международной революции, а дальше — вслед за этим начинается ликвидация противоречий в деревне. До мировой революции противоречия в деревне, по Троцкому, идут по линии нарастания, т. е. по линии реставрации капитализма.

Из отрицания Троцким закона неравномерности развития как решающего закона империализма вытекают отрицание возможности

* «Вперед к оппортунизму» за февраль—март 1930 г.

построения социализма в отдельной стране и отрицание возможности ликвидации противоположности между городом и деревней.

Меньшевицкая оценка нашей революции только с точки зрения «уровня технического развития», грубо механистическое представление о связи и зависимости экономики СССР от капиталистической экономики, меньшевицкая оценка движущих сил нашей революции,— все эти вопросы, составляющие меньшевицкую концепцию теории революции, легли в основу решения троцкистами вопроса о поезде социализма в одной стране.

Троцкий анализ социальной природы нашей революции был дан под углом зрения троцкистской концепции империализма, троцкистского понимания закона неравномерности развития, под углом зрения недооценки роли крестьянства, а также под углом зрения только уровня технического развития.

Тот же водораздел, который решающим образом отделяет меньшевизм от ленинизма в анализе социальной сущности нашей революции, является также водоразделом между ленинизмом и троцкистской трактовкой вопроса о поезде социализма в нашей стране.

Троцкисты прежде всего смешивают в одну кучу проблему победы социализма в одной стране с проблемой полного преодоления противоположности между городом и деревней. Говоря о победе социализма в одной стране, Троцкий утверждает, что «дело идет о преодолении противоречий между городом и деревней... Дело идет также об отмирании государства». Он таким образом и в этой постановке вопроса перепрыгивает через этап социализма как первой фазы коммунизма.

Троцкий в «поезде социализма в одной стране», в победу первой фазы коммунизма включает и отмирание государства и полное уничтожение противоположности между городом и деревней.

Вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней решается троцкизмом вполне последовательно с точки зрения троцкистской методологии и по линии внутренних движущих сил революции. В теории «пожирания» мелкобуржуазного хозяйства дается троцкистами «теоретический» анализ проблемы взаимоотношения между городом и деревней, «теоретический» анализ проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней.

Эта «теория», обосновывающая меньшевицкую сущность недооценки крестьянства, дана в «основном законе социалистического накопления» Е. Преображенского.

В «законе первоначального социалистического накопления» Е. Преображенским центральный вопрос революции решается так, как этого требует основной тезис Троцкого: без государственной помощи западноевропейского пролетариата революция неизбежно должна погибнуть. Крестьянство — не союзник, крестьянство — не революционная сила. Пролетариат по отношению к крестьянству может выступить только в роли эксплуататора. Отношение между пролетариатом и крестьянством является отношением эксплуатации. И чем более отсталой является страна, в которой проходит революция, тем резче выступает эксплуататорский характер пролетариата.

По Преображенскому, мы имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», а в мелкотоварном производстве — мелкобуржуазные колонии.

Две системы — социалистическая система и система частновладельческого производства, включенные в одну систему «национального хо-

зайства», «могут,— говорит Е. Преображенский,— существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую».

Итак, сущность сформулированного закона заключается в том, что социалистическая система должна пожирать и в конечном счете сожрать систему частнотоварного производства.

Е. Преображенский говорит, что «закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия».

Однако это «диалектическое перерождение», по Преображенскому, происходит таким образом, что новый тип «равновесия» остается между городом и ликвидированной путем «пожирания» деревней.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней решается не так, что «отменяется и город и деревня» (Маркс) и создается новый тип селения, являющийся синтезом и города и деревни, а по-троцкистски: отменяется деревня и остается только город.

В этой концепции и лежит троцкистское понимание взаимоотношений пролетариата и крестьянства в революции.

«Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получают «враждебные столкновения пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства»¹⁶.

Содержанием ленинской «смычки» были строительство и победа социализма в нашей стране. Отрицание возможности построить социализм в нашей стране было содержанием взаимоотношений между городом и деревней у Троцкого.

В своей ревизии Маркса Роза Люксембург смешала методы первоначального накопления и капиталистического накопления. Роза Люксембург говорит: «То, что принял Маркс предпосылкой своей схемы накопления, соответствует лишь объективной исторической тенденции накопления и его теоретическому конечному результату. Процесс накопления имеет тенденцию ставить всюду на место натурального хозяйства простое товарное хозяйство, на место последнего — капиталистическое хозяйство».

Сущность капиталистического накопления Роза Люксембург видит в разложении натурального хозяйства и замене его товарным.

Методы капиталистического накопления не совпадают с методами первоначального капиталистического накопления. Эта методология подводит ее к извращенному пониманию как законов капитализма, так и законов империализма.

Преображенский делает шаг «вперед» от Розы Люксембург, он методы первоначального капиталистического накопления переносит и на период строящегося социализма. Преображенский предполагает действовать методами насильственными и внезапными, методами «переворотов», методами высоких цен, высоких налогов, бумажной инфляции, — словом, целой системой методов «пожирания» мелкого товарного производства, системой методов первоначального капиталистического накопления.

¹⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., с. 112.

Но если между городом и деревней существует якобы отношение «эксплоатации», то это отношение эксплуатации должно воспроизводиться в расширенном масштабе.

Всякое общество, если его основные источники накопления идут на основе эксплуатации, должно воспроизводить в своем развитии это отношение эксплуатации.

Наш переходный строй от капитализма к социализму, если в основе его накопления лежит отношение эксплуатации между городом и деревней, должен это отношение все больше воспроизводить.

Воспроизводство отношения эксплуатации между городом и деревней на расширенной основе есть воспроизводство противоречия между городом и деревней и обострение этого противоречия.

Если накопление идет на основе отношений между метрополией и колонией, то никогда колония не поднимется до уровня развития метрополии, и никогда не будет уничтожено противоречие между городом и деревней.

Троцкисты в конце восстановительного периода предлагали «сверхиндустриализацию» страны. Они предлагали реализовать эти «высокие темпы» индустриализации за счет пожирания деревни.

Такое «разрешение» проблемы повело бы к подрыву и разорению социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом, к срыву «смычки» между пролетариатом и крестьянством и к срыву революции в целом. На основе «пожирания» мы шли бы к верной гибели, к «пожиранию» пролетарской революции.

Анализ проблемы накопления в реконструктивный период показывает, что основной источник расширенного воспроизводства промышленности — это прибыль самой промышленности. В то же время следует отметить, что «высокие темпы» индустриализации троцкистов оказались в период реконструктивный совершенно минималистскими.

Установка Маркса «отменить город и деревню» лежит в основе разрешения проблемы преодоления противоположности между городом и деревней в пролетарской теории революции Ленина. «Отменить город и деревню» и создать новый тип селения на основе строительства социализма в городе и деревне, на основе социалистической индустриализации страны, на основе реализации ленинского кооперативного плана — такова установка партии в решении этой проблемы.

Трудовая сторона мелкого товаропроизводителя становится исходным пунктом коллективизации только на основе руководства пролетариата, на основе индустриализации страны, на основе ведущей роли социалистической промышленности.

* * *

Первые декреты, уничтожившие частную капиталистическую собственность на средства производства в промышленности и на землю, были первыми шагами по пути разрешения противоречий между городом и деревней.

Октябрьская революция, разбив государственную машину буржуазии, отменив частную собственность на землю, национализировав фабрики, заводы, банки и транспорт, принципиально изменила взаимоотношение между городом и деревней. Противоположность между городом и деревней получила другое; классовое содержание, отличное от противоположности между городом и деревней в эпоху империализма.

Установление диктатуры пролетариата является таким образом первым шагом к уничтожению противоречий между городом и деревней. Начало социалистической революции, ликвидирующей частную собственность на средства производства, кладет тем самым начало процессу ликвидации противоположности между городом и деревней.

Ленинский план брошюры о продналоге намечает следующие вехи социалистического строительства в сельском хозяйстве:

«Мелкий крестьянин

Колхозы

Электрификация»¹⁷.

Эти вехи не являются особыми, механически разделенными во времени этапами развития. Превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа происходит через МТС, на основе внедрения «системы машин». Одновременно подготавливаются условия для перехода к полной электрификации. Процесс уничтожения противоположности между городом и деревней проходит ряд этапов соответственно этапам переходной экономики от капитализма к коммунизму.

Первый этап — от Октября 1917 г. по военный коммунизм. Уничтожение частной собственности на землю и на средства производства в крупной промышленности. Перераспределение земли между деревенскими группами. Первые совхозы и коммуны. Лозунг (до VIII съезда партии) — нейтрализация середняка.

Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю, уничтожила абсолютную ренту, уничтожила и дифференциальную ренту как таковую, уничтожила куплю-продажу земли и тем самым освободила крестьянство от кабалы при покупке земли. Цена одной лишь помещичьей земли составляла накануне Октябрьской революции около 615 млрд. золотых рублей, арендная плата крестьянами владельцам земли составляла 350 млн. золотых рублей в год. Вопрос о том, что получило крестьянство в Октябрьскую революцию, «затрагивает проблему взаимоотношений между городом и деревней. Он затрагивает проблему уничтожения противоположности между городом и деревней» (С т а л и н).

Октябрьская революция уничтожила один из важнейших показателей противоположности города и деревни — положение деревни «как подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой» (Л е н и н). В период военного коммунизма на основе октябрьских завоеваний бедняцко-средняцкая деревня выступила с пролетариатом против общего врага. Этот военно-политический союз являлся условием реализации процесса сближения города и деревни в эпоху военного коммунизма.

Второй этап — переход к нэпу и восстановительный период. Процесс развития производительных сил, увеличения количества продуктов в стране, укрепления смычки с крестьянством являлся процессом преодоления противоположности между городом и деревней. Работа по линии реализации кооперативного плана Ленина в восстановительный период есть работа по линии строительства социализма в сельском хозяйстве, по линии ликвидации противоположности между городом и деревней. В этот период были подготовлены условия для могучего развертывания социалистической реконструкции всего хозяйства. Политика ограничения кулацких элементов на базе разверты-

¹⁷ Л е н и н, Собр. соч., т. XXVI, стр. 310.

вания нэпа. Рост благосостояния крестьянского населения. Рост удельного веса середняка. Лозунг — союз с середняком.

Третий этап — реконструктивный период. Этот период включает в себя последний этап нэпа. Этот этап включает в себя год «великого перелома» — 1929 год, когда середняк под руководством пролетариата окончательно повернул на путь социализма. Этот этап включает в себя также год завершения построения фундамента социалистической экономики — 1931 год. Этот этап еще не закончен. В этот период Страна советов уже вступила в период социализма. В этот период завершено и происходит дальнейшее укрепление экономического фундамента социализма. В этот период СССР окончательно утвердился на новом социалистическом пути. Период, в который на базе сплошной коллективизации происходит ликвидация кулачества как класса, подготавливает основные предпосылки для окончательной ликвидации противоположности между городом и деревней. Лозунг — колхозное крестьянство — опора.

В этот период вопрос о «ножницах» поставлен по-новому. «Если колхозное движение, — говорит т. Сталин, — будет расти нынешним темпом, «ножницы» будут уничтожены в ближайшее время. Из этого следует, что вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом»¹⁸.

Пути и методы построения социалистического общества являются путями и методами уничтожения противоположности между городом и деревней. В то же время проблема уничтожения противоположности между городом и деревней выходит за рамки построения социалистического общества и содержит в себе ряд специфических моментов.

Одной из основных предпосылок уничтожения противоположности между городом и деревней является равномерное размещение производительных сил как промышленности, так и сельского хозяйства. На XVI партсъезде т. Сталин поставил этот вопрос как очередную задачу партии. «Как бы мы, — говорит т. Сталин, — ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства». В резолюции июньского пленума ЦК по докладу т. Кагановича говорится: «Учитывая, что дальнейшее развитие промышленного строительства страны должно идти по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах и тем самым приближать окончательно уничтожение противоположности между городом и деревней, пленум ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.»

О плане размещения производительных сил Ленин писал:

«В этот план должно входить рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов, вплоть до получения готового продукта...

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использо-

¹⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 203.

вание не первоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) и для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего» (Ленин).

По мере развития техники зависимость от сырьевых и топливных баз будет уменьшаться, и под этим углом зрения будут намечаться линии дальнейшего размещения производительных сил.

Энгельс в письме к Э. Бернштейну от 1883 г. по поводу опытов Дебре с передачей электроэнергии на расстояние в 50 км писал:

«Новейшее открытие Дебре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проводке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте (дело это находится еще в зародыше), окончательно освобождает промышленность от всех местных границ, делает возможным употребление самых отдаленных водных сил. И если вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но совершенно очевидно, что вместе с этим производительные силы достигнут таких размеров, что перестанут господство буржуазии».

Размещение производительных сил в сельском хозяйстве в первом и втором пятилетии в значительной мере зависит от размещения производительных сил в промышленности. И здесь город является ведущим. Создание второй мощной индустриальной базы на востоке является решающим фактором для нового размещения производительных сил и в сельском хозяйстве на востоке.

Проблема второй индустриальной базы союза — Урало-Кузбасса, проблема Волги — Камышинской, проблема Березяков, Бобриков и десятков других гигантов являются проблемами, преобразующими лицо страны, лицо районов, проблемами разрешения противоположности между городом и деревней. Основные сельскохозяйственные районы будут перестраиваться на основе мощной индустриальной базы.

Во втором пятилетии произойдут дальнейшие решительные сдвиги в национальных республиках. Идет индустриализация огромных отсталых областей, служивших ранее своего рода аграрными колониями царской России.

Обратимся к примерам:

Удельный вес промышленности и сельского хозяйства в народном хозяйстве Казакстана на 1930 и 1931 гг.

	1930 г.	1931 г.
Сельское хозяйство	69,5	57,6
Промышленность	27,2	38,2
Лесное хозяйство	1,4	1,8
Рыбное хозяйство	1,8	2,4

Рост сельского хозяйства и промышленности в Марийской автономной области

	1925/26 г. Валовая продукция (в тыс. руб.)	1931 г.	Процент роста за 5 лет
Сельское хозяйство	38 260,0	60 073,0	157,0
Промышленность	5 416,6	42 449,0	776,5

Новое размещение производительных сил сельского хозяйства будет связано со специализацией районов. Причем в отличие от капиталистической специализации специализация в СССР исходит из развития народного хозяйства в целом, из всестороннего анализа

социально-экономических и географических условий района. Специализация, исходящая не из погони за прибылью, а из правильного размещения производительных сил, не отрицает, а предполагает правильное соотношение ряда культур в одном районе. Такая специализация в наших условиях является одним из методов уничтожения противоположности между городом и деревней.

Равномерность размещения производительных сил под углом зрения строительства социализма проявляется в том, что в процесс социалистической индустриализации втянуты огромные отсталые области. Правильная национальная политика партии дала возможность национальным республикам развиваться по социалистическому пути.

Процесс коллективизации есть решающий процесс в деле построения социализма в деревне. Процесс коллективизации происходит на базе индустриализации сельского хозяйства. Процесс коллективизации влияет и видоизменяет технические основы сельского хозяйства.

По сельскохозяйственному машиностроению и снабжению деревни средствами производства СССР займет в Европе первое место еще до конца первой пятилетки, а по сравнению с САСШ расхождение показателей роста производства сельскохозяйственных машин в пользу СССР начинается с 1930/31 г.

В то время как все производство в САСШ в 1929 г. составляло 19 тыс. гусеничных тракторов, каждый из тракторных гигантов в СССР будет производить в момент полного пуска в 2—2½ раза больше гусеничных тракторов.

В то время как вся довоенная продукция сельскохозяйственного машиностроения составляла по нынешним оптово-отпускным ценам 76 млн. руб. в год, к концу первой пятилетки общий выпуск сельскохозяйственных машин превысит 1 300 млн. руб.

Динамика тракторного парка сельского хозяйства СССР¹⁹

Секторы сельского хозяйства	Количество в единицах						Мощность в тыс. HP					
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. 1/1	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. 1/1
	Совхозы . .	4 651	6 719	9 678	24 953	27 685	52 583	55,8	77,6	123,4	445,5	483,1
Колхозы и кустовые объединения	9 122	10 854	19 109	20 578	23 279	6 379	91,6	108,9	186,1	223,4	147,9	73,9
МТС . . .	—	—	2 387	20 801	31 114	54 894	—	—	23,9	257,1	372,5	759,1
Производственн. с.-х. кооперация	4 422	6 673	3 769	—	—	—	44,2	66,7	58,0	—	—	—
Единоличн. крестьянск. хозяйства .	6 309	2 847	—	—	—	—	63,1	24,9	—	—	—	—
Все секторы	24 504	26 733	34 943	66 332	72 078	113 856	254,7	278,1	391,4	926,0	1 003,5	1 781,4

Таблица говорит как о колоссальном росте тракторного парка, так и о колоссальном росте тракторизации социалистического сектора.

Количество тракторов в 1931 г. по отношению к наличию в 1926 г. увеличивается на 765%.

¹⁹ „Народное хозяйство“ СССР. Статистический справочник ЦУНХУ за 1932 г., стр. 145.

Количество тракторов в системе Зернотреста составляло в 1930 г. 10 161 мощностью в 245 084 НР. 1930 год можно считать ударным годом в развитии тракторного хозяйства. Тракторный парк в одном только 1930 г. увеличился на 74,4% по количеству тракторов и на 107,1% по общей мощности. Уже к 1 июля 1932 г. в нашем сельском хозяйстве мы имели 147,8 тыс. тракторов. Тракторный парк нашей страны теперь пополняется уже не импортом, а только на основе советского производства. Лишь за первое полугодие 1932 г. наша индустрия выпустила на социалистические поля 24,7 тыс. тракторов против 14,2 тыс. за то же время прошлого года. Комбайнов выпущено 4 тыс. за первое полугодие 1932 г. против 961 за то же время в прошлом году; соответственно: сноповязалок 10-футовых — 6 038 и 1 038, льнотеребиллок — 4 575 и 40, сенокосилок — 9 683 и 3 716. Общее количество автомобилей в сельском хозяйстве достигло к 1 июня 1932 г. 10 тыс. К весне 1932 г. у нас уже была развернута сеть в 2 115 МТС, которые охватили 34% колхозных хозяйств и 63% посевных площадей колхозов. В весеннюю посевную кампанию МТС посеяли 35 млн. га против 20 млн. га в 1931 г.

К концу первой пятилетки сельское хозяйство будет механизировано почти на 50%, причем несколько тысяч предприятий будут целиком механизированы. Уже в 1930 г. механическая энергия, потребляемая совхозами, составляла 88,3%, в 1931 г. — 93,5%. В 1932 г. СССР значительно превзойдет Америку по степени тракторизации сельского хозяйства. СССР оставил позади европейские страны по линии тракторизации уже в 1931 г. И по производству тракторов СССР занял в 1932 г. первое место в мире.

На деле МТС «наряду с совхозами являются основными опорными пунктами сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса» (из постановления ЦК ВКП(б)).

Благодаря концентрации в течение ряда лет целой группы тракторов в единую базу МТС сумела дать то, что не в силах были сделать тракторы, разбросанные по одному, по два, по пяти в различных хозяйствах.

Роль совхозов в деле строительства социализма в деревне огромна. Совхозы, во-первых, являются самостоятельной формой организации механизированного сельского хозяйства, построенного на основе «системы машин», и, во-вторых, совхозы воздействуют на перестройку мелкого крестьянского хозяйства как в форме показа преимуществ крупного механизированного хозяйства, так и в форме непосредственной помощи мелким производителям.

В результате повышения вооруженности рабочих совхозов, в результате соцсоревнования и ударничества выросла сильнейшим образом производительность труда в совхозах.

В то время как в 1928 г. на одного рабочего в совхозах приходилось 5 га уборочной площади, в 1931 г. на одного рабочего в совхозах приходилось уже 6,9 га.

Валовая продукция в неизменных ценах выросла на одного рабочего в совхозах с 553 руб. в 1928 г. до 747 руб. в 1931 г.

Рост производительности труда мы имеем также в колхозах, где полностью оправдалось положение тов. Сталина о том, что «простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики».

Возьмем несколько таблиц, иллюстрирующих сдвиги в производительности труда в коллективных хозяйствах.

Урожай в совхозах, коммунах и артелях Северного Кавказа в процентах к урожаю в индивидуальных хозяйствах в 1928/29 г. ²⁰

	Пшеница яровая	Овес
Совхозы	162,7	170,1
Коммуны	135,4	149,5
Артели	130,8	152,8
Крестьянские хозяйства . . .	100,0	100,0

Таблица показывает увеличение урожайности по яровой пшенице в совхозах по отношению к индивидуальным крестьянским хозяйствам на 62,7%, в коммунах — на 35,4%, а в артелях на 30,8% а по овсу: в совхозах — на 70,3%, в коммунах — на 44,5% и в артелях — на 52,8%.

Следующая таблица показывает рост урожайности по зерносовхозам Зернотреста.

Урожайность по зерносовхозам Зернотреста ²¹

Название совхоза	Наименование культур	Урожай (с гектара в центи рах)	
		1929 г.	1930 г.
По всему Зернотресту	Рожь	5,8	8,8
	Озимая пшеница	9,7	11,4
	Яровая	5,8	6,7
	Овес	4,5	7,3
	Ячмень	9,5	7,9
	Среднее по всем культурам .	4,6	7,3

Урожайность по Союзу еще низка. Организационное укрепление колхозов и рост удобрений должны дать в ближайшие годы колоссальный рост урожайности и понижение себестоимости.

Крупные межселенные энергетические станции на основе технической концентрации усовершенствованных орудий производства дают возможность обслужить ряд сел лучшими сельскохозяйственными машинами. Машинно-тракторные станции дают возможность ввести высокоусовершенствованную технику, применять новейшие агротехнические приемы, перейти к рациональному севообороту, увеличить удобрение полей на основе расширения продуктивного животноводства. Все эти условия обеспечивают рост урожайности, снижение себестоимости продукции и повышение качества зерновой продукции.

Машинно-тракторная станция обеспечивает сокращение огромной части производственных расходов, главным образом расходов по содержанию рабочих животных.

Машинно-тракторные станции должны стать центрами соответствующих районов. Как правило, этот центр совпадает с административным районным центром. Через машинно-тракторные станции происходит сближение города и деревни и приближение сельскохозяйственного производства к типу промышленного.

²⁰ „Сдвиги сельского хозяйства между XV и XVI съездами“.

²¹ Данные по отчету Зернотреста.

МТС играет решающую роль в деле организационно-хозяйственно-го укрепления колхозов, что является одним из решающих моментов на данном этапе социалистического строительства. Трактовка социальной природы МТС не как предприятий последовательно социалистического типа (т.т. Никулихин, Караваев и др.) вытекает из непонимания сущности социалистической индустриализации самого сельского хозяйства, вытекает из непонимания того, что МТС отличаются от совхозов по своим различным функциям, по своей различной роли, но не отличаются от совхозов по своей социальной сущности, по своему отношению к средствам производства. Непонимание социальной природы МТС ведет к отрицанию того положения, что МТС являются рычагом для превращения колхозов в предприятия последовательно социалистического типа.

Механизация животноводства должна дать такой же решительный перелом в этой области, какой мы имеем в деле организации социалистического зернового хозяйства.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 г. говорит о реконструкции животноводства следующее: «Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР считают работу по созданию социалистического сектора в области животноводства — совхозов и колхозных ферм — центральной задачей ближайшего времени и в области сельского хозяйства. 1931 и 1932 гг. должны быть годами такого же решительного перелома в области развертывания животноводства, какими были 1929 и 1930 гг. в деле организации социалистического зернового хозяйства». Под углом зрения этого постановления идут ассигнования на капитальное строительство в сельском хозяйстве. Из вложений, идущих на сельскохозяйственное строительство в 1932 г., 55% направляются на постройку сооружений для скота. Животноводческие тресты получают в 1932 г. 67,4% всех вложений в сельскохозяйственную электрификацию. Проблема крупного социалистического животноводства решается на основе совхозов и колхозных ферм и инкубаторных птицеводческих станций. Форма колхозных ферм наиболее соответствует нынешней артельной стадии развития колхозного хозяйства. Наряду с совхозами эта форма «наиболее быстро решает задачу создания крупного товарного животноводства» (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР).

Механизация сельского хозяйства на протяжении второй пятилетки пойдет по линии дальнейшего внедрения «системы машин»: трактор гусеничный, плуг — комбайн — грузовик. Возрастает на протяжении второго пятилетия электрификация сельского хозяйства. Наряду с включением электроэнергии в сельское хозяйство должно получить свое развитие строительство электростанций сельскохозяйственного назначения на основе использования местных видов топлива, отходов сельскохозяйственного производства и широкого использования ветро- и гидроэнергии.

В течение пятилетки все центры МТС и все совхозы должны быть соединены с магистральными автомобильными и железными дорогами, подъездными путями, обеспечивающими нормальное движение автотранспорта в течение круглого года. Внутри совхозов и МТС должна быть создана сеть простейших улучшенных дорог.

Отсюда мы видим, что механизация сельского хозяйства играет решающую роль в деле уничтожения противоположности между городом и деревней.

Механизация сельского хозяйства играет решающую роль в деле превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индуст-

стриального. Социальная и техническая реконструкция сельского хозяйства составляет единство взаимообусловленных моментов.

Город становится активным руководителем деревни. И в то же время «крестьянин старого типа, с его зверским недоверием к городу как к грабителю отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение отсюда реальной производственной помощи»²².

Ни с чем не сравнимым по своему существу являются преимущества социалистической системы перед капиталистической по линии электрификации сельского хозяйства. Электрические провода не терпят рамок частной собственности. Капитализм неспособен перевести технику на новую энергетическую базу. Об этом говорит вся капиталистическая действительность. Первая в России районная электростанция, построенная в 1914 г., не могла быть пущена в работу потому, что помещики запретили через их земли проводить линии передач к потребителям.

По поводу проектов электрификации Англии, по поводу созданной с этой целью «электрической комиссии» лондонский корреспондент газеты «Labor» Гебер Бланкенорн, пишет: этой комиссии не пришлось и начинать, так как «прежде чем она родилась на свет, палата лордов обессилила ее в зародыше. Проектировавшаяся в проекте коалиционного правительства принудительная власть комиссии и ее финансовые ресурсы были выброшены из закона. Лорды рассудили, что от всей этой затеи «пахнет национализацией» и что если вся электрическая энергия будет производиться на небольшом числе сверхстанций, то небольшое количество рабочих на этих станциях может забастовать».

Буржуазия прекрасно сознает роль и значение плановой электрификации. «Плановая электрификация, — пишет Гиффорд Пинчот, губернатор Пенсильвании, — отличается от сверхмощных станций так же, как ручной слон отличается от дикого».

Но капитализму никогда не осуществить плановой электрификации. Широкая сеть мощных станций и высоковольтных передач создается общим процессом электрификации всего народного хозяйства на основе единого плана.

Электрификация в СССР не понимается как отрасль промышленности, дающая прибыль, а как база, которая должна быть подведена под все народное хозяйство. «Электрификация плюс советская власть — программа партии...» Электрификация в сельском хозяйстве сыграет в будущем ни с чем не сравнимую роль. Вот что об этом пишется в плане ГОЭЛРО: «Если только остановиться на услугах электрического провода и обычного электромотора, то при оценке современной роли в практическом земледелии приходится признать гораздо более значительное расхождение между теорией и практикой в области земледелия, чем в области транспорта и промышленности.

Теоретически электрический провод должен был бы играть в сельскохозяйственных процессах гораздо большее значение, чем в области промышленности. Земледелец имеет прежде всего дело с более обширным полем труда, а электричество является наиболее универсальным орудием борьбы с пространством. Последовательность операций во времени, столь характерная для сельскохозяйственных процессов, обеспечивает применение одного и того же двигателя для

²² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 559.

разнообразных целей, а легкость и удобная передвигаемость электромоторов, простота ухода за ними, возможность немедленного пуска в ход делают их наиболее приспособленными для сельскохозяйственных целей»²³.

Однако совершенно «левацкой» является постановка вопроса о переходе к электрификации сельского хозяйства в целом уже во вторую пятилетку. Перепрыгивание через тракторизацию есть «сверхиндустриалистский» прыжок.

Трактор во второй пятилетке является основным двигателем и «тех товарницей, которые думают, что тракторы уже отжили свой век, что пора перейти от тракторов к электрификации сельского хозяйства... нужно осаживать...»²⁴.

Наряду с трактором уже значительную роль начинает играть электроэнергия в сельском хозяйстве. С 1931 г. в ряде районов развертывается строительство опытных хозяйств на базе полной электрификации основных процессов сельскохозяйственного производства. Ориентировочно предполагается довести во втором пятилетии электроэнергию в сельском хозяйстве до 9—10 млрд. квтч.

XVII партконференция подчеркнула, что «ведущая роль завершения реконструкции принадлежит советскому машиностроению». И это обуславливает в дальнейшем развертывание электрификации на базе механизации страны. Постановление ЦК партии и Совнаркома о сооружении во второй пятилетке на Волге, в районе Камышина, гидростанции мощностью в 1,8—2 млн. квтч, т. е. станции, равной 4 Днепростроям, с очевидностью говорит, что развертывание советского машиностроения ускоряет и обуславливает темпы электрификации. Электрификация этого района должна обеспечить организацию в Заволжье устойчивой пшеничной базы с валовым производством в 300 млн. пудов пшеницы на поливных землях.

База электрификации есть база для полной ликвидации противоположности между городом и деревней.

Широкое применение химии в промышленности и в сельском хозяйстве является также дальнейшим шагом на пути уничтожения противоположности между городом и деревней.

Динамика снабжения минеральными удобрениями сельского хозяйства по СССР (в тыс. тонн)

	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Общее количество удобрений в натуральном виде	230	34,2	70,1	130,7	121,0	239,7	434,2	682,5	1 118
Процент роста на 1913 г.	—	0,15	0,3	0,5	0,5	1,3	1,9	3,0	5,1
„ „ „ 1924 г.	—	1,0	2,0	3,8	3,5	8,7	12,6	19,9	34,7

Капитализм не может иметь единого энергетического центра или общей транспортной артерии, когда он комбинирует свои предприятия. Препятствием комбинированию в капиталистическом обществе

²³ План ГОЭЛРО, стр. 95.

²⁴ Сталин, Заключительное слово на XVI партсъезде.

являются конкуренция и размещение производительных сил под углом зрения получения прибыли.

На фоне противоречий загнивающего капитализма с юсовой отчетливостью выступают преимущества соединения промышленности и сельского хозяйства в СССР.

На основе единого плана, общих энергетических баз, общих транспортных артерий, общих крупнейших очагов культуры и т. д. и т. д. выступают преимущества социализма перед капитализмом.

Капиталистическое комбинирование приводит к максимальному подавлению производительных сил, находящихся вне сферы влияния этого комбината.

В СССР «смыкание» промышленности и сельского хозяйства имеет целью развить все производительные силы, могущие только быть поднятыми к жизни. В СССР это «смыкание» устанавливается на основе новых производственных отношений, с точки зрения единого народнохозяйственного плана, под углом зрения превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, под углом зрения создания предпосылок для полной ликвидации противоположности между городом и деревней. Неправильной является постановка вопроса о том, что АИК и ИНАК как специфический отличный тип хозяйства, имеющий свою особую экономическую характеристику, является высшей социалистической формой, соответствующей полной ликвидации противоположности между городом и деревней. АИК и ИНАК как особые типы хозяйств, в которых сохраняется сельскохозяйственный труд в его особой экономической характеристике, консервируют различия между городом и деревней. На основе единого народнохозяйственного плана будут различаться отдельные отрасли индустриализации социалистического хозяйства, сельское хозяйство превратится в одну из отраслей индустрии социалистического хозяйства, сельскохозяйственный труд превратится в разновидность индустриального, и на этой базе будут подготовлены предпосылки перехода к полной социалистической кооперации труда, являющейся технической необходимостью «системы машин», предпосылки к полной ликвидации противоположности между городом и деревней.

Сельское хозяйство как часть общей системы единого планируемого социалистического народного хозяйства на базе полной механизации и в дальнейшем полной электрификации превращается в особую отрасль социалистического индустриального хозяйства. Начало создания такого рода соединения промышленности и сельского хозяйства мы имеем в лице Днепровского комбината, Стальгрэса, Кузнецкой, Магнитогорской и Кемеровской станций, Бобриковского комбината и др. Электрическая станция становится здесь органической составной частью всего народного хозяйства.

Энергия крупнейших новостроек — Магнитоостроя, Днепростроя и прочих крупнейших энергетических сооружений — должна таким образом в дальнейшем явиться базой реконструкции и сельского хозяйства.

В создании единства сельского хозяйства и промышленности ведущая, решающая роль принадлежит тяжелой промышленности.

Индустриализация самого сельского хозяйства на основе дальнейшего развертывания МТС и совхозов является генеральной линией связи сельского хозяйства и промышленности. Коллек-

тивизация сельского хозяйства на основе его индустриализации, на основе «системы машин» и в дальнейшем его полной электрификации является линией полной ликвидации противоположности между городом и деревней.

Те, которые считают, что путь уничтожения противоположности между городом и деревней есть путь комбинирования сельскохозяйственного производства с обрабатывающей промышленностью, не понимают ни проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней, ни проблемы социалистической индустриализации.

Все эти вопросы эти товарищи рассматривают под углом зрения капиталистической практики. «Знаменитые» АИК и ИНАК исходят из практики капиталистической индустриализации, они рассматривают индустриализацию отраслей сельскохозяйственного производства не под углом зрения единого народнохозяйственного плана, а в местном порайонном разрезе. Агроиндустриальные и индустриально-аграрные комбинаты мыслятся по этим «теориям» как замкнутое производство данного района. Это такие комбинаты, которые охватывают «целиком все отрасли сельского хозяйства на территории каждого данного района», говорит т. Никулихин. Этот районный тип замкнутого индустриального хозяйства является типом капиталистического индустриального комбината и ни в какой мере не отвечает установке партии на уничтожение противоположности между городом и деревней. При капитализме сельскохозяйственный труд никогда не может превратиться в разновидность индустриального труда, так как социально-экономическая характеристика сельскохозяйственного труда вытекает из самой сущности отделения города от деревни, из сущности отсталости техники сельскохозяйственного производства, из сущности противоречия между городом и деревней. Индустриализация сельскохозяйственного производства в СССР изменяет социально-экономическую характеристику собственно сельскохозяйственного труда и превращает его в разновидность индустриального.

В АИК и ИНАК, как их мыслит т. Никулихин, механически соединяется сельскохозяйственный труд с промышленным, здесь остается сельскохозяйственный труд как таковой. Он остается в своей противоположности индустриальному труду, он не рассматривается под углом зрения уничтожения противоположности между городом и деревней.

В основе соединения промышленности и сельского хозяйства лежит принцип комплексного планирования. В основе комплексного планирования лежит развитие механизации и электрификации, которые требуют непрерывного увязывания различных отраслей, с целью максимального получения и использования энергии, максимального сочетания транспорта с промышленностью, комбинированного применения труда и максимального сближения города и деревни.

Энергетику совхозов и колхозов можно связать с предприятиями транспортными, промышленными, строительными и т. д. МТС должны явиться теми энергетическими центрами, в которых сельское хозяйство будет органически «сращиваться» с промышленностью.

Единая энергетическая система на основе плановости имеет большие преимущества уже в данный момент. Возьмем например неиспользованные скрытые резервы районных станций с точки зрения их утилизации для сельского хозяйства.

Размежеванность по часам дня и временам года на основе плана дает возможность районным станциям обслуживать в той или иной степени и сельское хозяйство. Районные станции могут обслуживать электричеством сельскохозяйственные районы, не увеличивая мощности машин, но используя простой, регулируя нагрузку.

Мы знаем, что полное отделение промышленности от земледелия произвела крупная машинная индустрия — капиталистическая фабрика. «Крупная машинная индустрия, — говорит Ленин, — ...отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей как материальных, так и духовных»²⁵.

Классовая сущность процесса отделения города от деревни состоит в процессе экспроприации мелкого производителя. Процесс отделения города от деревни является предпосылкой воспроизводства капиталистических отношений, и, с другой стороны, процесс разложения крестьянства подготавливает дальнейший разрыв промышленности и земледелия.

Социально-экономическая сущность процесса ликвидации противоположности между городом и деревней состоит в социалистической переделке сельского хозяйства на базе новой крупной социалистической техники, на базе электрификации и механизации сельскохозяйственного производства.

Сущность этого процесса состоит в создании новых принципов разделения труда на основе социалистического обобществления труда, в превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, в процессе создания новых людей, потребных для нового типа производства. Сущность этого процесса состоит в росте производительных сил на основе социалистического обобществления, в росте благосостояния трудящихся, в новом размещении производительных сил, в том числе и рабочей силы, равномерно по всей стране.

Первым и решающим шагом на пути уничтожения противоположности между городом и деревней является установление диктатуры пролетариата. Путь превращения СССР из страны аграрной в страну индустриальную является решающим в деле уничтожения противоположности между городом и деревней.

Через колхозы, через артель как основную колхозную форму лежит непосредственный переход к индустриальному производству, основанному на применении «системы машин». Через МТС «как становой хребет коллективизации» произойдет превращение колхозов из предприятий социалистических по типу в предприятия последовательно социалистические.

Индустриализация является рычагом коллективизации, развитие же колхозов является стимулом роста индустриализации и темпов ее развития.

На базе «системы машин» происходит переход от кооперации, основанной на капиталистическом разделении труда, к полной социалистической кооперации труда, органически вытекающей из природы «системы машин» в земледелии.

Уже на данном этапе на основе внедрения «системы машин» в сельское хозяйство мы имеем такое положение, что «органический со-

²⁵ Ленин, Собр. соч., т. III, изд. 1923 г., стр. 444—445.

став» «капитала» в крупных совхозах почти равен «органическому составу» «капитала» в крупной промышленности.

В артели только начинается действительная переделка крестьянина-колхозника в работника социалистического общества.

«Мы ставим себе целью равенство, — говорит Ленин, — как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество».

Путь коллективизации на основе механизации и электрификации, путь комплексного планирования сельского хозяйства с промышленностью, путь включения сельского хозяйства в общую систему единого планируемого социалистического народного хозяйства, пути и методы расширенного воспроизводства на основе плана являются путями и методами уничтожения противоположности между городом и деревней.

«Полная коллективизация сельского хозяйства, рост крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружение совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборотов между промышленностью и сельским хозяйством создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней»²⁸.

Под углом зрения той же теории равновесия правые анализировали целевые установки пятилетки. С точки зрения абстрактной пропорциональности они рассматривают цель пятилетки. Известная пропорциональность, обусловленная планом развернутого социалистического наступления, есть элемент плана. Но механисты отождествляют, с одной стороны, пропорциональность вообще, пропорциональность абстрактную, с планом, и, с другой стороны, они отождествляют пропорциональность и равновесие. Ленин, выступая против точки зрения «равновесия» говорит: «Точнее говорить о необходимости известной пропорциональности, чем о точке зрения равновесия. Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму». Определенная согласованность и увязка всех отраслей народного хозяйства есть момент планового ведения хозяйства. Но эта согласованность predetermined установлена установкой на развернутое социалистическое наступление, установкой, намеченной политикой партии. Цель пятилетки — не приспособление к наличным пропорциональностям, а слом пропорциональностей, унаследованных от царской России. Путь разрешения противоположности между городом и деревней идет через пятилетку как через слом старых пропорциональностей, через осуществление плана развернутого социалистического наступления.

Уже вторая пятилетка ставит перед собой задачу «преодоления пережитков капитализма в экономике и в сознании людей». Мы знаем, что «с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом меняются и их представления, их воззрения, их понятия — словом, все их сознание. Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразует-

²⁸ Тезисы XVII партконференции.

ся вместе с материальной» (Маркс). На основе новой «материальной деятельности», на основе обобществления средств производства на социалистической базе будут преодолеваются капиталистические элементы и в сознании людей. И на этом участке будет продолжаться классовая борьба. Сопrotивление растущему движению рабочих масс за новый быт «отражает, — говорит т. Сталин, — сопротивление основных элементов отживающих классов»²⁷.

Социалистическая индустриализация означает также процесс переделки и самой психологии крестьянина.

Тезис правых о том, что после 1932 г. мы будем иметь «плавный ход развития», является продолжением теории затухания классовой борьбы и не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

Ближайшими задачами по линии культурной революции на пути уничтожения противоположности между городом и деревней являются задача создания кадров для всех отраслей народного хозяйства и в частности для сельского хозяйства и задача социалистического перевоспитания колхозника.

Борьбу за окончательную переделку психологии миллионов мы не закончим и во второй пятилетке. Дальнейшая переделка будет продолжаться и в пределах бесклассового общества.

Выполнение шести условий т. Сталина является основным и решающим звеном в организации социалистического строительства, в реализации кооперативного плана Ленина, в осуществлении построения бесклассового общества.

В центре сельскохозяйственного плана второй пятилетки стоит борьба за качественные показатели, повышение урожайности, повышение качества сельскохозяйственной продукции, повышение производительности труда и снижение себестоимости. Решающим моментом в победе на этом фронте является реализация шести условий тов. Сталина.

Колоссальный подъем заданий, стоящих перед пролетарским государством во второй пятилетке, обусловлен тем, что на основе гигантских сдвигов в области индустриализации страны мы входим во вторую пятилетку с огромными количественными достижениями по линии новых предприятий. Количественные характеристики могут только весьма приблизительно выявить качественную сущность этих сдвигов. Качественная характеристика этих сдвигов выражается в том, что меняется лицо страны, лицо районов, меняется взаимоотношение между городом и деревней.

Эти исторические победы были достигнуты на основе реализации кооперативного плана Ленина, продолжением которого является план развернутого наступления социализма по всему фронту. План развернутого наступления социализма, разработанный и теоретически обоснованный тов. Сталиным, мог быть реализован и реализуется на основе борьбы как с контрреволюционным троцкизмом, так и с правой опасностью, как главной опасностью на данном этапе.

²⁷ Сталин, Отчет XVI партсъезду ВКП(б).

В. НОСОВ

К ВОПРОСУ О ВОСПРОИЗВОДСТВЕ И ОБРАЩЕНИИ В СССР

I

Непрерывность процесса производства является необходимым условием существования человеческого общества. «Общество, — говорит Маркс, — не может перестать производить, как не может оно перестать потреблять. Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства»¹. Но общественный способ производства различен для разных общественно-исторических формаций. Способ же производства данной общественно-исторической формации определяет специфически присущий ей процесс воспроизводства. Решающим моментом, различающим одну общественную форму воспроизводства от другой, является способ соединения двух необходимых факторов производства: рабочего и средств производства. «Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»².

Советское хозяйство коренным образом отличается от капиталистического. Капитализм и СССР — две противоположные хозяйственные системы. Огромное принципиальное различие советского хозяйства от капиталистического и его преимущества над последним определяются его классовой сущностью. Тов. Сталин на XVI съезде ВКП(б) так определил суть советского хозяйства:

«Советская система хозяйства означает, что:

1) власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового производства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущими источниками расширения производства, гарантируют рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 493.

² К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 36.

6) рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс»³.

Как происходит процесс воспроизводства в советском хозяйстве? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо уяснить ленинское понимание советского хозяйства как диалектического единства нескольких хозяйственных укладов в их взаимной связи и различиях. Также необходимо уяснить основное господствующее значение социалистического хозяйственного уклада. Известно, что Ленин говорил о пяти хозяйственных укладах в советской экономике и о переплетении их между собой. Но основными из этих пяти укладов являются три. Ленин в статье «Экономика и политика», говоря о своеобразии экономики СССР, заявляет следующее: «Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат. Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет собой борьбу первых шагов коммунистически-объединенного — в едином масштабе огромного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом».

Единство трех общественных форм хозяйства стало быть наличие трех типов производственных отношений и их воспроизводство при ведущей и в условиях последнего этапа нэпа абсолютно преобладающей роли социалистических производственных отношений составляет особенность воспроизводства в СССР. Главный момент в этом единстве противоположностей заключается в ведущем и затем и преобладающем значении социалистического способа производства. Как и всякое единство, воспроизводство в СССР предполагает внутреннюю связь отдельных его частей (секторов) и различия их между собой. Связь внутри воспроизводства заключается в том, что ни один из секторов не существует изолированно, а составляет часть всего народного хозяйства СССР, причем воспроизводственный процесс каждого из них протекает при наличии руководящего и господствующего значения планового начала диктатуры пролетариата. Различия же заключаются в классовой природе каждого типа производственных отношений и в соотношении их между собой на различных этапах воспроизводства.

Определяющим началом, обеспечивающим ведущую и господствующую роль социалистического сектора в воспроизводстве всего народного хозяйства СССР, является диктатура пролетариата. Целью и определяющим мотивом расширенного воспроизводства у нас является построение бесклассового социалистического общества и коммунизма.

Одним из основных вопросов диктатуры пролетариата, следовательно одним из основных условий поступательного движения к социализму в условиях мелкокрестьянской страны, является союз рабочего класса с средним крестьянством и опора на бедноту, ибо соглашение с крестьянством «с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов»⁴.

³ „Вопросы ленинизма“, стр. 666.

⁴ Ленин, Собр. соч. т. XXVI, стр. 387.

Однако этот союз не отрицает, а предполагает наличие классовых противоречий между пролетариатом и средним крестьянством, но не в антагонистической форме, а в форме самого этого союза, благодаря которому преодолевается товарно-капиталистическая тенденция крестьянства социалистической тенденцией пролетариата. Бедняцко-средняцкое крестьянство вовлекается в русло социалистического строительства, переделывается под руководством пролетариата из мелких индивидуальных собственников в сознательных социалистических работников. Этот момент является одним из основных в процессе воспроизводства экономики переходного периода.

Взаимоотношения социалистического сектора с капиталистическим в процессе воспроизводства протекают на основе вытеснения и ограничения и на известном этапе ликвидации последнего. Здесь происходит ожесточенная классовая борьба с целью уничтожения остатков капиталистических производственных отношений.

Воспроизводственный процесс хозяйства СССР на разных этапах социалистического строительства имеет свои особенности, характерные для каждого этапа. Соотношение трех типов производственных отношений и условия воспроизводства каждого из них в период восстановления народного хозяйства резко отличаются от их соотношения и условий воспроизводственного процесса в реконструктивный период.

В восстановительный период в целом мы имеем процесс расширенного воспроизводства хозяйства СССР на основе относительно более быстрого роста обобществленного социалистического хозяйства. Общее направление процесса производства в восстановительный период заключается в том, что все три хозяйственные уклада абсолютно росли при опережающем расширенном воспроизводстве социалистического уклада.

XIV съезд партии, подводя итоги хозяйственному строительству, констатирует в резолюции по отчету ЦК «рост индустриального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности всех классов и групп в нашей стране». Но вместе с тем съезд отмечает, что «налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом».

XV конференция ВКП(б) констатирует окончание восстановительного периода: «Завершена в общем и целом очередная работа по восстановлению народного хозяйства. Восстановительный период может считаться законченным. Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития — период перестройки хозяйства на основе новой более высокой техники».

Конференция отмечает далее: «Последние годы с полной ясностью обнаружили, что на основе национализации земли, экономической и общей политики советской власти (помощь бедняцкой и середняцкой массе крестьянства, рост кооперации, землеустройство, кредит, налоговая политика и т. д.) в условиях общего подъема народного хозяйства происходит экономический подъем основных пролетарских масс, в том числе и значительной части бедняцких масс крестьянства (сокращение безлошадности и малопосевных хозяйств)» (из резолюции XV конференции ВКП(б) о хозяйственном положении).

Следовательно для всего восстановительного периода характерно более быстрое расширенное воспроизводство социалистического общественного уклада наряду с абсолютным ростом других укладов. «Главнейшими итогами восстановительного процесса,—говорится в этой резолюции,—является обеспечение руководящей роли командных экономических высот, находящихся в руках пролетариата, при достижении в основном довоенных размеров» решающих отраслей хозяйства страны.

XV съезд ВКП(б), происходил уже в начале реконструктивного периода. Съезд дает следующую директиву относительно дальнейшего направления процесса воспроизводства в СССР: «По отношению к возросшим в своей абсолютной массе, хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения. Предпосылки для дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы созданы предыдущими успехами экономического развития...» (из резолюции по отчету ЦК). Эта директива XV съезда является определяющей вплоть до периода сплошной коллективизации, на основе которой партия перешла от политики вытеснения и наступления на капиталистические элементы деревни к политике ликвидации кулачества как класса, продолжая политику наступления, ограничения и преодоления элементов городской буржуазии, лишенной производственной базы пролетарской революцией.

Все эти мероприятия вносят изменения в процесс воспроизводства хозяйства СССР.

Рассмотрим направление и условия воспроизводственного процесса в каждом из укладов в реконструктивный период.

Мы уже видели, что и в восстановительный период для социалистического сектора характерен более быстрый процесс расширенного воспроизводства, чем в других укладах. Реконструктивный период является периодом дальнейшего роста общественного сектора народного хозяйства СССР, в еще больших размерах, чем до этого периода. 1927—1929 гг. дают быстрый рост государственного хозяйства (промышленность, транспорт и т. п.), в силу которого соотношение между социалистическими и частными секторами в народном хозяйстве изменяется в сторону преобладания общественного сектора. Подъем промышленности, ее реконструкция и новое строительство фабрик и заводов послужили важнейшей базой бурного процесса обобществления сельского хозяйства. Сплошная коллективизация определяет решительное изменение соотношения секторов народного хозяйства. В течение 1928—1932 гг. происходит резкое ускорение абсолютного и относительного роста общественного сектора. Цифровые данные следующим образом характеризуют процесс расширенного воспроизводства общественного сектора народного хозяйства СССР за указанные годы:

Удельный вес общественного сектора и валовой продукции (в проц.) Таблица 1

	1926/27 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Ценовая промышленность	97,71	99	99,3	99,8	99,8
Мелкая промышленность	—	—	56,2	71,3	81,8
Сельское хозяйство	1,21	2,2	4,9	22,7	44,7
Строительство	—	59,6	68,1	86,8	89,9

Динамика удельного веса обобщественного сектора в народном доходе СССР еще более наглядно показывает расширенный процесс воспроизводства обобщественного сектора и замену им частного сектора.

Таблица 2

Удельный вес обобщественного сектора в народном доходе ⁵				
1926-27 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
48,9	52,7	61,0	72,2	81,5

Мы видим таким образом, что преобладающее значение во всем воспроизводстве СССР обобщественный сектор приобрел в 1928 г., а в 1931 г. уже около половины валовой продукции сельского хозяйства охватывается обобщественным сектором при почти полном обобществлении промышленности и строительства. При этом необходимо иметь в виду, что обобществление посевных площадей в 1931 г. гораздо выше, чем 44,7%. Эта последняя цифра является показателем обобществления всего сельского хозяйства, включая скотоводство, птицеводство, огородное хозяйство и т. д.

Процесс воспроизводства мелкого товарного хозяйства имеет свои особенности. Подъем мелкого крестьянского хозяйства, следовательно процесс расширенного его воспроизводства в целом, является бесспорным для восстановительного периода. Но с начала реконструктивного периода проявляется замедление роста бедняцкого и середняцкого хозяйства и невозможность его расширенного воспроизводства. XVI конференция ВКП(б) отмечает: «Если в восстановительный период быстрый подъем мелкого индивидуального хозяйства был достигнут в первую очередь за счет освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель, то при завершении в основном восстановительного периода выявляются ограниченные возможности развития мелкого хозяйства, и в особенности роста его товарности при данных его размерах и способах производства» (из резолюции о путях подъема сельского хозяйства). Следовательно, если некоторый расширенный процесс воспроизводства мелкого товарного хозяйства, его подъем был возможен вследствие процесса освоения земель, находившихся ранее во владении других общественных слоев, то освоение этих ресурсов на базе мелкого и мельчайшего хозяйства и дальнейшее распыление мелких крестьянских хозяйств, абсолютный рост числа их определили ограниченность и по существу невозможность расширенного воспроизводства этого сектора народного хозяйства.

В речи на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. т. Сталин говорил по этому вопросу следующее:

«Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляло в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществить даже простое воспроизводство»⁶. Разумеется, что партия направила все усилия на грозившее все более углубиться противоречия между крупной социалистической промышленностью и мелким, раздробленным индивидуальным сельским хозяйством. Партия должна была принять все меры к устранению этого противоречия, грозящего в конечном счете подрывом сельского хозяйства как базы промышленности. Необходимо было наладить процесс расширенного воспроизводства сельского хозяйства. Но

⁵ Цифры взяты, как и везде ниже, из «Статистического справочника 1932 г.», изд. Центрального управления народнохозяйственного учета СССР.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 548.

последнее требовало как необходимой предпосылки обобществления мелкого крестьянского хозяйства, что в свою очередь означает сужение основ воспроизводства мелкого товарного производства. Сплошная коллективизация сельского хозяйства означает одновременно абсолютный рост социалистического сектора народного хозяйства, расширяющийся круг его воспроизводства и процесс расширенного воспроизводства в самом сельском хозяйстве. В силу этого обстоятельства процесс воспроизводства всего мелкотоварного производства становится все более суженным, и в конечном счете, с завершением сплошной коллективизации, его удельный вес будет совершенно незначителен.

Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации означает абсолютное уменьшение капиталистического хозяйства в СССР и вследствие этого суженное воспроизводство частнокапиталистической формы хозяйства. Успешное развитие социалистической промышленности, рост обобществленного товарооборота, кооперирование кустарей,— все эти обстоятельства также оказывают решающее влияние на сужение процесса воспроизводства частнокапиталистического хозяйства.

Удельный вес в воспроизводстве СССР всего частного сектора, включая сюда и частнокапиталистическое хозяйство, характеризуется следующими данными:

Таблица 3

	1926/27 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Промышленность крупная	2,31	1,0	0,7	0,2	0,18
мелкая	—	—	43,8	28,7	18,9
Сельское хозяйство	96,81	97,8	95,1	77,3	55,3
Строительство	—	40,4	31,9	13,2	10,1

В целом процесс расширенного воспроизводства в народном хозяйстве СССР характеризуется за годы новой экономической политики следующими данными:

Таблица 4

Валовая продукция ценовой промышленности в ценах 1926/27 г.
(в млн. руб.)

Годы	Годы
1921	1924,9
1922	2 512,0
1923	3 829,2
1924	4 469,5
1925	7 436,1
1926	10 276,9
1927	12 051,2
1928	14 754,7
1929	18 337,7
1930	23 060,0
1931	27 000,07
1932	37 500,00 ^{6a} (по плану)

Таблица 5

Посевная площадь и валовая продукция зерновых культур сельского хозяйства

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Посевная площадь всего (в млн. га)	90,3	77,2	91,7	98,1	104,3	110,3	112,4	113,0	118,0	122,2	136,4
в том числе зерновые	79,8	66,2	78,6	82,9	87,3	93,7	94,7	92,2	96,0	98,6	104,5
Валовая продукция зерновых (в млн. ц)	422,9	562,7	578,8	514,0	746,8	788,4	728,1	733,2	717,4	835,5	—

^{6a} Цифры из резолюции XVII партконференции.

Эти показатели с наглядностью говорят о том, что промышленность, являющаяся почти целиком обобщественной, росла бурными темпами из года в год. В то же время воспроизводство сельского хозяйства отражает наряду с ростом посевных площадей известное уменьшение валовой продукции зерновых культур с 1927 г. (783,4 млн. ц) по 1929 г. (717,4 млн. ц), что является результатом исчерпания возможностей расширенного воспроизводства и размельчания мелкотоварного крестьянского хозяйства. Первый год сплошной коллективизации (1930) резко меняет положение вещей в сторону расширенного воспроизводства.

Итак, процесс расширенного воспроизводства в СССР протекает на основе развития социалистического хозяйства, его борьбы с частнокапиталистическим хозяйством и на основе переделки мелкого крестьянского хозяйства в коллективное хозяйство, являющееся по своему типу «одной из форм социалистического хозяйства» (С т а л и н). Завершение сплошной коллективизации в основных зерновых районах и успехи социалистического строительства во всех отраслях народного хозяйства СССР обеспечили в 1931 г. решение вопроса «кто — кого» внутри страны в пользу социализма, завершение построения фундамента социализма. С точки зрения внутренних соотношений классовых сил в нашей стране для социализма имеется теперь прочная несокрушимая база.

В основе расширенного воспроизводства социалистического хозяйства СССР и того положения, что в настоящее время оно является преобладающим во всем воспроизводственном процессе, быстро заменяет остальные общественные формы хозяйства, — лежит закономерность строительства социализма на базе диктатуры пролетариата. Экономическая политика, проводимая партией пролетариата, есть политика построения бесклассового социалистического общества. Строительство социализма находит свое выражение в плане народного хозяйства СССР. Все это определяет огромные преимущества, характерные для советского хозяйства. Эти преимущества обеспечивают более быстрые темпы развития нашего хозяйства по сравнению с капиталистическим. Темпы развития нашей промышленности характеризуются следующими данными:

Т а б л и ц а 6	
Г о д ы	Прирост в процентах к предыдущему году
1927	17,3
1928	22,4
1929	24,3
1930	25,8
1931	21,1

Очевидно решающее значение в темпах развития имеет способ производства или совокупность производственных отношений, господствующих в той или иной стране.

Капиталистический способ производства, господствующий во всех странах, кроме СССР, выражающий собой антагонистические производственные отношения двух враждебных друг другу классов на основе частной собственности на средства производства и эксплуатации рабочего класса классом капиталистов, не может по своей сущности обеспечить такие темпы развития народного хозяйства, какие присущи социалистическому способу производства.

В СССР крупная промышленность и транспорт уже в начале Октябрьской революции перешли в руки государства. В процессе развития со-

циалистической революции происходило обобществление и других отраслей народного хозяйства: товарооборот, сельское хозяйство и т. д. В течение второй пятилетки будет завершён процесс социалистического обобществления всего народного хозяйства СССР. Диктатура пролетариата и сосредоточение в ее руках с самого начала переходного периода основных отраслей народного хозяйства, плановое руководство всем хозяйством и неуклонное проведение политики социалистического обобществления — вот в чем заключаются основные преимущества нашей системы хозяйства. Тов. Сталин, говоря о преимуществах нашего строя перед капиталистическим, заявил, что «кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями потому, что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому, что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накапливаем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом — наше отличие, в этом — наше решающее преимущество перед капитализмом...»

«... Наше преимущество состоит в том, что мы не знаем кризисов перепроизводства, мы не имеем и не будем иметь миллионов безработных, мы не имеем анархии в производстве, ибо мы ведем плановое хозяйство. Но это не все. Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления. Наша слабость в прошлом была в том, что эта промышленность базировалась на распыленном сельском хозяйстве. Но это было. Теперь этого уже нет. Завтра, может быть через год, мы станем страной самого крупного в мире сельского хозяйства»⁷. В настоящий момент СССР уже является страной самого крупного сельского хозяйства.

В приведенных нами положениях наиболее ярко выражена суть преимущества нашей системы хозяйства. Эти преимущества и лежат в основе высоких темпов нашей промышленности и всего народного хозяйства.

Успехи в процессе расширенного воспроизводства социалистического хозяйства достигнуты партией в постоянной и непримиримой борьбе на два фронта — против контрреволюционного троцкизма и против правого оппортунизма.

Троцкистская теория процесса воспроизводства в СССР исходит из двухсекторной модели народного хозяйства и отрицания единства всего воспроизводственного процесса. Согласно этой «теории» между мелкоотоварным и капиталистическим секторами никакой принципиальной разницы не существует, а потому оба эти сектора отождествляются и фигурируют в виде одного частнохозяйственного сектора, противостоящего государственному сектору. Весь процесс воспроизводства народного хозяйства протекает по троцкистской теории на основе механической связи между двумя этими секторами, в которых действуют два совершенно различных закона движения: в государственном — закон первоначального социалистического накопления и в частном — закон стоимости.

Преображенский — теоретик троцкизма — дал свой «основной закон первоначального социалистического накопления», суть которого сводится к установлению определенных пропорций распределения

⁷ «О задачах хозяйственников», стр. 14.

народного дохода и определенных пропорций накопления за счет досоциалистических частных форм хозяйства. А так как в круг частного хозяйства вообще включается крестьянство без всяких различий, то накопление может и должно протекать, согласно этому троцкистскому закону, главным образом за счет мелкотоварного крестьянства, составляющего основную массу частного хозяйства СССР.

Эксплуатация этого мелкого товарного хозяйства государственным хозяйством, максимальная выкачка из него средств на социалистическое накопление и есть основной и главнейший источник первоначального социалистического накопления. Вне этого, по Преображенскому, не может быть процесса расширенного воспроизводства государственного хозяйства.

Троцкизм отрицает возможность переделки мелкотоварного хозяйства на основах коллективизации и включения его через активное воздействие пролетариата в русло социалистического развития. Проведение на практике троцкистской теории накопления, следовательно воспроизводства в СССР подорвало бы союз пролетариата с середняком и привело бы в конечном счете к крушению диктатуры пролетариата.

Троцкизм, отрицая социалистическую природу нашего обобществленного хозяйства, отрицает также возможность бескризисного развития нашего хозяйства. Считая наше хозяйство придатком мирового капиталистического хозяйства, троцкизм утверждает, что кризисы неизбежны для СССР.

Высокие темпы развития в восстановительный период Троцкий объясняет использованием наличного оборудования, а потому «естественно следовательно, что с завершением восстановительного процесса коэффициент роста должен значительно снизиться»⁸.

Характерно, что по существу в этих последних вопросах — о кризисах и темпах — троцкизм приходит к выводам, тождественным с выводами правых оппортунистов. Однако правые выводят кризисы из других предпосылок. «Здесь могут быть «кризисы» из относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода»⁹. Бухарин отождествляет товарный голод и наши затруднения с кризисами, он по сути не видит принципиальной разницы между нашими трудностями как трудностями роста и кризисами.

Основы правооппортунистической теории переходного хозяйства заключаются в теориях равновесия и самотека в социалистическом строительстве. И в этих основных пунктах теория правых примыкает к теориям буржуазных реставраторов-вредителей Кондратьева, Базарова и др.

Известны положения, высказанные Бухариным в его «Заметках экономиста», «Пути к социализму и рабоче-крестьянский блок» и др., о необходимости равновесия секторов и т. д.

Все эти положения иногда прямо, иногда в несколько замаскированной форме поддерживались и развивались буржуазными реставраторами — Громаном, Базаровым и др. и были направлены против генеральной линии ВКП(б), против индустриализации и активной переделки соотношений различных общественных форм хозяйства, против ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Теория самотека, проповедуемая правыми оппортунистами, объективно отрицает руководящую роль социалистического сектора в на-

⁸ «К капитализму или к социализму», стр. 39.

⁹ Бухарин, Заметки экономиста, стр. 16.

родном хозяйстве СССР и руководящую роль пролетариата по отношению к крестьянству. Партия полностью разоблачила оппортунистическую антиленинскую сущность этой теории, наиболее ярко выраженную Бухариным в его тезисе о вращении кулака в социализм. Ленинское учение о советской экономике как экономике переходного периода говорит нам о противоречивом единстве общественных форм хозяйства в нашей стране. Движение к социализму происходит путем ожесточенной классовой борьбы между пролетариатом и капиталистическими элементами, путем переделки мелкого крестьянского хозяйства из индивидуального в коллективное. Если преобладающим общественным укладом в первый период восстановления был уклад мелкотоварного производства, то в условиях реконструктивного периода преобладающим является социалистический уклад. К концу второй пятилетки последний будет единственным общественным укладом. Вместе с этим утвердится социалистический способ производства на всех участках народного хозяйства, и процесс воспроизводства будет целиком процессом воспроизводства социалистического общества.

II

Воспроизводство в СССР, как в системе хозяйства переходного от капитализма к социализму периода есть единство производства и обращения. Обращение не исчезнет вплоть до осуществления принципа прямого социалистического распределения по труду. Оно является необходимым моментом воспроизводства на всем протяжении переходного периода, но разумеется, что на различных этапах обращение претерпевает соответствующие изменения.

Социалистический способ производства, являющийся ведущим в восстановительный период, преобладающим в реконструктивный, — определяет процесс обращения в СССР. Безусловно, нельзя отрицать некоторого влияния на процесс обращения и других способов производства — мелкотоварного и частнокапиталистического, но не они являются определяющими характер обращения способами производства. Ведущая, а затем преобладающая роль социалистического способа производства, его непримиримая борьба с частнокапиталистическим способом производства, переделка мелкотоварного хозяйства в общественное, борьба «социалистической тенденции пролетариата с товарнокапиталистической тенденцией крестьянства» (Ленин) — находят свое отражение в процессе обращения как моменты воспроизводства.

Процесс обращения в СССР принципиально отличается от процесса обращения при капитализме. Самое существенное здесь заключается в том, что обращение у нас в основе своей определяется социалистическим способом производства. Наиболее характерной чертой в этом отношении является то, что в условиях воспроизводства социалистических производственных отношений рабочей силой не является товар. Рабочий класс, являясь общественным собственником средств производства и классом-диктатором, не покупает и не может покупать у себя рабочую силу. Здесь отношения принципиально иные, чем при капитализме. Если в условиях капиталистического способа производства рабочий «освобожден» от средств производства и противостоит капиталисту как частному собственнику средств производства, вынужден продавать свою рабочую силу как единственный источник к существованию, то в условиях социалистического способа производства рабочий класс является классом — общественным соб-

ствеником средств производства и одновременно владельцем рабочей силы как одного из факторов обобществленного воспроизводства. В этом заключается коренное существенное различие двух хозяйственных систем. Но на протяжении всего переходного периода существует денежная форма оплаты труда рабочего — заработная плата. В этом одна из особенностей социалистических производственных отношений переходного периода.

Далее. Продукты труда, вырабатываемые во всех секторах народного хозяйства СССР и поступающие в процесс обращения, носят товарную форму. В процессе обращения продукт труда сменяет свою товарную форму на денежную и обратно. Товарная форма продукта труда является следовательно необходимой формой в условиях хозяйства переходного периода. Однако сущность товарноденежной формы у нас принципиально отличается от сущности ее в условиях капитализма. В условиях господства капиталистического способа производства товарная форма получает свое полное развитие и является всеобщей формой продуктов труда. Эту всеобщность она получает в силу господства капитализма. Определяющим началом ее в этих условиях является капиталистический способ производства как господствующий. У нас же господствующим способом производства является социалистический способ, ставший преобладающим с момента вступления в период социализма. Поэтому товарноденежная форма в переходной экономике является орудием социалистического строительства.

Являясь одним из орудий социалистического строительства, товарноденежная форма у нас в связи с развитием социалистического способа производства отмирает, а не развивается, как это было при капитализме. Она связана с социалистическим способом производства лишь в условиях переходного периода, когда еще происходит процесс социалистического обобществления, следовательно, когда существуют еще несоциалистические секторы в народном хозяйстве. В тот момент, когда установится на всех участках народного хозяйства социалистический способ производства, т. е. когда закончится полностью процесс социалистического обобществления и в индивидуальной собственности социалистических работников не останется никаких средств производства, — в этот момент отпадает необходимость товарноденежной формы. Следовательно мы можем сказать, что товарноденежная форма является необходимой формой социалистического способа производства на протяжении всего переходного периода вплоть до осуществления принципа прямого социалистического распределения по труду.

Разумеется, что приведенное положение не говорит еще о том, что товарноденежная форма является абсолютно одинаковой во всех секторах хозяйства переходного периода. Она едина для всего народного хозяйства, но, как и всякое единство, она является единством в многообразии и имеет специфические отличительные черты в условиях обращения между предприятиями социалистического типа, с одной стороны, и, скажем, между предприятиями капиталистического типа — с другой. Различия проявляются и в тех условиях, когда обращение происходит между различными секторами и т. д. В условиях кулацкого хозяйства или хозяйства нэпмана даже и рабочая сила представляет собой наемную рабочую силу, является товаром. Тем не менее, несмотря на различия, товарноденежная форма в переходный от капитализма к социализму период является единой. Нельзя говорить, что у нас существует несколько товарноденежных форм, соот-

ветствующих различным хозяйственным секторам. Такое представление неизбежно приводит к механистическим выводам о том, что у нас нет единого процесса воспроизводства, а есть самостоятельные, внутренние, между собой не связанные процессы воспроизводства нескольких секторов.

Все приведенные положения не говорят также о том, что товарно-денежная форма вытекает непосредственно из социалистических производственных отношений как таковых, присуща им так же, как и капиталистическим производственным отношениям, а потому должна существовать и в условиях полного социалистического обобществления, т. е. вплоть до высшей фазы коммунизма. Такое представление противоречит учению Маркса — Ленина, говорящему о том, что полному социалистическому обществу присуще не обращение товаров и денег, а прямое социалистическое распределение по труду. Продукты труда при полном социализме не будут обращаться, социалистические работники будут получать их с общественных складов по трудовым талонам, а трудовые талоны «отнюдь не деньги. Они не совершают обращения»¹⁰.

Исходную точку необходимости товарноденежной формы надо искать не в самих социалистических производственных отношениях в их наиболее развитом виде, а в том, что социалистический способ производства не является единственным способом во всем народном хозяйстве, в том, что в условиях переходного периода происходит процесс социалистического обобществления, когда еще не только не устранены мелкотоварный и капиталистический секторы, но и внутри самого социалистического сектора не имеется налицо все необходимое для немедленной замены денег трудталонами, а всего процесса обращения — прямым социалистическим распределением на основе учета. Значит социалистический способ производства на протяжении всего переходного периода использует товарноденежную форму как одно из своих орудий, а потому она (товарноденежная форма) соответствует социалистическому способу производства только в переходный период, т. е. в тот период, когда социалистический способ вытесняет и заменяет собой все остальные способы. Вместе с процессом социалистического обобществления развиваются производительные силы, растет количество продуктов труда, создаются культурный аппарат распределения и мощная материально-техническая база его, укрепляется хозрасчет и создаются все предпосылки для проведения социалистического учета и осуществления принципа прямого социалистического распределения.

«Дело вовсе не в том, — говорит т. Сталин, — что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что благодаря диалектике нашего развития функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются прин-

¹⁰ Маркс, Капитал, т. II, стр. 338.

ципиально коренным образом, меняются в пользу социализма и в ущерб капитализму»^{10а}.

Нельзя поэтому выводить необходимость товарной формы только из наличия мелкотоварного способа производства или утверждать, что товарная форма навязана социалистическому способу мелкотоварным способом. Мелкотоварный способ производства не может навязывать социалистическому способу производства товарную форму, ибо он сам в едином процессе воспроизводства народного хозяйства СССР подчиняется законам движения социалистического способа производства руководится последним. Допускать навязывание товарной формы мелкотоварным способом производства социалистическому означало бы допускать руководящую роль мелкотоварного способа и не понимать тех изменений, которые произошли в самой товарной форме в условиях СССР, не понимать диалектики развития социалистического способа производства. Поэтому нельзя выводить товарную форму в условиях СССР только из наличия мелкотоварного способа производства. Она связана не только с существованием данного способа производства, но и со всем процессом замены этого способа социалистическим способом производства.

III

В развитии процесса обращения отражаются различные этапы социалистического строительства. Сущность и форма обращения в реконструктивный период имеют отличительные особенности от сущности и формы обращения в период восстановления народного хозяйства СССР. В рамках каждого периода мы имеем различные изменения в процессе обращения, происходившие и происходящие под плановым воздействием пролетарской диктатуры. Политика продразверстки была единственно правильной политикой в период военного коммунизма. В противном случае был бы неизбежен крах пролетарской революции. В этот период «запертого» оборота существовал так называемый подпольный рынок, спекулятивная купля-продажа, запрещенная советским законодательством. Но условия и формы этого «подпольного рынка» требуют самостоятельного исследования и не представляют в данной связи необходимого интереса.

Развертывание процесса обращения в СССР, допущение свободы оборота в определенных рамках составляет одну из определяющих черт новой экономической политики. Но нельзя рассматривать развертывание процесса обращения как единственную черту нэпа, т. е. как нечто самодовлеющее, ничем не обусловленное. Допущение известной свободы оборота для мелкотоварного хозяйства имеет свои основы во всей экономической действительности страны и связано прежде всего с главнейшими задачами строительства социализма. Ленин в своих работах о новой экономической политике увязывает вопрос о необходимости известной свободы оборота с вопросами восстановления крупной промышленности как единственной прочной базы социализма. Промежуточным звеном в этой связи является мелкая промышленность. «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одно, и только одно — это крупная промышленность... Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни и речи быть не может... А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной про-

^{10а} Стенографический отчет XIV съезда ВКП (б), стр. 496; подчеркнуто мной.

мышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности»¹¹. И в другой работе о продналоге Ленин вплотную увязывает вопрос о крупной промышленности с вопросами свободы оборота и мелкой промышленности. Он говорит: «Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость запертого оборота промышленности с земледелием, значит надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности... Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение»¹². И наконец: «Свобода оборота есть средство, которое дает возможность создать между рабочим классом и крестьянством такие отношения, которые экономически были бы устойчивы»¹³, ибо «иначе сохранить власть пролетариата в России при замедлении международной революции нельзя, экономически нельзя»¹⁴.

Так ставил вопрос о необходимости развертывания оборота Ленин в начале проведения новой экономической политики. Развертывание процесса обращения как средство для восстановления крупной промышленности, а для этого необходимость замены разверстки продналогом. Процесс воспроизводства общественного продукта в период военного коммунизма являлся суженным процессом. 1918—1920 годы были годами падения производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Основная причина этого конечно заключается не в запертом обороте, а в общих экономических условиях, порожденных гражданской войной. Запертый оборот сам являлся необходимым результатом общих экономических и практических условий того периода. К моменту окончания гражданской войны кривая воспроизводства стояла на самой низкой ступени. Размеры валовой продукции промышленности составляли около 20—25% от довоенных, а размеры валовой продукции сельского хозяйства сократились почти наполовину. В этих условиях резкого сокращения воспроизводства единственным средством, могущим обеспечить подъем всего народного хозяйства, являлось развертывание процесса обращения, оборот между городом и деревней в первую очередь и допущение известной свободы торговли для мелкого крестьянства, ибо «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов»¹⁵.

Но на первых порах нэпа вопрос о развертывании обращения ставился в значительно ограниченных размерах. Весной 1921 г. партия ставила вопрос таким образом, чтобы допустить лишь местный товарообмен крестьянских продуктов, остающихся у крестьян после сдачи ими продналога. Для государственной промышленности не стоял вопрос в такой плоскости, чтобы разрешить отдельным предприятиям продажу своей продукции. Лишь в течение лета и осени 1921 г. ряд декретов предоставляет государственным предприятиям

¹¹ Ленин, т. XXVI, стр. 390.

¹² Там же, стр. 340.

¹³ Там же, стр. 395.

¹⁴ Там же, стр. 246.

¹⁵ Ленин, т. XXVII, стр. 83.

право заказов продукции и т. д., и наконец конференция РКП(б) в декабре 1921 г. разрешает госпредприятиям частичною продажу своей продукции на рынке и право иметь некоторые оборотные суммы. В течение 1921 г. отменяются также ограничения в денежном обращении.

Взимание продовольственного налога в натуральном виде было необходимо вплоть до восстановления устойчивого денежного обращения, что в свою очередь само являлось результатом общего восстановительного процесса народного хозяйства. Устойчивость денежного обращения являлась одним из необходимых условий дальнейшего развертывания товарного обращения. Новая экономическая политика дала богатые результаты во всем народном хозяйстве в первые же годы своего существования. Одним из важнейших ее результатов был подъем производительных сил крестьянского хозяйства и рост его товарности. XII съезд ВКП(б) в резолюции о налоговой политике в деревне внес существенные изменения в этот вопрос: «Ввиду начавшегося общего оздоровления хозяйственной жизни советских республик,— говорится в резолюции,— которое выражается в оживлении и увеличении товарооборота, партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего труда. Советская власть может и должна — в соответствии с расширением объема рынка — освободить крестьянина от обязанности вносить свои платежи государству в натуральном виде и дать ему возможность вносить часть этих платежей в денежной форме». Дальнейшими постановлениями правительства продовольственный налог был заменен единым сельскохозяйственным налогом, и эти обстоятельства безусловно оказали значительное влияние на дальнейшее развертывание процесса товарного обращения в СССР.

Весь восстановительный период социалистического строительства есть период неуклонного роста товарного обращения страны. Товарное обращение являлось тогда основной формой экономической связи города и деревни. Обращение как основная форма смычки города с деревней в восстановительный период является вместе с тем необходимым этапом в подготовке реконструктивного периода, включающего в себя сплошную коллективизацию и т. п. И в реконструктивный период обращение не утрачивает своего содержания как одной из форм экономической связи, но основной формой связи становится в этот период производственная смычка города и деревни. Для того чтобы возможно было осуществить производственную смычку как основную форму связи города и деревни, необходимо было иметь для этого восстановление крупной промышленности. Воздействие пролетариата на мелкотоварное крестьянство, борьба социалистической тенденции с товарно-капиталистической тенденцией необходимо предполагают этап воздействия через обращение как основную форму связи пролетариата и крестьянства. Ленин в статье «О значении золота» писал: «В данный момент в той области, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то звено в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921/22 г., за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы в се й цепью в ближайшем будущем

овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать»¹⁶.

Итак, обращение — основное звено в общей цепи социалистического строительства в первые годы новой экономической политики. Но обращение, — регулируемое государством, обращение, через которое пролетариат проводит свое руководящее воздействие на крестьянство.

В процессе обращения в торговле восстановительного периода происходит борьба социалистического сектора с частным по принципу «кто — кого». Весь процесс обращения восстановительного периода есть процесс неуклонного роста обобщественного сектора торговли и вытеснение частнокапиталистического. Характерной особенностью процесса обращения восстановительного периода было, как говорил об этом Ленин, соревнование социалистических элементов с капиталистическими, борьба плана со стихией. Нижеследующие цифровые данные показывают успешность соревнования социализма, его победу:

Таблица 7

Розничный оборот по секторам (включая общественное питание без учета базарной торговли) (удельный вес в процентах)

Секторы	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1930 г.
Государственный	14,4	15,4	19,9	16,2	16,3	15,0	17,3	17,4
Кооперативный	10,3	29,7	37,7	43,8	48,2	59,6	67,4	76,8
Частный	75,3	54,9	42,4	40,0	35,5	25,4	15,3	5,8

В 1931/32 г. произошло дальнейшее сокращение частного в розничном обороте, и доля его составляет не более 2-3%. Такова картина борьбы обобщественного сектора торговли с частным. Она показывает, что задача, поставленная партией перед обобщественным сектором обращения, выполнялась весьма успешно в смысле вытеснения частного капитала из обращения. Еще более рельефно выявляется успешность вытеснения частного капитала из оптового товарооборота страны. В этой области удельный вес частного уже в первый год реконструктивного периода не превышал 10%.

Тов. Сталин в докладе на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) в связи с анализом цифрового материала по обращению заявил следующее: «Теперь вопрос «кто — кого» приобретает другой характер. Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой известный удельный вес и откуда его нужно систематически выживать»¹⁷.

Успехи обобщественного сектора в области обращения определялись общими достижениями СССР на фронте социалистического строительства. 1927 год является первым годом реконструктивного периода. Как мы уже отмечали выше, именно этот год является первым годом превышения довоенных показателей по основным отраслям народного хозяйства. Реконструкция промышленности на новой, более высокой,

¹⁶ Ленин, т. XXVI, стр. 82.

¹⁷ Стенографический отчет XV съезда, стр. 53.

технической базе и необходимость реконструкции сельского хозяйства обусловили новую, основную для данного периода форму связи между городом и деревней: производственную смычку.

Однако производственная смычка как основная форма связи между городом и деревней в реконструктивный период не снимает вопроса о торговой смычке. Наоборот, на основе укрепления производственной смычки должна разворачиваться советская торговля, укрепляться торговая смычка, являющаяся также одним из мощных факторов укрепления самой производственной смычки. Этот момент с особой четкостью подчеркнул последний пленум ЦК ВКП(б).

В течение восстановительного периода частный капитал был в основном вытеснен из области товарооборота, и обобществленный сектор занял как в оптовой, так и розничной торговле преобладающую роль. Перед аппаратом обращения встали новые задачи, связанные с обслуживанием производственной смычки. Обслужить производственно-техническую реконструкцию сельского хозяйства страны — такова основная задача аппарата обобществленной торговли в первый этап реконструктивного периода в отношении деревни. Вместе с тем преобладающий удельный вес обобществленного сектора в обращении обусловил необходимость изменения организационных форм последнего. Одним из наиболее существенных моментов в этом отношении является контрактация. Контрактация как одна из форм производственной смычки является одновременно и моментом обращения, однако таким моментом, который теснее связывает процесс обращения с процессом производства, сокращает процесс обращения, создает лучшие условия для процесса производства и является одним из методов планового воздействия пролетарской диктатуры на мелко-товарное крестьянское хозяйство. Надо оговориться, что контрактация не ограничивается только мелко-товарным сектором, а проводится и в колхозах, однако контрактация была и является теперь одной из предпосылок коллективизации и одним из методов укрепления колхозов. Заготовки сельскохозяйственных продуктов через контрактацию наложили особенные черты на весь заготовительный аппарат. Моменты производства проникли в процесс обращения в большем масштабе, чем когда бы то ни было.

В реконструктивный период неизмеримо вырастает роль производственной сельскохозяйственной кооперации. Колхозы есть высшая форма производственной с.х. кооперации. Сплошная коллективизация внесла дальнейшие изменения в процесс обращения. Распыленность крестьянского хозяйства, мизерный процент колхозов, отсутствие методов контрактации, множественность заготовителей и наличие частного заготовителя, — все это, вместе взятое, обуславливало в восстановительный период длительные сроки заготовок сельскохозяйственных продуктов, следовательно длинный период обращения. Реконструктивный период вносит в этом отношении значительные улучшения. Один только метод контрактации значительно сокращает период заготовок. Сплошная коллективизация создает базу еще большего сокращения периода заготовок. В настоящий момент, там где МТС обслуживают производственный процесс колхозов, период сдачи сельскохозяйственных продуктов государству сокращен значительно. Однако надо помнить, что процесс обращения исчезнет только тогда, когда будет достигнуто полное обобществление во всем народном хозяйстве и отпадет необходимость в денежно-товарной форме продуктов труда.

Следует различать контрактацию, проводящуюся в единоличном крестьянском хозяйстве, от контрактации, которая проводится в колхозах. Контрактация в колхозах является связью внутриобщественного сектора, где та и другая сторона по своему типу принадлежат к социалистическому хозяйству. Контрактация же, проводимая в единоличном хозяйстве, представляет овязь социалистического сектора с мелкотоварным и в этом смысле отличается от контрактации в колхозах. Контрактация не отменяет товарооборота между городом и деревней. Наоборот, она предполагает наличие товарооборота и является одним из существенных его моментов на последнем этапе новой экономической политики. По существу своему контрактация является социалистической формой связи города с деревней в реконструктивный период социалистического строительства и вместе с тем является одним из методов подготовки условий для изживания противоположности между городом и деревней.

В реконструктивный период не только возрастает роль общественного сектора в сфере обращения, почти полностью вытесняется частный капитал из последней, но с развитием сплошной коллективизации контрагентами оборота между городом и деревней все в большей степени являются представители общественного сектора народного хозяйства страны: вместо крестьянина-единоличника, продававшего ранее государству свои продукты и покупавшего взамен их продукты госпромышленности, все больше и больше выступает колхоз как представитель общественного сельского хозяйства. В этом — также одна из существенных черт обращения в реконструктивный период, и особенно в последний этап нэпа. Вместе с тем и формы обмена между городом и деревней становятся иными, все более и более подчиняются плановому началу. Колхозы в плановом порядке снабжаются сельскохозяйственными орудиями, и часть из них обслуживается в этом отношении машино-тракторными станциями. В свою очередь колхозы в плановом порядке через свои правления и МТС сдают (продают) сельхозпродукты государству. Здесь, как видим, происходят значительные изменения в рыночных отношениях в сторону воздействия на них плана, но однако этим не отменяется сама рыночная связь, не снимается отношение товарооборота между городом и деревней. Все операции по продаже государством продуктов колхозам и сдаче последними своих продуктов не отменяют купли-продажи, не лишают план становится не только ведущим, но и господствующим началом в этих отношениях.

Вытеснение частного капитала из области обращения и одновременный бурный рост городского населения за счет пролетариата определяют огромные задачи аппарата советской общественной торговли в деле снабжения рабочих. Организация снабжения рабочих и тем самым обслуживание социалистического строительства в городах в условиях почти полного обобществления товарооборота являются одной из наиболее существенных задач советской торговли. С этим связана необходимость всемерного развертывания советской торговли в настоящий момент и в течение второй пятилетки. Успешное вытеснение капитала из сферы обращения означало одновременно бурный рост оборотов кооперации. В 1929—1930 гг. кооперация заняла почти монопольное положение в товарообороте страны. В этом заключались наряду с положительными и отрицательные стороны дела. Заняв монопольное положение, кооперация начала забы-

вать некоторые свои существенные задачи, в ней стал с особой силой проявляться «некий нэлманский дух», как об этом говорил тов. Сталин на XVI съезде ВКП(б). Поэтому вместе с целым рядом мероприятий по улучшению работы кооперации в области развертывания товарооборота партия провела мероприятие по увеличению удельного веса государственной торговли во всем товарообороте страны. В настоящий момент удельный вес госторговли равняется примерно 30%. В этом заключается один из существенных моментов оживления обращения, развертывания советской торговли.

Развертывание советской торговли является одной из основных задач второй пятилетки. XVII партийная конференция следующим образом определила эту задачу. «Для обеспечения большевистских темпов подъема всего народного хозяйства и лучшего удовлетворения запросов широких масс города и деревни в отношении товаров широкого потребления первостепенное значение имеет развертывание товарооборота. Развертывание товарооборота, прежде всего розницы и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе являются важнейшими стимулами для выявления имеющихся в нашем хозяйстве огромных и далеко еще не использованных внутренних резервов, способствующих ускорению роста социалистического накопления, и тем самым укрепляют материальную базу всего социалистического строительства. Вместе с тем только на основе развертывания товарооборота можно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего в свою очередь необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети вообще, с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе можно подготовить отмену нормирования отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей».

Итак, процесс обращения на всем протяжении переходной экономики является необходимым моментом воспроизводства. Однако роль процесса обращения на разных этапах социалистического строительства различна. Через посредство обращения как формы смычки города и деревни партия установила и наладила производственную смычку и через посредство последней на основе растущей социалистической промышленности — проводит социально-техническую реконструкцию сельского хозяйства. Установив и закрепив плановое начало в области обращения, партия наладила плановое снабжение деревни средствами производства и плановую сдачу сельхозпродуктов государству. Вместе с тем, проведя вытеснение частного капитала из обращения, партия проводит развертывание товарооборота страны как необходимое условие социалистического строительства и необходимую форму социалистического распределения продуктов труда на современном этапе переходного периода.

Успехи партии в области обращения достигнуты благодаря неуклонному проведению ленинской генеральной линии и беспощадной борьбе на два фронта.

Троцкизм не видит принципиальной разницы между обращением в условиях государства капиталистического способа производства и обращением в условиях переходного периода. Рынок с точки зрения троцкистов может быть только капиталистической категорией и является таковой в условиях СССР. Новое здесь заключается лишь в том, что на рынке происходит борьба двух непримиримо враждующих

друг с другом секторов — частного и государственного. Однако законы рынка в условиях СССР, как и в условиях капитализма, есть стихийные законы. Через посредство рынка может быть установлено лишь стихийное равновесие секторов в народном хозяйстве. Не проводя никакой существенной разницы между капиталистическим рынком и обращением в наших условиях, троцкисты отрицают по существу процесс обращения как основную форму связи города и деревни в период восстановления народного хозяйства. Они не видят в процессе обращения при условии известной свободы торговли планового воздействия пролетарской диктатуры на мелкотоварное крестьянское хозяйство и отрицают таким образом обращение как необходимую предпосылку производственной смычки между городом и деревней. Данные установки троцкистов исходят из непонимания ими сущности новой экономической политики и отрицания ленинского кооперативного плана.

Суть правооппортунистической теории обращения заключается в том, что правые видят в обращении единственную основную форму связи города и деревни в переходный период, через посредство которой должно происходить вращение в социализм. Основы данного их положения покоятся на тех же теориях равновесия и самотека, о которых мы уже упомянули ранее. Непонимание сущности новой экономической политики и ленинского кооперативного плана правыми заключается в одностороннем толковании необходимости свободы оборота и утверждения того, что ленинский кооперативный план исчерпывается кооперацией обращения, что производственная кооперация и, далее, колхозы не есть высшие формы кооперации, неизбежно развивающиеся в процессе социалистического строительства под руководством пролетариата.

Ленин еще на X съезде ВКП(б), когда вводилась новая экономическая политика, предупреждал, что если «реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно»¹⁸. «Мы должны понять, — говорит Ленин, — что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя»¹⁹.

Предложения правых, шедшие по линии развязывания свободы торговли, были направлены против проведения ленинских положений. Правые оппортунисты видели в проведении контракции сельхозпродуктов нарушение принципа допущения известной свободы торговли, не понимая того, что реконструктивный период социалистического строительства выдвинул необходимость новых форм товарооборота. Тов. Сталин по поводу этих правооппортунистических установок говорил на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. следующее. «Мы считали и считаем, что нэп означает и известную свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил... но... т. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке»²⁰.

¹⁸ Ленин, т. XXIV, стр. 238.

¹⁹ Ленин, т. XXVII, стр. 71.

²⁰ «Вопросы ленинизма», стр. 496—497; подчеркнуто т. Сталиным.

В связи с этим т. Сталин предупредил о реальной опасности справа, как опасности со стороны людей, желающих «раскрепостить» рынок и открыть таким образом эру полной свободы торговли»²¹.

Непонимание ленинского кооперативного плана, ограничение его лишь кооперацией обращения показывает антиленинскую сущность установок правых в области соотношения производства и обращения в условиях переходного периода. По существу утверждение о том, что через посредство одной только кооперации обращения, без развития ее в более высокие формы производственной кооперации можно переделать на социалистический лад крестьянство, означает допущение примата обращения над производством и таким образом скатывание в этом вопросе с позиций марксизма. Поэтому характерно, что правые видели единственный выход из затруднений в хлебозаготовках 1928/29 г., только в так называемой нормализации рынка, в игре цен на сельхозпродукты, а не в активном воздействии пролетариата на процессы сельскохозяйственного производства, не в насаждении колхозов и совхозов, а в допущении возможности самотечного осуществления их в далеком будущем.

Проведение в жизнь установок правого оппортунизма в области обращения означало бы отрицание генеральной линии ВКП(б) в области социалистического строительства, отрицание союза пролетариата с середняком и установление своеобразной смычки пролетариата «с состоятельными слоями деревни и города» (Сталин), т. е. подрыв диктатуры пролетариата и буржуазную реставрацию. Борьба против правооппортунистических установок в области обращения, как и во всех других областях социалистического строительства, остается основной, главной задачей в борьбе партии на два фронта. Однако это отнюдь не означает какого бы то ни было игнорирования борьбы с «левым» оппортунизмом, питающимся соками контрреволюционного троцкизма. Троцкистское отрицание роли обращения в СССР как одного из рычагов социалистического строительства нашло в последнее время выражение в «левацких» установках ряда экономистов о необходимости немедленного перехода к прямому социалистическому распределению продуктов труда, о необходимости свертывания советской торговли, о поглощении процесса обращения процессом производства на данном этапе социалистического строительства и т. п. Все эти «левые» оппортунистические установки являются выражением авантюризма и полного непонимания процесса строительства социализма. Против них должна вестись непримиримая борьба. XVII конференция ВКП(б) подчеркнула «антибольшевистский характер левой фразы о переходе к продуктобмену и об «отмирании денег уже на данной стадии строительства социализма».

Постановления ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР о хлебозаготовках, мясозаготовках и развертывании колхозной торговли, а также постановления последнего пленума ЦК ВКП(б) являются документами величайшей исторической важности, характеризующими сущность процесса обращения на данном этапе социалистического строительства. Колхозная торговля является в настоящий момент одним из основных звеньев, способствующих расширенному воспроизводству социалистического уклада народного хозяйства и укрепляющих его. Благодаря развернутой колхозной торговле мы будем всемерно ускорять процесс обращения, вовлекать в него все большее количество сельскохозяйственных продуктов и таким образом воздействовать на еще более

²¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 497.

ускоренный и расширенный процесс воспроизводства всего общественного продукта в СССР.

Большие задачи в связи с развертыванием колхозной торговли встанут перед кооперацией. Кооперация как главный товаропроводящий канал должна направлять торговлю по правильному руслу. Во многом от работы кооперации будет зависеть уровень цен, существующий на рынке. Чем лучше будет работать кооперация, тем меньше будет у нее торговых расходов, тем больше она сможет снизить цены на товары и тем самым влиять на снижение всех цен на рынке. Поэтому на аппарат кооперации ложатся большие обязанности в деле развертывания советской торговли.

Развертывание колхозной торговли не может протекать без непримиримой борьбы с классовым врагом и его агентурой — правыми и «левыми» оппортунистами. Оппортунисты пытаются клеветать на партийные решения, заявляя, что будто бы мы возвращаемся к первым годам новой экономической политики в смысле развязывания свободы товарооборота.

В первые годы нэпа мы имели море единоличных крестьянских хозяйств, среди которых колхозы и совхозы занимали совершенно незначительный удельный вес. Промышленность СССР далеко не занимала еще преобладающего положения. Сельское единоличное хозяйство занимало большую половину во всем народном хозяйстве. Развертывание товарооборота в те годы неизбежно влекло за собой необходимость допущения частных торговцев. Теперь картина совершенно иная. Промышленность играет у нас не только ведущую роль, но и преобладающую во всем народном хозяйстве. В валовой продукции СССР промышленная продукция занимает гораздо больше половины. Сельское хозяйство больше чем на 60% коллективизировано. Огромное значение имеют совхозы и МТС. Теперь торговля в деревне развертывается уже не как исключительно торговля единоличников с неизбежным допущением частного торговца, а главным образом как торговля колхозов, колхозников и единоличных трудовых крестьян при условии искоренения частного торговца, перекупщика-спекулянта.

Торговля колхозов, колхозников и единоличников в настоящий момент есть мощный рычаг для увеличения товарности сельского хозяйства. Эта торговля толкает колхозника к развитию хозяйства, к увеличению поголовья скота птицы, к расширению посевных площадей и т. п. Словом колхозная торговля это один из мощных рычагов к ускоренному расширенному воспроизводству сельскохозяйственных продуктов и один из путей к организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Это также один из путей крестьян-единоличников в колхоз. Через колхозную торговлю и торговлю колхозников и единоличников мы будем изживать дефицит в сельскохозяйственных продуктах, увеличивать источники снабжения городов и тем самым содействовать социалистическому строительству. Поэтому необходимо проводить беспощадную борьбу на два фронта с оппортунистами, пытающимися сорвать дело развертывания колхозной торговли: против правых оппортунистов, предлагающих развязывание частной торговли, допущение на рынок спекулянта, и против «левых» загибщиков, недооценивающих огромную роль для данного момента торговой смычки на базе укрепления производственной смычки.

В настоящих условиях, когда партия разгромила контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, жалкие остатки их, полностью переродившиеся в махрово контрреволюционные группировки,

---

в своих идейных взглядах открыто солидаризируются с заграничными группами меньшевиков (Дан, Абрамович и др.) по вопросу о необходимости проведения ряда экономических мероприятий, направленных на уничтожение диктатуры пролетариата и превращение СССР в колонию капитализма. Платформа контрреволюционной группы Рютина—Галкина и других приходит к выводам, предлагающим уничтожение социалистических форм хозяйства (колхозы, совхозы), насаждение путем концессий капитализма, а также полное развертывание свободы торговли на основе частнокапиталистических принципов. Это — путь быстрой реставрации капитализма. Поэтому на данном этапе социалистического строительства необходимо всемерно усилить борьбу с антипартийными уклонами, ведущими, как это показал опыт, к контрреволюционным группировкам. Необходимо проводить еще сильнее большевистскую бдительность как в теории, так и в практической работе.

---

3. АТЛАС

О РОЛИ КРЕДИТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Кредитное отношение и кредитные деньги возникают уже при простом товарном обращении, что дает возможность существованию категорий кредита и банков как предприятий, торгующих кредитом, в сфере товарных отношений вообще, следовательно еще до возникновения капиталистического процесса производства.

Однако кредит является «имманентной формой капиталистического способа производства» (Маркс), а не простого товарного хозяйства, и поэтому Маркс развертывает анализ кредита и банков лишь в III томе «Капитала», следовательно лишь после того, как открыт основной закон движения капиталистического общества, основные производственные отношения и основные противоречия капиталистического строя. Кредит таким образом относится к «верхнему этажу» категорий марксовой политической экономии, являясь одной из наиболее конкретных и сложных категорий.

Кредит представляет собой форму отчуждения стоимости как капитала, а не как денег или товара, сама же эта отчуждаемая в качестве капитала стоимость есть ссудный капитал как товар особой природы. Иррациональной формой цены этого товара является процент—часть прибавочной стоимости, которую капиталист-функционер отдает капиталисту-собственнику. Следовательно сущность «кредита как такового» (Маркс) неразрывно связана с капиталистическими производственными отношениями, с процессом эксплуатации труда.

Кредитная форма и все особые, специальные формы банковского кредита, как учет векселей, подтоварные ссуды и пр., могут быть поняты лишь в связи с специфическими условиями капиталистического способа производства.

Капитализм создает возможность для осуществления кредитных отношений, следовательно для существования кредитной формы. Эта возможность дана наличием товарно-денежных отношений, которые являются необходимым и достаточным условием для возникновения кредитных отношений, кредитной формы вообще и следовательно для отчуждения денег на срок под проценты, т. е. как капитал и в тех случаях, когда эти деньги в действительности не превращаются в капитал.

Однако при капитализме такие кредитные отношения целиком и полностью подчиняются закономерностям капиталистического кредита, и прежде всего закономерностям движения нормы процента на денежном рынке.

Коренное отличие капиталистической системы хозяйства от советской в корне меняет и содержание и форму кредита.

Уничтожение специфически советской кредитной формы невозможно ни на одном из этапов пере-

ходной экономики, поскольку сохраняются товарооборот и денежное обращение.

XVII партконференция подчеркнула антибольшевистский характер «левой» фразы об отмирании денег и переходе к продуктообмену на данном этапе, и следовательно не может быть речи также и о ликвидации кредита.

Совершенно недопустимо отождествление существующей в СССР кредитной формы с кредитной формой «вообще», т. е. с капиталистическим кредитом. Октябрьская революция уничтожила капиталистический кредит, а создание банков при нэпе отнюдь не означало «возрождения» кредита «как такового», т. е. капиталистического кредита.

Кредит при капитализме есть форма отчуждения денег (или товара) на срок под проценты, т. е. как самовозрастающей стоимости как капитала. При капитализме отчуждение на срок денег как капитала возможно потому, что деньги здесь являются всеобщей формой капитала и беспрепятственно превращаются в капитал, в орудие эксплуатации труда. Напротив, переходной экономике не специфичны эти условия. Самые характерные и наиболее широко распространенные кредитные сделки в советском хозяйстве — это такие сделки, в которых отсутствует капиталист как заимодавец и заемщик, которые следовательно не базируются на капиталистическом отношении.

Кредит как капиталистический кредит был уничтожен уже Октябрьской революцией. Советский кредит с самого начала явился прямым отрицанием капиталистического кредита.

Кредит, так же как деньги и торговля, является «инструментом капиталистической экономики», однако «функции и назначение этого «инструмента буржуазии» благодаря диалектике нашего развития меняются принципиально коренным образом в пользу социализма и в ущерб капитализму». Но это коренное, принципиальное изменение функций советского кредита означает вместе с тем, что в течение переходной экономики сначала ограничиваются, а затем ликвидируются все остатки капиталистических отношений, скрытые за кредитной формой. Советский кредит представляет собою особую историческую форму кредита, обусловленную существованием ведущего и преобладающего социалистического сектора товарно-денежных отношений и подчиненную не капиталистическим закономерностям, но специфическим закономерностям переходной экономики. Специфичность, коренное принципиальное отличие советского кредита от капиталистического, заключается таким образом в специфических производственных отношениях советской экономики.

Специфическая черта советского кредита — в том, что он является формой внутренней организации обобщественного сектора, формой перераспределения материальных ресурсов, учета этого движения в денежной форме и контроля за ходом выполнения планов опять-таки через денежную форму («контроль рублем»).

Если Маркс подчеркивал различие между «капиталистическим кредитом», образующим существенный элемент капиталистического способа производства, и ростовщическим кредитом, то тем более важно четкое разграничение и противопоставление новой истори-

ческой формы кредита — советского кредита — капиталистической и докапиталистической формам кредита. При этом следует отметить, что существование кредитной формы с точки зрения марксовой политической экономии возможно и при отсутствии капиталистического производства как основной формы общественного производства.

Необходимой исторической предпосылкой кредита является лишь то, что «по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары, и наряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции» (Маркс). Поэтому если мы признаем на всех этапах переходной экономики наличие категории денег (конечно особых, отличных от капиталистических денег), то тем самым невозможна ликвидация особой исторической формы кредита — советского кредита.

Присущая капитализму кредитная форма движения денег (и товаров), подчиняясь основной закономерности переходной от капитализма к социализму экономики, уже не является капиталистической кредитной формой и становится особой исторической формой кредита, особой категорией, советским кредитом. Это совершенно своеобразная кредитная форма движения денег, подчиненная основной закономерности переходной экономики — плановому социалистическому расширенному воспроизводству.

Приведем то классическое место из «Капитала», в котором сформулирована точка зрения Маркса на роль кредита в переходную эпоху.

«Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы»¹.

Маркс говорит о кредите как «мощном рычаге» переустройства общества на социалистических началах, но вместе с тем он предостерегает от иллюзии, будто бы только при посредстве одного этого рычага и при сохранении прежнего способа производства, построенного на частной собственности, можно устранить противоречия капитализма. Маркс ставил вопрос так: либо сохранение прежнего анархического, капиталистического способа производства, но тогда кредит бессилён устранить капиталистическую эксплуатацию и может ее только усилить; либо замена этого способа производства подлинно социалистическим, но тогда «кредит как таковой уже не имеет смысла».

¹ „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 148.

Этого как раз не понимали и не понимают те старые и современные социалисты-утописты, которые верили и верят в «чудодейственную силу кредита».

В программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии (1919 г.), дана классическая формулировка марксо-ленинских взглядов на роль кредитов и банков в переходную эпоху:

«Избегнув ошибки Парижской коммуны, советская власть в России сразу захватила Государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейства с Государственным банком, создавая таким образом остов единого Народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой советской властью работы до конца, РКП выдвигает на первый план следующие принципы:

1) Монополизация всего банковского дела в руках советского государства.

2) Радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества».

Мы обращаем внимание на четыре чрезвычайно важных момента в программе партии в области кредита и банков.

1) В полном соответствии со взглядами Маркса и Ленина программа придает огромное значение кредитной системе, а именно «как орудию рабочей власти и рычагу экономического переворота», отмечая вместе с тем одну из роковых политических ошибок Парижской коммуны, оставившей банковский аппарат — финансовую мощь капитализма — в руках буржуазии.

2) Партия ни в коем случае не допускает возможности прямого чистого-механистического перенесения форм кредита (банковских операций) на переходную экономику. Напротив, партия выдвигает требование «радикального изменения и упрощения банковских операций». Это значит, вопреки оппортунистически-механистическим взглядам, что нельзя радикально изменить «капиталистическое содержание» кредита и банков и оставить неизменной их форму, т. е. банковские операции. Необходимо радикально изменить и упростить банковские операции, т. е. освободиться от тех фетишистских форм, в которых происходит деятельность банков при капитализме.

3) Вопреки взглядам и практике «левацких» союзников правых оппортунистов партия осуществит превращение банка в центральную бухгалтерию коммунистического общества лишь после построения социалистической экономики. Те самые процессы, которые приводят к отрицанию, уничтожению старого банка, одновременно необходимо требуют колоссальной творческой работы по организации «аппарата единообразного учета и общего счетоводства», а в дальнейшем «центральной бухгалтерии коммунистического общества».

Наш опыт показывает, что «радикальное изменение» банковских операций не может происходить самотеком, но требует огромных творческих усилий пролетариата и партии и напряженнейшей классовой борьбы против оппортунистических и вредительских элементов за правильное осуществление этой перестройки.

Мы не просто «отрицаем», уничтожаем банки: поскольку это отрицание и уничтожение не происходит и не может происходить «само по себе» по мере организации планомерного общественного хозяйства, постольку совершенно неправильно и по существу оппортунистично одностороннее представление об этом процессе как отрицательном и, так сказать, разрушительном, которое мы встречаем например у Грахтенберга.

Верно конечно, и это соответствует марксо-ленинской теории, что старый капиталистический банк отрицается, уничтожается, ибо пролетарская революция уже «отсекла» все то, что «капиталистически уродует этот превосходный аппарат» (Ленин). Однако это лишь одна сторона процесса, ибо диалектическое уничтожение или гегелевское «снятие» означает одновременно и утверждение нового, и именно эту сторону особенно подчеркивал Ленин при оценке роли банков в переходную эпоху.

Для теории переходного периода отмечать процессы создания нового и показать, как эти процессы происходят и должны происходить, не менее важно, чем утверждать необходимое уничтожение старого. Таким образом выделение отдельного правильного момента, взятого изолированно от других моментов, ему противоположных, являясь антидиалектическим, приводит к построению неправильной и на практике оппортунистической теории. Такова теория «просто» об отмирании, уничтожении банка. Между тем именно на данном этапе совершенно бесплодной и вредной оказывается такого рода теория. Теория советского хозяйства, в области кредита и банков должна показать закономерности процесса перестройки банковского аппарата и кредитных операций, показать, как происходит и как должна происходить эта перестройка.

«Крупные банки есть тот государственный аппарат, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделав его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее».

Эти слова были сказаны Лениным еще до Октябрьской революции. В связи с обострением гражданской войны, интервенцией капиталистических стран дальнейшее развитие внесло существенные изменения в процесс перестройки банковской системы как в период «военного коммунизма», так и в период нэпа, о чем будет речь ниже. Но общие генеральные линии процесса перестройки банковского аппарата и общая оценка роли кредита и банков в переходную эпоху, данные Марксом, Лениным и партийной программой в целом, безусловно оказались правильными и подтверждены нашим опытом.

Ряд буржуазных экономистов, привлеченных советской властью к теоретической и практической работе в области советского кредита, развивал теорию тождества природы советских и капиталистических банков. В возрождении банков они видели возрождение капитализма; на практике они всячески тянули нас на капиталистический

путь развития. Они поэтому боролись против специфической советской кредитной политики, в частности против кредитного планирования.

Вредитель проф. Юровский в статье «О советской банковской системе»², перечисляя «особенности» (в его понимании — ненормальности) нашей банковской системы как одной из разновидностей банковских систем «вообще», отрицает основную особенность, а именно то, что наш банк принципиально отличен от капиталистического банка, что он рычаг социалистического строительства и выкорчевывания капиталистических элементов. Эта «особенность» для Юровского не существовала даже в 1929 г. Отождествление природы советского и капиталистического кредита лежит в основе учения Юровского о советском кредите.

Юровский и его школа не могли дать теорию советского банка, но могли ее лишь фальсифицировать для своих целей вредительства.

Своей теорией буржуазные экономисты стремились повлиять на нашу финансовую политику. В этом отношении весьма характерно выступление проф. Каценеленбаума. Он под флагом критики червой пятилетки развил учение о том, что процесс индустриализации СССР должен протекать так же, как он протекал на Западе и в царской России, а именно через «аккумуляцию» национального накопления кредитными, а не бюджетными рычагами. Он считал, что политика давления на капиталистические элементы по бюджетно-налоговой линии и через классовую политику цен «ударяет по основному нерву народного хозяйства — по стимулированию его производительности» (подчеркнуто Каценеленбаумом.—З. А.).

Чтобы этого не было, нужно дать простор капиталистическому накоплению в городе и деревне и это накопление, так же как и при капитализме, без принуждения через кредит привлекать для индустриализации. Следовательно роль кредита у нас и при капитализме та же: это рычаг индустриализации, необходимо связанный с ростом капиталистического накопления.

Понятно, что должно было выйти на практике из этой теории. Наша советская индустрия должна была бы оказаться в руках деревенского кулачества и городской буржуазии в прямой зависимости от капиталистов; советская индустрия в виде процента (Каценеленбаум предлагал значительно повысить проценты) должна была бы вечно платить дань капиталистам, отчуждать им значительную долю создаваемого советским пролетариатом прибавочного продукта. Конечно это означало не что иное, как программу капиталистической реставрации, ибо где финансовая зависимость, там и экономическое господство, а где экономическое господство, там и политическое господство. Таков практический политический смысл буржуазной теории тождества советского и капиталистического кредита.

В плену у буржуазных теоретиков советского кредита оказались и некоторые марксисты. Достаточно указать на т. Сокольниково-ва, который на XIV съезде партии заявил, что «Государственный банк точно так же является государственно-капиталистическим предприятием»³. На это т. Сталин ответил Сокольникову следующее:

«Скоро он (Сокольников.—З. А.) договорится до того, что Народный комиссариат финансов объявит он тоже государственным капитализмом. До сих пор я думал, до сих пор мы все думали, что Госбанк

² Сборник „Кредит и банки“, изд. Наркомфина, 1929 г.

³ Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 325.

есть часть государственного аппарата... а теперь по Сокольникову выходит, что эти институты, являющиеся частью нашего госаппарата, являются госкапиталистическими. Может быть наш советский аппарат представляет тоже госкапитализм, а не пролетарский тип государства, как утверждал Ленин? Отчего бы нет? Разве наш советский аппарат не пользуется «денежной системой», проникнутой принципами капиталистической экономики? Вот до какой чепухи может договориться человек»⁴.

Несмотря на такую уничтожающую критику теории тождества советских денег и советского банка с капиталистическими деньгами и капиталистическими банками, т. Сокольников остался на прежней позиции. В своем курсе «Финансовая наука», изданном в 1930 г., он писал: «Все те отношения, которые существуют между советской кредитной системой и товарным окружением, носят характер капиталистических отношений кредита»⁵.

Но мало того, этот тип кредитных отношений «накладывает свой отпечаток» и «на кредитные отношения, существующие внутри этого обобщественного хозяйства, потому что одно с другим нераздельно связано»⁶.

На этой теории Сокольникова очень явственно выступает «отпечаток» теории Юровского. Возможна ли коренная революционная переделка кредитной формы и ликвидация присущей капитализму кредитной формы и тенденций кредита, коль скоро кредитные взаимоотношения обобщественного и необобщественного сектора суть капиталистические отношения? Совершенно ложно поняв природу кредитных отношений на стыке обобщественного и необобщественного сектора, т. Сокольников эту «природу» советского кредита переносит и во внутренние отношения обобщественного сектора. Получается, что кредит в целом в нашей системе по природе своей тождественен капиталистическому кредиту. На основе такой теории невозможен анализ специфических функций нашей кредитной системы и задач нашей кредитной политики. И неудивительно, что этого анализа в своей «Финансовой науке» т. Сокольников не дал и не мог дать.

Не говоря уже о том, что теории, подобные учению Сокольникова, как показано выше, используются в качестве теоретических аргументаций идеологами капиталистической реставрации; они препятствуют пониманию процессов коренной перестройки кредитной системы и методов кредитования в переходную эпоху и тормозят эти процессы. Они питают собою на практике правооппортунистические тенденции в отношении мероприятий партии и правительства в области кредита и банков.

Учение о том, что через организацию банков возможно вращание капитализма в социализм, впервые последовательно было развито мелкобуржуазным социалистом-утопистом первой половины XIX в. Сен-Симоном и его последователями. Аналогичные проекты развивал и Прудон. Несмотря на то, что ход исторического развития полностью опроверг сен-симоновскую идею, современные реформисты, социал-фашисты воскресили эту теорию. Социал-фашисты Гильфердинг и Реннер развили теорию социализации через

⁴ Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 495.

⁵ Сокольников, Финансовая наука, изд. Заочных курсов Наркомфина, 1930 г., стр. 113.

⁶ Там же, стр. 114.

обращение, через банки, без насильственного, революционного «органического переворота в самом способе производства» (Маркс).

Гильфердингу национализация банков нужна для «возможности медленным развитием подготовить этот процесс (обобществление средств производства. — З. А.) к зрелости, т. е. однократный акт государственной власти превратить в постепенное обобществление».

А по существу это есть та же мелкобуржуазная, сенсимонистская программа вrastания капитализма в социализм через национализацию крупнейших банков. Эта мелкобуржуазная реакционная теория не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом⁷.

В новейшее время эта теория вошла составной частью в буржуазно-реакционную теорию «организованного капитализма». Социал-фашистские теоретики нашли общий язык с целой фалангой откровенно буржуазных экономистов Запада и САСШ, которые в «банковском контроле» и так называемой «рациональной банковской политике» изобрели новый способ стабилизации капитализма, разрешения его противоречий (Ган, Оутри, Беллери, Робертсон, Стронг и др.).

Текущий мировой кризис и развернувшийся на его основе небывалый в истории мировой кредитный кризис показали истинную цену теорий фальсификаторов марксизма, социал-фашистов и подтвердили абсолютную правильность основного тезиса Маркса о роли банков при капитализме и в переходную эпоху, а именно тот тезис, что лишь в связи с «органическими переворотами в самом способе производства» «кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда».

Гильфердинговская теория нашла отзвук в СССР, а именно в правооппортунистической теории т. Бухарина. Тов. Бухарин рассматривает советские банки как одно из важнейших условий, при которых «кулацкие гнезда» будут мирным путем, «самотеком», вращаться в социализм». «С другой стороны, — писал т. Бухарин, — кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. вращаться в ту же систему»⁸ (социалистическую. — З. А.).

По существу это не что иное, как социал-демократическое учение о вращении капитализма в социализм через банковскую систему. С точки зрения теории кредита эта сторона правооппортунистического учения Бухарина аналогична теории проф. Каценеленбаума. И здесь и там капиталистическое накопление, аккумулируемое банками, является основой, на которой зиждется советская индустриализация. Но из

⁷ Ленин указал, что национализацию банков нельзя смешивать с экспроприацией класса капиталистов, с национализацией частных имуществ. «Если, — говорит Ленин, — национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интерес которой состоит в обманывании публики. Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни одно из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. при слиянии всех банков в единый Государственный банк. Кто владеет 15 руб. по сберкнижке, тот остается владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 млн., у того и после национализации банков остается 15 млн. в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и т. п.» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 183). Гильфердинг же, рекомендуя ограничиться только национализацией банков, защищает этим капитализм.

⁸ См. Н. Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, стр. 49.

этой теории вытекает отрицание возможности подлинно социалистической индустриализации, ибо такая индустриализация и предполагает ликвидацию капиталистического накопления, развернутое наступление на капиталистические элементы и в дальнейшем их полную ликвидацию.

Из теории же Бухарина, как и из теории Каценеленбаума, вытекает необходимость всяческого поощрения капиталистического накопления, ибо чем больше будет это накопление, которое все равно попадает в советские банки, тем выше темпы индустриализации. Но такая «советская» индустриализация являлась бы нечем иным, как капиталистической индустриализацией, т. е. реставрацией капитализма.

Правооппортунистические теории тождества советского и капиталистического кредита, равнозначности кредитной аккумуляции при капитализме и в СССР и т. д., объективно отражающие интересы буржуазии и теоретическое влияние учений их советских и зарубежных идеологов, — являются главной опасностью в нашей кредитной политике, и на них должен быть прежде всего направлен решительный удар в теории советского хозяйства.

Усвоение азбуки марксистско-ленинского учения о кредите и банках и следовательно азбуки советской кредитной политики требует прежде всего полного преодоления всех этих социал-фашистских и правооппортунистических теорий, их выкорчевывания из специальных учебных руководств, на которых воспитываются советские банковцы и хозяйственники в вузах и техникумах.

Перейдем теперь к теории советского кредита Трахтенберга.

Трахтенберг признает принципиальную противоположность советского и капиталистического банков. Но в полном противоречии с этой исходной точкой проф. Трахтенберг утверждает, что «в буржуазном и советском обществе ссудный капитал отображает одни и те же общественные отношения», хотя общественные отношения и здесь и там «не совпадают друг с другом»⁹.

Советский банк, так же как и капиталистический, по Трахтенбергу является центром, «организуящим и осуществляющим движение ссудных капиталов». Из всего этого ясно, что и советский кредит «отображает» (т. е. выражает) те же общественные отношения, как и кредит капиталистический. Но этот взгляд совпадает с приведенной выше точкой зрения т. Сокольниковой, т. е. с учением о тождестве советского и капиталистического банков, и находится в противоречии с исходным положением самого проф. Трахтенберга.

Основная ошибка и Трахтенберга и Сокольниковой состоит в игнорировании того бесспорного факта, что капиталистический кредит и капиталистическая банковская система были унитарно связаны как специфически капиталистические категории уже Октябрьской революцией. Последняя создала советскую денежную систему, советский кредит и советский банк, которые не могут выражать в этой новой экономике те же производственные отношения, как и при капитализме, или же сохранить прежнюю «форму» и изменить лишь свое «содержание». Эти категории выражают прежде всего совершенно новые, качественно иные общественные отношения, складывающиеся при ведущей и преобладающей роли социалистического сектора. Деньги, кредит, банки внутри обобществленного сектора и в отношениях между ним и необобществлен-

⁹ И. А. Трахтенберг, Современный кредит и его организация, изд. 1-е, стр. 286.

ными хозяйствами подчинены плану социалистического строительства, преодолевающего через «инструменты капиталистической экономики» рыночную стихию и уничтожающего капиталистические элементы.

Проф. Трахтенберг утверждает, что «в течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются»¹⁰. «Атрофию» «вымирание» банка (стр. 280) проф. Трахтенберг всячески подчеркивает, считая вместе с тем, что в меру роста обобществления происходит как бы автоматически «атрофия» банков. Это утверждение совершенно неправильно. Если говорить о капиталистическом банке, если считать, что иного банка, кроме капиталистического, не может существовать, то такой банк был уничтожен, «атрофирован» еще 14 лет назад. Вопреки взглядам сменовеховских кредитных теоретиков он не был возрожден в начале нэпа.

Если же говорить о советском банке как прямом отрицании капиталистического банка, то этот банк не уничтожается, но, напротив, укрепляется и развивается.

В конечном результате этого процесса должна быть осуществлена полная перестройка советского банка, превращение его в аппарат учета и контроля в социалистическом обществе. Создание предпосылок этой перестройки происходит уже в недрах переходной экономики. Ошибка Трахтенберга, как и Сокольникова, в том, что он характеризует советский банк как капиталистический (но с рядом особенностей), рассматривая кредит в нашей системе как простой рефлекс существующих в необобществленном секторе капиталистических отношений.

Отсюда вытекает автоматическое уничтожение банка по мере роста социалистического обобществления, недооценка роли кредита и банка для организации самого обобществленного сектора в условиях нэпа (простое рефлексирование чуждых отношений). На практике все это ведет к недооценке роли кредита и банков, к отодвиганию на задний план проблемы организации кредитной системы, методов и форм кредитования, к пассивному приспособлению к капиталистическим формам кредита или же к другой крайности — к полному отрицанию кредита в обобществленном секторе. Именно эта другая крайность, вытекающая из теории Трахтенберга, дает основание для «левацких» выводов.

Бурный рост коллективизации, решительный поворот бедняцких, середняцких масс к коллективизации с точки зрения этой теории должны чрезвычайно форсировать процесс «атрофии» советского банка. Недооценка роли кредита в переходный период находит свое выражение у т. Раскина. Он утверждает, что «одиннадцатилетний опыт вряд ли позволит нам оставаться на той точке зрения, с которой мы приступали к социалистическому хозяйствованию, и я думаю, что опыт этот может быть распространен и на другие страны, на переходное хозяйство вообще; значение банковского аппарата и кредита в переходном хозяйстве неизмеримо ниже того значения, которое ему придавали (кто? З. А.) и тем более, ниже того значения, которое они имеют в эпоху финансового капитала»¹¹.

Подчеркивая на все лады прогрессивно падающую роль банка (по Трахтенбергу — «атрофию» банка), т. Раскин отмечает особенность переходной эпохи в том, что «вместо господства над хозяйством через господство над фиктивным капиталом государство вводит прие-

¹⁰ И. А. Трахтенберг, Современный кредит и его организация, изд. 1-е, стр. 279.

¹¹ „Плановое хозяйство“ № 4 за 1929 г., стр. 42.

мы непосредственного планирования и регулирования хозяйственной жизни»¹⁵.

На данном этапе такие теории особенно противоречат революционной практике, они оставляют без внимания борьбу за коренную перестройку банковских операций, за укрепление и расширение банковского контроля, за постановку системы учета и контроля путем реорганизации и укрепления того самого банковского аппарата, который «отрицается» переходной экономикой. Ведь требование заменить банковский контроль «приемами непосредственного планирования и регулирования хозяйственных процессов» (Раскин) на данном этапе означает либо полное отстранение банка от контроля над хозяйственными процессами, либо переход именно банка к этим «приемам непосредственного планирования и регулирования хозяйственной жизнью»¹⁶.

Но это последнее было не чем иным, как грубым извращением роли банка со стороны старого руководства Государственного банка, констатированное декретом правительства от 20 марта 1931 г.

«Левацкий» уклон в кредитной теории и политике имеет своим основанием троцкистскую теорию двух регуляторов. Базируясь на этой своей теории, т. Преображенский в «Новой экономике» развил учение о двойной природе категорий банка и процента. По Преображенскому процент в обобщественном секторе представляет собой простую имитацию ~~формы капиталистических отношений~~, а вместе с процентом таковой же является категория кредита. Последняя в обобщественном секторе есть лишь не что иное, как «плановое распределение ресурсов»¹⁷. Согласно Преображенскому в обобщественном секторе нет никаких перспектив для развития банка¹⁸. Банк ликвидируется, атрофируется так же, как и у Трахтенберга или Раскина. На практике эта «левацкая» теория означает оппортунистическое отношение к мероприятиям партии и правительства, направленным на укрепление кредитного аппарата и введение жесткого кредитного режима, контроля рублем за ходом выполнения планов, ведет к отмене категорий денег и кредита в обобщественном секторе.

Не менее ошибочна и теория советского кредита т. Шанина. В противоположность проф. Трахтенбергу т. Шанин подчеркивает роль советского банка для внутренней организации обобщественного сектора. Однако он отрывает обобщественный сектор от необщественного, считая, что процесс ~~внутренней~~ организации последнего есть самодовлеющий процесс, происходящий независимо от ликвидации капиталистических элементов. Следовательно мы здесь имеем дело с той же механистической теорией секторов, как «двух параллельных ящиков» (Сталин). Тов. Шанин допускает возможность превращения советского банка в социалистиче-

¹⁵ Там же, стр. 144.

¹⁶ Тов. Раскин так именно и говорит о «превращении кредита в действительный механизм учета и регулирования», т. е. он мыслит так, что через банк осуществляется не только учет и контроль, но и самое регулирование хозяйственных процессов (см. цитированную статью, стр. 139).

¹⁷ «Новая экономика», стр. 199.

¹⁸ Там же, стр. 200.

скую бухгалтерию в рамках обобщественного сектора при наличии необобщественного сектора.

Сосредоточивая в противоположность Трахтенбергу внимание исключительно на роли кредита для внутренней организации обобщественного сектора, т. Шанин равным образом игнорирует сущность советского кредита, те основные специфические общественные отношения, которые скрыты за этой категорией. В политическом отношении, как отметил т. Рыльский¹⁹, из этой теории следует тот вывод, что можно не спешить с ликвидацией капиталистического окружения, ибо оно не препятствует росту социалистической организации обобщественного сектора, строительству социализма.

С другой стороны, утверждая, что «категории товарно-капиталистического хозяйства» отомрут и при наличии необобщественного сектора, теория т. Шанина дает оправдание «левацкой» практике «отмирания нэпа» в обобщественном секторе, в частности извращения роли банка, превращения его в орган регулирования хозяйственных процессов, допущенное на практике руководством Госбанка при проведении кредитной реформы 1930 г.

Рассмотренные нами ошибочные теории кредита и банков в советском хозяйстве питают право- и «лево»-оппортунистические извращения нашей кредитной политики. Поэтому без решительного преодоления такого рода теорий, без ортодоксального развития марксо-ленинского учения о кредите и банках не может быть построена такая теория советского хозяйства, которая в данной области «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин).

Необходимо прежде всего решительно отбросить механистическое представление о том, что в переходную эпоху сохраняется полностью материальное содержание процессов, осуществляемых кредитной системой при капитализме, несмотря на то, что в корне меняется социально-качественная характеристика его. Кредит якобы в переходную эпоху, теми же методами как и при капитализме, осуществляет мобилизацию общественного накопления и праздных денежных фондов для индустриализации, дает огромную экономию на издержках обращения и т. п.

Подобные взгляды долгое время были весьма ходкими в нашей ведомственной литературе. Из этой же теории вытекает учение проф. Каценеленбаума о необходимости расширения сферы действия кредитного рычага за счет бюджетного рычага, о чем была речь выше.

Если отрицаются социальное содержание и сущность старой кредитной формы, то одновременно отрицается и материальное содержание этой формы.

Использование для социалистического строительства кредита и банковской системы необходимо требует «радикального изменения» отдельных кредитных форм (банковских операций) и тех функций, которые они выполняют в процессе развития производительных сил. Вследствие этого в течение переходной экономики неизбежно должна происходить перестройка форм и методов советского кредита. До известного момента старые банковско-технические методы были терпимы, но в дальнейшем они превращаются в тормоз дальнейшего со-

¹⁹ См. его статью в «Проблемах экономики» № 4—5 за 1930 г.

циалистического строительства и поэтому подвергаются коренной переделке. С другой стороны, относительно суживается сфера действия методов аккумуляции общественного накопления через кредит, и возрастает роль бюджетных методов мобилизации и перераспределения ресурсов.

Достаточно например указать, что по доходной части финансового плана первой пятилетки удельный вес кредитной системы составляет всего 7,7%, в то время как бюджетной системы — 52%. Но из этого было бы совершенно ошибочно выводить заключение, что «активность банка падает» (Р а с к и н), что роль кредита сводится на-нет.

Роль банка не падает, а возрастает, но конечно не в тех функциях, которые так или иначе специфичны для капиталистического банка, но в тех функциях, которые развиваются в соответствии с той общей линией перестройки кредитной системы, которая намечена Марксом, Лениным, партийной программой. По мере роста социалистического строительства требуется все больше и больше внимания партии и рабочего класса к перестройке банковского аппарата, для того чтобы банк, сохраняя свое значение как кредитного института, шел в ногу с ростом социализма, смог бы достаточно быстрым темпом и в необходимых формах развить, углубить и расширить свои функции по контролю рублем и расчетам между организациями обобщественного сектора.

Но специфически капиталистические функции кредита в переходную эпоху полностью ликвидируются, и в основном это происходит в связи с первыми революционными экономическими мероприятиями пролетарской власти. Это нетрудно понять, если проанализировать применительно к нашей системе хозяйства четыре основных момента роли кредита при капитализме, охарактеризованные Марксом в «Капитале».

1) Кредит является необходимым элементом закона цен производства; стихийный процесс перераспределения капиталов через денежный рынок и банки «обслуживает уравнение норм прибыли или движения этого уровня, на чем покоится все капиталистическое производство» (М а р к с).

Естественно, что эта функция целиком отпадает в советском хозяйстве, поскольку закон цен производства ни на одном из этапов не являлся законом движения нашей системы.

2) Равным образом отпадает и второй момент, отмеченный Марксом, а именно освобождение производства от границ индивидуального (личного) накопления в форме создания акционерных обществ. Если благодаря этой функции, как подчеркивает Маркс, кредит «уничтожает частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, устранение самого капитала, то в экономической системе СССР объем и темпы расширения отдельных промышленных предприятий не зависят от границ индивидуального накопления по одному тому, что промышленность социалистически обобществлена, потому что капитал здесь ликвидирован.

3) Независимо от акционерных обществ капиталистический кредит дает «абсолютное в известных границах (суммы аккумулированного накопления. — З. А.) Распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью, и вследствие этого над чужим трудом» (М а р к с), следовательно кредит усиливает эксплуатационные возможности от-

дельных капиталистов, их конкурентоспособность, форсирует концентрацию и централизацию капиталов, а в эпоху финансового капитализма обслуживает монополистические организации через банковский аппарат, сращиваемый с промышленным капиталом. Такое направление даст кредит при капитализме аккумуляруемому денежному накоплению. Аккумуляция в форме кредита конечно сохраняется (хотя ее удельный вес в общей сумме мобилизуемых накоплений прогрессивно падает) в переходной экономике, но направление, сущность и значение этой аккумуляции не только отличны, но совершенно противоположны капиталистической аккумуляции.

Советские методы кредитной аккумуляции имеют большое значение для переходной экономики, ибо кредит может осуществить мобилизацию тех средств, которые не могут быть изъяты бюджетно-налоговой аккумуляцией. Сюда относятся, во-первых, накопления, не подлежащие налоговому обложению. Во-вторых, через кредит могут быть мобилизованы временно свободные средства хозорганов, а также разного рода общественных и государственных организаций. Тем самым кредит дает возможность мобилизовать дополнительные ресурсы как для краткосрочного, сезонного кредитования госпромышленности, торговли и сельского хозяйства, так и для долгосрочного финансирования госорганов за счет долгосрочных займов.

Мобилизация средств через кредит является составной частью единого финансового плана. В силу этого, несмотря на относительно небольшой сравнительно с бюджетной аккумуляцией удельный вес кредитной аккумуляции, нормальный ход финансирования капитального строительства находится в зависимости также и от хода выполнения плана мобилизации средств через кредит.

Госзаймы, вклады и текущие счета в банках и сберкассах являются основными формами советской кредитной аккумуляции. Но сюда же относятся и некоторые другие формы, как например целевые авансы в кооперации. Средства, привлекаемые на вклады в сберкассах и госзаймы, поступают в распоряжение госбюджета, но последний в этом случае осуществляет мобилизацию средств кредитным, а не специфически бюджетным методом в узком смысле, под которым следует понимать полное и безвозвратное изъятие средств в форме налогов и получения неналоговых доходов.

Из каких бы источников ни черпались аккумулярованные средства, все эти ресурсы идут на расширение и укрепление социалистического сектора, на социалистическую индустриализацию и коллективизацию крестьянских хозяйств, т. е. они обслуживают расширение сферы социализма и сокращение и ликвидацию капиталистических отношений в переходной экономике.

Таким образом в переходной экономике полностью отпадает та роль, которую играет кредитная аккумуляция при капитализме. Уничтожается капиталистическая аккумуляция, укрепляется социалистическая. Но раз отрицаются содержание и сущность кредитной аккумуляции, то не может быть сохранена неизменной сама форма кредитной аккумуляции. Буржуазные элементы, участвующие в практике нашего госкредита, неизменно впадали в панику, когда мы решительно изменяли формы и методы кредитной аккумуляции.

Принудительные займы для буржуазии, принудительное размещение некоторых займов среди госорганов, методы общественного воздейст-

вия при реализации госзаймов среди трудящегося населения, пролетарский и бедняцко-среднеяцкий актив как главнейшие, надежнейшие и совершенно «бесплатные» контрагенты в деле реализации наших займов, наконец полная ликвидация возможности рыночной спекуляции массовыми госзаймами путем ограничения их продажи банку лишь с разрешения низовых общественных организаций, — все эти совершенно чуждые, совершенно противоречащие капитализму методы кредитной аккумуляции являются в то же время специфически советскими методами.

Ясное дело, что при наличии всех этих моментов нельзя говорить о сохранении в чистом виде кредита как формы аккумуляции. Наши методы кредитной аккумуляции, имея еще нечто общее по внешней форме с капиталистической формой кредитной аккумуляции (деньги все же отчуждаются на срок и за «проценты»), вместе с тем, как ясно из сказанного выше, представляют собой решительное отрицание, коренную переделку самой этой формы. Разве можно сказать, что эта форма сохранилась неизменной как таковая, если стимулом покупки займов являются не высокие проценты и стремление к личной наживе?

Аккумулируемые ресурсы получают то основное направление, которое соответствует закону движения системы — плану построения социализма. Однако они получают это направление лишь в борьбе и преодолении противоположной капиталистической тенденции, которая старается использовать для своего укрепления все рычаги, которые держит в своих руках и которыми управляет план пролетарского государства, и в их числе также и кредит. Эти тенденции проникают и в государственный аппарат, разлагая отдельные звенья последнего язвой в кредителства и оппортунизма. Отсюда и возникают классовые извращения в кредитной политике, стремление, во-первых, бороться против всяких «новшеств» в кредитной форме и, во-вторых, дать направление кредитным ресурсам, противоположное основной тенденции нашего кредита.

Вредительское и правооппортунистическое извращения нашей кредитной политики являются отнюдь не случайным: именно они свидетельствуют о противоречиях самой кредитной формы переходной экономики, о том, что это не просто «плансвый кредит», но такая форма, которая хотя всегда служит орудием плана пролетарского государства, но которая в то же время заключает в себе еще возможность его использования капиталистическими элементами в своих интересах в определенных ограниченных размерах. Пролетарское государство постоянно должно вести борьбу с этими тенденциями за свою линию классовой кредитной политики.

Маркс подробно останавливается также на роли кредита в сфере обращения товаров. Здесь благодаря коммерческому кредиту и различным формам банковской эмиссии средств обращения происходит экономия на издержках обращения. При посредстве кредита деньги сберегаются таким образом, что:

- а) благодаря зачету взаимных долговых требований для большинства товарных сделок деньги вообще отпадают;
- б) обращение денег ускоряется благодаря высокой организации кассовой техники в банках;
- в) золотые деньги замещаются (в известных пределах и при сохранении твердого золотого обеспечения) их бумажными представителя-

ми, например банкнотами. Все это для капитализма означает не только сокращение издержек обращения и следовательно сокращение массы труда, отвлекаемого от производства на обслуживание обращения, но вместе с тем «ускорение отдельных фаз обращения или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса обращения вообще».

Конечно и в переходной экономике коммерческий кредит (до его ликвидации), банковская эмиссия (текущих счетов и банкнот), зачет взаимных долговых требований и т. д. дают экономию на издержках обращения и ускоряют процесс обращения и процесс производства.

Однако в отличие от капитализма здесь коммерческий кредит никогда не является кредитом, «оказываемым друг другу капиталистами, занятыми в процессе производства» (Маркс), т. е. функционирующими капиталистами.

Но из этого различия вытекает следующее принципиально важное различие. При капитализме на основе коммерческого кредита происходит эмиссия средств обращения в различных формах. Однако кредитные деньги имеют своим основанием золото, являясь лишь надстройкой над золотым фундаментом. Если кредитная система при капитализме лишь раздвигает границы имонетарной системы, но не уничтожает этих границ, возвращаясь к ним при кризисах, то переходная экономика не знает капиталистического цикла, периодических кризисов, ни на одном этапе она не приносит товары в жертву золотому тельцу.

Если эта функция разрешает при капитализме противоречие подъема, раздвигая рамки металлической границы и развивая производство независимо от границ потребления, то в переходной экономике кредит не играет этой роли, ибо переходная экономика свободна от этого противоречия.

Здесь эта форма — коммерческий кредит, или шире — товарный кредит (отчуждение товаров на срок, кредитование платежа за товары) и банковая эмиссия средств обращения, вырвавшаяся на этой основе до кредитной реформы 1930 г., использовалась пролетарским государством для создания всеобщего банкотно-денежного обращения, для связи обобщественного сектора и необобщественного, для обслуживания товарных отношений и хозяйственных расчетов внутри секторов и между секторами, для ограничения и ликвидации капиталистических элементов.

Однако при коренном изменении своего «социального содержания» коммерческий кредит по мере развития переходной экономики, при высоком уровне обобществления и планирования отрицается полностью также и во всех своих внешних формах: взаимные связи и расчеты отдельных предприятий принимают более совершенную, более соответствующую социалистическим отношениям форму, что и нашло свое выражение в кредитной реформе 1930 г., резко усилившей роль банка как органа планового контроля рублем.

И. БЛЮМИН

ТЕОРИЯ КОМБИНИРОВАНИЯ СОЦИАЛ-ФАШИСТОВ И БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

I. «Теория» комбинирования Гильфердинга

Одной из важнейших особенностей современного монополистического капитализма является комбинирование. Исходным пунктом теории комбинирования является то определение, которое Ленин дает в своей работе «Империализм». Ленин указывает, что:

«крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая комбинация, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собою либо последующую ступень обработки сырья (например выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее может быть производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например обработка обросов или побочных продуктов производства, предметов упаковки и пр.)»¹.

В этом определении даны все существенные моменты капиталистического комбинирования. И дальнейший анализ поэтому должен базироваться лишь на данном определении.

Прежде всего Ленин отмечает, что капиталистическое комбинирование представляет особенность капитализма на высшей стадии его развития. Этот пункт является одним из центральных в ленинской теории комбинатов. Здесь проходит основной водораздел между учением Ленина о комбинировании и теорией социал-фашизма, которая получила наиболее детальную разработку в «Финансовом капитале» Гильфердинга. Этот водораздел проходит по двум линиям. С одной стороны, Ленин выводит комбинаты из специфических противоречий новейшего капитализма, т. е. монополистического капитализма. Между тем Гильфердинг утверждает, что «капиталистический способ производства с самого начала сопровождается комбинацией»². С другой стороны, Ленин рассматривает комбинирование как процесс, который приводит к углублению всех противоречий капитализма, который ни в какой мере не может нарушить или трансформировать основные закономерности капитализма. Между тем Гильфердинг выдвигает положение, что комбинация знаменует «ограничение общественного разделения труда»³. Он рассматривает комбинирование как процесс, ведущий в качественному перерождению капитализма, к установлению новых форм разделения труда, к коренным изменениям основных закономерностей капитализма, к «организованному» капитализму.

Ленин в «Государстве и революции» очень четко сформулировал различие между революционным марксизмом и реформизмом в вопросе понимания новейшего капитализма. Самой распространенной

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 82.

² Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 224.

³ Ibid.

ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-капиталистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом!» и т. п. Полной планомерности конечно тресты не давали, не дают до сих пор и не могут давать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже в интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при капитализме хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме»⁴. Ленин вслед за этим вскрывает политический смысл этого основного теоретического расхождения. «Близость, — указывает он, — такого капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты»⁵.

Развитие капиталистического комбинирования является результатом обострения конкуренции между отдельными монополиями. Стремясь обеспечить себе сырьевую независимость, стремясь обеспечить получение возможно большей монопольной сверхприбыли, которую могут урезать другие монополии, отдельные монополистические предприятия и объединения пытаются захватить в свои руки все производства, снабжающие их предприятия сырьем и другими материалами. В условиях закончившегося передела мира и монополизации целого ряда сырьевых источников борьба за расширение сырьевой базы отдельных монополий приобретает чрезвычайно ожесточенный характер. Как указывает Ленин, «монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов, и мы видим, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить например железорудные земли или нефтяные источники и т. п.»⁶.

С другой стороны, стремясь обеспечить себе возможно большую долю монопольной сверхприбыли, монополии стремятся подчинить себе последующие процессы переработки их основных товаров, для того чтобы иметь дело с наименее организованными производителями. Обе эти тенденции находят себе разрешение в создании капиталистических комбинатов, которые объединяют в рамках единого предприятия ряд последовательных стадий переработки какого-либо сырья или ряд производств, играющих вспомогательную роль одно по отношению к другому.

Капиталистическое комбинирование, выступая как результат обострения конкуренции между монополиями, в свою очередь усиливает эту конкуренцию, делает ее более ожесточенной. Рост комбинирования знаменует собой значительное укрупнение масштаба отдельных предприятий. Дело не только в том, что комбинирование требует включения в состав предприятия новых отраслей производства, новых производственных единиц, но и в том, что комбинирование диктует необходимость приспособления друг к другу отдельных частей комбината. в частности ориентируя в ряде случаев развитие всех частей комбинатов на ту производственную единицу, которая требует

⁴ Ленин. Собр. соч., т. XXI, стр. 416.

⁵ Ibid.

⁶ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 137.

/v

наибольшего количества материалов. Очевидно, что эта тенденция к укрупнению масштаба предприятий в обстановке резко суженного рынка, характерной для эпохи всеобщего кризиса капитализма, не может не способствовать обострению противоречия между тенденцией к расширению производства и узкими рамками рынка. С другой стороны, комбинирование на базе развития комплексного использования сырья, на базе разнообразного использования отходов приводит к тому, что отдельные предприятия начинают выпускать разнообразную продукцию. Учащаются случаи столкновения между предприятиями разных отраслей, поскольку комбинирование в известной мере приводит к преодолению узкоотраслевого характера отдельных предприятий. Конкуренция обостряется не только потому, что в нее втягиваются предприятия все новых отраслей (поскольку один и тот же товар может быть в ряде случаев произведен из отходов разных отраслей), но и потому, что комбинированные предприятия, использующие отходы, которые раньше выпускались на воздух или в отвал, которые ничего не стоят данным предприятиям, имеют возможность продавать товары по более низким ценам.

Развитие капиталистического комбинирования обостряет все противоречия капитализма. С одной стороны, развитие комбинирования требует увеличения продукции, ибо комбинирование может быть рентабельным лишь при очень крупном масштабе производства. С другой стороны, рост капиталистического комбинирования, связанный обычно с введением новых технических методов, сопровождается ростом органического состава капитала, а это неизбежно приводит к обострению тех тенденций, которые заложены в основе всеобщего закона капиталистического накопления. Рост органического состава капитала неизбежно приводит к усилению абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, к усилению роста безработицы и т. д. Развитие капиталистического комбинирования, поскольку оно сопровождается ростом органического состава капитала, приводит к обострению тенденции, к понижению нормы прибыли, к усилению противоречия, которое лежит в основе этой тенденции. Будучи одним из наиболее ярких проявлений процесса обобществления труда капитализмом, развитие капиталистического комбинирования приводит к новому усилению и углублению противоречия между общественным характером производства и частным присвоением, в частности к усилению первого проявления этого противоречия, а именно противоречия между буржуазией и пролетариатом.

Основная особенность теории комбинирования Гильфердинга состоит в том, что она замазывает связь, существующую между капиталистическим комбинированием и противоречиями эпохи империализма. Гильфердинг абсолютно не в состоянии дать правильный анализ капиталистического комбинирования, ибо он отрицает важнейшую форму проявления основного противоречия капитализма в эпоху империализма, а именно противоречие между монополией и конкуренцией. В той картине новейшего капитализма, которую рисует Гильфердинг в «финансовом капитале», существуют две самостоятельные сферы — сфера господства свободной конкуренции и сфера господства монополий, в которой отсутствует конкуренция. Из анализа Гильфердинга выпал таким образом такой важный момент, как конкуренция между монополиями. Без учета этого момента ничего нельзя объяснить в движении капиталистического комбинирования. Абстрагировавшись от конкуренции между монополиями, Гильфердинг, с одной стороны, оказался бессильным показать связь комбинирования с раз-

витием монополистического капитализма (ибо комбинирование есть продукт конкуренции монополий), а с другой стороны, не мог вскрыть границы комбинирования (ибо та же конкуренция монополий и вызывает стимулы к развитию комбинирования и ограничивает развитие последнего). Абстрагировавшись от конкуренции монополий, Гильфердинг логически приходит к выводам теории «организованного» капитализма; развитие монополий рассматривается как триумфальное шествие «организованного» хозяйства, которое все более и более «оттесняет» на задний план конкуренцию.

При рассмотрении работ Гильфердинга вообще и его «теории» комбинирования в особенности, необходимо помнить те критические замечания, которые Ленин сделал по адресу автора «Финансового капитала». В своем предисловии к «Империализму» Ленин писал об ошибке Гильфердинга в вопросе о теории денег и об известной склонности Гильфердинга к оппортунизму. Еще резче ставит Ленин вопрос в своем предисловии к немецкому и французскому «Империализма» в 1920 г. (Собр. соч., т. XIX, 3-е изд., стр. 76): «Необходимо сказать несколько слов о главе 3-й «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в «независимой» социал-демократической партии Германии, сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с откровенным пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном». Чрезвычайно важно то, что довоенного Гильфердинга Ленин характеризует как марксиста в кавычках.

Вопросы комбинирования являются составной частью проблем империализма. Ошибки и извращения в области теории империализма неизбежно влекут за собой ошибки в области вопросов комбинирования.

В основе «теории» империализма Гильфердинга лежит его теория «организованного» капитализма и меновая концепция, придающая решающее значение в развитии капитализма изменению меновых отношений. В соответствии с этой меновой концепцией автор «Финансового капитала» выводит империализм из сферы обращения, из развития акционерных обществ и изменения функции денег, а не из концентрации производства, перерастающей в монополию, как это дано у Ленина. Гильфердинг, правда, кое-где рассматривает и монополии, но они выступают у него как подчиненный момент. Основную движущую силу развития монополий Гильфердинг ищет не в сфере производства, а в сфере обращения, в частности в сфере кредита.

Банки выступают у него как важнейшая движущая сила монополизации.

Банки, в трактовке Гильфердинга, выступают также как основная движущая сила в развитии комбинирования. «Все эти объединения (речь идет о комбинациях, фузиях, трестах. — И. Б.) промышленных предприятий обычно подготовляются тем общим интересом, которым банки связываются с промышленными предприятиями. Банк, сильно заинтересованный например в делах угольной шахты, использует свое влияние на железный завод, для того чтобы сделать его покупателем угля на данной шахте. Это — зародыш комбинации»¹.

Такое понимание развития монополий резко расходится с тем решением этого вопроса, которое дает Ленин в своем «Империализме».

¹ Гильфердинг, «Финансовый капитал», стр. 227—228.

Ленин указывает, что «концентрация на известной ступени ее развития сама собой подводит, можно сказать, к монополии. Ибо несколькими десятками гигантских предприятий легко притти к соглашению между собой, а, с другой стороны, затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий»⁸.

Рассматривая вопрос о новой роли банков, Ленин подчеркивает решающее значение в этом процессе роста монополий. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»⁹.

Выпячивание примата обращения Гильфердингу необходимо для того, чтобы замазать противоречия товарно-капиталистического производства. Истинную подоплеку меновой концепции вскрыл Каутский, который писал¹⁰, что в области обращения рабочий имеет одинаковые интересы с капиталистами, поскольку те и другие в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии обмена. Процесс обмена Гильфердинг рассматривает вне связи с анализом противоречий товарного производства. В связи с этим в исходном пункте своего анализа в своей теории денег Гильфердинг допускает грубейшую ошибку, превращая деньги в простой знак. Весьма любопытно отметить, что в главе о деньгах уже можно нащупать некоторые зародыши теории «организованного» капитализма. Гильфердинг пишет, что «в пределах минимума обращения вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением... Для минимума обращения анархия как бы устраняется»¹¹.

В связи с этим в своем дальнейшем анализе, поскольку Гильфердинг из функции денег выводит необходимость кредита, из развития последнего — необходимость банков, из развития банков — необходимость образования финансового капитала, из развития последнего — рост монополий и т. д., постольку все категории, приведенные выше, в трактовке Гильфердинга не выражают противоречий капитализма. Развитие банков в изображении Гильфердинга выступает как процесс, «смягчающий» капиталистические противоречия, анархию производства и неравномерность развития.

Вместе с тем банки рисуются Гильфердингом как мощное оружие рационализации капиталистического процесса. В связи с этим при рассмотрении вопроса о кризисах Гильфердинг не перестает петь дифирамбы благотворному, умеряющему влиянию финансового капитала на спекуляцию и прочие явления.

Но развитие современного мирового кризиса лишний раз самым наглядным образом опровергло алогическую теорию Гильфердинга.

Гильфердинг упоминает, что в самой промышленности существуют тенденции к росту монополий. Но каковы источники этой тенденции? Эти источники Гильфердинг ищет не в развертывании концентрации, а в мнимой тенденции к нарушению равенства нормы прибыли в разных отраслях промышленности, каковое нарушение в свою очередь вытекает из значительного роста основного капитала, преимущественно в тяжелой промышленности. Гильфердинг вообще и не пытается

⁸ Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 182.

⁹ Ibid. стр. 107.

¹⁰ «Gesellschaft» 1926 г.

¹¹ «Финансовый капитал», стр. 15.

исследовать возникновение монополий из огромного роста концентрации производства.

«Чем относительно больше основной капитал, чем колоссальнее его размеры, чем выше его относительное значение при затратах капитала, тем большую долю всего капитала он образует и тем труднее становится, не подвергаясь огромным потерям, реализовать связанную в нем стоимость и потом перенести капитал в более благоприятную сферу»¹⁰. Отсюда Гильфердинг делает вывод, что в наиболее развитых отраслях, где концентрация дальше всего зашла, существует тенденция к понижению нормы прибыли. Отрасли с наиболее высоким уровнем концентрации ставятся Гильфердингом на одну доску с отраслями с низким органическим составом. Процесс роста монополий выступает как спасительное средство против этого понижения нормы прибыли ниже ее среднего уровня. «Там, где капитал достаточно силен, эта тенденция (речь идет о понижении нормы прибыли.—И. Б.) в свою очередь порождает противоположную тенденцию, направленную к первой. Она приводит в конце концов к уничтожению свободной конкуренции»¹¹.

Апологетический смысл этого учения Гильфердинга о монополиях очевиден. Монополии рассматриваются Гильфердингом не в связи с концентрацией и централизацией, а как противовзвездие против тех результатов, к которым приводит концентрация производства, одним из проявлений которой является громадный рост основного капитала. В связи с этим в схеме Гильфердинга рост монополий означает не усиление неравномерности нормы прибыли во всем капиталистическом обществе, а наоборот — смягчение последней.

Рост монополий у Гильфердинга выступает не как процесс растущего подчинения капиталистического общества горстке монополистов, а как процесс эмансипации последних от тенденции к снижению их прибыли, как процесс «справедливого вознаграждения» наиболее мощных отраслей за убытки, понесенные в результате роста основного капитала.

Представив наиболее мощные отрасли капиталистической промышленности в качестве пострадавшей стороны, у которой более низкая норма прибыли, следовательно и худшие условия для дальнейшего роста, оторвав процесс роста монополий от концентрации, Гильфердинг неизбежно должен был притти к поискам движущей силы роста монополий не в сфере самого производства, а в сфере кредита.

«Теория» комбинирования Гильфердинга носит такой же апологетический характер, как и его «теория» монополий. Объективный смысл процесса комбинирования по Гильфердингу заключается в устранении неравномерности нормы прибыли. «Наряду с теми тенденциями, которые вызывают длительное понижение нормы прибыли ниже среднего уровня и которые могут быть преодолены лишь путем устранения их причины, конкуренции, существует и иное понижение нормы прибыли: для одной отрасли промышленности она понижается потому, что прибыль в другой отрасли промышленности повысилась»¹². «Необходимо, чтобы это различие в норме прибыли было устранено — и оно может быть устранено только посредством соединения добывающей промышленности и обрабатывающей, посредством комбинации»¹³. Во время подъема нормы прибыли в добывающей промышленности

¹⁰ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 211.

¹¹ Ibid., стр. 216.

¹² Ibid., стр. 221.

¹³ Ibid., стр. 223. Необходимо отметить, что Гильфердинг в этом вопросе не оригинален, он повторяет точку зрения Геймана („Die gemischte Werke in deutschem grosselsgewerbe, стр. 214 и сл.

выше, чем в обрабатывающей промышленности, поскольку в первой расширениe производства требует больших капитальных затрат и большего времени. Во время депрессии «в отраслях, доставляющих сырой материал, отлив капитала и ограничение производства затруднительнее и сопряжено с большими потерями, чем в сфере производства готовых продуктов. Поэтому в первых норма прибыли дольше остается на уровне ниже среднего»¹⁴.

Если в своем анализе монополий Гильфердинг отрывает рост монополий от концентрации производства, то в своей «теории» комбинирования он отрывает развитие комбинирования от роста монополий. Те различия в норме прибыли между отдельными отраслями в результате циклических колебаний, о которых говорит Гильфердинг, существовали и до монополистического капитализма. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что комбинаты и монополии у Гильфердинга выступают как два внешних по отношению друг к другу явления. Комбинат не связан у Гильфердинга органически с монополией.

«Частичная комбинация, — пишет он, — имеет ли она форму соглашения или фузии, не ограничивает конкуренции; она просто усиливает комбинированные предприятия в борьбе против чистых предприятий; напротив, следствием гомогенного объединения (т. е. внутри одной отрасли. — И. Б.) всегда является смягчение конкуренции, если дело идет о частичном соглашении, и полное ее уничтожение — если соглашение является полным»¹⁵.

Комбинирование, по Гильфердингу, в отличие от монополий не оказывает никакого влияния на соотношение норм прибыли отдельных отраслей. В первом случае (т. е. комбинации. — И. Б.) не происходит изменения нормы прибыли тех отраслей, к которым принадлежали предприятия до своего соединения. Различие норм прибыли продолжает существовать, и устраняется оно только для комбинированного предприятия. Во втором случае (т. е. гомогенного объединения. — И. Б.) ожидается повышение прибыли для соответствующих отраслей промышленности вследствие уменьшения конкуренции»¹⁶.

В связи с этим нет ничего удивительного в том, что Гильфердинг выдвигает положение о том, что, «собственно говоря, капиталистический способ производства с самого начала сопровождается комбинацией»¹⁷. Приведя затем цитату Маркса о комбинированной мануфактуре, Гильфердинг ни одним словом не говорит о различии между «комбинациями» эпохи промышленного капитализма и комбинатами монополистического капитализма. Правда, в одном месте мы имеем следующее замечание у Гильфердинга: «Чрезвычайное ускорение темпа, которым идет возникновение комбинаций в новейшей фазе капиталистического развития, вытекает из тех сильных стимулов, которые даются причинами экономического характера, в особенности картелированием»¹⁸.

Итак, картелирование вызывает лишь ускорение темпа образования комбинаций. Разрыв, имеющийся у Гильфердинга между монополиями и комбинированием, вполне понятен. У него решающая роль в образовании комбинаций приписывается неравномерности циклических колебаний нормы прибыли для отдельных отраслей. В устранении этой

¹⁴ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 222.

¹⁵ Ibid., стр. 227.

¹⁶ Ibid., стр. 225.

¹⁷ Ibid., стр. 224.

¹⁸ Ibid., стр. 225.

неравномерности заинтересовано любое капиталистическое предприятие. С другой стороны, движущая сила комбинирования — банк — заинтересована в максимальном смягчении этой неравномерности колебаний нормы прибыли. Отсюда логически вытекает тот вывод, что комбинаты являются формой любого капиталистического предприятия в о о б щ е и что сильный рост числа комбинаций вытекает из роли банков.

«Теория» комбинирования Гильфердинга носит ярко апологетический характер. Комбинирование, как и монополии, у Гильфердинга выступает в качестве факторов смягчения неравномерности развития отдельных отраслей. Гильфердинг указывает, что «для комбинированного предприятия колебания нормы прибыли устраняются»¹⁹, но нигде у него не встречается указания на то, что рост комбинирования приводит к обострению неравномерности нормы прибыли во всем капиталистическом хозяйстве. Для Гильфердинга характерно не только это. «Теория» Гильфердинга отвергает закон неравномерного развития капитализма в период империализма. Далее, по Гильфердингу, уравнение средней нормы прибыли в период империализма не может совершаться путем конкуренции капиталов и перелива капиталов, а это уравнение якобы должно совершаться посредством централизации капитала в процессе комбинирования.

«Мы уже знаем, что как раз в таких сферах производства (речь идет о картелированных отраслях.—И. Б.) отлив и прилив капитала натолкнулся бы на границы, которые едва ли возможно преодолеть. Следовательно этот путь к уравнению нормы прибыли закрыт»^{19а}. Гильфердинг старается показать, что уравнение нормы прибыли реализуется не в процессе борьбы монополий, а устанавливается в результате превращения картелированной сферы в единый комбинат.

Гильфердинг отрицает иммиграцию капиталов для того, чтобы отрицать монополистическую конкуренцию и обострение неравномерности развития. Поэтому у него нигде не встречается указания о том, что комбинированное предприятие подвержено чрезвычайно разрушительным влияниям кризисов. Наоборот, из учения Гильфердинга прямо вытекает тот вывод, что рост комбинирования должен привести к смягчению и затем уничтожению кризисов. Как известно, Гильфердинг выводит кризисы из диспропорциональности, вытекающей из неравномерного развития отдельных отраслей. Эта неравномерность в свою очередь выводится из неравномерного движения цен и нормы прибыли отдельных отраслей благодаря преимущественно различию их технической структуры, благодаря различию технических трудностей расширения и сокращения производства.

Комбинаты, по Гильфердингу, охватывают в основном те стадии производства, которые обнаруживают сильные различия в динамике нормы прибыли в разные фазы цикла. Комбинат устраняет колебания нормы прибыли внутри своего производства. Внутри комбината устанавливается известная пропорциональность между отдельными его частями, между отдельными стадиями производственного процесса. Нельзя ли отсюда сделать тот вывод, что кризис, обусловленный, по Гильфердингу, диспропорциональностью отдельных отраслей, должен смягчаться и уничтожаться в силу роста комбинирования, ведущего к смягчению циклических колебаний нормы прибыли? Этот вывод пря-

¹⁹ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 223,

^{19а} Ibid., стр. 269.

ме вытекает из всей концепции Гильфердинга, так как он диспропорциональности рассматривает оторванно от основного противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения. Гильфердинг не видит противоречий комбинирования, отрывает комбинирование от роста монополий и рост монополий рассматривает как фактор, смягчающий неравномерность капиталистического развития.

Нужно отметить, что 20-я глава «Финансового капитала», посвященная вопросу об изменениях в характере кризисов в современном капитализме, носит ярко оппортунистический характер. Хотя Гильфердинг в ряде мест и говорит о том, что кризисы не устраняются в результате картелирования, но через весь его анализ красной нитью проходит мысль, что кризисы смягчаются.

Так, Гильфердинг подчеркивает, что «с развитием капиталистического производства абсолютно и относительно увеличивается величина той части производства, которая может продолжаться при всяких условиях. Но вместе с тем возрастает размер и той доли товарного обращения, которая остается незатронутой во время кризиса, увеличивается и основывающийся на ней оборотный кредит. Следовательно разрушение кредита может и не быть столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма. Мало того: развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковский кризис, а с другой стороны, в денежный кризис, затрудняется переменами в организации кредита, с одной стороны, и передвижкой в отношении торговли и промышленности — с другой»²⁰.

Итак, мы показали, что Гильфердинг не вскрыл монополистического характера комбинирования. В этом отношении весьма показательным следующее его положение: «Раньше мы видели, как тенденция к комбинации вызывается или усиливается известными явлениями конъюнктуры. Картелированием эта тенденция усиливается и в то же время модифицируется»²¹. Итак, картелирование как одна из форм монополизации, по Гильфердингу, только усиливает и модифицирует тенденцию к комбинированию, вытекающую из числа конъюнктурных колебаний. В то же время Гильфердинг совершенно обходит важнейшую сторону комбинирования, а именно то, что оно представляет собой форму конкуренции монополий. Эта сторона имеет очень важное значение, ибо рост комбинирования непосредственно свидетельствует об обострении конкуренции в капиталистическом обществе, об усилении анархии, об усилении борьбы между отдельными капиталистическими левиафанами. Процесс комбинирования вовсе не исключает монополистической конкуренции, как это пытается доказать Гильфердинг, а; напротив, усиливает и обостряет конкурентную борьбу.

В «теории» империализма, изложенной в «Финансовом капитале», можно наметить две схемы. С одной стороны, Гильфердинг пытается смазать различие между монополистическим и монополистическим капитализмом, смазать факт господства монополий. Эта тенденция выражается в том, что, по Гильфердингу, рост монополий является лишь орудием реализации тенденции к уравнению нормы прибыли. Гильфердинг совершенно смазывает обострение неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, тенденцию к загниванию

²⁰ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 269—270.

²¹ Ibid. стр. 272.

капитализма, особенности конкуренции в эпоху империализма, роль закончившегося раздела мира и т. д.

Гильфердинг развивает ряд положений в «Финансовом капитале», из которых вытекает, что рост монополий устраняет конкуренции и приводит к замене стихийного производства «организованным» капитализмом. Если, согласно первой схеме, монополистический капитализм ничем существенным не отличается от домонополистического капитализма, то согласно второй схеме монополистический капитализм перестает по существу быть капитализмом и превращается в какую-то новую формацию, не подчиняющуюся закону стоимости.

Обе эти схемы, которые эклектически переплетаются в «Финансовом капитале», преследуют одну и ту же апологетическую цель — максимально приукрасить новейший капитализм. С одной стороны, Гильфердинг пытается показать, что развитие монополий приводит к смягчению кризисов, к ослаблению анархии производства* и т. д., т. е. к ослаблению тех противоречий, которые имеются уже в эпоху промышленного капитализма. С другой стороны, Гильфердинг старается доказать, что развитие монополий не означает установления господства монополий и связанных с последними тенденций к усилению реакции, насильственных методов борьбы, загнивания, резкого обострения, неравномерности развития и т. д.

Обе эти тенденции вытекают из одной и той же методологической ошибки — Гильфердинг не понимает диалектического единства монополии и конкуренции. Монополия выступает у него как чистое отрицание конкуренции. Поэтому Гильфердинг не видит, что монополия не устраняет конкуренции и что сама конкуренция приобретает целый ряд новых особенностей в эпоху империализма. В связи с этим для «теории» Гильфердинга характерно также и то, что она игнорирует значение конкуренции между монополистами. Это обстоятельство нашло себе очень яркое отражение в его «теории» монопольных цен. По Гильфердингу, весь капиталистический мир делится на два отгороженных друг от друга лагеря — на картелированную сферу и некартелированную. Закон средней нормы прибыли Гильфердинг отрицает для эпохи империализма. «Картелирование знаменует изменение средней нормы прибыли... Повышение картельной цены находит свою границу в том, насколько возможно понижение нормы прибыли в некартелированных отраслях»²². По существу и Гильфердинг проводит теорию двух регуляторов монополистического капитализма, основанную на механистическом разрыве картелированной и некартелированной сфер, на отрицании единого закона для обеих сфер, на отрицании стихийного закона средней нормы прибыли и закона стоимости для всего капиталистического производства. Единственной и основной границей роста монопольных цен, по Гильфердингу, является уровень нормы прибыли в некартелированных отраслях. Мы видим, что Гильфердинг таким образом игнорирует влияние конкуренции, которая в каждый данный момент устанавливает границы для монопольной сверхприбыли.

Иными словами Гильфердинг совершенно разрывает монополию и конкуренцию. Он весь капиталистический мир мыслит разделенным на две сферы — на сферу безграничного господства свободной конкуренции и на сферу безграничного господства монополий. Весьма характерно, что во всем исследовании Гильфердинга картелированная сфера выступает как единое сплоченное целое, противостоящее некартели-

²² Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 339.

рованной сфере. В связи с этим Гильфердинг обходит вопросы конкуренции монополистов. Встав на этот путь, Гильфердинг неизбежно должен был притти к теории «организованного» капитализма. Раз монополизированная сфера представляет единое «организованное» целое; раз эта сфера все более и более расширяется, включая все новые сферы, то отсюда неизбежно вытекает тенденция к превращению капитализма в единый «организованный» комплекс. В этом процессе очень крупную роль играет комбинирование, которое Гильфердингом рассматривается не как выражение обостренной конкуренции капиталистических гигантов, а как выражение тенденций к «организации» капитализма во все более и более крупном масштабе. Отрицая фактически действие закона стоимости в эпоху монополистического капитализма, Гильфердинг стал на позиции «организованного» капитализма. Еще отчетливее это видно на вопросе «об общественном разделении труда».

Гильфердинг выдвигает положение о том, что «комбинация, знаменующая ограничение общественного разделения труда, в то же время дает новый толчок разделению труда в пределах новой производственной единицы»²³. Это положение (которое повторяет также т. Бухарин) тесно связано со всей концепцией Гильфердинга и в своем последовательном развитии приводит к теории «организованного» капитализма. В этом положении понятию общественного разделения труда придается абсолютно неверный смысл. Общественное разделение труда понимается как разделение труда между самостоятельными товаропроизводителями или предприятиями, связанными между собой через обмен²⁴. Иными словами, общественное разделение труда понимается как категория, присущая только товарно-капиталистическому обществу. Это положение является ошибочным. Оно противоречит прямым указаниям Маркса. Последний указывает, что «в то время как разделение труда в целом обществе, совершается ли оно посредством товарного обмена или независимо от него, — принадлежит самым различным социально-экономическим формациям, — мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»²⁵. Учение Гильфердинга о замене общественного разделения труда техническим, о том, что в других социально-экономических формациях мы не имеем общественного разделения труда, тесно связано с концепцией этого автора о предмете политической экономии, которая ограничивается только изучением капиталистического производства.

То толкование общественного разделения труда, которое дает Гильфердинг, также тесно связано с его меновой концепцией. Сущность общественного разделения труда он видит только в наличии стихийных, меновых связей между производителями. Он совершенно упускает из виду те классовые отношения, отношения эксплуатации, которые определяют природу общественного разделения труда при капитализме. Классики марксизма, рассматривая общественное разделение труда при капитализме, всегда подчеркивали эксплуататорский, антагонистический характер этого разделения труда. Они подчеркивали, что для капиталистического общественного разделения труда харак-

²³ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 224.

²⁴ В своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина Ленин в том месте, где Бухарин дает следующее определение: «в частности под общественным разделением труда разумелось и разумется разделение труда между отдельными предприятиями», поставил на полях вопросительный знак (Ленин, Замечание на книгу Бухарина «Экономика переходного периода», 1931 г., стр. 7).

²⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 271.

терны такие моменты, как существование противоположности между городом и деревней, существование противоположности между умственным и физическим трудом, «холопская иерархия индивидов», «профессиональный идиотизм», «односторонность развития рабочего» и т. д. В «Ницете философии» Маркс указывает, что «разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, специалистов, а с тем вместе и свойственный им профессиональный идиотизм»²⁶. В «Критике Готской программы» Маркс писал: «лишь на высшей стадии коммунистического общества, лишь когда исчезнет холопская иерархия индивидов при разделении труда, а с ней и противоречие между умственным и физическим трудом... Лишь тогда узкий буржуазный правовой горизонт будет совершенно покинут»²⁷. Энгельс в своих многочисленных замечаниях об особенностях общественного разделения труда при капитализме настойчиво подчеркивает то одностороннее развитие способностей, к которому приводит это разделение труда. В «Принципах коммунизма» Энгельс писал, что в коммунистическом обществе «разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой... Таким образом, воспитание освобождает их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда»²⁸.

Если при рассмотрении общественного разделения труда при капитализме учесть все приведенные выше моменты, отмеченные Марксом и Энгельсом, то станет очевидным, что комбинирование ни в коей мере не может знаменовать собой ограничение общественного разделения труда. Такой процесс может происходить лишь при обязательном уничтожении капиталистических производственных отношений. Лишь устранение капиталистического способа производства может привести к постепенному уничтожению общественного разделения труда.

Лишь при коммунизме полностью будут ликвидированы все виды общественного разделения труда, унаследованные от капитализма.

Для Гильфердинга характерно, что проблемы комбинирования и общественного разделения труда рассматриваются им вне всякой связи с вопросом о положении рабочего класса. Гильфердинг нигде не ставит вопроса о том, как комбинирование влияет на положение рабочих. Он все свое внимание сконцентрировал в области взаимоотношений между капиталистическими предприятиями разных отраслей. Для него анализ проблемы комбинирования и общественного разделения труда ограничивается только выяснением форм взаимоотношения между отдельными предприятиями. Основное производственное отношение капитализма между буржуазией и рабочим классом, на всем протяжении «Финансового капитала» остается в тени. Эта антимарксистская методология Гильфердинга целиком усвоена и развита дальше Рубиным. Из этой основной методологической установки Гильфердинга вытекает, что изменения форм взаимоотношений между предприятиями отдельных отраслей достаточно для того, чтобы вызвать радикальную перемену в организации общественного тру-

²⁶ Маркс, Ницета философии, стр. 136—137.

²⁷ «Критика Готской программы», стр. 53—56.

²⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 477—479.

да, в характере общественного разделения труда. Отсюда вытекает, что нет никакой связи между классовой структурой капитализма и организацией общественного труда. Отсюда вытекает, что для уничтожения или ограничения общественного разделения труда нет надобности в уничтожении классов и классовых привилегий, в радикальной перестройке общественного воспитания и т. д. (нужно отметить, что аналогичную ошибку делают те, которые уничтожение общественного разделения труда при социализме выводят т о л ь к о из роста социалистического комбинирования; в действительности уничтожение общественного разделения труда вытекает из уничтожения классов и остатков классовых различий: в этом процессе развитие социалистического комбинирования играет подчиненную роль).

Из положения о том, что общественное разделение труда суживается и ограничивается разделением труда внутри комбинатов, вытекает целый ряд оппортунистических выводов. Отсюда вытекают положения об ограничении роли конкуренции, об отрицании стихийности в капиталистическом хозяйстве, о постепенной дефетишизации капиталистических производственных отношений, об ограничении действия закона стоимости и т. д. В свете теории Гильфердинга комбинаты выступают как мощные рычаги качественного перерождения капитализма, утраты им всех своих закономерностей, постепенного перерастания в новую экономическую формацию. В основе оппортунистического вывода Гильфердинга об ограничении общественного разделения труда лежит неокантианская методология. Гильфердинг недиалектически рисует связь между общественным разделением труда и разделением труда внутри мануфактуры. В связи с этим уместно вспомнить замечания Маркса о мануфактурном разделении труда, которое (с известной оговоркой) родственно разделению труда внутри комбината. Маркс подчеркивал, что развитие капитализма сопровождается ростом как общественного, так и мануфактурного разделения труда, что оба вида разделения труда взаимно обуславливают друг друга.

«Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчлняя его дальше». «Анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства»²⁹.

Рассматривая вопрос об общественном разделении труда и при машинном производстве Маркс отмечает:

«Соответственно увеличению массы сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. д., доставляемых при машинном производстве, относительно сокращающимся числом рабочих, обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов подразделяется на многочисленные подвиды, а потому разнообразие отраслей общественного производства растет. Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно в несравненно большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности»³⁰.

Развитие комбинирования происходит на базе роста машинного производства и в свою очередь дает толчок к усилению этого роста. Между тем с точки зрения Гильфердинга рост комбинирования озна-

²⁹ Маркс, Капитал, т. I, гл. XII, разд. 4-й, стр. 269.

³⁰ Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, разд. 5-й, стр. 379.

чает ограничение общественного разделения труда. Отсюда видно, что «теория» Гильфердинга ничего общего с революционным марксизмом не имеет.

Из положения Гильфердинга о том, что развитие комбинирования знаменует собой ограничение общественного разделения труда, вытекает с логической неизбежностью вывод о том, что основное противоречие капитализма постепенно смягчается. Ведь «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией труда на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе»³¹. Отсюда неизбежно вытекает вывод о том, что кризисы должны постепенно смягчаться. В самом деле, если происходит ограничение общественного разделения труда в его капиталистической форме, то это означает, что ослабевает связь между комбинированными предприятиями и всем народным хозяйством. Это означает, что для комбинированных предприятий становится характерной тенденция к автаркии. Но это не может не означать, по Гильфердингу, ослабления интенсивности кризисов.

Оппортунизм Гильфердинга выражается и в том, что, рассматривая комбинирование, он подчеркивает только одну сторону — роль комбинирования как фактора обобществления труда, совершенно замазывая другую сторону, диалектически связанную с первой, а именно роль комбинирования как фактора обострения анархии производства. Маркс на примере влияния фабричного законодательства показал, что последнее «делает всеобщим и ускоряет превращение рассеянных процессов труда, ведущихся в карликовом масштабе, в комбинированные процессы труда в крупном общественном масштабе, т. е. обобщает и ускоряет концентрацию капитала и единое фабричное производство». В то же время Маркс указывает, что фабричное законодательство «благодаря тому мощному толчку, который ограничение и урегулирование рабочего дня дает технике, увеличивает анархию и катастрофы капиталистического производства, взятого в целом». Эти замечания Маркса целиком приложимы к капиталистическому комбинированию. Знаменуя собой громадный рост обобществления производства, оно в то же время знаменует собой громадное обострение анархии, громадное обострение расточительности капитала.

В свою очередь обострение анархии производства в рамках всего капиталистического хозяйства не может не влиять на структуру комбинатов, усиливая диспропорцию между отдельными частями комбинатов, затрудняя в рамках последних взаимное обслуживание отдельными частями друг друга, задерживая развитие всех частей комбината и установление масштабов, необходимых для правильного функционирования всего комбината.

Нельзя ли сказать, что рост комбинирования означает сокращение внутрипромышленного оборота, что промышленность все больше ориентируется на изготовление вполне законченных фабрикатов, которые непосредственно могут поступать к потребителю? Нельзя ли сказать, что отдельные отрасли промышленности все меньше сталкиваются друг с другом по линии снабжения средствами производства, что основной и единственной формой борьбы между отдельными отраслями становится борьба за конечного потребителя? Эти выводы являются

³¹ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 259

ошибочными, они основаны на очень упрощенном понимании сложных результатов комбинирования.

Рост комбинирования означает на известных участках сокращение числа звеньев, через которые проходит сырье, поскольку получение сырья и его дальнейшая переработка происходят в рамках одного предприятия. С этой стороны комбинирование обуславливает известное сокращение числа сделок купли и продажи, что выражается в сокращении необходимого для комбинатов капитала обращения. Но в то же время рост комбинирования означает огромное усиление и усложнение цепных связей между отдельными отраслями. Комплексное использование сырья приводит к значительному увеличению разнообразия продукции, выпускаемой комбинатом. Комбинирование тесно связано с развитием новых методов использования данного сырья, отходов и т. д. В связи с этим устанавливаются новые, самые разнообразные производственные связи между отдельными отраслями. Поэтому рост комбинирования, знаменующий на некоторых участках сокращение числа сделок купли-продажи, в общем и целом приводит к огромному разветвлению и значительному усложнению меновых связей.

Если даже взять комбинат, который производит один вид продукта, если отвлечься от того, что ни один комбинат фактически не может обойтись без покупки каких-либо средств производства, если отвлечься от наличия наряду с комбинированными предприятиями ряда не комбинированных предприятий в каждой отрасли, то и в этом случае нельзя говорить об ограничении общественного разделения труда и об ограничении стихийности в капиталистическом хозяйстве. Необходимо помнить, что рост комбинирования сопровождается громадным укрупнением производства комбинированных предприятий. Если даже допустить, что последние производят все необходимые им средства производства, то и в этом случае они становятся в зависимость от многочисленных потребителей, связанных с самыми разными отраслями производства. Меновые связи в результате самого факта роста производства сильно усложняются и расширяются. Отсюда следует, что капиталистическое комбинирование не вызывает сокращения общественного разделения труда, оно только усложняет эту структуру, сокращает на одних участках число меновых сделок и колоссально увеличивает число этих сделок для капиталистического производства в целом. Иными словами — комбинирование обостряет анархию производства, обостряет процессы конкуренции.

Выхолащивание из всего анализа монополий и комбинирования противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения приводит Гильфердинга к тому, что он совершенно обходит вопрос о границах капиталистического комбинирования. Рост комбинирования в изображении автора «Финансового капитала» происходит совершенно беспрепятственно. Даже проблема внутренних противоречий капиталистических комбинатов ни разу не ставится Гильфердингом. Это опять неизбежно приводит последнего к теории «организованного» капитализма. В «Финансовом капитале» мы уже имеем прямые основы этой теории. Необходимо отметить, что в изображении Гильфердинга разветвление комбинирования является одним из самых мощных рычагов развития в сторону «организованного» капитализма.

В этом отношении весьма характерно следующее место:

«Что касается области самого промышленного капитала, то здесь границы между отдельными сферами все более уничтожаются прогрессирующим объединением ранее отдельных и самостоятельных отраслей производства и постоянным сокращением общественного разделения труда, т. е. разделения между различными сферами производства, которые только меновым процессом связываются в качестве частей всего общественного организма; напротив, в то же время все дальше идет техническое разделение труда внутри объединенных производств. В то же время собственность, концентрированная и централизованная в руках немногих крупнейших капиталистических ассоциаций, выступает в непосредственной противоположности массе тех, у кого нет капитала. Таким образом вопрос об отношениях собственности получает самую ясную недвусмысленную обостреннейшую постановку, между тем как вопрос об организации всего общественного хозяйства находит все более совершенное разрешение благодаря развитию самого финансового капитала»³².

Итак, Гильфердинг говорит о более совершенной организации всего общественного хозяйства, об ослаблении роли меновых связей и т. д.

Отсюда вытекает положение Гильфердинга о том, что «овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным»³³.

По Гильфердингу, при господстве финансового капитала процесс обобществления труда достигает своего завершения, и социалистическому обществу остается только сменить верхушку, т. е. овладеть банками, чтобы получить в свои руки совершенную, плановую организацию общественного производства.

Комбинирование несомненно представляет одну из важнейших форм обобществления труда при капитализме. Эту сторону дела настойчиво подчеркнул Ленин. Он резко критиковал буржуазных экономистов, которые ограничиваются констатацией переплетений.

Ошибка Гильфердинга состоит в том, что он на передний план ставит роль комбинирования в обобществлении труда капитализмом, от р ы в а я комбинирование от других форм обобществления, от концентрации и централизации, перерастающих в монополии, приводящих к образованию картелей и трестов, и замазывает нарастание противоречий в связи с развитием обобществления. Ошибка Гильфердинга далее состоит в том, что он замазывает противоречие между обобществлением и капиталистической формой присвоения.

Гильфердинг совершенно игнорирует внутреннюю противоречивость обобществления труда при капитализме. «Если, с одной стороны, капиталистический способ производства исторически необходим для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляется методом, который применяется капиталом с целью выгоднее эксплуатировать труд путем повышения его производительности»³⁴.

Обобществление труда осуществляется в результате конкурентной борьбы в той мере, в какой это оправдывается интересами капитала.

³² Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 277.

³³ Ibid., стр. 443.

³⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 279.

Смазав вопрос об антагонистичности обобществления труда при капитализме, Гильфердинг замазывает вопрос о границах обобществления при капитализме и рисует радужную картину о том, что в недрах капитализма развивается законченная плановая организация производства, которая безболезненно может лечь в основу социалистического хозяйства.

Правда, Гильфердинг ставит вопрос о границах капиталистического обобществления труда капитализмом. Он устанавливает три границы этого обобществления⁹⁶. Первой границей является «распадение мирового рынка на национальные экономические территории отдельных государств». Не вытекает ли отсюда вывод, что внутри отдельных государств процесс капиталистического обобществления происходит совершенно беспрепятственно, что он достигает наиболее законченных форм «организованного» капитализма? Второй границей капиталистического обобществления, по Гильфердингу, является «образование земельной ренты, которая тормозит концентрацию в сельском хозяйстве». Не следует ли отсюда сделать вывод, что вся промышленность отдельных государств может быть прекрасно организована в виде одного комплекса, подчиненного общему руководству? В качестве третьей границы Гильфердинг выдвигает те «меры экономической политики, целью которой является искусственное продление живучести среднего и мелкого производства». Как будто левифаны капиталистического производства не разделяются шутя со всеми мероприятиями антитрестовского законодательства и другими мерами, направленными против крупного капитала! Как будто последний не поглощает стремительно мелкие капиталы, несмотря на любые меры экономической политики! Во всем анализе Гильфердинга нет ни слова о важнейшей границе капиталистического обобществления, о самой капиталистической системе с ее основным, решающим противоречием между общественным характером производства и частным способом присвоения, которое, по словам Энгельса, заключает в себе зародыши всех противоречий капитализма. Поэтому границы обобществления в изображении Гильфердинга выступают не как повсеместный факт, а как фактор, действующий лишь в отдельных случаях на отдельных участках. Поэтому факторы, ограничивающие капиталистическое обобществление, выступают в картине, нарисованной Гильфердингом, лишь как второстепенные моменты, слегка модифицирующие общую тенденцию, вносящие в последнюю небольшие коррективы, но не имеющие сколько-нибудь серьезного значения. Игнорирование противоречий капиталистического обобществления неизбежно приводит к апологетике капитализма. Отсюда прямо вытекают оппортунистические выводы о том, что «не нужно мешать капиталистическому развитию, рождающему в своих недрах плановое хозяйство», о том, что «не нужно торопиться с социалистической революцией».

Границы капиталистического комбинирования вытекают из внутренних противоречий этого процесса. Эти противоречия в свою очередь являются производными от общих противоречий эпохи империализма.

Разрешение проблемы границ капиталистического комбинирования может быть поставлено на правильные рельсы лишь в том случае,

⁹⁶ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 442.

если эти границы выводятся из всей совокупности противоречий империализма. В основу учения о границах комбинирования должна быть положена ленинская характеристика империализма как капитализма монополистического, загнивающего и умирающего. В определении границ комбинирования решающее значение имеют три фактора — обострение конкуренции между монополиями, общая тенденция к загниванию (в частности, тенденция технического загнивания, которая выражается в том, что монополии сознательно задерживают применение новых технических методов) и резкое обострение неравномерности развития отдельных стран и отраслей. Законы неравномерного развития в эпоху империализма приобретают решающее значение. Неравномерное развитие отдельных отраслей, резко обостряющееся в эпоху империализма, принимающее ряд новых форм (например скачкообразного роста одних отраслей, длительной депрессии в других), не может не влиять задерживающим образом на рост комбинатов, которые предполагают более или менее устойчивую связь между отдельными производствами, связанными технологическим единством, и определенное соответствие между ними. На почве обострения всех этих противоречий происходит резкое усиление противоречия между производственными возможностями капитализма и узкими границами рынка. Последнее противоречие приобретает особенно крупные размеры и особенно яркие формы в эпоху послевоенного капитализма, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, когда депрессия становится основной фазой цикла, когда в ряде стран и отраслей периоды промышленного оживления являются очень краткими, когда само оживление является очень слабым, когда безработица и недогрузка производственного аппарата превращаются в хроническое явление. Резкое обострение противоречия между производственными возможностями капитализма и узким рынком не может не влиять задерживающим образом на комбинирование. Последнее представляет собой высшую форму концентрации производства, оно знаменует собой громадное укрупнение производительных единиц и требует поэтому колоссальных масштабов производства. Узкие границы рынка ставят пределы для создания грандиозных комбинатов. В условиях хронической недогрузки производственного аппарата комбинирование отдельных производств не может вполне проявить своих технологических и экономических преимуществ. Тенденция к засекречиванию новейших технических методов затрудняет сколько-нибудь широкое применение последних. А это обстоятельство задерживает развитие комбинирования, поскольку задержки технического развития означают задержку перехода к технически более высоким формам комбинирования.

Границы капиталистического комбинирования являются яркой иллюстрацией загнивания современного капитализма. Они свидетельствуют о том, что империализму не под силу реализовать новейшие технические тенденции, которые требуют комплексного использования сырья, создания мощных и сложных комбинатов, охватывающих в технологическом единстве разные взаимно связанные между собой отрасли производства. Будучи результатом общего закона неравномерности развития капитализма, неравномерность развития комбинирования (между империалистическими странами и колониями, между отдельными империалистическими странами, между отдельными отраслями промышленности, между промышленностью и сельским хозяйством) в свою очередь является фактором, обостряющим общую

неравномерность развития капитализма. Было бы ошибочно думать, что наличие границ комбинирования означает абсолютную невозможность развития капиталистического комбинирования. Границы комбинирования при капитализме не исключают создания новых комбинатов, эти границы выражаются в том, что процесс развития комбинирования становится все более противоречивым и неравномерным.

Каковы эти внутренние противоречия комбината? Первое противоречие заключается в том, что, с одной стороны, развитие монополистического капитализма создает особые стимулы к созданию более замкнутых объединений, охватывающих большое количество отраслей, менее зависимых от других монополий. С другой стороны, то обострение конкуренции, которое характерно для империализма, в целом ряде случаев ограничивает и задерживает процесс комбинирования. Так например, если отдельные монополистические объединения в результате роста конкуренции ослабевают, то это делает более выгодным для других монополистических объединений покупать сырье или полуфабрикаты на рынке, а не производить их в собственном предприятии.

Второе противоречие заключается в том, что монополистический капитализм ввиду монополизации сырья толкает предприятие на путь искания новых сырьевых источников. С другой стороны, огромное обострение трудностей сбыта, огромный рост конкуренции со стороны старых отраслей в чрезвычайно сильной мере задерживают осуществление новых производств. Целый ряд иллюстраций этого противоречия дает современный экономический кризис. В результате кризиса запасы каменноугольной смолы (полученной при коксовании угля) так выросли, что возник вопрос, не выгоднее ли ее употреблять в качестве топлива, вместо того чтобы подвергать ее перегонке. Реализация такого решения означала бы значительное снижение комбинирования в коксохимической промышленности. Амиачная вода, получаемая при коксовании, применяется для переработки в сульфаты. Но в настоящее время в связи со значительным сокращением спроса на удобрения и ожесточенной конкуренцией со стороны синтетического амиака переработка амиачной воды уже не приносит тех выгод, и чаще высказываются взгляды о том, чтобы, как и раньше, спускать ее в реки.

Следующее противоречие заключается в том, что если, с одной стороны, комбинирование толкает на путь укрупнения масштаба производства, то, с другой стороны, оно обостряет узкие границы рынка и тем самым обостряет тенденцию его перепроизводства.

Противоречие комбинирования заключается в том, что, с одной стороны, монополистический капитализм толкает на путь комплексного использования сырья, предполагающего известные технические пропорциональности между отдельными отраслями, а с другой стороны, монополистический капитализм в силу неравномерного развития отдельных отраслей задерживает возможность пропорционального развития отдельных производств. Благодаря этому в пределах уже существующих комбинатов на достигнутой технической базе комбинирование не проводится достаточно последовательно. Благодаря наличию всех этих противоречий для капиталистического комбината характерна непоследовательность комбинирования, выражающаяся в наличии ряда диспропорций между отдельными отраслями комбинатов. Иными словами—внутреннее противоречие капиталистической экономики непосредственно обуславливает противоречие в самих комбинатах, которое находит свое внешнее выражение в дис-

пропорции между отдельными частями комбината. Весьма интересную иллюстрацию этого противоречия представляет пример силезской цветной металлургии, входящей в цинковый концерн Гиша. Цинковый картель требовал от всех своих членов сокращения производства цинка в 1929 г. в связи с недостаточным спросом на цинк. Но верхнесилезская промышленность, входящая в группу Гиша, производит из сернистых отходов цинка серную кислоту. В 1929 г. польская промышленность удобрительных туков развивалась и предъявляла большой прос на серную кислоту. Это ставило местную цинковую промышленность перед дилеммой — расширить производство серной кислоты и тем самым обострить перепроизводство цинка или сократить производство цинка и тем самым отказаться от покрытия растущего спроса на серную кислоту. Такие трудности могут возникнуть во всех случаях использования комплексного сырья, например полиметаллических руд. Возьмем к примеру производство серебра. В мировой продукции серебра только 20% его получается в основных предприятиях серебряной промышленности; 80% серебра получается как побочный продукт при добывании других благородных металлов. Цены на серебро в эпоху послевоенного капитализма снизились ввиду перепроизводства серебра. Это обстоятельство опять-таки ставит в затруднительное положение и предприятия цветной металлургии, для которых серебро является побочным продуктом. Они вынуждены, расширяя основное производство, расширять и побочное производство, обостряя тем самым тенденцию к перепроизводству последнего.

Границы капиталистического комбинирования являются составной частью границ капиталистического обобществления. Выше мы показали, какую роль в системе границ капиталистического комбинирования играет противоречие между монополией и конкуренцией, выражающееся в том, что монополии не устраняют конкуренции, а развиваются рядом с ней, вызывая громадное обострение конкуренции. Замазывание границ капиталистического комбинирования вытекает из общей концепции «организованного» капитализма и в свою очередь способствует укреплению последней. Этим объясняется, что ссылка на безграничный рост комбинирования играет очень важную роль в системе аргументов, выдвигаемых в пользу существования «организованного» капитализма.

«Теория» комбинирования Гильфердинга является одним из краеугольных камней в теоретической концепции социал-фашизма. Гильфердинг подчеркивает двойную роль капиталистических комбинатов. С одной стороны, комбинирование, по Гильфердингу, является сильнейшим рычагом реализации тенденции к уравниванию нормы прибыли в эпоху господства монополий; иными словами, комбинирование, с точки зрения Гильфердинга, нейтрализует те тенденции к усилению неравномерности в движении нормы прибыли, которые несут с собой монополии; с этой точки зрения рост комбинирования делает процесс развития капитализма более равномерным и фактически приводит к тому, что рост монополий не сопровождается установлением господства монополий. С другой стороны комбинирование, по Гильфердингу, является одним из важнейших методов роста «организованности» в капиталистическом хозяйстве. «Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности и в соединение обобществленных отраслей промышленности (последний процесс, по

Гильфердингу, совпадает с комбинированием.— И. Б.). Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве, они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции»^{85а}.

В своем докладе на кильском партийтаге Гильфердинг, как известно, этот мнимый рост «организованности» в капиталистическом хозяйстве квалифицировал как выражение внедрения в капиталистическую экономику социалистических принципов. «Организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»^{85б}.

Основной вывод Гильфердинга состоит в том, что на основе ряда монополистических процессов (среди которых комбинирование играет очень крупную роль) в недрах современного капитализма происходит образование социалистических производственных отношений; иными словами, капитализм, по Гильфердингу, мирно вырастает в социализм. Процесс развития социализма Гильфердинг, как и все социал-фашисты, мыслит по аналогии с процессом вырождения капиталистических производственных отношений в недрах феодализма. Эта совершенно ошибочная концепция (которая смазывает принципиальное различие между условиями развития социализма, враждебного всякой эксплуатации человека человеком, и условиями развития капитализма, который, представляя собой одну из форм эксплуататорского хозяйства, мог развиваться в недрах другой формы антагонистического хозяйства — феодализма) приводит к ярко апологетическому выводу о том, что возникновение социалистических производственных отношений возможно до наступления социалистической революции, до установления диктатуры пролетариата и эксплуатации капиталистов. Отсюда следует решающий вывод социал-фашизма о том, что нет необходимости спешить с пролетарской революцией, что нужно предоставить капитализму полную возможность автоматического развития социализма, отсюда — вывод Каутского, что «чем более капиталистическое производство цветет и преуспевает, тем лучше перспективы социалистического режима»^{85в}, отсюда следует социал-фашистский вывод Гильфердинга, что «нет более тяжелого препятствия для осуществления социализма, нежели гражданская война»^{85г}.

2. Теория комбинирования буржуазных экономистов

Буржуазные экономисты в своем объяснении возникновения комбинирования прежде всего всячески пытаются замазать связь, существующую между концентрацией, монополиями и комбинатами. Они пытаются показать, что основной движущей силой комбинирования является технический прогресс, который диктует необходимость объединения в рамках единого предприятия целого ряда взаимобслуживающих друг друга отраслей производства. В этом отношении чрезвычайно показательен ход рассуждения одного из наиболее видных «теоретиков» комбинирования, Теодора Фогельштейна. Последний имеет точки соприкосновения с так называемым «социальным направлением» буржуазной политической экономии. Он всюду рекламирует свой «исторический метод». Он указывает, что «мы рассма-

^{85а} «Капитализм, социализм и социал-демократия», стр. 32—33.

^{85б} *Ibid.*, стр. 127.

^{85в} «Materialistische Geschichtsauffassung», В. II, S. 591.

^{85г} «Капитализм, социализм и социал-демократия», стр. 139.

триваем проблему интеграции исторически в соответствии с уровнем техники и господствующей хозяйственной организацией и спрашиваем, какие причины в настоящее время являются определяющими для интеграции или дифференциации»⁸⁶. Посмотрим, как проявляется на деле «историзм» буржуазного «теоретика».

Фогельштейн начинает с рассмотрения технических факторов интеграции. Он устанавливает четыре фактора: а) стремление обеспечить определенное качество сырья; б) стремление обеспечить те технические преимущества, которые вытекают из непрерывности производственного процесса (например возможность использования тепла расплавленного чугуна, чтобы не нагревать его при переделке в сталь); в) использование всех отходов; г) необходимость объединения разных стадий производства в случае невозможности или невыгодности пересылки на большие расстояния промежуточных продуктов производства.

Эти технические факторы определяют, по Фогельштейну, условия «оптимального, рационального комбинирования». Затем Фогельштейн переходит к рассмотрению внетехнических факторов комбинирования. «Эта оптимальная мера интеграции или дифференциации,— указывает он,—с точки зрения техники и внутренней организации очень существенно модифицируется благодаря рыночным отношениям, системе финансирования и предпринимательской психологии»⁸⁷. «Если интеграционное движение за последние годы сделало такие громадные успехи и стало одним из важнейших проявлений современного индустриального развития, то это нельзя отнести за счет ни стремления к покрытию своих потребностей, ни стремления использовать свой капитал (*Kapitalverwertung*); оно является продуктом современного монополистического развития»⁸⁸.

Фогельштейн, как видим, не сводит на-нет роль монополий, но он рассматривает последние лишь как модифицирующий фактор, нарушающий несколько чистоту «оптимальных принципов комбинирования», вносящий некоторые усложнения в структуру комбината, несколько раздвигающий его рамки: *Primus movens* (основным движущим моментом) в схеме Фогельштейна является техника, развивающаяся в силу своих автономных законов, диктующая с настоятельной необходимостью установление наиболее «оптимальных», наиболее «рациональных» соотношений между отдельными отраслями производства. Экономика низводится на роль вторичного фактора, от которого можно абстрагироваться в исходном пункте анализа. «Теория» комбинирования Фогельштейна лишней раз иллюстрирует, в какой мере его «историзм» является надуманным, поверхностным, в какой мере он преследует цель апологетики капитализма.

В основе этой технической концепции лежит совершенно ошибочное положение о том, что техника является самодовлеющей силой, развивающейся исключительно на основании автономных законов, не обусловленных и не связанных с экономикой. Маркс с исчерпывающей ясностью вскрыл зависимость, существующую между техникой и экономикой. В «Ницете философии» Маркс писал:

«Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд уже не мог удовлетворять существующего на рынке спроса,

⁸⁶ Grundriss der Sozialökonomik, Abt. VI, 1914. „Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie, S. 210.

⁸⁷ Grundriss der Sozialökonomik, 6 Abt., S. 214.

⁸⁸ Ibid., стр. 215.

почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развившихся в XVII в.»³⁹.

В письме к Анненкову Маркс писал: «Можно сказать, что до 1825 г.—эпоха первого всеобщего кризиса—потребности потребления росли быстрее производства и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин было только результатом войны между рабочими и предпринимателями. Но это правильно только для Англии; что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, внутреннем, так и на внешнем рынке. Наконец и в Северной Америке машина была введена как благодаря конкуренции с другими народами, так и благодаря недостатку рабочих рук, т. е. благодаря несоответствию между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением»⁴⁰. В борьбе с техницизмом очень существенно следующее замечание Ленина по поводу плехановского проекта программы РСДРП. В проекте было сказано: «Непрерывное усовершенствование техники увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий». Но Ленин на полях отметил: «и тем?? Сам по себе рост техники не может увеличить хозяйственное значение крупных предприятий. Рост техники плюс ряд экономических преобразований вроде условий сбыта etc. ведет к вытеснению мелкого производства крупным»⁴¹.

Современные технические сдвиги в капиталистической промышленности и рост комбинирования нельзя объяснить без учета тех экономических причин, которые обуславливают возникновение комбинатов. При рассмотрении этого вопроса нельзя ограничиться формулой взаимодействия—комбинирование, возникшее в силу экономических причин, дает толчок к технической реконструкции производства, которая в свою очередь усиливает комбинирование. Такая постановка имеет у Гильфердинга. «Комбинация, возникающая из экономических причин, очень скоро дает возможности ввести технические усовершенствования; напомним например соединение доменных печей с дальнейшей переработкой, которое только и позволило рационально использовать газы доменной печи для моторов. Эти технические выгоды, раз они возникли, в свою очередь являются побудительным мотивом к осуществлению комбинации там, где только экономические причины сами по себе еще не привели бы к ней»⁴². Ограничиться только указанием, что комбинирование возникло в результате определенных экономических причин и толкает на путь технического развития, значит смазать все историческое своеобразие тенденций технического развития в эпоху империализма. Экономика не только служит толкачом технического развития, но она толкает технику в определенном направлении, определяет ее внутреннее развитие, ставит перед ней определенные задачи, дает ей социальный заказ. Для эпохи промышленного капитализма основным стимулом технического развития было снижение издержек производства, которое позволило бы данному предприятию победить другие предприятия той же отрасли. В условиях империализма этот мотив продолжает конечно играть очень важную роль. Но изменившаяся обстановка выдвигает новые задачи перед техникой, которые в частности разрешаются в

³⁹ «Наша философия», изд. 1928 г., стр. 133.

⁴⁰ «Письма Маркса и Энгельса», под ред. Адоратского, стр. 11.

⁴¹ «Ленинский сборник», II стр. 25.

⁴² Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 225.

комбинате. Происходит не только обострение, но и значительное усложнение конкуренции.

Своеобразие конкуренции эпохи империализма состоит в значительном обострении конкуренции между разными отраслями (как по линии субститутов, так и по линии дополняющих средств производства). Поэтому в той мере, в какой борьба на основе лучшего технического вооружения сохраняет свое место в эпоху империализма, она приобретает новые особенности—она выражается в основном в форме технического подчинения других отраслей. В этой системе методов борьбы между отдельными отраслями комбинирование играет очень крупную роль. Так например, на основе комбинирования всех стадий металлургического производства и использования энергетических отходов, на основе рационализации своего энергетического хозяйства металлургические заводы, с одной стороны, ослабили свою зависимость от угольной промышленности, а с другой стороны, получили возможность продавать излишки энергии на сторону, т. е. поставить от себя в зависимость другие отрасли. Благодаря лучшему использованию всяких отходов и отбросов комбинаты получают материалы не только для новых производств, но также дополнительное сырье для своего основного производства, т. е. расширяют свою сырьевую базу.

Если у Фогельштейна монополии играют роль вторичного фактора в образовании комбинатов, то у ряда других буржуазных экономистов мы имеем тенденцию представить комбинаты как одну из форм объединений капиталистов, преследующих «цели рационализации», каковые объединения противопоставляют монополистическим. Эта точка зрения очень ярко выражена у Беркенкопфа. Последний делит все капиталистические объединения на две группы — Rationalisierungsgemeinschaften (объединения для рационализации) и Monopolisierungsbzw — Monopolgemeinschaften (общества для монополизации). Первые, по его мнению, своей задачей ставят максимальное снижение издержек производства, обращения и всех накладных расходов на основе рационализации производства, сбыта и управления; вторые пытаются повысить рентабельность своих предприятий путем установления монополистического господства на рынке⁴³. Весьма характерно, что германский стальной трест (так называемый Vereinigte Stahlwerke) Беркенкопф относит к «обществам для рационализации». Между картелями в германской черной металлургии и германским стальным трестом, по мнению нашего автора, установилось следующее разделение труда: все заботы по реализации переданы картелю, а стальной трест сосредоточил всю свою энергию на лучшей организации в наиболее широком смысле⁴⁴. С этой точки зрения комбинаты по-прежнему рассматриваются как предприятия чисто «рационализаторского характера», существующие обособленно от монополистических объединений.

Приведенная выше точка зрения ставит своей задачей дать апологетику наиболее мощных и развитых форм капиталистических монополий. Беркенкопф и ему подобные буржуазные апологеты пытаются «доказать», что эти комбинаты стоят в стороне от монополистического движения. На примере рассматриваемых буржуазных экономистов становится очевидной апологетическая роль чисто количествен-

⁴³ Die Neuorganisation der deutschen Grossisenindustrie seit der Währungsstabilisierung, 1928, S. 96.

⁴⁴ Ibid., стр. 97.

ного анализа. Беркенкопф лишней раз иллюстрирует неумение (вытекающее из определенных классовых интересов) буржуазного экономиста понять историческое своеобразие монополистического капитализма.

Беркенкопф мимоходом пытается оговорить, что «объединения для рационализации» руководствуются в конечном счете мотивом получения наибольшей прибыли, но что средством для реализации этой цели они выбирают «рационализацию». Конечно капиталистические предприятия и их объединения на всех стадиях капитализма стремятся получить наибольшую прибыль на свой капитал. При этом одним из методов реализации этой цели всегда является стремление снизить издержки производства путем капиталистической рационализации производства. Но Беркенкопф и ему подобные совершенно не хотят видеть действительной сущности капиталистической рационализации. «Теория» Беркенкопфа имеет своей целью показать, что современные комбинаты совершенно чужды процессу загнивания капитализма, что комбинаты являются факторами мощного технического развития, что комбинирование осуществляется, несмотря на наличие монополий, и независимо от последних⁴⁵.

Эти выводы чрезвычайно ярко выражены в работе Рейта, специально посвященной вопросу о задержке технического развития при монополистическом капитализме. Нужно отметить, что Рейт знаком с марксистской литературой и что он в частности цитирует Ленина. Но его работа представляет образец более утонченной и поэтому наиболее опасной и вредной апологетики. Одним из центральных положений Рейта является то, что концерны и в особенности комбинаты ставят своей основной задачей установление не монополистического господства в производстве и на рынке, а рыночной независимости от других предприятий, производящих сырье. Организация концерна, по мнению Рейта, может рассматриваться как «наиболее существенное выражение тенденции к рациональной автаркии предприятий»⁴⁶. Тенденция к независимости от рынка, по мнению Рейта, является не одним из важнейших методов укрепления монополий, а наоборот, одна тенденция исключает другую: тенденция к рыночной независимости враждебна монополисти-

⁴⁵ Нужно отметить, что еще большим цинизмом пронизаны выводы социал-фашиста Браунталя. Если откровенный апологет металлургических заводчиков Беркенкопф пытается оторвать «объединения для рационализации» от монополистических объединений, то Браунталь пытается растворить монополистические тенденции в рационализаторском движении и представить монополии как частный случай рационализации. Свой анализ монополий Браунталь начинает с рассмотрения вопроса о методах рационализации хозяйственной организации. Он отмечает, что когда несколько предприятий объединяются, то при этом в основном, хотя не всегда, получается рационализация производства. «Чем больше однородных предприятий объединяются, тем больше усиливается рационализаторское влияние этого объединения» („Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze“, 1930, S. 197). Отсюда он дальше выводит, что не может быть никакого разграничения между объединениями для монополистических и для рационализаторских целей. Всякое объединение представляет акт рационализации хозяйственной организации, в том числе и те картельные объединения, при образовании которых исключительно руководствуются стремлением к монополизации» (Ibid. S. 199). Рост комбинированных предприятий Браунталь в основном выводит из технических преимуществ комбинирования. Наряду с этим основным фактором, по мнению Браунталя, действуют и случайные факторы, к которым он относит и такие моменты, как существование картелей, производящих сырье (Ibid., S. 195). Последний вывод Браунталя весьма характерен — рационализация производства является основным процессом, характеризующим новейший капитализм, а монополии — лишь случайным и побочным моментом этого процесса. Более наглую апологетику монополистического капитализма трудно дать (Ibid., S. 199).

⁴⁶ Hemmung der technisch-wirtschaftlichen Fortschritts, 1931, стр. 59.

ческой тенденции⁴⁷. В частности так называемую «общность интересов» (Interessengemeinschaft), которая является в Германии распространенной формой объединения предприятий (достаточно упомянуть о Германском химическом концерне I. G. Farbenindustrie), Рейт рассматривает как форму объединений предприятий, совершенно чуждую монополиям. «Только с чисто формальной стороны I. G. имеет некоторое родство с картелем, в материальном отношении между ними имеется очень существенное различие. В противоположность монополии I. G. (и в особенности вертикально расчлененная) выражает оборонительные тенденции»⁴⁸.

Согласно этой схеме Рейта основным стимулом комбинирования является тенденция к установлению автаркии комбината. Последний, согласно этой схеме, пытается превратиться в самодовлеющее целое, изолировать себя от всех случайностей рыночной стихии, отойти подальше от той ожесточенной борьбы, которая царит на рынке. Эта схема рисует капиталистические комбинаты в очень идиллических тонах, чуть ли не вроде каких-то своеобразных монастырей, куда уединяются предприниматели, желающие забаррикадировать себя от внешнего мира или, по крайней мере, установить поменьше связей с последним. Такая схема является насквозь фальшивой, она идеализирует комбинаты, она вооруженные до зубов капиталистические монополии рисует в роли мирных агнцев, которые заботятся только о своей независимости. Она замазывает самое существенное, что комбинаты стараются обеспечить свою независимость от других предприятий (по линии снабжения сырьем, оборудованием, по линии транспорта), для того чтобы тем энергичнее и яростнее бороться с другими предприятиями, для того чтобы тем ожесточеннее развертывать конкуренцию. Нужно вообще заметить, что такое противопоставление оборонительных и наступательных задач является совершенно ошибочным. Оно основано на недиалектическом представлении о взаимоотношениях между обороной и наступлением в экономической борьбе. Очевидно, что наилучшей обороной является наступление. Очевидно, что предприятие, которое дытается укрепить свою сырьевую независимость, не может ограничиться созданием комплекса предприятий, покрывающих его текущие потребности. Для того чтобы обеспечить оборону в дальнейшем, для того чтобы облегчить эту оборону, необходимо подорвать сырьевую базу противников, а для этого неизбежен переход от создания сырьевой базы, покрывающей текущие потребности комбината, к расширению сырьевой базы, к созданию сырьевой базы, значительно превосходящей по своим размерам потребности данного комбината.

Исходя из своих общих представлений о комбинате как о чисто оборонительной организации, ставящей своей задачей установление «рациональной автаркии предприятий», Рейт делает определенные выводы о роли комбинатов с точки зрения вопроса о препятствиях к техническому развитию при монополизме. Наличие задерживающих тенденций к развитию техники Рейт связывает почти исключительно с существованием картелей (и то он делает множество всяких оговорок). Когда Рейт переходит к рассмотрению влияния трестов на техническое развитие, то он рисует это влияние в очень розовом свете⁴⁹. Тут указывается и на тенденцию трестов закрывать техниче-

⁴⁷ Ibid., стр. 33.

⁴⁸ Ibid., стр. 34.

⁴⁹ Ibid., стр. 69—72.

ски отсталые предприятия, и на проведение специализации предприятий, и на то, что для треста решающим критерием является совокупная прибыль, а не прибыль наиболее слабого предприятия, входящего в картель. Даже «перекапитализация», проводимая трестами, выдвигается в качестве фактора, стимулирующего более сильное снижение издержек производства и тем самым более интенсивное развертывание технического прогресса.

Но восторг Рейта достигает наибольших размеров, когда он переходит к рассмотрению комбинатов. Рост комбинированных предприятий Рейт рассматривает как важнейшее проявление тенденций, ускоряющих техническое развитие капитализма и нейтрализующих задерживающие тенденции к техническому развитию, обусловленные ростом картелей⁶⁰. Последние, по мнению Рейта, устанавливают определенные контингенты производства, затрудняют расширение последних и тем самым создают рогатки для введения крупных технических усовершенствований, которые являются рентабельными лишь при достаточно широком масштабе производства. Этим препятствиям кладут предел, по мнению Рейта, комбинаты, которые перерабатывают сырье и полуфабрикаты в рамках собственного предприятия и тем самым ускользают от контроля картеля. Если схематически изложить ход мыслей Рейта, то он может быть сведен к следующему ряду положений: а) комбинаты преследуют чисто оборонительные цели, они пытаются обеспечить себе независимость от других предприятий; б) тенденция к установлению рациональной автаркии предприятий противоречит тенденции к монополизации; в) поэтому комбинирование нужно рассматривать как фактор, враждебный росту монополий, парализующий влияние последних; г) монополии преимущественно выражаются в форме картелей; поэтому монополии имеют ограниченное распространение; д) в связи с этим правильнее говорить не о господстве монополий, а лишь о некоторой тенденции к монополизации; е) поэтому существует лишь возможность задержки технического развития, которая не может превратиться в действительность; ж) комбинирование является наиболее ярким выражением технического развития, разоблачающим всякие выдумки о наличии технического загнивания. Весьма ярко взгляды Рейта выражены в заключительных словах его книги: «Тенденция к образованию монополий в современном хозяйстве имеется, но она является слишком слабой для того, чтобы оказать заметное (eindrucksvoller) влияние в смысле задержки развития. Очень часто она приводит к совершенно противоположным результатам. Только господство монополий дает возможность проявить себя тем силам, которые ведут к задержке технико-экономического развития»⁶¹.

Мы остановились подробно на разборе работ Беркенкопфа и Рейта не потому, что эти работы имеют большой удельный вес в буржуазной литературе (в действительности эти авторы имеют очень небольшую известность), но потому, что на их разборе можно вскрыть апологетический смысл «теорий», отрывающих комбинаты от монополий и пытающихся показать, что движущей силой комбинирования является технический прогресс, развивающийся по своим автономным законам, вне всякой зависимости от экономики. Как мы видим, все эти «теории» выполняют определенный социальный заказ буржуазии—умалить всячески роль монополий и свести на-нет тех-

⁶⁰ Ibid., стр. 57—58.

⁶¹ Ibid., стр. 75.

ническое загнивание капитализма. Между тем достаточно самого беглого рассмотрения комбинатов, чтобы убедиться в том, что комбинаты являются активными факторами технического загнивания.

Комбинирование является формой борьбы между собой монополий. Основными орудиями в этой борьбе являются обеспечение сырьевой независимости и подчинение себе отраслей, потребляющих продукцию данного производства. Комбинирование, создавая замкнутый энергетический баланс в рамках данного предприятия, способствуя широкому использованию отходов и значительному увеличению разнообразия выпускаемой продукции, является фактором, в огромной мере усиливающим позицию монополий в их борьбе. Интересы этой борьбы играют решающую роль при построении комбинатов. Но эти интересы не всегда совпадают с интересами рациональной организации производства. В целом ряде случаев комбинирование, проведенное последовательно в рамках недостаточно широкого производственного комплекса, приводит к задержке технического развития, к нерациональному использованию отходов и т. д. Так например, для металлургических комбинатов характерна тенденция построить замкнутый тепловой баланс без дополнительного топлива. Эта тенденция вполне понятна в условиях монополистического капитализма. В основе этой тенденции лежат те же мотивы, которые толкают металлургические заводы на путь приобретения угольных шахт, т. е. мотивы обеспечить свою сырьевую независимость, ослабить свою зависимость от других предприятий. Но эта тенденция может вступить и вступает в противоречие с возможностями более рационального использования отходов в других отраслях, которые не входят в состав данного комбината. Так например, коксовый газ, употребляемый для нужд теплового хозяйства металлургического комбината, может быть значительно более производительно использован в химической промышленности, например для получения синтетического аммиака по методу глубокого охлаждения. При значительном развертывании комбинирования коксовых установок с металлургическими заводами размеры производства связанного азота ставятся в зависимость не только от размеров коксовых установок металлургических заводов, но также от возможности нарушения энергетического баланса металлургических комбинатов. Создание мощной электроцентрали, потребляющей все энергетические отходы разных предприятий, может привести и приводит к тому, что технически более выгодным и рациональным является получение дешевой энергии из энергоцентрали, чем использование энергетических отходов в узких рамках данного комбината. Но требования технической рациональности вступают в противоречие с интересами капиталистических предприятий. В условиях империализма, в условиях ожесточенной борьбы за сырье и энергетические ресурсы, в условиях очень неравномерного роста отдельных отраслей для предприятия может быть выгоднее пользоваться дорогой собственной энергией, чем более дешевой энергией, контролируемой другим предприятием.

Эта «техническая концепция» приводит к тому, что вопрос о границах капиталистического комбинирования смазывается и подменяется другим вопросом—о технических особенностях отдельных производств, обуславливающих неодинаковое развитие комбинирования в разных отраслях, о технических пределах комбинирования. При такой постановке границы капиталистического комбинирования рассматриваются изолированно от противоречий капиталистической системы. Весьма ярко эта тенденция выражена в учении Фогельштейна

о границах или, как он предпочитает называть, о препятствиях комбинированию. Фогельштейн устанавливает три границы комбинирования: а) «расхождение оптимальных размеров производственных единиц, входящих в комбинат» (например игольной фабрики и металлургического завода, ткацкого и аппретурного производства, красильной фабрики и красочного производства и т. д.); б) «комбинированное предприятие отличается меньшей гибкостью, эластичностью, чем чистое предприятие» (например в случае замены одного вида сырья другим, меди — алюминием, шелка — хлопчатобумажными тканями и т. д.); в) «комбинированное предприятие сталкивается с большими трудностями организационного руководства», так например в машиностроении вопросы технического руководства и контроля играют большую роль, чем в металлургии, в силу большего разнообразия и большей изменчивости продукции. Общей особенностью учения Фогельштейна о границах комбинирования является то, что в этом учении совершенно выхолащены классовый и исторически-ограниченный характер этих границ, связанных с особенностями капиталистического способа производства. Проблему границ комбинирования, обусловленных капитализмом, Фогельштейн совершенно обходит и подменяет другой проблемой — неравномерностью развития комбинирования в разных отраслях в силу чисто технико-производственных моментов. Итак, техника в построении Фогельштейна выступает как самодовлеющая сила, которая рассматривается изолированно от капиталистических производственных отношений. Поэтому теория Фогельштейна носит на себе яркий отпечаток механицизма и вся насквозь проникнута апологетическим духом. Отдельные «границы комбинирования» Фогельштейн рассматривает крайне упрощенно, односторонне, не учитывая диалектического взаимодействия отдельных явлений, не учитывая дифференциации комбинатов, выхолащивая социально-классовую суть этих моментов.

Так например, возьмем первую «границу» — «расхождение оптимальных размеров производственных единиц». Этот фактор упоминается очень многими буржуазными экономистами⁵². Фогельштейн приводит ряд иллюстраций этого расхождения⁵³. Он указывает, что оптический завод должен во много раз увеличить свою производственную возможность, для того чтобы его потребность в латуни увеличилась настолько, чтобы сделать экономически выгодным присоединение завода, изготовляющего латунь. Это, по мнению Фогельштейна, имеет место не только по отношению к производству высококачественных товаров. В качестве другой иллюстрации он приводит игольную фабрику. Создание такой игольной фабрики, которая потребляла бы полностью продукцию металлургического завода, невозможно в настоящее время ни в силу технических условий, ни в силу рыночных (недостаточный спрос). В этих случаях «оптимальный» размер производства сырья может быть ограничен или естественными условиями (например в горной промышленности) или дороговизной фрахтов (например в производстве сахара-сырца). Таково учение Фогельштейна о первой границе комбинирования.

Здесь прежде всего встает вопрос о правомерности употребления понятия «оптимальных размеров предприятия». В сущности говоря

⁵² Например Беккератом в его книге «Der moderne Industrialismus» (Gewerbepolitik) 1930 г., стр. 125

⁵³ В статье «Die finanzielle Organisation der kapitalistische Industrie und die Monopolbildungen», grundriss der Sozialökonomie, Abt. VI, IV, стр. 212—213.

так называемый «закон оптимальных размеров предприятия» является мнимым законом; над капиталистическими предприятиями господствует не «закон» оптимальных размеров предприятия, а закон цен производства и закон средней нормы прибыли. В основе теории «оптимальных размеров предприятия» Фогельштейна лежит учение о законе убывающей производительности, действующем и в промышленности, и в сельском хозяйстве⁶⁴. Фогельштейн устанавливает положение, что по мере расширения производства издержки производства на единицу продукции убывают до определенного пункта, начиная с которого издержки производства возрастают. Эта граница снижения издержек якобы определяется тем, что при данном уровне техники существует определенная «оптимальная пропорциональность» всех факторов производства. Эта «пропорциональность» осуществима лишь при определенном масштабе производства, поскольку наряду с переменными факторами (которые можно увеличивать в любых размерах) существуют постоянные факторы (например оборудование данного завода, наличие постоянной администрации и т. д.). С расширением масштаба производства «граница оптимального сочетания» всех факторов производства может быть перейдена, и тогда вступает в свои права «закон убывающей производительности». Мы не будем останавливаться на критике этой «теории», представляющей собой продолжение теории убывающего плодородия почвы, воспроизводящей на расширенной основе все ошибки последней.

Ленин в своей работе «Гг. критики в аграрном вопросе» дал исчерпывающую критику реакционного учения о законе убывающего плодородия.

Теоретики последнего всячески подчеркивают, что необходимой предпосылкой действия этого закона (из этой же предпосылки исходит и Фогельштейн) является неизменный уровень техники, ибо в случае изменения последней должно обнаружиться снижение издержек производства. Таким образом, сторонники закона убывающей производительности вынуждены признать, что при неизменном уровне техники возможно дополнительное вложение капитала в данный участок или в данное предприятие в каких угодно размерах. Абсурдность этой предпосылки очевидна. В основе этой предпосылки лежит механистическая концепция, согласно которой исходным пунктом анализа должна быть точка зрения неподвижности, неизменности существующих отношений, согласно которой развитие рассматривается как чисто количественное изменение без всяких качественных превращений, согласно которой количественный рост не создает нового качества. Теория убывающего плодородия почвы выполняет определенный социальный заказ буржуазии—показать, что причина роста хлебных цен лежит не в природе капитализма, а в чисто естественных условиях, в ограниченности земли и ее производительных сил. Теория убывающей производительности как в промышленности, так и в сельском хозяйстве тоже является аполлетической теорией—она пытается показать, что границы концентрации производства и снижения издержек производства лежат в технике, что дальнейшее снижение издержек невозможно, что причина высоких цен лежит в естественных условиях, в ограниченности и редкости имеющихся факторов производства. «Теория оптимальных размеров производственных единиц»

⁶⁴ Ibid., стр. 207.

своим острием направлена против учения Маркса о концентрации производства. Об этом совершенно откровенно пишет буржуазный экономист Зомбарт: «Едва ли в самом деле возможно отрицать, что мощное движение в сторону концентрации характерно для нашей эпохи. От марксистов однако мы отличаемся в том отношении, что, по нашему мнению, в развитии отдельных крупных областей хозяйственной жизни имеются большие различия и такие же различия наблюдаются в развитии отдельных отраслей производства. Эти различия мы стараемся объяснить, исходя из понятия оптимального размера предприятия, отнюдь не везде одинакового... А раз это так, концентрация отнюдь не беспредельна и далеко не равномерна, поскольку конечно организация предприятия определяется только рациональными соображениями»⁵⁵.

Апологетизм «теории оптимальных размеров предприятия» очень явно выступает в приведенной выше цитате Зомбарта. Последний клеветает на марксистов, когда он утверждает, что марксисты не признают неравномерности развертывания концентрации в разных отраслях. РевOLUTIONИОННЫЙ марксизм всегда боролся с «теориейками», которые пытались и пытаются целые отрасли народного хозяйства отгородить от действия законов концентрации и централизации. Этот закон действует во всех отраслях производства, но действует с неодинаковой силой, разными темпами и принимает подчас разные формы. Смешно было бы думать, что при наличии закона неравномерного развития, при наличии монополии земельной собственности, значительного отставания потребления рабочего класса и т. д., при наличии ожесточенной конкуренции отдельных отраслей, борьбы субститутов, громадного избытка мелкого капитала, изгоняемого из отдельных отраслей, и т. д. концентрация развивается совершенно равномерно во всех отраслях. «Маркс не смотрел упрощенно на формы концентрации в земледелии. Доказательство—третий том «Капитала». Доказательство—статья Энгельса в 90-х годах прошлого века против тогдашней французской аграрной программы»⁵⁶. Различие между Зомбартом (а также подавляющим большинством других буржуазных экономистов) и марксистами проходит по другой линии. Зомбарт причину неравномерности развертывания концентрации видит только в технических особенностях отдельных отраслей, в расхождении «оптимальных размеров предприятий». Зомбарт исходит из апологетического представления о том, что при капитализме размер производства отдельных производственных единиц определяется соображениями лучшей и более рациональной организации производства. Зомбарт тем самым замазывает историческую ограниченность капитализма и классовый характер категорий капиталистического хозяйства. Только завзятые апологеты капитализма могут в своем анализе исходить из того, что масштабы производства капиталистических предприятий, основные линии их развития и вообще все лицо современной капиталистической промышленности определяются исключительно требованиями техники, требованиями рациональной организации производства, требованиями установления

⁵⁵ Зомбарт, Современный капитализм, т. III, полутом II, стр. 313. Весьма характерно что социал-фашист Браунваль также подменяет теорию концентрации производства теорией оптимальных размеров. «Заведения» (Betriebe) тяготеют не к теоретически бесконечной максимальной величине, а к оптимальной величине, которая различна в зависимости от характера товара и от возможностей сбыта («Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze») (стр. 180).

⁵⁶ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 478.

«оптимальных размеров» и сочетаний между отдельными отраслями.

Фогельштейн исходит из того, что в каждый момент существует совершенно определенная, неизменная для данного периода, «оптимальная» величина производственных единиц. Поэтому расхождение «оптимальных» размеров производственных единиц он считает совершенно непреодолимым препятствием построения более крупных производственных единиц. Процесс концентрации производства разветвляется неравномерно внутри одной и той же отрасли производства. Наряду с сравнительно мелкими заводами существуют и очень крупные заводы. При рассмотрении вопроса о комбинировании необходимо всегда помнить, что комбинирование осуществляется монополистическими предприятиями, которые владеют наиболее крупными производственными единицами в данной отрасли. Поэтому те препятствия, о которых говорит Фогельштейн, не имеют значения для монополий. Фогельштейн рассматривает вопрос так, как если бы комбинирование осуществлялось любым предприятием данной отрасли; он абстрагируется от неравномерности развития; он рассматривает «оптимальные размеры» производственных единиц как закон, обязательный для всех предприятий, как закон, реализующийся в средних размерах производственных единиц в данной отрасли. При таком анализе совершенно смазывается монополистическая природа капиталистических комбинатов.

В связи с этим Фогельштейн совершенно обходит вопрос о том, что самое комбинирование является очень существенным фактором развития концентрации производства и укрупнения масштаба производственных единиц. При построении нового комбината приходится выбирать такой масштаб отдельных его частей, отдельных производственных единиц, который обеспечил бы наиболее полное и всестороннее взаимобслуживание отдельных частей комбината. Очевидно, что требования установления более эффективного комбинирования могут диктовать определенные размеры отдельных цехов, заводов и т. д. Для капиталистических комбинатов характерен ряд диспропорций; но тем не менее капиталистическое комбинирование требует определенного минимума соответствия между отдельными частями комбината, а это диктует необходимость приспособления отдельных частей друг к другу. Фогельштейн оперирует с застывшими и фиксированными «оптимальными размерами» отдельных производственных единиц. Поэтому у него получается мертвая схема комбинатов, без движения и жизни. Временные препятствия к созданию комбинатов Фогельштейн превращает в вечные и непреодолимые препятствия.

Отсюда получается вывод, что эти препятствия будут действовать в любой общественно-экономической формации. Теория Фогельштейна обходит вопрос о роли процесса концентрации в развитии комбинирования. Эта теория замазывает то обстоятельство, что расхождение общественно необходимых размеров производственных единиц отдельных отраслей есть результат неравномерного развития отраслей, есть результат неравномерного развития концентрации производства. Из теории Фогельштейна вытекает вывод об отсутствии развития капиталистического комбинирования, о стационарном характере последнего. Механицизм Фогельштейна проявляется в том, что у него противоречие внутри комбината рассматривается как преграда, задерживающая всякое движение вперед, как чистое отрицание, которое уничтожает всякую возможность движения вперед. У Фогель-

штейна отсутствует понимание того, что это противоречие может стать источником нового движения, что противоречие между отдельными частями комбината может послужить исходным пунктом для тенденций в сторону создания более сложного и обширного комбината.

Нужно отметить и другую особенность теории комбинирования Фогельштейна. Последний всюду исходит из необходимости соблюдения строгой пропорциональности между отдельными частями комбината. На протяжении своего анализа он нигде не оговаривается о том, что возможно несоответствие между отдельными частями комбината, что часть необходимого ему сырья комбинат может покупать на рынке или, наоборот, часть излишнего сырья сбывать на сторону. Вместе с тем у Фогельштейна ярко проявляется тенденция всячески подчеркивать стремление комбинатов к установлению автаркии. Эта тенденция фактически сводится к апологетике капиталистических комбинатов, к замазыванию их связи с монополиями, к затушевыванию их агрессивного характера, к полному игнорированию внутренних противоречий комбинатов, которые находят свое внешнее проявление в форме разных диспропорций внутри комбината. Эти диспропорции создают ряд трудностей для комбината, но эти трудности не всегда являются непреодолимыми. У Фогельштейна совершенно отсутствуют указания на то, что противоречия внутри комбината возникают в силу неравномерного развития капитализма. Влияние полной противоречивости капиталистической системы на развитие комбинирования не нашло себе отражения в работах Фогельштейна.

«Вторая граница комбинирования», по Фогельштейну, состоит в том, что «комбинаты отличаются своей негибкостью, недостаточной подвижностью». Фогельштейн указывает на то, что комбинирование затрудняет переход к употреблению новых видов сырья, к замене одних видов сырья другими, например меди или стали алюминием, шелка — хлопчатобумажными тканями, уксуса, полученного из картофеля, — уксусом древесным. Комбинирование может затруднить использование технических успехов, например судостроительная верфь, связанная с заводом, производящим турбины, с трудом сможет использовать турбины других заводов, хотя последние (турбины) могут быть более выгодными для данной верфи. Эта негибкость, неэластичность комбината бывает особенно чувствительной для него тогда, когда законченный фабрикат должен удовлетворять требованиям прихотливой и капризной меняющейся моды. «Вторая граница комбинирования», указанная Фогельштейном, теснейшим образом связана с капиталистической системой, ибо очевидно, что в социалистическом обществе, несмотря на громадный рост комбинирования, техническое развитие будет идти несравненно более быстрыми темпами, чем при капитализме. Но в изложении Фогельштейна нет ни малейшего намека на социально-экономический смысл этой границы. Фогельштейн в своем анализе «второй границы комбинирования» обходит следующие кардинальные проблемы. Он не вскрывает того, что эта «граница» имеет место лишь в рамках капитализма, а не в рамках любой общественно-экономической формации. Далее, Фогельштейн связывает эту негибкость комбинатов лишь с моментами технического развития, замазывая то, что эта негибкость связана со всем комплексом причин, обуславливающих неравномерность развития отдельных отраслей. Наконец он не показывает того, что

комбинат задерживает технический прогресс, поскольку он препятствует применению новых материалов, новых методов производства и т. д. Упрощенность анализа у Фогельштейна в данном вопросе состоит в том, что он не вскрывает противоречивого и двойственного характера комбинирования, выражающегося в частности в том, что комбинирование может в отдельных случаях усилить гибкость предприятия, если возможно безболезненное усиление одного вида продукции в комбинированном предприятии за счет другого вида.

Механицизм Фогельштейна проявляется тут в том, что у него комбинирование выступает как сплошная задержка перестройки предприятия на новой производственной основе, как момент, который ставит предприятия только в менее выгодные условия по сравнению с другими предприятиями. Говоря о технических преимуществах комбинирования, Фогельштейн обходит вопрос об экономических преимуществах последнего.

Не менее ярко выраженный буржуазный характер носит учение Фогельштейна о «третьей границе комбинирования» — о «трудностях организации сложных комбинированных предприятий», в силу недостатка достаточно талантливых руководителей, в силу усложнения самих задач руководства разнородными производственными комплексами.

На эту сторону дела буржуазные экономисты очень охотно указывают. В особенности развил все эти аргументы Виденфельд. Последний во всех своих работах подчеркивает ту мысль, что личный фактор имеет решающее значение для организации промышленности. Так например, слабое развитие монополий в Англии он объясняет национальными особенностями английского характера, индивидуализмом англичан, их стремлением во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность и независимость. Виденфельд заранее отводит всякие ссылки на влияние экономических факторов⁵⁷, приступая к рассмотрению организации германской промышленности, Виденфельд также отмечает индивидуализм германских промышленников, хотя и не столько резко выраженный, как в Англии. Этим индивидуализмом он объясняет то, что в Германии в ряде отраслей господствует не трестовская, а картельная или синдикатская формы монополии⁵⁸. Переходя к рассмотрению вопроса о трудностях комбинирования, Виденфельд указывает, что решающее значение имеет не расхождение «оптимальных размеров производственных единиц» отдельных отраслей (это препятствие, по его мнению, устранимо, не представляет непреодолимых трудностей), а расхождение типов предпринимательской деятельности. В частности, рассматривая вопрос о комбинировании металлургии и машиностроения, Виденфельд отмечает, что задачи, предъявляемые к предпринимателям этих отраслей, различны. В металлургии в силу массового характера ее производства, ограниченности числа выпускаемых ею сортов, большей устойчивости технических процессов предприниматель сравнительно мало внимания уделяет вопросам техники, концентрируя свое внимание в области изыскания новых рынков, лучшей организации сбыта, лучшего снабжения сырьем. Между тем в области машиностроения, поскольку последнее выпускает очень разнородную и подверженную частым изменениям продукцию, поскольку вопросы качества продукции играют тут очень большую роль, предприниматель, по мнению

⁵⁷ „Das Persönliche im modernen Unternehmertum“ 1920, стр. 28—29.

⁵⁸ Ibid., стр. 54.

Виденфельда, должен уделять значительно больше внимания вопросам техники. Таким образом, в обеих отраслях требуется иной склад предпринимателей, иного типа руководитель, и это обстоятельство якобы имеет решающее значение при объяснении задержки комбинирования⁵⁹. Виденфельд указывает, что основная и важнейшая граница комбинирования лежит в области психологических отношений и что эта граница не может быть перейдена в том случае, когда технические условия и вообще материальное развитие делают не только возможным комбинирование, но и настоятельно требуют его введения⁶⁰.

Мы не считаем нужным специально останавливаться на критическом опровержении этой концепции, которая находится в кричащем противоречии с действительностью. Основная задача этой теории заключается в том, чтобы всячески возвеличить предпринимателя, представить его в роли демиурга экономического развития, чтобы подчеркнуть всю сложность и трудность его задач, чтобы показать, что только очень талантливые люди могут справиться с этими колоссальными и очень сложными задачами.

Эта «теория» таким образом источник всех трудностей капиталистического развития ищет в ограниченности человеческих способностей, в недостатке высокоталантливых руководителей сложными производственными комплексами. Отсюда логически вытекает вывод о невозможности социалистического строя, поскольку организация планового социалистического хозяйства ставит еще более сложные задачи перед его руководителями. Итак, эта «теория» приводит к тому, что анархия капиталистического хозяйства превращается в вечный закон, не могущий быть преодоленным в силу бедности человеческой природы, в силу недостатка высокоталантливых руководителей.

В действительности то усложнение производственной структуры предприятий, к которому приводит комбинирование, не создает каких-либо непреодолимых препятствий. Капиталистический класс всегда может найти на улице необходимых ему специалистов и руководителей по отдельным отраслям, входящим в комбинат. Что же касается координирования отдельных частей комбината, то тут конечно встают новые задачи. Но было бы смешно думать, что разрешение этих задач доступно только людям с исключительными способностями, что эти задачи могут быть разрешены только при помощи гениальной интуиции, что никакая систематизация опыта руководства комбинированными предприятиями невозможна.

Усложнение производственной структуры предприятия приводит к усложнению задач руководства такими комплексами, и это может найти себе выражение в увеличении административных расходов, т. е. накладных расходов по комбинированному предприятию. В связи с этим последнее может оказаться в худших условиях, чем чистое предприятие, у которого задачи руководства являются более простыми, и поэтому руководящий аппарат является менее громоздким. Эти неудобства комбинированного предприятия имеют разное значение в зависимости от уровня концентрации и масштаба производства последнего. Чем крупнее масштаб производства, тем абсолютно больше величина этих накладных расходов, но тем меньше их относительная доля в общей массе расходов, тем меньшая часть их

⁵⁹ Ibid., стр. 84.

⁶⁰ Gewerbepolitik, 1927, стр. 50.

входит в цену единицы продукции. Ошибка Фогельштейна при рассмотрении «третьей границы комбинирования», как при рассмотрении «первой границы», состоит в полном забвении основного закона капиталистического развития — закона концентрации и централизации капитала.

Необходимо отметить, что «теория» Фогельштейна не пользуется полным признанием среди буржуазных экономистов. Некоторые буржуазные экономисты подвергли критике учение Фогельштейна о границах комбинирования. Вообще в буржуазной теоретической экономике возникло своеобразное разделение труда между отдельными писателями. Одни стараются выдумать мнимые границы комбинирования для того, чтобы показать, что эти границы вытекают из технических условий производства. Основная целевая установка этой группы экономистов состоит в том, чтобы показать вечность границ комбинирования, независимость последних от особенностей экономических структур, отсутствие всяких преимуществ социализма над капитализмом. Другая группа буржуазных экономистов старается показать, что никаких границ комбинирования нет, что те границы, на которые наталкивается комбинирование, являются случайными, преходящими, не имеющими серьезного значения. К числу экономистов второй группы можно например причислить Манштедта. Последний (в своей книге «Ursachen und Ziele des Zusammenschlusses im Gewerbe unter besonderen Berücksichtigung der Kartelle und Trusts», 1916) подвергает критике учение Фогельштейна и Виденфельда о границах комбинирования. Манштедт указывает, что расхождение оптимальных размеров предприятий не может служить серьезным препятствием для комбинирования, ибо комбинат не предполагает стопроцентного соответствия между масштабом отдельных производств. Далее Манштедт указывает, что в машиностроении может также применяться массовое производство и что поэтому нет принципиальных различий между типом предпринимательской деятельности в металлургии и в машиностроении. Подвергнув критике существующее в буржуазной литературе учение о границах комбинирования, Манштедт приходит к выводу, что никаких принципиальных границ комбинирования нет (ibid, стр. 71). «Выдающаяся способность наших предпринимателей смогла преодолеть до сих пор все препятствия, причем — тем скорее, чем больше польза, вытекающая из роста гигантских организаций». Таким образом вся «теория» Манштедта покинута на таком «солидном» основании, как панегирик организаторским способностям предпринимателей, для которых нет ничего невозможного и непреодолимого. Учение Манштедта является ярким образчиком апологетики капитализма, которая совпадает с циничным воспеванием гениальных способностей предпринимателей. Если Фогельштейн старается показать, что социализм не имеет никаких преимуществ перед капитализмом, то Манштедт подходит к этому выводу с другого конца, он пытается показать, что капитализм ничем не хуже социализма.

Такая двойственность путей апологетики не является особой новостью в буржуазной литературе. Возьмем например проблему кризисов. Если одни пытаются показать, что кризисы могут быть избегнуты при капитализме, то другие стараются показать, что кризисы обязательны и для социализма. Не случайно, что среди буржуазных экономистов-вредителей, работавших в СССР, преимущественное распространение должен был получить первый вариант — Фогель-

штейна. Учение о мнимых границах комбинирования приобретает практическое значение в глазах вредителей, поскольку это учение может создать базу для скептического отношения к возможностям развития социалистического комбинирования.

Теорию Фогельштейна пропагандировали в СССР буржуазные экономисты-вредители Гинзбург и Коган-Бернштейн. Первый ограничился простой популяризацией этой теории. Второй попытался проявить некоторую оригинальность в этом вопросе и дополнить учение Фогельштейна указанием на существование «четвертой границы комбинирования». Эту границу он видит в расхождении «штандортов» отдельных стадий производственного процесса⁶¹. Так например, «штандорт» производства сахара-сырца расходится с «штандортом» рафинадной промышленности, поэтому их комбинирование невозможно. В своем объяснении «штандортов» разных отраслей промышленности Коган-Бернштейн стоит целиком на позициях теории Вебера, ограничиваясь внесением несущественных поправок. Таким образом, «теория» комбинирования Коган-Бернштейна является своеобразным соединением теорий Фогельштейна и Вебера. Мы не считаем возможным останавливаться на специальном рассмотрении теории Вебера и хотели только отметить, что методологические корни обеих теорий (Фогельштейна и Вебера) являются общими.

И Фогельштейн и Вебер рассматривают экономические законы как вечные законы, неизменные для всех социально-экономических формаций, действующие обособленно от всей системы производственных отношений. Поэтому они говорят не о капиталистическом размещении промышленности, не о границах капиталистического комбинирования, а о «размещении промышленности вообще», о «комбинировании вообще». Самое понятие экономического закона в буржуазной литературе толкуется как выражение вечных и неизменных принципов, противопоставляемых изменчивой исторической форме. Вебер и Фогельштейн считают необходимым в исходном пункте своего анализа абстрагироваться от своеобразия определенной социально-экономической формации и привлекают «социальную точку зрения» лишь для выяснения некоторых несущественных деталей. Отсюда вытекает, что определяющим фактором в развитии комбинатов и в размещении промышленности, по мнению названных теоретиков, является логика технического развития, рассматриваемая как какая-то самодовлеющая сила. Отсюда вытекает ярко апологетическое изображение капитализма, согласно которому «принцип технической рациональности», «принцип оптимума», принцип наименьших издержек производства безраздельно царят в капиталистической действительности. Отсюда получается замазывание всего того нового, что вносит монополистический капитализм в жизнь предприятий и в стихийный процесс размещения промышленности. Отсюда вытекает замазывание роли классовых конфликтов, роли политической борьбы, роли экономической политики, роли борьбы за рынок экспорта капиталов и рынки сырья, роли усиления захватнических тенденций — милитаризма, протекционизма и т. д. Обе теории (и Фогельштейна, и Вебера) выполняют одинаковый социальный заказ буржуазии — дать такую теорию, из которой было

⁶¹ «Введение в экономику промышленности», стр. 171.

бы выхолощено все то, что связано с исторической ограниченностью капитализма, с его противоречиями, с классовой борьбой, с эксплуататорским характером капитализма, с усилением захватнических тенденций и т. д.

Необходимо дальше отметить, что Коган-Бернштейн чрезвычайно упрощает анализ взаимоотношения комбинирования и условий размещения промышленности. Комбинирование в схеме Коган-Бернштейна играет чисто пассивную роль — если условия размещения разных стадий производственного процесса расходятся, то комбинирование становится невозможным. Коган-Бернштейн ни одним словом не упоминает о роли комбинирования как активного фактора размещения промышленности. Между тем комбинирование выдвигает необходимость значительных изменений в области размещения промышленности.

Прежде всего комбинирование влияет на структуру издержек производства и тем самым на «штандорт» отдельных отраслей. Так например, комбинирование металлургии привело к снижению потребности последней в угле (как энергетического сырья) и тем самым усилило ориентацию металлургии на железорудные источники. В САСШ это выражается в передвижении металлургии к Озерному району, в усилении Чикагского района, который расположен на берегу озера Мичигана и находится в более благоприятных условиях с точки зрения доставки руды, чем Питсбургский район, имеющий преимущества в области доставки угля. В Германии эта ориентация выражается в том, что в Рурском районе металлургия передвигается к водным путям сообщения (к Рейну и каналам), для того чтобы облегчить доставку шведской, испанской, а отчасти и лотарингской руды. Далее, нужно отметить, что комбинирование может создать новые «штандорты» для производств, основанных на использовании отходов других отраслей. Так например, для коксовой промышленности за последние два десятилетия характерна тенденция ориентации на «штандорты» черной металлургии. В особенности эта тенденция ярко проявляется в САСШ. Эта тенденция вытекает из роста комбинирования обеих отраслей на основе использования коксового газа в мартеновских цехах и доменного газа для обогривания коксовых установок. Точно так же в размещении цементной промышленности за последнее время наблюдаются большие сдвиги в связи с тем, что металлургические заводы строят цементные заводы для переработки своего шлака. В этих случаях «штандорт» ведущей отрасли комбината определяет «штандорт» подчиненных отраслей. Но нужно заметить, что комбинирование может привести кое-где к перестановке ведущих и подчиненных отраслей комбината и создать новые «штандорты» для тех отраслей, которые раньше были ведущими, например цветная металлургия в ряде случаев может передвинуться в районы наибольшего потребления серной кислоты.

В некоторых случаях комбинирование может привести к задержке перехода к новым «штандортам» (этот пример особенно чувствителен для теории Коган-Бернштейна). Возьмем например употребление лома в черной металлургии, которое стало возможным с введением мартеновской плавки стали. Это обстоятельство значительно усиливает роль потребляющих (металлов) центров в качестве пунктов металлургического производства, поскольку в этих центрах находится большое количество лома. В связи с этим в ряде случаев делается выгодной постройка заводов, производящих стали, не в районе нахождения заводов, производящих чугун. Но преимущества комбинирования столь велики и экономическая мощь комбинированных

предприятий столь значительна по сравнению с некомбинированными предприятиями, что тенденция к расхождению «штандортов» производства чугуна и стали получает лишь частичное развитие. Точно так же и в Германии расширению потребления лома в металлургии в известной мере препятствуют крупнейшие комбинированные металлургические предприятия Рура.

Обойдя вопрос об активной роли комбинирования как фактора размещения промышленности, Коган-Бернштейн пришел к с м а з ы в а н и ю целого ряда крупных проблем, которые встают в связи с рассмотрением этого вопроса. Комбинирование влечет за собой изменения в структуре отдельных районов в том отношении, что для последних становится характерным не случайное существование; ряда отраслей, а сочетание отраслей, связанных между собой технологически, связанных в основном комплексным использованием сырья. В этом отношении рост комбинирования заключает в себе тенденцию к радикальной перестройке исторически сложившегося размещения промышленности на базе более рационального использования сырьевых источников отдельных районов. Но в рамках капитализма эта тенденция вообще не может реализоваться. Радикальная перестройка географического размещения промышленности может быть проведена лишь в плановом порядке, лишь в социалистическом обществе, при полном устранении задерживающего влияния узких рамок частной собственности. Здесь проходит одно из основных отличий капиталистического комбинирования от социалистического. Здесь лежит одно из гигантских преимуществ социалистического комбинирования.

Между тем тот метод, которым пользуется Коган-Бернштейн, приводит к обходу всех этих проблем, которые выявляют ограниченность капиталистического комбинирования.

Коган-Бернштейн оперирует со случайными расхождениями «штандортов». Он не вскрывает генеральных линий размещения промышленности при капитализме, выражающихся в частности в географическом разрыве «штандортов» производства сырья и готового фабриката. Комбинирование влечет за собою необходимость пространственного сближения различных стадий производства одного продукта, т. е. добывающей и обрабатывающей промышленности, ибо только при этом условии может быть установлена технологическая связь между отдельными производственными единицами, входящими в состав комбината. Но это вступает в противоречие с присущей капитализму тенденцией обречь целые страны и большие области на исключительное производство сырья. Здесь лежит противоречие между техническими требованиями комбинирования и неравномерным капиталистическим размещением промышленности. Это противоречие вытекает прежде всего из противоречия между империалистическими, колониальными и полуколониальными странами. Первые заинтересованы в промышленном отставании последних и в выкачивании из них возможно большего количества сырья. Расхождение «штандортов» добывающей и обрабатывающей промышленности является в данном случае своеобразным выражением подчинения колониальных стран, их эксплуатации метрополиями. Наряду с этим известную роль играет противоречие между промышленно-развитыми районами, в которых сосредоточены основные предприятия монополистов, и отсталыми районами метрополий, которые обрекаются на роль «гинтерландов». Капиталист строит предприятия обрабатывающей промышленности, не связанные непосредственно с определенными сырьевыми источниками в тех местах, где имеется больше дешевой рабочей силы, где уровень

жизни рабочих ниже, где организованность и политическая активность рабочего класса слабее, где поэтому можно получать более высокую норму прибавочной стоимости. Этим частично объясняется движение американской хлопчатобумажной промышленности из Новой Англии в южные штаты, где имеются громадные резервы дешевых рабочих (так называемые *poor whites*), где рабочее движение значительно менее развито, где в частности и фабричное законодательство является более отсталым, где уровень жизни рабочих ниже⁶². Этим объясняется переход некоторых отраслей, например конфекционной, из крупных центров (например Берлина) в окружающие сельские районы (например Бранденбурга) или шелковой промышленности из Лиона в мелкие города и деревни⁶³. Этим объясняется, что машиностроительные заводы (в особенности тонкого машиностроения) капиталисты строят, не считаясь с транспортными расходами на перевозку металла в районах нахождения более дешевой рабочей силы, и поэтому очень часто выбирают сельскую местность⁶⁴. Таким образом целый ряд факторов обуславливает неравномерность индустриального развития отдельных стран, областей, районов⁶⁵. И штандортные расхождения отдельных стадий производства определенного товара могут быть поняты лишь в связи с законом неравномерного развития капитализма, лишь в связи со всеми противоречиями последнего. Коган-Бернштейн, который берет отдельные изолированные примеры штандортных расхождений, оторванные от основного закона капитализма, смазывает тем самым социально-экономический смысл этих расхождений. Поэтому у него фигурируют лишь отдельные случайные эпизоды штандортных расхождений, но нет определенной системы этих расхождений. Поэтому он фактически оперирует лишь с возможностью этих расхождений, но не может вскрыть неизбежность последних.

«Теория» Коган-Бернштейна оказывается бессильной не только выяснить действительное влияние штандортных расхождений на развитие комбинирования, но и вскрыть настоящую значимость этого фактора.

Итак, буржуазная экономия, как и теория социал-фашистов, оказалась совершенно бессильной раскрыть противоречия капиталистического комбинирования. Это не является случайностью, ибо противоречия капиталистического комбинирования могут быть раскрыты лишь на основе научного анализа законов капитализма. Между тем буржуазные экономисты и социал-фашисты всячески заинтересованы в том, чтобы замазать вопрос о противоречиях капитализма, ибо иначе не может быть выполнена их основная задача апологетики капитализма.

⁶² Praedel Die Südwanderung der amerikanischen Baumwollindustrie, Weltwirtschaftliches Archiv, B. 29, Heft I, S. 130 и дальше.

⁶³ Karl Wegner, Die Arbeitsorientierung als Standortfaktor. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik 3. Folge, B. 78, S. 190—191.

⁶⁴ Rosehr, Die Standort der eisenverarbeitenden Industrie am Oberhelm 1912, стр. 27.

⁶⁵ Социал-фашист Отто Бауэр, рассматривая вопрос об электрификации, приходит к выводу, что в результате развития последней промышленность должна равномерно размещаться как внутри страны, так и в интернациональном масштабе, причем противоположность горда и деревни должна смячаться („Kapitalismus und Sozialismus nach den Weltkrieg, B. I, 1931, стр. 19). Социал-фашист О. Бауэр упустил одну „мелочь“ — существование капитализма и обостряющиеся противоречия эпохи империализма, которые задерживают проведение электрификации и последнюю превращают в орудие подчинения других стран и областей. Достаточно вспомнить планы французского и германского империализма о создании электрической пан-Европы, единой сети высоковольтных передач (например планы Вьеля Оливена и т. д.). Для социал-фашиста О. Бауэра характерно, что у него нет ни малейшего намёка на существование тенденции к загниванию капитализма.

Теория Фогельштейна, Виденфельда и др. является буржуазно-апологетической теорией. Теория комбинирования Гинзбурга (который дословно повторяет Фогельштейна) и Коган-Бернштейна является буржуазной, в кредительской теорией. Она сознательно замазывает принципиальные различия между капиталистической и советской системой и, выхолащивая классовый и исторически ограниченный характер границ капиталистического комбинирования, навязывает затем эти границы социалистическому комбинированию. Таким образом, сознательно ведется атака против столь мощного оружия социалистического строительства как социалистическое комбинирование.

Техницизм при рассмотрении вопроса о комбинировании получил наиболее яркое выражение в учении американского экономиста Франка. И в то же время трудно указать в буржуазной литературе другую работу, которая дала бы более гнусную апологетику капиталистических комбинатов, нежели работа Франка. Последний является учеником Веблена, главы так называемого «институционалистской школы». Центральным положением учения Веблена является учение о двух сферах — *industry* и *business*. Под «индустрией» Веблен понимает сферу материально-технического производства, из которого выхолащены всякие элементы производственных отношений, т. е. сферу чисто технического процесса. Под «бизнес» Веблен понимает сферу обращения в широком смысле (включая сюда кредит и банки). Веблен всячески поносит современную систему хозяйства за то, что бизнес господствует над индустрией. По существу критика Веблена направлена против господства финансового капитала. Идеалом Веблена является такой социальный строй, в котором господство принадлежит технической интеллигенции⁶⁶. Эта реакционная утопия, которую, к слову сказать, развивал на процессе «промпартии» интервент-вредитель Рамзин, выполняет определенный социальный заказ. Под флагом фальшивой «критики» существующего строя и всяческих «обвинений» финансового капитала делается попытка отвлечь внимание рабочего класса и трудящихся от революционных задач. В среде американской рабочей аристократии, наиболее реакционной и консервативной во всем мире, тесно связанной с технической интеллигенцией, идеи Веблена получили известное распространение. Здесь мы видим весьма любопытный пример того, как техницизм в политической экономии (все экономическое развитие целиком и полностью определяется техникой) переплетается со своеобразным техницизмом в политике, выражающимся в выдвигании лозунга о «диктатуре технической интеллигенции».

Нужно отметить, что социально-политические взгляды Форда находятся под заметным влиянием Веблена. Форд также считает, что спасителем человечества от всех бед современного общества является инженер. «Замена политика инженером, — пишет он, — есть вполне естественный шаг вперед. Инженер может сделать многое из того, что политику при всяких условиях заказано. Инженер создает и устанавливает гармонию, между тем как политик в лучшем случае может заново организовать (*neu zu ordnen*) то, что уже есть⁶⁷. Инженерное искусство создает свободу. Прежде чем инженер появился на поверхности, люди были прикреплены к одному месту. Благодаря применению пара, автомобиля и аэроплана инженер освободил человека. При помощи освещения он продлил человеку день, при помощи

⁶⁶ The Engineers and the price system, p. 144.

⁶⁷ «Und trotzdem Vorwärts», стр. 268.

средств питания и гигиены он расширил границы человеческой жизни, освободил человеческий дух от цепей и сообщил ему стремление стать господином над окружающим. Одним словом, инженер нашел неподвижное общество и дал ему свободу движения»⁶⁸. В этих словах Форда получила свое законченное выражение своеобразная «инженерно-техническая концепция». Нет двигательной силы социально-экономического развития кроме капитализма, капиталистической техники и инженер — его пророк. Отсюда лозунг — «власть инженерам»!

Франк попытался из этой «инженерно-технической концепции» сделать выводы о роли «интеграции». Франк выдвигает положение о том, что «интеграция» является орудием социального преобразования и эмансипации индустрии от господства финансового капитала⁶⁹. «Интеграция», по мнению Франка, устанавливает такое координирование между отдельными отраслями производства, которое никогда не может быть установлено стихийным путем. Через «интеграцию» современное капиталистическое общество в изображении Франка якобы автоматическим путем переходит на новые рельсы. «Интеграция» представляет собой «давление (Coercition) машины, которая требует функционального координирования со своими предшествующими и последующими техническими частями, т. е. интеграция получается благодаря тому, что, начиная от состояния сырья до конечной формы, блага находятся в процессе движения, независимо от того, в чьей собственности они находятся. Поэтому когда покупки и продажи по денежным ценам задерживают или вмещиваются в процесс машинного производства, которое с каждым годом растет и становится технически более сложным, тогда покупки и продажи должны быть элиминированы. Интеграция поэтому есть та форма, в которой система цен (здесь Франк имеет в виду товарное хозяйство.—И.Б.), поскольку оно воздействует на поведение промышленности, становится ненужной, отжившей (obsolete)⁷⁰. Из своего основного положения Франк делает вывод о том, что многие характерные признаки современной экономики (которую он называет денежным хозяйством) и современной социальной жизни исчезнут по мере дальнейшего роста «интеграции» или, как он выражается, «интегрированной экономики»⁷¹. В частности Франк делает вывод о том, что рост «интеграции» якобы должен привести к уничтожению кризисов и цикла. «Интеграция» в широких размерах сократит, если не элиминирует, хозяйственные циклы на том простом основании, что она уничтожит контроль сферы бизнес над индустриальным процессом, который (контроль) прерывает эту непрерывную, не флюктуирующую операцию, являющуюся

⁶⁸ «Und trotzdem Vörwerts», стр. 269.

⁶⁹ В статье «The significance of industrial integration Journal of Political economy», v. XXXIII, apr. 1925, стр. 190.

⁷⁰ Ibid., стр. 191. К этой технической концепции значительно приближается социал-фашист Отто Бауэр, который пытается из нее сделать выводы в пользу реформизма и «чистой» демократии. Отто Бауэр пишет («Kapitalismus und sozialismus nach dem Weltkrieg», 1931 г. стр. 225): «С рационализацией вырос инженерный способ мышления — трезвый, позитивистический, релятивистический способ мышления, мышление в степенях влияния (in Wirkungsgraden), которое ищет желаемый результат получить с наименьшими жертвами. В этом способе мышления, которое отбрасывает все неподдающееся исчислению, всякий риск, всякую авантюру, который голос чувств подчиняет трезвому расчету, который всякое социальное преобразование пытается осуществить с наименее возможными жертвами, который их только тогда и в той мере пытается осуществить, когда и поскольку их поддерживает большинство народа, „общественное мнение“, в этом способе мышления коренится современная демократия».

⁷¹ Ibid.

специфической особенностью машины⁷². Франк рисует также в очень розовых красках влияние «интеграции» на положение рабочих. В обществе, в котором нет кризисов, указывает он, не должно быть периодической безработицы. С ростом «интеграции» будто бы должны исчезнуть быстрые перемещения рабочих из одной отрасли в другую, а также периодические колебания зарплаты. «Внезапный рост обширных состояний, а также обнищание других прекратятся, поскольку быстрые колебания цен не будут иметь места. Наступит эра социальной стабильности»⁷³. Итак, интерграция, по Франку, «несет исцеление» от всех противоречий капитализма.

Любопытнее всего финальный вывод Франка. Веблен выдвигает положение, что господство финансового капитала есть результат сохранения архаической формы организации производства, которая имела место при господстве ремесленного хозяйства, т. е. при простом товарном хозяйстве. Машинная техника, по мнению Веблена, противоречит господству «бизнес» с самого начала великой промышленной революции. Рост машинной техники требует, по его мнению, выдвижения на командные посты не денежного капиталиста, а инженера. Исходя из этого положения Веблена, Франк делает вывод, что рост «интеграции» приводит к тому, что техника получает реванш и устраняет «архаическую» форму организации производства. Таким образом, с точки зрения Франка, комбинирование (которое он называет «интеграцией») есть не только результат голыи техники, развивающейся вопреки существующей социальной организации, но она в то же время ведет к победе представителей техники над представителями капитала, к той «диктатуре технической интеллигенции», возможность которой дана с момента великого промышленного переворота.

⁷² Ibid., стр. 193.

⁷³ Ibid., стр. 194.

В. ТОЛСТОЙ и П. ПОЧИНЩИКОВ

К ВОПРОСУ О ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин с особой силой подчеркнул значение закона единства противоположностей как сути, ядра диалектики и показал, что Маркс в «Капитале», анализируя товар, «...вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши в сех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца» (Ленин, т. XIII, стр. 302).

Исследуя товар, Маркс с первых же страниц «Капитала» раскрывает перед нами его противоречивую природу, показывает диалектическое единство двух противоположных факторов—потребительной стоимости и стоимости. Анализируя противоречия товара и развитие форм стоимости, Маркс показывает неизбежность превращения товара в деньги, а денег в капитал, переход к отношениям эксплуатации, действие всеобщего закона капиталистического накопления, возникновение периодических кризисов. Без диалектического подхода к изучению товара—исходной формы капиталистического способа производства—невозможно правильно понять законы развития капитализма, всех его противоречий в целом. Товар есть единство противоположностей—потребительной стоимости и стоимости. Исключение при исследовании товара одного из его факторов приводит к непониманию противоречий капиталистического способа производства.

Механисты и идеалисты «забывают», что «условие познания всех процессов мира в их «самодвижении»..., в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» (Ленин). Они не понимают, что товар есть живое единство противоположностей, что его нельзя метафизически разрывать на две абсолютно самостоятельные части, из которых стоимость исторически и общественно обусловлена, а потребительная стоимость якобы ничего общего не имеет с историей, просто «натуральная категория».

В известной экономической дискуссии вопрос о потребительной стоимости не был поставлен и разрешен в духе учения Маркса—Ленина. Понадобилось появление конспекта Маркса, на книгу Вагнера («Архив Маркса—Энгельса», книга 5-я), чтобы заставить некоторых наших экономистов коренным образом пересмотреть свои позиции по вопросу о месте потребительной стоимости в политической экономии. Вопрос о потребительной стоимости не привлек к себе необходимого внимания и до настоящего времени. Ошибочные взгляды не разоблачены еще до конца. Например в учебнике политической экономии под редакцией Б. Кофмана историчность потребительной стоимости авторы понимают следующим образом: «...те свойства и способы, какими каждое благо может удовлетворять человеческие потребности, необычайно многообразны. Дерево является потребительной стоимостью и как топливо, и как весло для гребли, и как материал для постройки... Совершенно понятно, что эти многообразные свойства вещей и спо-

события использования этих свойств раскрываются перед человеком постепенно, по мере обогащения человеческой практики и вырастающего на ее основе человеческого знания, науки... Итак, хотя потребительная стоимость является категорией, присущей всякому обществу, однако использование многообразных свойств вещей является продуктом исторического развития» (стр. 39, первое издание).

Приведенная цитата пересказывает известное положение Маркса о том, что «каждая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития» («Капитал», т. I, стр. 1). Однако свести исторический характер потребительной стоимости только к тому, что многообразные свойства вещей и способы использования их открываются по мере накопления опыта, развития науки и т. д. — значит не понять основного в высказываниях Маркса по этому вопросу. В конспекте на книгу Вагнера в соответствии со всем написанным в «Капитале» Маркс с особой силой подчеркнул общественно-исторический характер потребительной стоимости, меняющейся в зависимости от господствующих производственных отношений.

В понимании потребительной стоимости наметились две различные постановки: механистическая и идеалистическая. Механисты утверждают, что потребительная стоимость берется Марксом в политической экономии «сама по себе», т. е. по существу со стороны ее естественных натуральных свойств. Такое понимание есть механистическое смешение предмета политической экономии с технологией. Потребительная стоимость механистами берется вне ее специфической исторической общественной формы.

Вопреки утверждениям механистов Маркс не изучает физико-химических, естественных свойств потребительной стоимости. Потребительная стоимость «сама по себе» не входит у него в исследование политической экономии. Политическая экономия не технология. Маркс адресует к науке о товароведении лиц, желающих изучать потребительную стоимость как вещь с определенными естественными свойствами. Это указание Маркса (см. «Капитал», т. I, стр. 2) послужило для целого ряда вульгарных экономистов, начиная с Вагнера и кончая Рубиным, «основанием» для лживого умозаключения о том, что в работах Маркса потребительная стоимость не играет никакой роли. Такой вывод, говорит Маркс, мог сделать «только *vir obscurus* (темный муж), не понявший ни слова в «Капитале» («Архив Маркса—Энгельса», книга 5-я, стр. 394).

Идеалистическая рубинская трактовка вопроса также берет потребительную стоимость вне ее специфической исторической общественной формы. Но если механисты включают потребительную стоимость в политическую экономию на «равноправных» началах, то Рубин вслед за Вагнером, вообще выбрасывает потребительную стоимость за борт политической экономии, рассматривая ее только как предпосылку стоимости.

В своей антимарксистской, каутскианской статье «Учение Маркса о производстве и потреблении», помещенной в книге 5-й «Архива», Рубин так «разъясняет» значение потребительной стоимости: «Она в политическую экономию привлекается постольку, поскольку (стр. 117), «только принимается во внимание»; «никоим образом не следует, что Маркс занимается исследованием потребительной стоимости» (стр. 112).

Рубин пытается «объяснить» следующую, как он выражается, «туманную, темную» фразу Маркса: «Потребительная стоимость в этом своем безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость находится вне области исследования политической экономии. К области последней потребительная стоимость принадлежит только тогда, когда она сама есть определение формы». Эта цитата Маркса из «К критике политической экономии» «разъясняется» Рубиным так, что якобы здесь Маркс имел в виду только специфическую потребительную стоимость денег. В таком же смысле сделано примечание к данному положению Маркса в «К критике политической экономии» (стр. 91) очевидно тем же Рубиным. Между тем, как это видно из самого текста, Маркс здесь говорит о том, что потребительная стоимость привлекается в политическую экономию не только при исследовании денег, она привлекается всегда, когда это вытекает из исследования производственных отношений, т. е. она привлекается как общественная потребительная стоимость, а в условиях капитализма как потребительная стоимость товара, как вещественный носитель товарно-капиталистических отношений. В указанной выше статье Рубин пытается вульгаризировать Маркса и с другой стороны. Он заявляет, что у Маркса вообще противопоставление типов хозяйств якобы основано не на различии способа производства, им присущего, а на том, что в одном обществе преобладающую роль играет потребительная стоимость, а в другом — меновая стоимость («Архив Маркса — Энгельса», книга 5-я, стр. 82). Здесь Рубин следствие принимает за причину, извращая положение Маркса о том, что человеческие общества различаются между собой по способу производства, по способу, каким рабочая сила соединена с средствами производства.

В своих «Очерках» Рубин пишет, что «противоположность между ними (т. е. потребительной стоимостью и стоимостью.—*Авторы*) вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения, «сращенные с вещью» (И. Рубин, «Очерки», изд. 3-е, стр. 38). Это — откровенная идеалистическая пошлость. У Маркса не два метода, как это пытается представить Рубин, а один метод диалектического материализма. В этих, как и в других своих писаниях, Рубин ничего общего не имеет с диалектикой, с марксизмом; здесь он стоит на позициях субъективного идеализма.

В свое время т. Кон в «Проблемах экономики» (см. № 6 за 1930 г.) писал, что «грань между политэкономией и технологией... заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, а вторая изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы». Таким образом механистические ошибки т. Кона приводили его также к субъективному идеализму. Ленин квалифицировал аналогичный метод Бухарина как «субъективизм, солипсизм». «Не в том дело, «кто рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания» («Ленинский сборник» XI).

Рубин дает идеалистическую трактовку экономических категорий. Выбрасывая потребительную стоимость за борт политической экономии, Рубин выбрасывает вместе с тем противоречия стоимости и потребительной стоимости и превращает политэкономия в метафизиче-

скую схоластику. У Рубина потребительная стоимость неисторична, она вне общественной формы («не социальна») и поэтому он ее отводит в «натуральную сферу». Рубин пишет: «Известное учение Маркса, согласно которому потребительная стоимость составляет предпосылку, но не источник стоимости меновой, должно быть выражено в обобщенном виде: предметом изучения политэкономии являются «экономические формы», типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют своей предпосылкой определенное состояние материального процесса производства и входящих в его состав технических факторов» («Очерки», изд. 3-е, стр. 52). По Рубину потребительная стоимость только предпосылка, так как она создается в материальном производстве. Поэтому она, как и все материальное производство вообще, не изучается в политэкономии. Материальное производство оказывается в «предпосылках» вне политической экономии. Рубин разрывает потребительную стоимость и стоимость, производительные силы и производственные отношения. Ревизуя марксизм, Рубин пытается представить материальное как нечто не общественное, не историческое, находящееся вне политической экономии. Рубин «социальное» сводит к пустым, бессодержательным формам и выхолащивает дух материалистической диалектики из политической экономии. Классовый смысл позиции Рубина раскрывает Штольцман, родоначальником которого является не кто иной, как Р. Вагнер, а идейным родственником — Рубин. Штольцман, «социальное» направление которого Рубин называет «плодотворным», «многообещающим» и т. п., в своей книге «Цель в народном хозяйстве» пишет: «Подобно тому, как на почве практики нужно было наряду с репрессиями вести также положительную социальную политику, наука не должна довольствоваться одним критическим отношением. Иначе дух Маркса будет вечным. Нужно заменить материалистическую систему новой, лучшей системой здорового социального идеализма, который даст место для тех, кто ныне за отсутствием лучшего брошается в объятия социализма».

Где и как исследуется потребительная стоимость в «Капитале»? Она, как говорит Маркс, «...разумеется не играет роли своей противоположности, «стоимости», которая с первою не имеет ничего общего, кроме слова «стоимость» («Архив Маркса—Энгельса», книга 5-я, стр. 394). Потребительная стоимость и стоимость не входят в предмет политической экономии на «равноправных» началах. «У меня,—пишет Маркс,—потребительная стоимость играет совершенно другую важную роль, чем в прежней политической экономии, но—и это надо заметить—она входит в исследование (Betracht) лишь тогда, когда такое исследование вытекает из анализа данных экономических форм (Gestaltungen), а не из умствований по поводу понятий и слов «потребительная стоимость» и «стоимость» («Архив Маркса—Энгельса», книга 5-я, стр. 395).

Маркс показывает, как стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого товара, как развивается противоречие стоимости и потребительной стоимости, как возникает прибавочная стоимость из специфической потребительной стоимости наемной рабочей силы. Противоречие потребительной стоимости и стоимости проявляется во всем ходе капиталистического воспроизводства. «При исследовании действительного процесса воспроизводства она (потребительная стоимость) приобретает важность, частью, чтобы понять самые формы этого процесса, частью же, чтобы понять влияние, оказы-

ваемое производством предметов роскоши и т. п., на воспроизводство». «Здесь, — говорит далее Маркс, — мы опять имеем пример того, что потребительная стоимость как таковая приобретает экономическое значение». Всего этого не «заметили» у Маркса «Вагнеры», они проглядели важную роль, которую играет у него потребительная стоимость. «Темный муж, — продолжает Маркс, — проглядел, что уже в анализе товара я не остановился на двойственной форме, в котором он представляется, но сейчас же перехожу к тому, что в этом двойственном значении товара выражается двойственный характер труда, продуктом которого он является: полезного труда, т. е. конкретных видов труда, создающего потребительные стоимости, и абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы независимо от того, в какой «полезной» форме она затрачивается (на этом в дальнейшем основано изображение процесса производства), что в развитии формы товарной стоимости, в последнем счете ее денежной формы, т. е. денег, стоимость одного товара представляется в потребительной стоимости, т. е. в натуральной форме другого товара; что сама прибавочная стоимость выводится из специфической потребительной стоимости рабочей силы, присущей исключительно последней, и т. д.» («Архив Маркса — Энгельса», книга 5-я, стр. 395).

В различных человеческих обществах общественная форма потребительной стоимости меняется в зависимости от способа производства, от господствующих производственных отношений. Потребительная стоимость применительно к капиталистическому обществу исследуется Марксом в качестве носителя меновой стоимости, вещественного носителя капиталистических производственных отношений. «... Только при капиталистическом производстве, — говорит Маркс, — потребительная стоимость вообще опосредствуется меновой стоимостью» (из рукописи Маркса «Товар как продукт капитала», «Большевик» № 5—6, стр. 81). Маркс в «Капитале» исследует не потребительную стоимость «вообще», а специфически общественную потребительную стоимость товара в капиталистическом обществе. «Продукт труда при всяких состояниях общества есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар» («Капитал», т. I, стр. 23). Потребительная стоимость товара имеет свой особый, свойственный только товарному производству, специфически общественный характер. Специфичность товарной формы потребительной стоимости Маркс не раз подчеркивает в «Капитале». Так, он пишет: «Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» («Капитал», т. I, стр. 6). Энгельс к этому положению Маркса добавляет следующее замечание: «И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенная средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка сеньору, часть в виде десятины — попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством обмена в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости» (Маркс, «Капитал», т. I, изд. 5-е, стр. 6, примечание 11). Маркс указывает, что в других общественных фор-

мациях продукт, потребительная стоимость также носят своеобразный специфически общественный характер. «...Потребительная стоимость—как потребительная стоимость «товара»—сама обладает исторически-специфическим характером. В примитивных общинах, в которых например средства существования сообща (gemeinschaftlich) производились и распределялись между членами общины, общий продукт удовлетворяет непосредственно жизненные потребности каждого члена общины, каждого производителя, и общественный (gesellschaftlicher) характер продукта или потребительной стоимости заключается здесь в его общепольном (gemeinschaftlicher) характере» («Архив Маркса—Энгельса», книга 10-я, стр. 395).

Определенный исторический способ производства создал товар, тем самым потребительная стоимость получила специфическую общественную форму. В примитивных общинах, где процесс производства направлен не для наживы эксплуататоров, где нет противоречия между общественным характером производства и частным присвоением, общественный характер потребительной стоимости состоит в ее общепольном характере. С момента зарождения обмена сначала излишками на границах самостоятельных общин возникает меновая стоимость, единичная простая форма стоимости. Когда часть продуктов начинает специально производиться для обмена, общественный характер потребительной стоимости уже состоит в том, что она производится для других, для обмена. Вместе с тем уже в элементарной форме имеется противоположность стоимости и потребительной стоимости. Этот процесс окончательно завершается при капитализме, где продукт производится исключительно как товар, где в товар превращается и рабочая сила.

Общественную обусловленность и исторический характер потребительной стоимости особенно наглядно можно видеть при анализе потребительной стоимости рабочей силы и потребительной стоимости денег.

Специфическая потребительная стоимость рабочей силы при капитализме состоит в ее способности создавать прибавочную стоимость. Исторический характер ее состоит в том, что такой потребительной стоимостью рабочая сила обладает только при капитализме. В СССР в социалистическом производстве рабочая сила не является товаром и не создает прибавочной стоимости.

Специфическая потребительная стоимость золота—денег, т. е. свойство быть всеобщим эквивалентом, исторична, так как сами деньги есть историческое явление. Они дают форму движения внутреннему противоречию товара между его потребительной стоимостью и стоимостью.

Деньги при диктатуре пролетариата уже играют принципиально иную классовую роль, чем при капитализме. В Советском союзе деньги орудие социалистического плана, мощный рычаг хозрасчета. Но деньги будут существовать не вечно. В коммунистическом обществе вместе с уничтожением денег будет уничтожена и специфическая потребительная стоимость золота—денег. «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах самых больших городов мира» (Ленин, т. XXVII, стр. 82).

При капитализме потребительная стоимость производится как носитель меновой стоимости. Производство потребительной стоимости здесь лишь средство получения прибавочной стоимости. «Рабочий

хлопчатобумажной фабрики — производит ли он только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы распоряжаться его трудом и при посредстве последнего создавать новые стоимости» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 454).

При капитализме для реализации потребительной стоимости вещи недостаточно того, что она по своим естественным свойствам может удовлетворять человеческие потребности. Для того чтобы вещь была реализована как потребительная стоимость, должна быть реализована предварительно стоимость.

Современный кризис капитализма особенно рельефно показывает варварское уничтожение огромной массы потребительных стоимостей, которые не могут быть реализованы как вещественные носители прибавочной стоимости. Что стоит например такой факт, когда в одном из штатов Северной Америки на глазах у голодающих тружеников выливают такую уйму молока в реки, что даже рыба не выдерживает и гибнет от таких капиталистических «порядков». Это неизбежно, ибо при капитализме цель производства, его движущий мотив — безграничная жажда прибыли. Еще в 1847 г. Маркс писал в «Нищете философии» про французских виноградарей, добивавшихся закона, воспрещающего разведение новых виноградников; о голландцах, сжигающих азиатские пряности, и т. п., чтобы этим вызвать повышение цен: «уменьшить изобилие, чтобы этим возвысить меновую стоимость». Процесс капиталистического производства сводит потребление рабочего класса к уровню голодного существования. Маркс в «Нищете философии» пишет: «Потребление продуктов определяется социальными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов» («Нищета философии», стр. 63).

Противоречия между общественным характером производства и частным капиталистическим присвоением обуславливают антагонистическое противоречие между производством и потреблением. «Мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления» (Ленин, т. II).

Аксиомой является, что в капиталистических странах рабочий класс ни в какой мере не заинтересован в росте производительности труда, в расширении средств производства — в росте средств своей эксплуатации. Только социал-фашисты, сторожевые псы капитализма, из всех сил стараются убедить рабочих в том, что их интересы общи с интересами капиталистов, призывают рабочих защищать капиталистов, заботиться о подъеме производительности при капитализме.

В цитированной уже статье «Учение Маркса о производстве и потреблении» И. Рубин «по мере сил» выполняет свой «социальный заказ». Нагло «комментируя» Маркса, он присоединяет свой голос к социал-фашистскому концерту и пишет: «Рост производительности труда вызывает понижение стоимости различных предметов потребления, делая их тем самым доступными и рабочим массам» («Архив Маркса—Энгельса», книга 5-я, стр. 109).

Только в пролетарском государстве поднятие производительности труда, увеличение средств производства есть основа роста благосостояния рабочего класса. У нас мысли миллионов бьются над тем, как увеличить производительность труда, как ускорить темпы социали-

стического строительства. Тов. Молотов на XVII партийной конференции подверг критике узко потребительский подход к социализму, рассуждения о том, что «социализм это производство для потребления». В наших условиях только законренные оппортунисты могут отрывать вопросы потребления от производства, ибо лишь на основе неуклонного проведения политики индустриализации нашей страны партия смогла добиться все растущего из года в год благосостояния рабочих, колхозников и трудящегося крестьянства.

На основе гигантского роста тяжелой промышленности, достижений в колхозном и совхозном строительстве возможности производства товаров широкого потребления возросли в огромной мере.

«До сих пор мы экономии на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем вернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в развитии нашей промышленности состоит между прочим в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую индустрию» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 697).

Во второй пятилетке мы будем иметь еще больший рост жизненного уровня трудящихся, «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в 2—3 раза против конца первой пятилетки» (из резолюции XVII партконференции). Этот огромный рост потребления будет иметь место только на основе завершения технической реконструкции всего народного хозяйства, на основе развития ускоренным темпом и тяжелой и легкой индустрии, на основе всемерного развития советской торговли.

У нас «развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечению капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся»; «систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребности (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. п.» (Сталин).

Мы исходим не из капиталистической прибыли, а из задач расширенного социалистического воспроизводства, из необходимости «догнать и перегнать», из увеличения потребления рабочего класса и трудящегося крестьянства. Вопреки капиталистам, для которых безразлично, какой бы продукт ни производить, хотя бы, как рассказывает про американских дельцов С. Чез в своей книге «Трагедия расточительства», пилюли от тучности, начиненные солитером, лишь бы получить прибыль. Нас непосредственно интересует конкретная общественная «потребительная стоимость». Наш лозунг: «Больше социалистической продукции и лучшего качества». Общественная природа продукта труда в наших условиях принципиально иная. «Потребительная стоимость» производится у нас не как носитель меновой стоимости и не ради возрастания стоимости абстрактного богатства путем производства прибавочной стоимости. Потребительная стоимость производится у нас для удовлетворения общественных потребностей не анархично, а по плану, для социализма, для себя. И в будущем, когда исчезнет товар, он превратится не просто в продукт, а в продукт,

идущий на общественное потребление не через рынок» («Ленинский сборник» XI, стр. 388). Ленин, критикуя Бухарина, подчеркивает, что и при социализме нельзя мыслить продукт производства вне общественной формы.

Отрицание общественно-исторического характера потребительной стоимости приводит к грубейшим оппортунистическим извращениям в понимании закономерностей советской экономики. Попытка трактовать потребительную стоимость не как исторически общественно-обусловленную категорию, а как вечную, неизменную, ведет к правооппортунистическим разговорам о росте производительности труда «вообще», к отрицанию разницы между хлебом, который производят колхозы и совхозы, и хлебом кулацкого производства, к формуле «кулацкий хлеб тоже хлеб».

В свое время Маркс подверг жестокой критике Родбертуса за то, что он под общественной потребительной стоимостью понимал общепольный характер труда вообще, вне зависимости от определенной общественной формы, в которой товар производится. Господин Родбертус, говорит Маркс, «превращает «общественную потребительную стоимость» товара в «общественную потребительную стоимость» вообще и потому несет чепуху» («Архив Маркса — Энгельса», стр. 395). Тов. Сталин в своей речи «О правом уклоне в ВКП(б)», критикуя Рыкова, говорил: «Нам нужен, ведь не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим... Пятилетний план, забывающий об этой центральной задаче, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие советского общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда...» И дальше: «Тов. Рыков уверяет, что с точки зрения товарооборота на хлебном рынке, с точки зрения получения хлеба он не видит разницы между колхозом и частным держателем хлеба. Ему стало быть все равно, покупаем ли мы хлеб у колхоза, у частного держателя или у какого-либо аргентинского скупщика хлеба. Это есть замаскированная форма защиты, реабилитации, оправдания кулацких махинаций на хлебном рынке» (Сталин, Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 422).

Отрицание общественно-исторического характера потребительной стоимости, а следовательно принципиально отличной природы продукта труда в СССР приводит к оппортунистическим извращениям в понимании природы советской торговли. Правые, отождествляя общественную форму продукта труда в СССР со стихийными рыночными отношениями капиталистического общества, требовали свободной торговли со свободной игрой цен на рынке, требовали смягчения монополии внешней торговли. Тов. Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» говорит: «Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли. Эту сторону, дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп... Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регу-

лирующей роли государства и его роли на рынке. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах». Партия сейчас всемерно разворачивает советскую торговлю, мобилизует все силы, все дополнительные ресурсы для того, чтобы увеличить и шире развернуть товарооборот между городом и деревней. Но только оппортунисты стараются представить дело таким образом, что мы развязали рыночную стихию, «свободную торговлю», представили все дело развертывания товарооборота самотеку. В руках государства имеются в огромной степени возросшие фонды товаров широкого потребления: эта возросшая экономическая сила будет являться одним из мощных рычагов регулирования советской торговли.

«Левые» оппортунисты пытаются перескочить через ступень советского товарооборота и уже на данном этапе перейти непосредственно к продуктообмену.

Что означают у нас левацкие заскоки в области советской торговли? Они означают «замораживание» товарооборота, «обезличку» продукта, противопоставление советской торговле механического распределения. Все это связано с забвением «потребительной стоимости» в ее специфической общественной форме в Стране строящегося социализма, с обезличиванием конкретного продукта. «Замораживание» товарооборота тормозит темпы социалистического воспроизводства, замедляет доведение продукта до потребителя. Для рабочего потребителя конкретный продукт, обладая способностью удовлетворять определенные потребности, требуется в определенный срок и определенного рода и качества, «замороженные» же товары портятся на складах, теряют свое качество. Механическое распределение приводит к тому, что потребитель получает не те «потребительные стоимости», которые ему необходимы, а по принципу «лопай, что дают». Известны факты, когда в один и тот же пункт занаряживаются товары без всякого учета запросов потребителей и т. п.

Развертывание советской торговли требует беспощадной борьбы с обезличкой и очковтирательством в деле планирования завоза товаров широкого потребления. Планирования завоза товаров только в рублях недостаточно; необходимо наряду с денежным учетом брать сторону материальную — вещественную. Учет и планирование распределения товаров должны быть поставлены таким образом, чтобы было видно не только, на какую сумму послано товаров, но и видно было бы, каких товаров, какого качества и т. д.

Итак, потребительная стоимость является исторической и общественно обусловленной категорией. Забвение этого неизбежно ведет к оппортунистическому замазыванию противоречий капиталистического общества, к ревизии в самом исходном пункте марковского анализа капитала, а в применении к нашим условиям к правооппортунистическим выводам о равноправии и равнозначимости кулацкого и социалистического производства, к оправданию левацкой обезлички, к отрицанию необходимости развертывания товарооборота на основе советской торговли.

Г. ФРЕЙЛИХ

ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ ПЕРВОГО ТОМА „КАПИТАЛА“

В связи с 65-летним юбилеем выхода первого тома «Капитала» большой интерес представляют некоторые страницы, до сих пор не опубликованные, из истории подготовки первого тома «Капитала». Институтом Маркса—Энгельса—Ленина обнаружена среди экономических работ Маркса рукопись приблизительно в 10 печатных листов, которая, как установлено, составляет часть чернового текста I тома «Капитала». Рукопись озаглавлена:

«Книга первая».

Процесс производства капитала.

Глава шестая.

Результаты непосредственного процесса производства.

Рукопись охватывает стр. 141—495 (по марксовой нумерации), две вставки, пронумерованные 96—107 и 262—264, кроме того отдельные, разрозненные страницы, очевидно тоже относящиеся к рукописи, и несколько разрозненных страниц, принадлежность коих трудно установить.

Начало рукописи таково:

«В этой главе следует рассмотреть три вопроса:

- 1) товары как продукт капитала, капиталистическое производство;
- 2) капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости;
- 3) оно есть наконец производство и воспроизводство всего отношения, благодаря которому этот непосредственный процесс производства характеризуется как специфически капиталистический.

Из этих трех рубрик первую следует при обработке для печати поставить в конце, а не в начале, так как она составляет переход ко второй книге — процесс обращения капитала».

Если мы сделаем перестановку этих рубрик согласно указаниям Маркса, то рукопись будет расчленена следующим образом:

I. Капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости

1. Единство процесса труда и процесса увеличения стоимости.
2. Исторический характер капитала.
3. Господство мертвого труда над живым.
4. Пролетарское мировоззрение стоит выше капиталистической идеологии.
5. Двойственный характер труда.
6. Первая вставка: фетишизм, покупка рабочей силы как момент производственного процесса в целом, пределы классической политической экономии, непрерывность капиталистического труда, безразличие к его форме.
7. Вторая вставка: процесс труда как средство процесса увеличения стоимости, господство мертвого труда над живым.
8. Формальное подчинение труда капиталу.

9. Реальное подчинение труда капиталу.

10. Дополнение к формальному подчинению, здесь трактуется прогрессивность наемного труда.

11. Продолжение: трактуется реальное подчинение труда капиталу.

12. Производительный и непроизводительный труд.

II. Производство и воспроизводство специфически капиталистического производственного отношения

1. Превращение законов простого товарного производства в законы капиталистического производства.

2. Форма заработной платы есть лишь форма капиталистического отношения, но существенная форма для этого отношения.

3. Результаты непосредственного процесса производства. (Последняя часть обрывается после нескольких строк на стр. 495, середине абзаца. Затем согласно указаниям Маркса следует первоначально поставленная в начале часть.)

III. Товары как продукт капитала

1. Теоретический ход анализа от простого к капиталистическому товарному производству есть вместе с тем и исторический путь развития.

2. Капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обмен капитала и труда становится формальным.

3. В той же степени, в какой продукт становится товаром, условия труда также становятся товаром.

4. Односторонность и массовость продуктов, непрерывность производства.

5. а) Капиталистический товар есть продукт оплаченного и неоплаченного труда.

б) Не отдельный товар, а товарная масса есть результаты процесса.

в) Объем продажи становится решающим для реализации товарной стоимости.

6. Неделимые и делимые товары. Основной капитал.

7. Производительность труда и изменения товарной стоимости.

8. Товар как продукт простого и капиталистического товарного производства.

9. Poleмика против прудоновской теории денежной оплаты труда.

10. Переход к книге II.

Что прежде всего бросается в глаза в этом черновом тексте, это сходство его построения с планом, опубликованным в 18-й из 23 тетрадей, представляющих подготовительную работу к «Капиталу». Этот план подразделения I тома «Капитала», который опубликован в «Теориях прибавочной стоимости», распадается на следующие пункты:

«Раздел I: Процесс производства капитала необходимо разбить следующим образом: 1) Введение. Товар. Деньги. 2) Превращение денег в капитал: 3) Абсолютная прибавочная стоимость: а) процесс труда и процесс увеличения стоимости; б) постоянный капитал и переменный капитал; в) абсолютная прибавочная стоимость; г) борьба за нормальный рабочий день; д) одновременные рабочие дни (количество одновременно занятых рабочих). Размер прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости. (Величина и высота?). 4) Относительная прибавочная стоимость: а) простая кооперация; б) разделение труда; в) машины и т. д.; 5) Комбинация абсолютной и относительной при-

бавочной стоимости; отношение (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью; формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд. 6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Колониальная теория Уэйкфильда. 7) Результат процесса производства. Он может быть представлен в рубрике 6 или 7, где трактуется изменение закона присвоения. 8) Теория прибавочной стоимости. 9) Теория производительного и непроизводительного труда».

Как известно, формальное и реальное подчинение трактуется лишь сжато в печатном тексте I тома, в начале отдела 5, в плане же и в данной части чернового текста оно занимает значительное место.

Производительный и непроизводительный труд, трактовка которого предусматривалась упомянутым планом, имеется также в черновом тексте. Как известно, изложение этих пунктов намечалось для так называемого «исторически-литературного». IV тома «Капитала», который Маркс хотел издать. Этот вопрос по существу составляет содержание «Теории прибавочной стоимости».

За исключением единственного места, которое вероятно было позднее добавлено, в данной рукописи повсюду, так же как и в 23 тетрадях, употребляется слово «способность к труду» вместо термина «рабочая сила».

С другой стороны, в рукописи имеется необычайно много мест, с выпадающих по содержанию, а отчасти и буквально с I томом «Капитала». Характерно однако, что соответствующие места в I томе «Капитала» попадают не только в отделе 7 — процессе накопления, но рассеяны по всем отделам I тома. Первый черновой текст I тома «Капитала» стало быть подвергся полной переработке, так что черновой текст и печатный текст отличаются друг от друга как по формулировкам, так и по содержанию. Это подтверждает и переписка между Марксом и Энгельсом. В письме Энгельсу от 13 февраля 1865 г. Маркс пишет, что рукопись (речь идет о черновом тексте всех трех томов «Капитала») «приняла гигантские размеры в своем окончательном виде. не может быть издана никем другим, кроме меня,— даже тобою». Маркс мог таким образом писать лишь в том случае, если речь шла не только о простой «переписке и шлифовке» чернового текста, чем он вначале думал ограничиться, а о полной переработке.

В действительности I том содержит, если положить в основу сохранившуюся рукопись, прежде всего 495 страниц, что при мелком почерке Маркса составляет около 1 000—1 500 печатных страниц, причем можно допустить, что часть страниц рукописи была меньшего формата. При этом мы должны также принять во внимание, что, с одной стороны, в конце рукописи нехватает значительной части, а с другой.— что видно из переписки с Энгельсом,— печатный текст увеличился пунктом о рабочем дне и добавлением о «форме стоимости». Столь сильное сокращение чернового текста было невозможно без полной его переделки.

Каждая рукопись Маркса — это сокровищница новых глубоких мыслей, новых решений проблемы, новых исследований. Таким образом, эта рукопись представляет одну из интереснейших экономических рукописей Маркса. Ее значение не ограничивается лишь тем, что она свидетельствует о наличии чернового текста к I тому «Ка-

питала», а именно о черновом тексте, который должен был подвергнуться полной переработке для окончательного текста «Капитала». Политическое значение этого текста состоит в том, что он дает нам в руки новое оружие борьбы против социал-демократических фальсификаций марксова учения о стоимости, что он вновь подтверждает ленинское понимание марксизма, что он комментирует, иллюстрирует, разъясняет сложные вопросы, что он выдвигает новые проблемы.

Я даю здесь краткое описание важнейших частей рукописи.

1. Пролетарское мировоззрение стоит выше капиталистической идеологии

Классовое разделение и разделение между физическим и умственным трудом. Происходит отделение руководства процессом труда от его выполнения. В условиях присвоившего себе науку капитализма, когда наука противостоит рабочему как чуждая, враждебная сила, развитие противоречия между физическим и умственным трудом достигает крайней обостренности и глубины.

Реформисты не хотели и никогда не могли понять, каким образом рабочий класс, лишенный доступа к буржуазной культуре и буржуазной науке, все-таки достигал более высокого мировоззрения, чем класс капиталистов. Маркс, изобразив в существенных чертах присвоение капиталом умственных сил процесса производства, показывает в рукописи, каким образом именно на основе капиталистического производства возникает фетишизм капиталиста, соответствующий его классовым интересам, и этим самым возникает его идеалистическое мировоззрение, между тем как сопротивление рабочего эксплуатации заставляет его бороться против фетишизма. Эта борьба находит свое выражение в наиболее сознательной и научной форме в мировоззрении диалектического материализма, обоснованного и развитого Марксом. В черновом тексте I тома «Капитала» сказано: «Рассматриваемое исторически, это превращение (именно превращение субъекта в объект, т. е. фетишизм капитализма. — Г. Ф.) является необходимым этапом для того, чтобы насильственно добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. развить неограниченные производительные силы общественного труда, которые одни могут образовать материальный базис свободного человеческого общества». «Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист постольку, поскольку последний глубоко, коренным образом связан с этим процессом отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и отрицает его как процесс порабощения».

Маркс доказывает, что в итоге капиталист, который насильственно добивается этого огромного развития производительных сил, делает это в качестве пленника капиталистического отношения, что «абсолютное стремление и содержание его деятельности — в сущности лишь рационализированное стремление и цель образования сокровищ, совершенно убогое и абстрактное содержание».

2. Исторический характер капитализма

Одним из основных пунктов всей политической экономии Карла Маркса является утверждение о преходящем, историческом характере капитализма, движущие законы которого он исследовал и описал вплоть до условий его гибели, до революционного вывода экспро-

приации экспроприаторов, пролетарской революции, установления диктатуры пролетариата. Теоретическое учение Карла Маркса об историческом характере капитализма есть оружие осуществления этого исторического характера, его непреложного доказательства путем свержения капиталистической системы. Поэтому Маркс с едкой сатирической насмешкой разоблачал и опровергал буржуазных вульгарных экономистов, которые в открытой или скрытой форме проповедывали естественность, непоколебимость и вечность капитализма. Первое извлечение из данной рукописи представляет уничтожающую полемику с этой капиталистической апологией. Маркс в чрезвычайно популярной, живой и убедительной форме доказывает, что наши «современные», «ученые», «аполитичные» политики-экономы, объявляющие, что все средства производства суть по природе капитал, несколько не стоят на более высокой ступени, чем приверженцы монетарной системы, которые считают, что золото и серебро по своей природе—деньги. «Средства труда и материал труда, части которых составляют уже продукты прежнего труда, играют свою роль в любом процессе труда во все времена и при всех обстоятельствах. Поэтому, если я привешиваю им название капитал, в уверенности, что „Semper aliquid haeret“ (что-нибудь всегда пристаёт), то я доказывал, что существование капитала есть вечный естественный закон человеческого производства и что киргиз, который срезает ножом ситник, украденный у русских, и из этого ситника плетет свою лодку,—такой же капиталист, как господин фон Ротшильд. Таким же образом я мог бы доказать, что греки и римляне причащались, потому что они пили вино и ели хлеб, и что турки ежедневно кропят себя капиталистической святой водой, потому что они ежедневно моются».

Маркс разбивает попытки вульгарных экономистов представить все средства производства как капитал и этим самым изобразить все прошлые и будущие общественные формации как капиталистические, доказывая, что если все средства производства по природе без наличия капиталистов суть капитал, то капиталист излишен в качестве руководителя процесса производства и собственника средств производства.

Далее интересна форма, в какой Маркс развивает свое критическое отношение как в черновом тексте, так и в окончательной обработке к неисторической в основном трактовке рабства Аристотелем. В черновом тексте Маркс ограничивается лишь констатацией, что Аристотель; не признавая исторического характера рабства, совершает ошибку, аналогичную вульгарным экономистам, не понимавшим исторического характера капитала. В печатном тексте первого издания эта форма подверглась существенной переделке: она более заострена, с тем чтобы лишить вульгарных экономистов всякой возможности использовать единичные слабости исполина-мыслителя Аристотеля для прикрытия своей апологии собственного убожества и тупости в вопросе о преходящем характере капитализма. Там сказано:

«Если такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то каким образом избрал бы правильный путь в своей оценке наемного труда такой карлик-экономист, как Бастиа?»

Какой большой переработке подвергался черновой текст при составлении окончательного текста, видно из формы, в какой упомянутая параллель передана в «Капитале» в главе первой, в примечании 33.

Полемику против концепции, что земля, капитал и труд являются элементами всякого процесса производства, мы встречаем во II томе, отделе III, главе 19, и в III томе, отделе VII, главе 48.

3. Развитие изменчивости рабочей силы

Прогрессивность капитализма проявляется сначала в том, что он разбивает оковы, которые средневековое, феодальное производство наложило на развитие изменчивости рабочей силы. В данной рукописи Маркс показывает, как при господстве меновой стоимости в капиталистическом производстве труд становится безразличным к своему особому содержанию. Капитал, который хочет и должен увеличить свою стоимость, неизбежно течет из одной отрасли производства в другую, с одного места в другое и развивает этим стихийным способом общественный характер труда.

Капитал разбивает все прежние рамки, стоящие на пути его беспрепятственного развития, для того чтобы создать новые рамки, которые неизбежно вытекают из стихийного и насильственного характера этого процесса.

Уже в черновом тексте I тома «Капитала» Маркс указывает на высокий уровень развития изменчивости рабочей силы в Америке как на один из факторов, который должен был обеспечить Америке в экономическом развитии преимущество перед Европой, развитию которой мешали феодальные пережитки в производственных и общественных отношениях.

4. Формальное подчинение труда капиталу

В I томе «Капитала» Маркс мастерски описал историю первоначального накопления. «Если деньги, — по словам Маркса, — появляются на свет с естественным кровавым пятном на одной щеке, то капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят». Против апологетов капитала, которые видят или хотят видеть одну лишь техническую сторону в переходе от феодализма к капитализму, Маркс именно и изобразил в центре своего описания рождения капитализма насильственный, жестокий характер первоначального накопления капитала.

Если буржуазная политическая экономия описала лишь техническую сторону процесса, то из этого отнюдь не следует, что она эту сторону правдиво и исчерпывающе изобразила. И здесь она проявила свой апологетический характер. Поэтому трактовка Марксом формального подчинения труда капиталу, т. е. производства абсолютной прибавочной стоимости, в черновом тексте I тома «Капитала» представляет для нас особо ценное дополнение к его изображению первоначального накопления.

Маркс трактует в отпечатанном здесь извлечении три решающих признака капиталистического производства в противоположность феодальному:

1. Капитализм очищает «отношение эксплуатации от всяких патриархальных и политических, а также религиозных примесей». Затем он превращает его в чисто денежное отношение. Подчинение рабочей силы капиталу не предпослано этому отношению, а вытекает лишь из содержания договора о покупке между трудом и капиталом. Но в то время как капитализм устраняет существовавшие до сих пор

отношения политического подчинения и религиозного суеверия, он создает «новое отношение господства и подчинения (которое в свою очередь создает для себя политические выражения)», и фетишистский характер товара представляет почву, питающую новую религиозную идеологию.

Так, в диалектической форме Маркс вскрывает полное противоречие характера капитализма, его относительную прогрессивность по отношению к предыдущим общественным формациям и его отсталость по отношению к социализму.

2. Развивая товарное производство, капитализм вместе с тем развивает общественный характер производства в анархические формы конкуренции. Внутри и при помощи этой формы выступает общественный характер труда в большей экономии в применении условий труда, повышении непрерывности и интенсивности труда, возрастающем разнообразии производства и возрастающей дифференциации труда.

3. По существу капитализм не отличается от прежних систем классового господства. Капиталистический труд—тоже труд по принуждению. Но форма, в которой осуществляется принуждение, обуславливает прогрессивный характер капитализма по отношению к прежним системам классового господства. Поскольку меновая стоимость товара вместо потребительной стоимости становится определяющим фактором производства,—предел роста потребностей и средств их удовлетворения гигантски расширяется как в объеме, так и в разнообразии. Господство потребительной стоимости при феодализме проявлялось в цеховом ремесле в отношении мастера к своим подмастерьям, что в первую очередь покоилось на способностях в ремесле. Господство меновой стоимости при капитализме заменяет его чисто денежным отношением. Поэтому средневековое цеховое отношение есть «ограниченная, еще не адекватная форма отношения капитала и наемного труда».

5. Рабский и наемный труд

Из-за общих черт рабского и наемного труда не видеть особого признака, отличия наемного труда от рабского, фактически означает отрицать преходящий характер капитализма, руководящую роль пролетариата в борьбе за свержение буржуазии и построение более высокого, социалистического, общественного строя. В настоящей рукописи Маркс именно и развивает те черты наемного труда, которые превращают неотесанного, отсталого раба в прогрессивного капиталистического наемного раба, класс которого может и призван свергнуть своих угнетателей и установить свою собственную диктатуру.

В чем выражается прогрессивность наемного труда по сравнению с рабским трудом?

Капитализм, который изменяет не существо принудительного характера труда, а форму, делает изменчивость, подвижность, текучесть рабочей силы условием ее существования. Ибо лишь тот рабочий, который имеет широкую свободу передвижения и подвижности, может продавать свою рабочую силу в соответствии с конъюнктурными изменениями, поддерживая таким образом свое существование. Денежная форма его заработка не меняет скромного объема и неравноценного характера предметов потребления, находящихся в распоряжении рабочего класса. Но только

благодаря денежной форме заработка рабочего ему предоставляется, хотя и внешне крайне ограниченная, перемена в выборе предметов потребления, в нем воспитывается самоконтроль, самообладание, самодисциплина — свойства, представляющие предпосылку для его руководящей роли в борьбе за диктатуру его класса. Между тем как раб, являющийся собственностью отдельного работодателя, превращается при капитализме в наемного рабочего, угнетенного всем капиталистическим классом, — возможность перемены хозяина, с одной стороны, порождает у пролетария иллюзии свободы, а с другой стороны, учит его познавать неизбежно-общественный и единый характер его борьбы против капиталистов как класса. Наконец различие в оплате, достигающее своей высшей формы в сдельной плате в пределах узких рамок, которыми общественный переменный капитал ограничивает потребление рабочего класса, превращает соревнование между рабочими, повышающее производительность и интенсивность труда, — в конкуренцию между ними. В результате этого стоимость и цена рабочей силы падают, и растущая эксплуатация, с одной стороны, рост производительных сил, с другой стороны, усиливают субъективные и объективные условия для свержения капиталистического господства и эксплуатации.

6. Производительность труда при капитализме, производительность капитала

«Тот рабочий производитель, который выполняет производительный труд, и тот труд производитель, который непосредственно создает прибавочную стоимость, т. е. увеличивает стоимость капитала», — сказано в рукописи. Маркс полемирует с вульгарными экономистами, которые хотят определить производительность труда надисторическими присущими всем историческим формациям законами, чтобы таким образом скрыть переходящий характер капиталистического производства.

В данной рукописи Маркс показывает расширение понятия производительного труда в процессе все растущего обобществления труда, растущей концентрации труда на фабрике.

«Если рассматривать совокупного рабочего, из которого состоит мастерская, то материально его комбинированная деятельность осуществляется непосредственно в совокупном продукте, который вместе с тем есть совокупная масса товаров, причем совершенно безразлично, находится ли функция отдельного рабочего, который является лишь одним из звеньев этого собирательного рабочего, дальше или ближе к непосредственному ручному труду».

Противоположность к этому составляют личные услуги, которые капиталист покупает.

«Подобно тому, как товары, которые капиталист покупает для своего частного потребления, не потребляются производительно, не становятся факторами капитала, точно так же не становятся ими услуги, которые он покупает для своего потребления добровольно или по принуждению (у государства и т. д.) ради их потребительной стоимости. Они не становятся фактором капитала. Они поэтому — не производительный труд, и их носители — не производительные рабочие».

Вульгарные экономисты извращают растущее превращение услуг в наемный труд и всех оказывающих их — в наемных рабочих тем, что они превращают капиталистическое отношение найма в простое отношение услуг, опуская таким образом как раз характерный признак капиталистического наемного труда, покоящегося на меновой стоимости, а не на потребительной стоимости.

В изложении, которое частично совпадает с соответствующими местами в «Теориях прибавочной стоимости», очень интересны внесенные Марксом улучшения. Так например, в «Теориях прибавочной стоимости» Мильтон, написавший «Потерянный рай», противопоставляется Марксом как непроизводительный работник, ибо его труд был лишь «проявлением его природы», лейпцигскому литератору-пролетарию.

«Но лейпцигский литератор-пролетарий, который производит по приказу своего книгопродавца книги (например руководства по политической экономии), — производительный работник, ибо его производство с самого начала подчинено капиталу и происходит лишь с целью увеличения стоимости последнего».

В черновом тексте Маркс несколько ограничил формулировку, а именно, что литератор-пролетарий «почти производительный работник», добавив: «поскольку его производство подчинено капиталу и совершается лишь с целью увеличения стоимости последнего».

7. Почему предпочитают иностранный рынок

Народники, как и Роза Люксембург, утверждали, что прибавочная стоимость не может быть реализована на внутреннем рынке капиталистической страны, а лишь на внешнем. Ленин, опираясь на Маркса, доказал ошибочность этой теории. Настоящая рукопись еще раз подтверждает ошибочность теории Розы Люксембург и правильность марксистской критики Ленина.

«Когда отдельный капиталист переводит деньги за границу, где он получает 10% прибыли, в то время как он внутри страны мог бы дать работу большому количеству избыточного населения, то он с капиталистической точки зрения заслуживает высшей похвалы, так как этот добродетельный буржуа выполняет законы, по которым распределяет капитал как на мировом рынке, так и в пределах определенного общества в соответствии с нормой прибыли, которую определяют отдельные отрасли производства, именно таким образом уравнявая отрасли и осуществляя известные пропорции в производстве. (При этом безразлично, предоставляются ли деньги русскому императору на войну с Турцией и т. д.). Действуя таким образом, отдельный капиталист следует лишь имманентному закону, а следовательно и морали капитала — производить столько прибавочной стоимости, сколько возможно. Но с рассмотрением непосредственного процесса производства это не имеет ничего общего».

Ошибка Розы Люксембург сводилась именно к тому, что, исходя из вопроса реализации прибавочной стоимости, стало быть из процесса обращения капитала, она хотела вывести законы «непосредственного процесса производства» вместо обратного. Она не понимала, что прибыль в качестве общественного регулятора капиталистического процесса производства определяет направление потока товаров.

8. Отношение наемного труда как существенная форма капиталистического отношения

Капитал производит собственные условия своего существования на все расширяющейся основе, как сказано в третьем извлечении данной рукописи. «Труд производит свои условия производства как капитал, а капитал производит труд как средство своего осуществления в качестве капитала как наемный труд».

Покупка и продажа рабочей силы есть лишь вводный акт к отношению эксплуатации, но в качестве такового — необходимая предпосылка его осуществления. Маркс анализирует в рукописи ошибку тех двух течений, из которых одно «рассматривает наемный труд, продажу труда капиталу и этим самым форму заработной платы как нечто, внешне принадлежащее капиталистическому производству», а второе, — которое в этом отношении, в этой существенной формальности, в этой, видимости капиталистического отношения обнаруживает само его существо, и поэтому характеризует это отношение, подводя рабочих и капиталистов под общее отношение товаровладельцев, этим самым апологизируя его, стирая его.

Марксова трактовка капиталистической формы эксплуатации в виде наемного труда как существенной для содержания эксплуатации формы, которая неизбежно вновь и вновь производится капитализмом и им определяется, — приобретает в наше время большую чем-когда либо актуальность. Фашистские теории о деньгах и банках, исходя из вульгарных наивных теорий о денежной плате Г. Силювио Гезеля (которые собственно сводятся к теории Грея), основаны на механическом, оторванном от действительности, лживом отрыве форм капиталистической эксплуатации от его содержания. Они хотят сохранить товарное и капиталистическое товарное производство, отменив повидимому в то же время деньги и денежный капитал. Они объединяются с противоположным по видимости течением, которое хочет свести капиталистическое отношение к чисто договорному отношению равноправных товаровладельцев, устраняя таким образом решающий признак перехода от простого к капиталистическому товарному производству. Это течение получило особо яркое выражение в комментариях к германскому фабричному законодательству (например, Флята, Корша, Зинцгеймера и др.), которые в отношении заработной платы видят или хотят видеть только договорное отношение свободных людей. В действительности капиталистическая форма, возводя товарное производство на самую высокую ступень его развития, вместе с тем «устраняет базис товарного производства», превращая обмен эквивалентов, равных стоимостей в чисто формальное, чисто внешнее явление, уже лишенное своего содержания. Она вскрывает этим свой преходящий характер к высшему экономическому и социальному строю, к социализму, осуществление которого составляет задачу пролетариата.

9. Товар как продукт капитала

В прежних хозяйственных формациях лишь излишек продукта, лишь случайно, частично, в отдельных пунктах становится товаром. Лишь при капитализме совокупный продукт, как продукт, входящий в процесс производства, так и выходящий из него, становится това-

ром, товарное производство охватывает хозяйство во всей его широте и глубине, ибо лишь здесь важнейший продукт — сама рабочая сила — становится товаром.

В рукописи Маркс развивает изменение, которому подвергается капиталистически произведенный товар.

«Товар, как он выходит из капиталистического производства, определяется отлично от товара, как от него исходят в качестве элемента, предпосылки капиталистического производства». Капиталистический товар есть не только овеществление общественно необходимого труда, а «продукт капитала, частично оплаченного, частично неоплаченного труда». Во-вторых, не отдельный товар является продуктом капитала, а товарная масса, и отдельный товар составляет лишь составную часть этой массы.

«Как таковой носитель совокупной стоимости капитала плюс прибавочная стоимость в отличие от товара, который первоначально является перед нами самостоятельным как продукт капитала — в сущности как превращенная форма капитала, прошедшего свой процесс увеличения, — товар теперь обнаруживается в объеме, в размерах продажи, которые должны иметь место, чтобы реализовалась прежняя стоимость капитала и уже упомянутая произведенная им прибавочная стоимость, что ни в коем случае не может быть достигнуто тем, что отдельные товары или часть их будут продаваться по их стоимости».

В качестве носителей капитала, не только его потребительной стоимости, но и меновой стоимости «товары могут продаваться по цене, соответствующей их стоимости, и тем не менее быть проданными ниже их стоимости как продукт капитала и как составные части совокупного продукта, в котором теперь прежде всего существует увеличивший свою стоимость капитал».

Эти пункты представляют особый интерес, ибо они разоблачают клевету и непонимание социал-фашистской политической экономии, которая хотела бы создать противоречия между первым и двумя последующими томами «Капитала». В III томе «Капитала» Маркс отмечает, что если в отдельной отрасли производства затрачена большая часть совокупного труда, чем соответствует общественной потребности, то стоимость (а этим самым и цена) товаров в этой отрасли производства падает. Социал-демократы хотя в этом усмотреть отрешение от марксова учения о стоимости, переход к теории полезности, противоречие между III и I томом «Капитала». Содержание чернового текста вновь показывает смехотворность и беспочвенность этих нападок, непонимание этих критиков, не видящих общественного характера, создающего стоимость труда, схематично ограничивающих его соответствующей отдельной отраслью производства и стремящихся разорвать общественную взаимосвязь всех отраслей производства. Эти критики не видят или не понимают, что широчайшее развитие стоимости предполагает широчайшее развитие общественного характера производства в стихийных формах товарного производства. Именно содержание чернового текста I тома «Капитала» и показывает стихийный характер этого процесса, который вследствие этого неизбежно должен развивать свои внутренние противоречия, обнаруживая свой преходящий характер, доказывает неизбежность своего падения и построения нового, более высокого строя

СПИСОК ИМЕЮЩИХСЯ В РУКОПИСИ ССЫЛОК НА СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕСТА ЧЕРНОВОГО ТЕКСТА I ТОМА „КАПИТАЛА“

На стр. 458 рукописи:
ссылка на содержание главы I.
В 1-м изд. трактуется в гл. 2, ч. 2, стр.
117—129; в 4-м изд. — стр. 118—129.

На стр. 471 рукописи:
ссылка на содержание главы II.
В 1-м изд. трактуется в гл. 3, ч. 1, стр.
141—165; в 4-м изд. — стр. 139—161.

На стр. 455 рукописи:
ссылка на содержание главы II.
В 1-м изд. трактуется в гл. 3, ч. 3, стр.
178—197; в 4-м изд. — стр. 173—192.

На стр. 472 рукописи:
ссылка на содержание главы III.
В 1-м изд. трактуется в гл. 4, стр. 296—
496; в 4-м изд. — стр. 276—472.

Теперь вместе с тем разрешено представленное в гл. I затруднение. Если товары, составляющие продукт капитала, продаются по ценам, определяемым их стоимостью, стало быть если весь капиталистический класс продает товары по их стоимости, то каждый реализует прибавочную стоимость, т. е. он продает часть стоимости товаров, которая ему ничего не стоила, за которую он ничего не платил.

Общие моменты процесса труда, как они излагаются в гл. II, например разделение вещных условий труда на материал и средства труда в противопоставлении их к живой деятельности самих рабочих и т. д. — эти общие моменты суть определения, независимые от какого-либо исторического и специфически общественного характера процесса производства, определения, остающиеся одинаково правильными для всех всевозможных форм развития последнего, суть в действительности неизменные естественные условия человеческого труда.

В гл. II в этой первой книге мы видели, как различные части стоимости продукта капитала, — стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость, — с одной стороны, выражаются, повторяются в своих пропорциональных частях в каждом отдельном товаре как краткой части произведенной совокупной потребительной стоимости и как краткой части произведенной совокупной стоимости; как, с другой стороны, совокупный продукт может быть разделен на известные части, количества произведенной, потребительной стоимости, предмета, из которых одна часть представляет лишь стоимость постоянного капитала, другая — лишь стоимость переменного капитала, третья, наконец — лишь прибавочную стоимость.

В главе III было подробно показано, как с производством относительной прибавочной стоимости (стимулируемым для отдельного капиталиста, поскольку он берет инициативу, тем, что стоимость равна общественно необходимому рабочему времени, овеществленному в продукте, что следовательно для него создается прибавочная стоимость, как только индивидуальная стоимость его продукта оказывается ниже его общественной стоимости, и поэтому продукт может продаваться выше его индивидуальной стоимости) изменяется весь реальный облик способа производства и возникает специфически капиталистический способ производства (также и техно-

На стр. 472 рукописи:
ссылка на содержание главы III.
В I-м издании трактуется в гл. 4, стр.
296—496; в 4-м изд.—стр. 276—472.

На стр. 462 рукописи:
ссылка на содержание главы IV.
В 1-м изд. трактуется в гл. 5, ч. 4, стр.
520—550; в 4-м изд.—отд. 6, стр. 497—
527.

На стр. 467 рукописи:
ссылка на содержание гл. IV.
В I изд. трактуется в гл. 5, ч. 4, стр.
520—550; в 4-м изд.—отд. 6, стр. 497—527.

логически), лишь на базе которого и одновременно с развитием которого развиваются также соответствующие капиталистические процессы производства, производственные отношения между различными агентами производства и в особенности между капиталистом и наемным рабочим.

Было показано (гл. III), как общественное и т. д. в труде рабочего не только „в воображении“, но и в „действительности“ противостоит рабочему не только как нечто чуждое, но и как враждебное и противоположное, как овеществленное и олицетворенное в капитале.

С другой стороны, на другую часть авансированной суммы денег купил способность к труду рабочих, или, как показано в гл. IV, как это представляется, купил живой труд.

Первоначальное отношение, когда потенциальный капиталист покупает труд (согласно гл. IV мы можем сказать „труд“ вместо „способность к труду“) у рабочего для капитализации денежной стоимости.

Сравнительная таблица структуры первого тома „Капитала“ в черновом тексте и 1—4-м немецких изданиях

Рукопись А	1-е издание	2—4-е издания
Глава I	Глава 1: Товар и деньги Глава 2: Превращение денег в капитал Часть 1: Общая формула капитала Часть 2: Противоречия общей формулы	Отдел первый, глава 1—3 Отдел второй, глава 4 Часть 1 Часть 2
Глава II	Часть 3: Купля и продажа рабочей силы Глава 3: Производство абсолютной прибавочной стоимости	Часть 3 Отдел третий, главы 5—9
Глава III	Глава 4: Производство относительной прибавочной стоимости	Отдел четвертый, главы 10—13
Глава IV	Глава 5: Дальнейшие исследования о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости; часть 2—3 Часть 4	Отдел пятый: Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости; главы 14—16 Отдел шестой: Заработная плата, главы 17—20
Глава V	Глава 6: Процесс накопления капитала	Отдел седьмой: Процесс накопления капитала, главы 21—25
Глава VI	Части 1—3	

1 В данной рукописи нет ссылок на этот пункт, вследствие чего не удалось установить, в каком месте чернового текста тракуются эти вопросы.

А. РЕУЭЛЬ

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ В РОССИИ 90-х и 900-х ГОДОВ

(К экономическому учению „легального марксизма“)
Статья I-я. С. Булгаков

90-е годы представляют собой в России период промышленного расцвета, огромной концентрации и централизации капиталов, капиталистического расслоения и оскудения деревни, а также ускоренного процесса образования пролетариата. Процессы, происходившие в недрах народнохозяйственной жизни, естественно должны были отразиться и на рабочем движении, которое к 90-м годам сделало значительные успехи¹. С этого времени датируется также выступление социал-демократии как политической партии.

В 70-х годах идейная гегемония принадлежала революционному народничеству, которое на основании доктрины о самобытных путях русского исторического процесса, на основании своеобразного, «мифического», как писал Ленин, взгляда на общинный уклад крестьянского хозяйства надеялось двинуть в бой крестьянские массы против господствовавшего социально-политического режима и тем самым повернуть Россию на путь непосредственного осуществления социализма. Народничество же 90-х годов, в отличие от революционного народничества 60-х и 70-х годов, не стремилось к уничтожению капиталистической эксплуатации, не выступало под знаменем революционной борьбы за социализм,— оно выдвинуло программу и тактику либеральных реформ для смягчения отрицательных сторон капитализма, для «штопання дыр» его эксплуататорского режима. Народничество 90-х годов представляло собой, как писал Ленин, систему воззрений, для которой были характерными три черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом, 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности, 3) игнорирование связи интеллигенции и юридическо-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов². Народничество 90-х годов, в отличие от классического народничества 70-х годов, представляло собой своеобразную форму мещанского радикализма, которое апеллировало не к массам крестьянства как к активно революционной творческой силе, а к иным факторам русской общественной и политической действительности, как например земство, интеллигенция и даже разум и добрая воля правительства. Как писал Ленин, вместе с расколом деревни «раскололся и старый крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой,— выродившись в пошлый мещанский радикализм... Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о

¹ „Стачки бывали в России в 70-х и даже 60-х годах (и даже в первой половине XIX в.), сопровождаясь „стихийным“ разрушением машин и т. п. По сравнению с этими „бунтами“ стачки 90-х годов можно даже назвать „сознательными“, до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение“ (Ленин, т. IV, стр. 384). Ленин цитируется нами по 2-му изданию.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 321.

совершенно самобытных путях нашего развития вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из социалистической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества, выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»³.

Перед русской социал-демократией 90-х годов естественно встала задача вскрыть подлинную сущность выродившегося реакционного народничества, однако рядившегося в романтические одежды классического народничества 70-х годов, встала задача разоблачить мешанский радикализм этого общественно-политического течения и тем самым предотвратить его влияние на рабочий класс. С критикой народничества в 1883 г. выступил Плеханов, а в 1894 г.— Ленин. Хотя эта критика исходила из одного и того же марксистского лагеря, однако мы здесь встречаемся с существенными оттенками, которые отражали различное отношение Ленина и Плеханова к крестьянству. В 1892 г. Плеханов писал: «Пролетариат и «мужичок» — это настоящие антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль мужика. На мужичке целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии. Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал все основы западно-европейского общества». Иначе ставит вопрос Ленин. В противоположность Плеханову, который писал о реакционности крестьянства, который верил в возможность союза пролетариата с буржуазией против абсолютизма, Ленин уже в ранних своих работах указывает на необходимость союза пролетариата с крестьянством в борьбе против остатков крепостничества.

«Роль крестьянства,—писал Ленин,—как класса, поставяющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России еще нет... Русский социал-демократ... должен стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени поддержку крестьянства... поскольку это крестьянство способно на революционную битву против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности. Ведь мы, все социал-демократы, объявляем, что готовы поддержать и крупную буржуазию, поскольку она способна на революционную борьбу с указанными явлениями, так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом»⁴.

Таким образом уже для раннего Плеханова характерно непонимание двойственной природы крестьянства и переоценка революционности буржуазии. Различное отношение Ленина и Плеханова к крестьянству отразилось и на их критике народничества. Критика Плеханова носила более абстрактный характер. Он доказывал, что капитализм представляет собой реальный факт русской действительности,

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 165.

⁴ Ленин, Соч. т. II, стр. 519; разрядка Ленина.

что ближайшим «естественным» союзником революционеров является не реакционный крестьянин, а пролетариат и что победное шествие капитализма приводит к количественному росту пролетариата и развитию его классового самосознания. Плеханову, который давал логическую критику народничества, концепция народничества представлялась в корне несостоятельной. Иначе подходил к критике народничества Ленин.

Ленина интересуют не только теоретическое содержание народничества, но и экономические корни этого учения. В противоположность Плеханову, который считал народническую концепцию реакционной утопией, Ленин писал, что «отвергать всю народническую программу целиком... был бы абсолютно неправильно. Марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общие демократические пункты, но и провести их глубже и дальше». Если критика народничества у Плеханова характеризуется недиалектичностью, отсутствием классового анализа народнического мировоззрения, то Ленин вскрывает экономические корни этого учения, разоблачает его мнимый социалистический характер и в то же время подчеркивает его демократические черты.

У Ленина мы читаем: «...Крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»⁵.

Одновременно с Лениным и Плехановым против народничества выступала также целая плеяда литераторов (Булгаков, Струве, Туган-Барановский и др.), известных под названием «легальных марксистов».

Критике народничества была посвящена известная работа Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Основным лейтмотивом этой книги был призыв «на выучку капитализму». Струве с большой силой выпячивал прогрессивные тен-

⁵ Ленин, Соч., т. I.

Буржуазно-апологетический характер „Критических заметок“ Струве вырисовывается с наглядной рельефностью, если сравнить заключительные строки этого произведения с заключительными строками „Что такое друзья народа“ Ленина. Струве писал: „Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом: она выросла или вместе с ним или на его почве. Мы же, ослепленные каким-то непомерным национальным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу целых поколений, суровую борьбу общественных классов, экономических сил и интересов построениями нашей собственной „критической мысли“, которая открыла трогательное совпадение народнобытовых форм с своими собственными идеалами. И добро бы та почва, на которой мы собираемся соорудить без содействия исторических сил наше пышное здание, оправдывала такое тщеславие. Между тем на этой почве еще не простыл след крепостного права, которое конечно в свое время было не только злой выдумкой... Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“ (П. Струве, Критические заметки, С.-Петербург, 1894 г., стр. 288).

денции капитализма, его культурно-историческую миссию, развитие производительных сил, внутренние же противоречия этой общественно-экономической формации, — антагонизм между капитализмом и трудом, — Струве не были даже поставлены. Мы не говорим уже о наличии в этой книге явной ревизии целого ряда важнейших положений марксизма.

Различное отношение Ленина и Плеханова к мелкой и крупной буржуазии отразилось и на их принципиально отличных оценках «легального марксизма». В тот же 1894 г., когда вышли в свет «Критические заметки» Струве, они были подвергнуты Лениным сокрушительной критике сначала в реферате под названием «Отражение марксизма в буржуазной литературе», а затем в специальной работе, и это, несмотря на то, что «легальные марксисты» были тогда политическими союзниками социал-демократии. Ленин писал: «Русские революционные социал-демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т. е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901—1902 гг., еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры» (в эту редакцию входили Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов и я) заключила (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния внутри рабочего движения»⁶. Ленин указывал, что «союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный цензурой в 1895 г. марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с «легальными марксистами» можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором»⁷. Ленин первый и единственный из русских социал-демократов того времени разоблачил буржуазную фразу русских «легальных марксистов», «для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, а к буржуазному либерализму»⁸. Иначе относился к «легальному марксизму» Плеханов.

В 1895 г. Плеханов фактически берет под свою защиту «Критические заметки» Струве. Плеханов писал: «Г. Михайловский в своей статье поднял смешной шум по поводу слов г. Струве: «Нет, признаем нашу некультуру и пойдем на выучку к капитализму». Г. Михайловский хочет изобразить дело так, как будто бы эти слова означают «отдадим же производителя в жертву эксплуататору». Г. П. Струве легко было показать тщету усилий г. Михайловского, да ее, вероятно, и теперь видит всякий, внимательно прочитавший «Критические заметки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простаков и нескольких акробатов. Вперед — наука, скажем мы г. Струве, а господам акробатам напомним, что Белинский уже под конец своей жизни, когда он уже давно раскланялся с «Allgemeinheit», в одном из своих писем высказал ту мысль, что культурное будущее России обеспечит только буржуазия. У Белинского это была тоже очень неловкая угроза. Но чем была вызвана его неловкость?

⁶ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 212.

⁷ Ленин, Соч., т. IV, стр. 374.

⁸ Ленин, Соч., т. XII, стр. 57.

Благородным увлечением западника. Таким же увлечением причинена, уверены мы, и неловкость г. Струве. Шуметь по ее поводу позволительно только тому, кому нечего возражать например на экономические доводы этого писателя⁹. Интересно отметить указания самого Плеханова на своеобразие его «бельтовского» (псевдоним Плеханова) подхода к «легальному марксизму» в отличие от «тулинского» (псевдоним В. Ильича).

В «Критических заметках» Струве, по Плеханову, одновременно причудливо выступали, «обнявшись будто две сестры», теория Маркса и теория Brentano. «И это смешанное эклектическое содержание книги, — писал Плеханов, — в значительной степени оправдывало как упреки, сыпавшиеся на ее автора со стороны некоторых «ортодоксальных» марксистов, так и ожидания, возлагавшиеся на него другими, не менее «ортодоксальными» последователями Маркса: упрекавших раздражал брентанизм, а люди, возлагавшие ожидания на г. П. Струве, надеялись, что эта буржуазная теория будет мало-помалу побеждена в его взглядах присутствовавшим в них элементом марксизма. Пишущий эти строки принадлежал к числу ожидавших... Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях: марксизм уже теперь уступает во взглядах г. П. Струве свое место своему старому сопернику — брентанизму, а кроме того наш «критик» обнаружил совершенное непонимание самых коренных, самых важных положений исторического материализма. В этом последнем отношении он очень далеко ушел назад, что объясняется конечно влиянием того же брентанизма»¹⁰. Это писалось Плехановым в 1901 г. Как известно, свое отношение к Струве Плеханов пытался объяснить, сознательно извращая факты, приказом редакции «Искры» не обострять с ним отношений. Однако то обстоятельство, что позиция Плеханова по отношению к «легальному марксизму» была не случайна, что она вытекала не только из его политических установок, но и из его отношения к неокантианскому ревизионизму «легальных марксистов», нашло свое исключительно яркое отражение в недавно опубликованном варианте статьи Плеханова «Об экономическом факторе», написанной в 1897 или в 1899 г. В этом варианте мы читаем: «Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды авторов «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в такой же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии. Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-либо писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно. Са depend, как говорят французы. Но что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точки зрения, признавать справедливость

⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, Гиз, 1925 г., стр. 288.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, изд. 2-е, Гиз, стр. 154.

экономических и философско-исторических воззрений Маркса»¹¹. Отношение Плеханова к неокантианству в приведенной нами цитате по существу ничем не отличается от позиции Каутского, который в 1898 г. писал Плеханову, что историческая и экономическая точка зрения Маркса и Энгельса совместима с неокантианством. Таким образом, если Плеханов из тактических соображений допускал возможность сочетания марксизма с неокантианством, то Ленин, начиная со своих самых ранних литературных выступлений, боролся за цельность марксизма, отвергая всякие попытки, откуда бы они ни исходили, сочетания марксизма с той или иной философской теорией.

«Между «легальным марксизмом», «экономизмом» и «меньшевизмом», — писал Ленин, — не только идейная, но и прямая историческая преемственность». «Бросая общий взгляд, — читаем мы у Ленина, — на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют собою различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894 г.) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм» как особое направление социал-демократической работы в 1897 г. и следующих годах фактически осуществил программу буржуазно-либерального «кредо»: рабочим экономическая, либералам политическая борьба. «Меньшевизм» — не только литературное течение, не только направление социал-демократической работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 гг.) особую политику, на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму»¹².

Представители «легального марксизма» интересовались не только судьбами экономического развития России, но они поднимались и в «заоблачные» высоты социологических и теоретико-экономических проблем. Однако все части «легального марксизма» были пронизаны единой идеей — выполнить «социальный заказ» приспособления марксизма к интересам либеральной буржуазии. Полемика вокруг теории стоимости и общеметодологических проблем экономического учения Маркса, разыгравшаяся в России 90-х годов в связи с выходом в свет III т. «Капитала», наряду с полемикой вокруг проблемы рынка и кризисов со всей наглядностью раскрывают перед нами буржуазно-апологетическую природу экономических взглядов «легальных марксистов». Эта полемика имеет и самостоятельный интерес как важный этап в истории русской экономической мысли, связанный преемственными нитями с экономической дискуссией последних лет. Корни этой дискуссии, истоки извращения экономического учения Маркса в концепциях «механицизма» и «рубинизма» следует искать в оживленной полемике 90-х годов. В последней участвовала целая плеяда видных экономистов и публицистов: Булгаков, Струве, Засулич, Туган-Барановский, Маслов, Прокопович, Финн-Енотаевский, Нежданов и др., в 90-х годах подвизавшихся одни в роли «критиков» Маркса, другие как «защитники» марксовской ортодоксии. В наше время многие из них являются непримиримыми врагами Советского союза, участниками контрреволюционной, вредительской борьбы против страны строящегося социализма.

¹¹ Плеханов Об экономическом факторе, «Под знаменем марксизма» № 4 — 5, за 1931 г., стр. 15 — 16. ¹

¹² Ленин, Соч., т. XII.

Наш анализ мы начнем с Булгакова, выступавшего в 90-х годах под знаменем марксизма, однако в сущности даже в «марксистский» этап своей научной деятельности Булгаков интерпретировал Маркса на неокантианский лад. Булгаков свои взгляды развивал как в полемической форме, подвергая критике зомбартовскую интерпретацию теории стоимости, так и в форме позитивного изложения учения Маркса. Мы поэтому предварительно остановимся на статье Зомбарта «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx»¹³ критику которой дал Ф. Энгельс в своей посмертной работе «Закон стоимости и уровень прибыли», а в России С. Булгаков в статье «Что такое трудовая ценность»¹⁴, тем более, что концепция Зомбарта в нашей литературе почти не освещена. В указанной статье Зомбарта, который в этот период своей академической деятельности «кокотничал» с марксизмом, мы имеем явно идеалистическую, в стиле неокантианства, интерпретацию марксовых категорий стоимости, прибавочной стоимости и цен производства.

Стоимость, по Зомбарту, отнюдь не проявляется в меновых отношениях товаров, она не является формой мышления ни производителей, ни продавцов и покупателей товаров.

«Для изгнанной стоимости, — заключает Зомбарт, — остается еще одно убежище: это мышление экономиста-теоретика... У Маркса стоимость есть не эмпирический, а мыслительный факт... Понятие стоимости есть вспомогательное средство нашего мышления, средство, к которому мы прибегаем, чтобы понять явления экономической жизни, понятие стоимости есть логический факт. Представление стоимости дает нам возможность количественного определения товаров, являющихся как потребительные блага качественно различными»¹⁵. Но, с другой стороны, вынужден признать Зомбарт, что «закон стоимости» играет в системе Маркса роль «естественного закона» человеческой деятельности. Про «закон стоимости» мы у Зомбарта читаем: «Содержание закона стоимости или закона капиталистического строя будет таково: стоимость товаров есть специфическая историческая форма, через которую проходит, обуславливая ее, общественная производительная сила труда». Зомбарт ставит вопрос — нет ли непримиримого противоречия между утверждениями, что стоимость у Маркса является лишь «вспомогательным средством мышления» и что «закон стоимости» обуславливает в последней инстанции все экономическое существование человека? Зомбарт считает, что такого противоречия нет. «Понятие стоимости» — по Зомбарту — заключается в том, что мы рассматриваем товары как продукты труда в силу того обстоятельства, что материальная культура людей обусловлена количеством экономических благ, которое в свою очередь зависит от технического фактора развития производительности труда. «Когда я представляю себе товары, как воплощение безразличного и абстрактного труда, — пишет Зомбарт, — то этим я облакаю в объективную экономическую форму техническое понятие производительности или производительной силы и этим делаю это понятие пригодным для экономического мышления. Понятие стоимости в его материальной определенности является у Маркса не чем иным, как экономическим

¹³ Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik. Herausgegeben von Dr. Heinrich Braun. Siebenter Band. 1894.

¹⁴ Сб. правведения и общественных знаний, т. VI, С.-Петербург, 1896.

¹⁵ Archiv für Soziale Gesetzgebung... Siebenter Band 1894 S. 574.

выражением факта производительной силы общественного труда как основы экономического существования»¹⁶. Противоречие же между «понятием стоимости» и стоимостью как «естественным законом» разрешается Зомбартом таким образом, что «понятие стоимости» есть вспомогательное средство нашего мышления, но благодаря тому, что предметом стоимости является объективный факт — производительность труда, то «закон стоимости» в действительности становится «регулирующим принципом» экономической жизни.

Не говоря уже о том, что изложенный нами ход рассуждений Зомбарта не имеет ничего общего с действительным учением Маркса, для которого все категории являются объективными реальностями, внутренняя противоречивость его концепции очевидна. Путем жонглирования категориями — «понятие стоимости», «стоимость», «закон стоимости» — Зомбарт, с одной стороны, отводит стоимости лишь роль вспомогательного средства мышления, фикции, которой в реальной действительности ничто не соответствует, с другой стороны, он определяет стоимость как экономическое выражение технического факта производительности труда. Любопытно отметить, что эта внутренняя противоречивость рассуждений Зомбарта в свое время еще была отмечена одним из крупнейших представителей австрийской школы Бем-Баверком, ставшим духовным отцом всех последующих попыток опровергнуть марксову систему.

Бем-Баверк писал: «Или—или! Или идет о том, что стоимость Маркса соответствует фактам, но тогда при таком утверждении следует выдержать огонь на передовой боевой линии, не пытаясь искать защиты позади позиции от полной, строгой проверки фактов и заявляя, что будто бы речь идет вовсе не об эмпирическом факте, но лишь о конструировании «вспомогательного средства нашего мышления». Или же ищут прикрытия за этим защитным валом, отказываются от строгой проверки на фактах: но тогда пусть не предъявляют вновь окольным путем голословных, брошенных на ходу утверждений, притязаний на какой-либо вид эмпирического значения для марксовской стоимости, на которое она могла бы по справедливости претендовать только в том случае, если бы выдержала ту проверку на фактах, которую заранее отклонила. Когда говорят о выражении, «адекватном господствующему факту», то это означает не что иное, как то, что Маркс в основном прав и эмпирически»¹⁷. Бем-Баверк критикует Зомбарта с неправильных методологических позиций, однако внутренняя противоречивость концепции Зомбарта им правильно подмечена.

Но если взять «рациональную» сторону интерпретации Зомбарта, то и здесь мы встречаемся с существенными погрешностями. Зомбарт, с одной стороны, без всяких посредствующих звеньев устанавливает прямую связь между производительностью труда и стоимостью, не принимая во внимание того обстоятельства, что величина стоимости определяется общественно-необходимым трудом, который Марксом определяется как труд, необходимый при общественных отношениях данного времени, с другой стороны, он игнорирует такую важную часть учения Маркса о стоимости, как форма стоимости. Поэтому не прав ревизионист И. Рубин, когда он пишет: «В то-

¹⁶ Ibid., S. 576; разрядка Зомбарта.

¹⁷ Е. в. Бем-Баверк., Критика теории Маркса, перевод с немецкого А. Л. Реуэля под ред. В. И. Познякова, Огиз, „Московский рабочий“, стр. 120—121.

варном хозяйстве развитие производительных сил находит свое экономическое выражение в изменении общественно-необходимого труда и определяемой им рыночной стоимости отдельных товаров. Движение стоимости на рынке есть отражение процесса развития производительности труда. Яркую формулировку этой мысли дал Зомбарт в своей известной статье, посвященной гл. III «Капитала»... Зомбарт сделал однако ту ошибку, что в учении об общественно-необходимом труде усмотрел все содержание теории стоимости Маркса. Но учение об общественно-необходимом труде охватывает только количественную, а не качественную сторону стоимости... Зомбарт ограничился той стороной марксовой теории, которая исследует зависимость изменений величины стоимости от движения материального процесса производства, и не заметил наиболее оригинальной части марксовой теории, а именно учения о форме стоимости»¹⁸. Рубин прикрашивает точку зрения Зомбарта. Зомбарт вовсе не говорит о связи производительности труда с общественно-необходимым трудом, ибо он, минуя звено общественно-необходимого труда, устанавливает непосредственную связь между производительностью труда и стоимостью. Более того, во 2-м издании своих «Очерков по теории стоимости Маркса» Рубин фактически совершил ту же ошибку, что и Зомбарт, когда он писал: «Производительность труда — трудовая стоимость — распределение общественного труда, которая схема товарного хозяйства, в котором стоимость играет роль регулятора, устанавливающего — среди постоянных колебаний и нарушений — равновесие в распределении общественного труда между различными отраслями народного хозяйства. Закон стоимости есть закон равновесия товарного общества»¹⁹. Приведенная схема Рубина находится в теснейшей связи с его взглядами, которые он развивал во 2-м издании «Очерков по теории стоимости Маркса», о том, что содержание стоимости представляет собой трудовую затрату, лишенную всякой общественной формы и свойственную всем историческим эпохам, что «стоимость» у Маркса означает «содержание» стоимости, зависимость ее от процесса материального производства и развития производительности труда²⁰. Однако и в «исправленных» изданиях своих «Очерков...» Рубин фактически стоит на позиции Зомбарта, когда он пишет, что «движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда выражается в уменьшении количества конкретного труда, фактически затрачиваемого в среднем на производство»²¹. Как видно из приведенной цитаты, Рубин подобно Зомбарту рассматривает стоимость как адекватное выражение производительности труда, которую он рассматривает как технический факт. Ошибки Рубина находятся в теснейшей связи с его натуралистическим толкованием производительных сил, с его сведением производительных сил к технике. Мы не останавливаемся на анализе формулировки Рубина закона стоимости как закона равновесия, которая наглядно демонстрирует совпадение известных методологических принципов «рубинщины» и «механицизма», мы оставляем пока в стороне также утверждение Рубина, что форма стоимости является наиболее оригинальной частью учения Маркса о стоимости, — на этом вопросе мы остановимся в дальней-

¹⁸ И. И. Рубин, *Очерки по теории стоимости Маркса*, изд. 4-е, стр. 158.

¹⁹ *Ibid.*, изд. 2-е, стр. 53.

²⁰ *Ibid.*, с. 85.

²¹ *Ibid.*, изд. 4-е, стр. 61.

шем при рассмотрении интерпретации учения стоимости Маркса у Булгакова.

Вернемся к Зомбарту.

Переходя к анализу прибавочной стоимости, Зомбарт специфическое своеобразие капитализма видит в том, что определенное количество общественного труда, которое он определяет как валовой прибавочный труд, как прибавочную стоимость, присваивается капиталом. Эта сумма, по Зомбарту, является излишком по отношению к труду, необходимого для воспроизводства рабочей силы. Понятие же «необходимого труда» Зомбарт связывает с понятием производительного труда, под которым он понимает «труд, который общественно необходим для создания потребительных ценностей в количестве, соответствующем данным общественным потребностям». Это определение производственного труда, подчеркивает Зомбарт, обусловлено не только особым историческим характером капиталистического способа производства. Подобно тому как издержки производства не имеют ничего общего со стоимостью, точно так же, полагает Зомбарт, с формальной стороны прибыль не имеет ничего общего с прибавочной стоимостью.

Тем не менее, полагает Зомбарт, теория стоимости и прибавочной стоимости имеет не декоративный только характер. Она выполняет двойную службу: 1) она есть необходимый реквизит, чтобы сделать доступным нашему уму хозяйственные явления; 2) она регулирует и определяет факты хозяйственной жизни, через нее Маркс вводит закономерность в эту последнюю. Поэтому, полагает Зомбарт, в материальном смысле существует весьма значительная зависимость между ценами производства и стоимостями, прибылью и прибавочной стоимостью. Цены в последней инстанции регулируются общественно-необходимым рабочим временем; прибыли также регулируются отношением прибавочного времени к необходимому: совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Воспроизводить эту зависимость не входит в план статьи Зомбарта, ибо, как говорит он, для этого нужно повторять содержание «Капитала».

Отметим также любопытные замечания Зомбарта о методе Маркса. «...В своей экономической системе он (Маркс.— А. Р.),— пишет Зомбарт,— старается обнаружить общественные связи, которым подчиняются чисто хозяйственные явления и экономически вскрыть отношения зависимости»²². И дальше: «...У Маркса нигде не идет речь о мотивации, но везде об ограничении индивидуального произвола хозяйствующих субъектов»²³. По Зомбарту учение Маркса характеризуется крайним объективизмом. «...В системе Маркса,— пишет Зомбарт,— проходит течение, исходящее от Кенэ, протекающее дальше через Рикардо к Родбертусу: строго объективный метод исследования хозяйственной жизни, который, исходя из ведущего хозяйства общества, снова возвращается к нему (формально), который старается открыть общественные связи, обуславливающие (материально) в последней инстанции частные хозяйства и экономические явления»²⁴. Объективизму Маркса Зомбарт противопоставляет субъективизм австрийской школы, которая закономерность экономической действительности объясняет психологической мотивацией хозяйствующих субъектов.

²² Archiv für Soziale Gesetzgebung... Siebenter Band. 1894, стр. 591.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., S. 591—592.

Ошибочность концепции Зомбарта в целом была вскрыта Энгельсом в его посмертной статье «Закон стоимости и уровень прибыли», к анализу которой мы и перейдем. Пока лишь отметим, что интерпретация прибавочной стоимости и прибыли, нормы прибыли и нормы прибавочной стоимости у Зомбарта так же внутренне противоречивы, как и его трактовка стоимости. Путем искусственного в стиле неокантианства различения анализа в «материальном смысле» и в «формальном смысле» Зомбарт, с одной стороны, указывает, что прибавочная стоимость является формой мышления экономиста-исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений, научной гипотезой, фикцией, с другой стороны, что между прибылью и прибавочной стоимостью, а также между ценой производства и стоимостью «существует значительная зависимость». Перейдем к разбору статьи Энгельса.

Энгельс писал: «...По отношению к капиталистическому способу производства закон стоимости имеет несравненно большее и более определенное значение, чем простая гипотеза или фикция, хотя бы и необходимая»²⁵. Зомбарт, — писал Ф. Энгельс, — не обращает должного внимания на то обстоятельство, «что здесь дело идет не только о чисто логическом процессе, но об историческом процессе и его отражении в мысли, логическом исследовании и его внутренней законности»²⁶. Энгельс ссылается на известное место т. III «Капитала», где Маркс обосновывает свой взгляд на стоимость, как на исторический и теоретический *princ* по отношению к ценам производства. Энгельс пишет: «Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то несомненно, что он значительно подробнее развил бы это место. В своем теперешнем виде он дает лишь беглый намек на то, что надо бы сказать по данному вопросу; а потому я считаю нужным коснуться его несколько обстоятельнее». Далее Энгельс дает сжатый очерк эволюции обмена. На первых ступенях общественной жизни, указывает Энгельс, продукты труда потреблялись самими производителями, организованными в коммунистические общины. Превращение избытков этих продуктов в товары первоначально происходит лишь между представителями отдельных разноплеменных общин. Позднее обмен развивается и в пределах общин, содействуя их разложению на семейные группы. Но и после этого разложения хозяйство семейной группы носит натуральный характер, так как все необходимое для покрытия потребностей для своих членов она производит семейным трудом, — лишь незначительную часть необходимых предметов она приобретает путем обмена. «Для всего периода крестьянского натурального хозяйства, — писал Энгельс, — никакой другой обмен не был возможен кроме того, при котором обмениваемые количества товаров все более и более имеют тенденцию определяться количествами заключающегося в них труда. С того времени, когда в этот строй хозяйства проникают деньги, тенденция приведения меновых актов в соответствие с законом стоимости (Notabene — в формулировке Маркса!) проявляется еще отчетливее, но, с другой стороны, она начинает претерпевать нарушения вследствие развивающейся деятельно-

²⁵ Neue Zeit. 1. B. 1895—1896.

²⁶ Ibid., S. 10; разрядка паша.

сти ростовщического капитала и фискальной эксплуатации»²⁷. Следствием перехода к металлическим деньгам было то обстоятельство, что определение стоимости рабочим временем скрывалось под денежной оболочкой. «Исходя из этого определения стоимости рабочего времени, — заключает Энгельс, — постепенно развивается все товарное производство, а с ним и многообразные отношения, в которых проявляют свое влияние различные стороны закона стоимости в том виде, как это развито в первом отделе «Капитала»²⁸. И дальше: «...Закон стоимости Маркса имеет всеобщее действие — в тех пределах, в которых вообще проявляется влияние экономических законов,— для всего периода простого товарного производства. Закон Маркса имел в экономическом смысле всеобщее действие за время с начала развития обмена, превратившего продукты в товар, вплоть до пятнадцатого столетия»²⁹.

Далее Энгельс останавливается на исторических предпосылках процесса образования общей нормы прибыли, и в результате разбора исторических этапов, приведших к гегемонии промышленного капитала, приходит к выводу, что с ростом крупной фабричной промышленности, непрерывно революционизировавшей методы производства, уровни прибыли различных сфер приложения торгового и промышленного капитала сводятся к одному общему уровню прибыли и тем самым стоимости превращаются в цены производства.

Изложенные нами рассуждения Энгельса о логическом методе исследования у Маркса имеют крупнейшее методологическое значение, а конкретный исторический материал, на котором мы естественно лишь бегло могли остановиться, является ценнейшим комментарием и дополнением к соответствующим главам т. III «Капитала». Приведенные нами выше цитаты об историческом и логическом в несколько иной форме повторяют круг идей, развитый Энгельсом в его знаменитой рецензии на «Zug Kritik». В этой рецензии Энгельс, предварительно указав, что специфические условия исторического развития Германии помешали созданию самостоятельной буржуазной политической экономии и что только с выступлением на историческую сцену немецкой пролетарской партии была создана также и научная самостоятельно-немецкая политическая экономия, переходит к анализу метода. Эпоха, когда создавалась «Zug Kritik» характеризовалась наличием двух методов, с одной стороны, рационалистически-метафизического метода, которому следовала буржуазная наука, о которой Энгельс писал, что «неуклюжая кляча обыденного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления. причину от следствия»³⁰, а с другой стороны — наличием гегелевской диалектики. Однако, отмечает Энгельс, «гегелевский метод в его конкретной форме был абсолютно непригоден. Он был по преимуществу идеалистическим, а тут речь шла о развитии миросозерцания, которое должно было быть более материалистическим, чем все предыдущие. В то время как первый исходил из чистого мышления, здесь надо было исходить из упрямых фактов. Метод, который по собственному признанию Гегеля, — «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этой форме здесь абсолютно не уместен. Тем не менее

²⁷ Ibid.,

²⁸ Ibid., S. 38.

²⁹ Ibid., S. 37—38.

³⁰ К. Маркс, К критике... Партидат, 1932.

из всего имеющегося в наличии логического материала это было единственное, что могло бы по крайней мере служить исходной точкой»³¹. Энгельс отмечает дальше, что преимущество способа мышления Гегеля по сравнению с другими философами кроется в «огромном историческом чутье», что Гегель «первый пытался доказать внутреннюю связь в развитии исторического процесса», что «в его феноменологии, в эстетике, в истории, в философии... везде вопросы рассматриваются исторически, в определенной хотя и абстрактно извращенной связи с исторической действительностью»³². Перед Марксом стояла задача выработать материалистическую диалектику, освобожденную от гегелевской диалектической оболочки. «Маркс,—пишет Энгельс,— был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей. Выработку метода, лежащего в основе марксовой критики, политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение»³³. Мы потому привели несколько цитат из рецензии Энгельса, посвященных вопросу о связи диалектического метода Маркса с диалектическим методом Гегеля, чтобы подчеркнуть их качественное отличие, их прямую противоположность.

Как известно, меньшевистствующие идеалисты не только не поняли исторического значения Ленина в развитии марксистской теории, они не только не поняли, что «вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но и сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата»³⁴, но они недооценивали также и Маркса. Так например, по Гоникману, «мы имеем гениальную систему гегелевской диалектики и разбросанные «намёки» на теорию материалистической диалектики у наших классиков»³⁵. И дальше: «Гегелевская система диалектики — идеалистична, она должна быть переведена на материалистический язык. Но подобный перевод может быть в лучшем случае или идеалистическим комментарием или изложением диалектики гегелевских времен»³⁶. Таким образом, по Гоникману, Маркс и Энгельс отнюдь не являются творцами материалистической диалектики, которая представляет собой прямую противоположность идеалистической диалектики Гегеля, но они лишь излагали диалектику «гегелевских времен», в лучшем случае делали к Гегелю материалистический комментарий. В статье «Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса» Карев указывает, что логическим завершением философского развития Маркса и Энгельса была теория коммунизма. «Тем,—пишет Карев,— что составляло движущую силу всего этого развития — от Гегеля к коммунизму Маркса и Энгельса — был диалектический метод. Он сохранился в этом развитии, все более усиливаясь в своем значении по пути к революционной практике». Говоря о взглядах Маркса и Энгельса на проблему философии в зрелом пери-

³¹ Ibid., стр. 10.

³² Ibid.,

³³ Ibid., §. 11—12.

³⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма.

³⁵ С. Гоникман, Предмет диалектики, «Проблемы марксизма» № 2.

³⁶ Ibid.,

оде их жизни, Карев пишет: «Итак, смысл всего изложенного движения в становлении марксизма заключается в переходе от идеалистической системы благодаря методу к революционной практике»⁸⁷. Таким образом, по Кареву, между методом Маркса и Гегеля нет принципиального различия. Для меньшевистствующего идеализма характерен взгляд, что диалектический материализм представляет собой синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории.

Интересно отметить, что социал-фашист Рубин подобно меньшевистствующим идеалистам также отождествляет метод Маркса с методом Гегеля. Так например, по Рубину, свою трактовку содержания и формы Маркс заимствовал у Гегеля. Рубин пишет: «В вопросе о соотношении между содержанием и формой Маркс стоял на точке зрения Гегеля, а не Канта. Кант рассматривает форму как нечто внешнее по отношению к содержанию и извне присоединяющееся к нему. С точки же зрения гегелевской философии содержание не представляет собою чего-то такого, к чему форма извне прилагается, а само содержание, развиваясь, рождает эту форму, которая заключалась в том же содержании в скрытом виде. Формы вытекают с необходимостью из содержания. Таково основное положение гегелевской и марксовой методологии — положение, противоположное кантовской методологии»⁸⁸. И в другом месте: «Маркс, как и Гегель, считал форму неразрывно связанной с содержанием: само содержание, развиваясь, создает данную форму». Итак, по Рубину, Маркс в своем учении о содержании и форме лишь просто «встал» на точку зрения Гегеля. Рубину неизвестно, что подобно всем другим категориям гегелевской логики Маркс и категории содержания и формы подверг материалистической переработке.

После выбора метода, писал Энгельс в цитированной нами рецензии на «Zur Kritik», критика политической экономии могла быть построена или исторически или логически. Однако исторический метод оказался непригодным, ибо историческое развитие часто идет зигзагами и скачками, и поэтому если его применение и способствовало бы в лучшем случае большей популярности изложения, оно было бы связано с привлечением огромного и малоценного материала, что удлинит работу до бесконечности.

«Логический метод исследования, — заключает Энгельс, — являлся поэтому единственно подходящим. Последний однако есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и нарушающий стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начаться с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение, в абстрактной и теоретически последовательной форме, исторического процесса, исправленное отражение, но исправленное соответственно з а к о н а м, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме»⁸⁹. Как в своей статье против Зомбарта, так и в рецензии на „Zur Kritik“ Энгельс развивает одну и ту же мысль, что диалектика категорий «Капитала» является не только отображением различных ступеней абстракции капитализма, но и

⁸⁷ Н. Карев, За материалистическую диалектику, „Московский рабочий“, 1929 г., стр. 24.

⁸⁸ И. И. Рубин, Очерки, изд. 4-ое, стр. 103.

⁸⁹ К. Маркс. К критике...

исторического процесса его возникновения, роста и гибели, хотя порядок логических категорий отнюдь не совпадает целиком с их исторической последовательностью. В применении к стоимости и к ценам производства это означает, что стоимость является не только логическим, но и историческим *principium* по отношению к ценам производства. Соотношение исторического и логического зачастую разрешается двумя противоположными, но одинаково неправильными путями: либо история растворяется в логике, когда история рассматривается как логический процесс, когда исторический процесс представляется как результат логического развития категорий, либо логика растворяется в истории, когда например своеобразие логических категорий сводится к конкретному процессу их исторического развития, а порядок категорий сводится к конкретной исторической их последовательности. Попытки первого рода мы встречаем у Гегеля и Прудона, которые были Марксом подвергнуты критике в «Критике философии права» Гегеля и «Нищете философии». У Гегеля, который в различиях в действительности стремился найти «логическую идею», развитие семьи и гражданского общества обуславливались развитием идеи. Про философию права Гегеля Маркс писал: «Он развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу завершившего, именно в абстрактной сфере логики завершившего свой круг мышления. Задача тут не в том, чтобы развить конкретную идею политического устройства, а в том, чтобы политическое устройство поставить в отношении к абстрактной идее, сделать первое моментом развития идеи, что представляет собой явную мистификацию»⁴⁰. Или, как Маркс писал в «Нищете философии», что Гегель «воображает, что строит мир посредством движения мысли, между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает согласно своему абсолютному методу те мысли, которые находятся в голове у всех и у каждого»⁴¹. Подобное растворение исторического в логическом, вскрытое Марксом в «Нищете философии», присуще также Прудону. Про мистическую сущность применяемого Прудон метода, который в действительных экономических отношениях видел лишь воплощение принципов и категорий, Маркс писал: «Приложите этот метод к категориям политической экономии — и вы получите логику и метафизику политической экономии, или, другими словами, вы переведете всем известные экономические категории на мало известный язык, благодаря которому они получают такой вид, как будто бы только что родились в голове, полной чистого разума: до такой степени эти категории кажутся порождающими одни другие, связанными и переплетенными одни с другими под влиянием одного только диалектического движения»⁴². Другой попыткой разрешения вопроса о соотношении логического и исторического является растворение логики в истории, как например в исторической школе политической экономии, которая историческое исследование экономической действительности противопоставляла абстрактно-дедуктивному методу классиков.

Если с точки зрения вопроса о соотношении логического и исторического подойдем к концепции Зомбарта, то совершенно очевидно, что Зомбарт весьма близок к Гегелю и Прудону, которые растворяют историческое в логическом. Зомбарт разрывает логическое и истори-

⁴⁰ „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“, кн. III, стр. 151.

⁴¹ К. Маркс. Нищета философии.

⁴² Ibid.,

ческое, ибо он рассматривает стоимость как субъективистическую категорию, она, по Зомбарту, отнюдь не является ни реальным фактом простого товарного производства, историческое существование которого он отрицает, ни реальным фактом капиталистического способа производства.

В русской экономической литературе 90-х годов концепция Зомбарта была подвергнута обстоятельному разбору в статье С. Булгакова «Что такое трудовая ценность»⁴³. Эта статья, в которой Булгаков, защищая Маркса от нападок Зомбарта, пытается «примирить» I и III томы «Капитала», была вторым этапом его «многолетнего логического романа» с трудовой теорией стоимости. Отражением первого этапа эволюции взглядов Булгакова на учение стоимости Маркса является статья «Третий том «Капитала» Маркса». Остановимся на ее основных моментах.

Основной вопрос, который ставит Булгаков в своей статье,— это вопрос: «Насколько новая книга Маркса устраняет затруднения в приложении трудовой теории ценности, которые не устранены в первых двух томах «Капитала», насколько следовательно она завершает систему политической экономии, построенную на трудовой теории ценности»⁴⁴. Булгаков полагает, что учение Маркса о средней норме прибыли и ценах производства находится в резком противоречии с выводами анализа стоимости в I томе «Капитала».

Булгаков полагает, что Маркс рассматривает стоимость или, как он пишет, меновой закон лишь как категорию, присущую добуржвазному способу производства, при капиталистическом способе производства, который является новым *par excellence*, стоимость представляет собой лишь методологическую условность. Но эта идея, продолжает Булгаков, не новая: представителем ее является Рикардо. Различие между Рикардо и Марксом заключается в том, что если труд и является основой стоимости у Рикардо, то этот принцип представляет у него целый ряд ограничений, в то время как у Маркса хотя отдельные товары обмениваются и не по трудовой стоимости, но для всего народного хозяйства стоимость определяется исключительно трудом. Однако по Булгакову — и последнее положение Маркса далеко не оригинально и не ново — оно имеется у Родбертуса. «Хотя по Родбертусу меновая ценность определяется затратами труда на производство товара (*Kostenarbeit*), но он далек от утверждения, чтобы меновая ценность товаров в точности соответствовала *Kostenarbeit*: по его мнению трудовая ценность не факт, а лишь идея»⁴⁵.

Более того, Булгаков указывает на целый ряд преимуществ учения Родбертуса по сравнению с Марксом. Он например считает, что Родбертус в своем учении стоимости избежал целый ряд трудностей, имеющих у Маркса, так как он рассматривает народное хозяйство, как будто оно состоит из одного рабочего, одного капиталиста и одного землевладельца.

Переходя к анализу учения Маркса о средней прибыли, Булгаков пишет: «... Если не доказано, что в каждом отдельном случае прибыль состоит из прибавочной стоимости, то странно определять среднюю норму прибыли делением всей прибавочной стоимости на весь капитал страны. Это — уже полная *restitutio in integrum*, а в этом — ду-

⁴³ „Сборник правоведения и общественных знаний“, т. VI, С.-Петербург, 1896 г.

⁴⁴ „Русская мысль“, 1895 г., кн. III, стр. 2.

⁴⁵ *Ibid.*, стр. 9—10.

ховный центр теории. Вообще во всей теории упущено, на наш взгляд, то, что учение о прибавочной стоимости именно и требует доказать на факте равенства нормы прибыли; между тем здесь эта теория принимается уже доказанной, и из нее дедуктивно выводится учение о средней норме прибыли. Незвестное определяется через неизвестное, образуется *cercle vicieux*»⁴⁶

«Мы чувствуем такое уважение к научному авторитету К. Маркса,— пишет в примечании Булгаков,— что не решаемся отнести этих недостатков прямо к его теории и предпочитаем объяснить их несовершенной редакцией: не нужно забывать, что имеем дело с черновиками, относящимися притом к 1863—1865 гг».

По Булгакову, Маркс 1) не показал механизма распределения общественной прибавочной стоимости и образования средней нормы прибыли: 2) по Булгакову, Марксом уже до исследования принято, что прибавочная стоимость есть единственный источник прибыли, а потому равномерность ее распределения преследуется конкуренцией, тем самым ею преследуется равенство нормы прибыли; 3) теория эта предполагает, что все обмены совершаются в замкнутом кругу капиталистических производителей, что, по Булгакову, противоречит действительности.

«Вообще мы думаем,— пишет Булгаков,— что ограничение грудовой теории стоимости в самой ее основе — для обмена отдельных товаров — есть наклонная плоскость, став на которую единственно последовательный вывод — теория Рикардо»⁴⁷.

Отметим также взгляд Булгакова на категорию абсолютной ренты у Маркса. «Нам кажется, что категорию абсолютной ренты как результат частью рыночных конъюнктур, частью причин неэкономического характера, нет надобности вводить в политическую экономию. При проявлении в жизни экономических законов действует всегда целый ряд осложняющих причин, и особенно это верно относительно цены предметов, на которые существует естественная или искусственная монополия, в частности цены земли»⁴⁸.

Таково содержание статьи Булгакова, посвященной т. III «Капитала». В этой статье Булгаков выступает в роли ординарного «критика» Маркса, ничем не отличающегося от его собратьев на Западе. Те же аргументы, то же обвинение Маркса в неоригинальности его теоретических построений.

Любопытен тезис Булгакова, что в области экономической теории Родбертус выше и оригинальнее Маркса. Как известно, сам Родбертус писал, что его обворовали Шефле и Маркс, что источник прибавочной стоимости вскрыт был им по существу так же, как у Маркса, только короче и ясней. Эта версия была у Родбертуса перехвачена целым рядом буржуазных экономистов и публицистов, которые рассматривали Родбертуса как «Рикардо экономического социализма» (А. Вагнер), которым значительнее был милее монархический, прусский «социалист» Родбертус, «этот коммунист для будущего, которое последует через 500 лет, и сторонник твердой нормы эксплуатации в 200% для настоящего» (Р. Люксембург), чем «бунтарь», «разрушитель» европейской цивилизации, творец критического и революционного учения, Карл Маркс, для которого «дело идет о том, чтобы ре-

⁴⁶ „Русская мысль“, 1895 г., кн. III, стр. 12.

⁴⁷ Ibid., стр. 13.

⁴⁸ Ibid., стр. 20.

волюционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застаёт их, и изменить их»⁴⁰, который полагал, что «коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность», а «реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁵⁰. У Маркса, Энгельса и Ленина мы встречаем ряд страниц, посвященных Родбертусу, где вскрываются ошибочные построения этого «социалиста».

В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс в сжатой форме показал преимущества Маркса по сравнению с Родбертусом в трактовке целого ряда проблем политической экономии (теория стоимости, денег, прибавочной стоимости, кризисов, ренты, заработной платы, цены производства)⁵¹. Таким образом, Булгаков, не мудрствуя лукаво, списал свою концепцию о превосходстве Родбертуса над Марксом у своих западных коллег, членов единого масонского братства по борьбе с революционным марксизмом. Но интереснее всего то, что и в наши дни, даже в СССР, целый ряд экономистов старой буржуазной школы, а также социал-фашистского лагеря дает апологетическую оценку Родбертусу. Отметим высказывания Рубина об экономическом учении Родбертуса. Как теоретика стоимости Рубин ставит Родбертуса в один ряд с корифеями классической школы Смита и Рикардо, а также с Марксом. «У Петти и его последователей,— пишет Рубин,— теория трудовой стоимости страдала еще множеством вопиющих противоречий и оттеснялась на задний план то теорией спроса и предложения (у Локка), то теорией издержек производства (у Стюарта). Дальнейшим своим прогрессом теория трудовой стоимости была обязана классической школе и научному социализму. Преемниками Петти явились Смит, Рикардо, Родбертус и Маркс»⁵². Говоря о дуализме, которым было проникнуто учение Смита о соотношении между стоимостью продукта и доходами участников производства, Рубин указывает, что ценные элементы теоретических построений Смита получили «дальнейшее развитие у Рикардо, Родбертуса и Маркса, побочные же ответвления его мысли были использованы так называемыми «вульгарными» экономистами»⁵³. «Экономическая теория Родбертуса — Ягцева,— пишет Рубин,— является развитием учения Рикардо. Родбертус—Ягцев—последовательный сторонник трудовой теории стоимости»⁵⁴. Таким образом, Рубин рассматривал Родбертуса наряду с Марксом как представителя научного социализма; по Рубину, Родбертус и Маркс на «равноправных началах» дальше развили великое наследство классиков в трактовке теории стоимости. Это пишется об экономисте, о котором Энгельс писал, что быть «социалистом» а ля Родбертус это означает, «что не надо иметь понятия об иных пролетариях, кроме фактически еще и теперь полукрепостных поденщиков дворянских поместий в Померании, где процветают еще кнут и палка и все красивые женщины деревни составляют принадлежность барского гарема»⁵⁵. Это пишется об экономисте, чья бессодержательная трактовка теории стоимости, обычная

⁴⁰ „Архив...“ кн. I, изд. 3-е, Гиз, 1930 г., стр. 217.

⁵⁰ Ibid., стр. 223

⁵¹ Ф. Энгельс, Предисловие к „Ницете философии“, 1930 г., стр. 19.

⁵² И. И. Рубин, История экономической мысли, изд. 3-е, Гиз, 1929 г., стр. 69.

⁵³ Ibid., стр. 185.

⁵⁴ И. Рубин, Родбертус—Ягцев, „Малая советская энциклопедия“, т. VII, Москва, 1930 г., стр. 370.

⁵⁵ Ф. Энгельс, Предисловие к „Ницете философии“, 1930 г., стр. 19.

для буржуазной теоретической экономии, была вскрыта Энгельсом. Энгельс писал: «...Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, как о й труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода,— пункт, которого до конца дней не понимал Родбертус»⁵⁶. Рубин ставит также в один ряд учения Маркса и Родбертуса о прибавочной стоимости. Рубин пишет: «Смит и Рикардо... близко подходили к пониманию прибыли... как части стоимости, созданной трудом рабочих. Они поэтому могут считаться «родоначальниками теории прибавочной стоимости» (или так называемой «теории эксплуатации»), которую в позднейшее время с большою последовательностью развили Родбертус и Маркс»⁵⁷. «Наибольший интерес,— пишет Рубин в заметке о Родбертуса,— представляет его теория прибавочной стоимости, называемая им «работой, которая весьма близко подходит к теории Маркса»⁵⁸. Это пишется об экономисте, о котором Энгельс писал, что с разделением капитала на постоянный и переменный, благодаря которому Маркс «до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости...», решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты»⁵⁹. Энгельс даже указывает, что «Родбертус в своей прибавочной стоимости или, лучше сказать, в своей ренте только вновь открыл общее место»⁶⁰. О теории ренты Родбертуса Рубин пишет, что «разработка теории абсолютной ренты принадлежит Родбертусу и Марксу»⁶¹. Здесь Рубин далеко не «оригинален», его опередил в апологетизме учения Родбертуса К. Каутский. В предисловии в «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса (т. II, ч 1) Каутский писал, что «в истории теории она (абсолютная земельная рента.— А. Р.) необходимым образом развивается при посредстве критики Родбертуса, который впервые перед Марксом выставил цельную теорию абсолютной ренты»⁶². Противоположна точка зрения Энгельса и Ленича. В предисловии ко II т. «Капитала» Энгельс писал, что «его (Родбертуса.— А. Р.) теория ренты осталась его исключительным достоянием и может безмятежно почитать, пока не появится в печати рукопись Маркса»⁶³. У Ленина мы читаем: «Сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте есть круглое невежество. Теория Родбертуса основана на предположении, что ошибочный расчет померанского помещика... обязателен и для капиталиста-фермера. В теории Родбертуса нет ни грани историзма, ни грани исторической реальности»⁶⁴... В заключение отметим, что, по Рубину, Родбертус «построил также оригинальную теорию кризисов»⁶⁵. О теории кризисов Родбертуса Энгельс писал, что «его (Родбертуса.—

⁵⁶ Ф. Энгельс, Предисловие к т. II „Капитала“, 1929 г., стр. 17—18.

⁵⁷ И. Рубин, История экономических учений, изд. 3-е, Гиз, 1929 г., стр. 298.

⁵⁸ И. Рубин, Родбертус — Ягенцов, „Малая советская энциклопедия“, т. VII, Москва, 1930 г., стр. 370.

⁵⁹ Ф. Энгельс, Предисловие к т. II „Капитала“, Гиз, 1929 г., стр. 989.

⁶⁰ Интересно отметить, что в своей работе „Экономическая теория Карла Родбертуса—Ягцова“ Плеханов писал, что „изложенная выше часть теории Родбертуса содержится в себе вполне выработанное учение о „прибавочной стоимости“, этом фокусе всех „проклятых вопросов“ XIX в. (Г. В. Плеханов, Соч., изд. 3-е, стр. 283).

⁶¹ И. И. Рубин, История экономических учений, Гиз, 1929 г., стр. 258.

⁶² К. Каутский, Предисловие к „Маркс, теории...“, т. II, ч. I, Петроград, 1924 г., стр. 6.

⁶³ Ф. Энгельс, Предисловие к т. II „Капитала“, Гиз, 1929 г., стр. 10.

⁶⁴ Ленин, Соч., т. XI, изд. 2-е, стр. 398.

⁶⁵ И. Рубин, Родбертус — Ягенцов, „Малая советская энциклопедия“, Москва 1930 г., стр. 371.

А. Р.) объяснение торговых кризисов недостаточным потреблением рабочего класса имеется уже у Сисмонди... Только Сисмонди при этом постоянно имел в виду мировой рынок, между тем как горизонт Родбертуса не простирается дальше прусской границы»⁶⁶. У Ленина мы читаем, что «теория кризисов Сисмонди (перенятая также Родбертусом) известна в экономической науке как образчик теорий, выводящих кризисы из недостаточного потребления (Unterkonsumption)⁶⁷ Таким образом, Рубин в своей трактовке соотношения экономических взглядов Маркса и Родбертуса продолжает «славные» традиции западноевропейской буржуазной экономической мысли, еще в 90-х годах перенесенные и культивировавшиеся на русской почве «легальным марксистом» Сергеем Булгаковым.

Перейдем к анализу второго этапа эволюции взглядов Булгакова, к разбору его статьи «Что такое трудовая ценность»⁶⁸ где зомбартовская интерпретация теории стоимости Маркса была подвергнута обстоятельному разбору. Булгаков ставит своей целью доказать, «что с точки зрения Маркса немыслимо иное понимание менового закона как правила обмена и следовательно построение Зомбарта ошибочно в самом корне»⁶⁹. По Булгакову, тезис Зомбарта, что понятие стоимости представляет собой логическую категорию, обусловленную потребностью нашего ума сделать количественно соизмеримыми качественно различающиеся предметы, отнюдь не характерен для эпохи товарного производства, ибо логический прием соизмерения составляет такую же категорию, как категории времени, пространства и другие свойства чистого разума в системе Канта»⁷⁰ В зомбартовском понимании, продолжает Булгаков, стоимость выступает как пустая форма, которая может быть наполнена каким-угодно содержанием, ибо продукты человеческого труда могут быть сделаны соизмеримыми по любому общему их признаку. Признак стоимости как логической мыслительной категории должен быть, резюмирует Булгаков, «отвергнут a priori: 1) он является субъективным там, где требуется объективная характеристика; 2) он является вечным там, где требуется охарактеризовать определенную историческую эпоху; 3) он несколько не выделяет характеризуемого понятия из ряда других, не имеющих с ним ничего общего; поэтому он должен быть устранен»⁷¹ Переходя к анализу второго объективного признака стоимости у Зомбарта как экономического выражения технического факта производительности труда, Булгаков считает, что это определение не приближает нас к пониманию особенностей товарного производства как исторической эпохи. Булгаков считает основным пороком концепции Зомбарта исключительное внимание к анализу того, что Маркс называл субстанцией стоимости, и игнорирование основы экономической системы Маркса,— формы стоимости. В форме стоимости, полагает Булгаков, лежит вся особенность эпохи товарного производства, и она должна быть объектом специального анализа. Порок всех рассуждений Зомбарта заключается, по Булгакову, в том, что Зомбарт «не только не выделил, но совершенно игнорировал форму стоимости

⁶⁶ Ф. Энгельс, Предисловие к II тому, „Капитала“, Гиз, 1929 г., стр. 18—19.

⁶⁷ Ленин, Соч., т. II, стр. 22.

⁶⁸ „Сборник правоведения и общественных знаний“, т. VI, С.-Петербург 1896 г.

⁶⁹ „Сборник правоведения и общественных знаний“, т. VI, С.-Петербург 1896 г., стр. 228.

⁷⁰ Ibid., стр. 236.

⁷¹ Ibid., стр. 237.

и тем уничтожил духовную сущность рассматриваемой системы. Ибо в центре этой системы лежит понятие исторической эволюции, исторической преемственности общественных форм; не надысторическое понятие производительности труда, как думает Зомбарт, а те переходящие общественные формы, в которых выражаются эти вечные надысторические факты... Если же совсем игнорировать эту форму, это значит упустить из виду всю историческую особенность капиталистического производства. Зомбарт именно это и делает: он останавливает свой анализ как раз там, где начинается исторический элемент и кончается надысторический. Для определения ценности он берет все, что в этом определении было вечного, и отбрасывает то, что было исторического. Неудивительно поэтому, что в центре экономической системы у него оказывается понятие производительности труда. По нашему мнению, если понятие эволюции составляет центр историко-философской системы Маркса, то в центре его экономической системы лежит понятие формы ценности, формы товара»⁷².

Правда, заявляет Булгаков, в определение стоимости Зомбарт вводит признак, по которому стоимость трактуется как специфически историческая форма производительности труда: однако этот признак: 1) появляется неожиданно, ему нет места в рассуждениях, где речь шла о надысторических элементах стоимости; 2) Зомбарт не показывает, в чем заключается особенность этой исторической формы, ибо он отрицает роль труда при товарном производстве как определителя меновых пропорций. Однако Булгаков считает, что по вопросу о величине стоимости в тт. I и III «Капитала» налицо несомненное противоречие. Если в т. I «Капитала» стоимость товара определяется общественно-необходимым трудом, то в т. III налицо модификация этого определения благодаря влиянию капитала. «Маркс предлагает,— пишет Булгаков.— считать учение т. I не более, как чем-то вроде логического приема. Следовательно, с этой точки зрения тт. I и III представляют два последовательных момента развития теории ценности; первый рассматривает ценность с точки зрения простого товарного обращения: капитал еще отсутствует на этой стадии исследования; в т. III эта простая точка зрения осложнена благодаря принятию в расчет влияния капитала. Лишь при таком воззрении на оба эти тома устраняется противоречие по существу, т. е. не только релакционного свойства. Вся «загадочность» равенства прибыли объясняется тогда не неправильным пониманием ценности, как думает Зомбарт, а просто тем, что благодаря отсутствию соответствующих указаний в т. I «Капитала» учение о ценности, изложенное в этом томе, считалось исчерпывающим»⁷³.

Изложенные нами рассуждения Сергея Булгакова строго выдержаны в стиле Канта. По Булгакову, формы нашего сознания существуют до опыта, они априорны, и от их деятельности, от их активности зависит наше знание. По Булгакову, «логический прием» соизмерения товаров такая же априорная форма логического познания, такое же свойство чистого разума в системе Канта, как и категории времени и пространства. Стоит ли говорить о том, что «философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства... нелепа, внутренне гнила и фальшива» (Л е н и н).

⁷² Ibid., стр. 238—239.

⁷³ Ibid., стр. 241.

Оценивая философию Канта, Ленин писал, что «основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетанием в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм — при известных условиях — и материализма. Признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма»⁷⁴. Булгаков грубо отрывает форму от содержания, объявляя форму стоимости категорией исторической, содержание же стоимости — категорией внеисторической. Булгаков в духе Канта рассматривает форму как нечто внешнее по отношению к содержанию, форма представляется ему внешней оболочкой, которая накладывается на содержание. По вопросу о форме и содержании материалистическая диалектика исходит из неразрывного единства взаимопроникающих друг друга противоположностей. Булгакову непонятно, что содержание или субстанция стоимости имеет чисто общественный и исторический характер и что содержание и форма стоимости являются неразрывными моментами единства — стоимости. Булгаков считает центром учения Маркса о стоимости — форму стоимости, не понимая того, что хотя форма стоимости и является существенной частью марксовской концепции, то все же основой ее является содержание стоимости, как это вытекает как из самого духа марксовского учения, так и из прямых высказываний Маркса и Энгельса. Но любопытнее всего то, что среди «абстрактных» рассуждений Булгакова мы встречаем несколько отрывочных замечаний, которые бросают яркий свет на политический эквивалент теоретических рассуждений Булгакова. Оказывается, что понятие исторической эволюции, исторической преемственности общественных форм — вот центральная идея марксовского учения. Здесь мы имеем пошлое понимание исторического процесса, обычное для буржуазной науки и публицистики, выбрасывающее за борт учение о революции. Мы здесь имеем явную вульгаризацию марксизма, в наши дни пышно представленную в социал-фашистских теоретиков — Каутского, Куннова и др. «Ошибка буржуазных историков. — писал Ленин, — заключалась не только в том, что они смотрели на историю как на историю личностей... а в том, что они движение рассматривают с точки зрения настоящей минуты, они ее (историю. — А. Р.) видели не в динамическом движении, они рассматривали ее в неподвижном состоянии, между тем как эту историю необходимо рассматривать в движении, не в пошлом понимании эволюционности, медленного изменения, а диалектики»⁷⁵. Критические замечания, направленные Булгаковым против Зомбарта, в корне несостоятельны, ибо Булгаков подобно Зомбарту разрывает логическое и историческое, объявляя учение Маркса о стоимости, развитое им в т. I «Капитала», логическим приемом.

Переходя к критике зомбартовской интерпретации категории прибавочной стоимости, Булгаков отмечает, что определение прибавочной стоимости в формальном смысле у Зомбарта, как известного излишка продуктов общественного труда, носит бессодержательный характер, ибо оно ничего не дает для определения прибавочной стоимости как исторического факта. Что касается зомбартовского определения прибавочной стоимости в капиталистическом смысле как продукта обще-

⁷⁴ Ленин, Соч., т. XIII.

⁷⁵ Ленин,

ственного прибавочного времени, присваиваемого капиталом, то Булгаков считает ошибочной ту роль, которая приписывается в этом определении моменту распределения, ибо под это определение можно с таким же успехом подвести хозяйство, основанное на рабстве и крепостничестве. «Распределение, по Марксу,— пишет Булгаков,— всегда является адекватным существующему способу производства и всецело определяется им. Прибавочная стоимость не потому становится прибавочной стоимостью *sensu stricto*, что она осваивается капиталом, но потому, что она им производится, потому, что производство прибавочной стоимости есть производство самого капитала и вместе с тем воспроизводство капиталистических отношений»⁷⁶.

Ошибочность точки зрения Зомбарта, полагает Булгаков, становится еще более очевидной, когда она переходит к количественному определению прибавочной стоимости. Под прибавочной стоимостью Зомбарт, как мы видели, понимает излишек общественного труда сверх содержания необходимых или производительных работников. Под производительными же работниками он понимает тех членов общества, которые обществу необходимы для производства потребительных стоимостей в количестве, соответствующем потребности общества, в количестве, которое отнюдь не обусловлено только историческим характером капиталистического способа производства. Это определение Зомбарта Булгаков считает неправильным. «Неужели Зомбарту,— пишет Булгаков,— известны потребности, удовлетворяемые трудом и независимые от всякой общественной организации этого труда... Наличие потребностей, рассчитывающих на удовлетворение, есть всецело результат организации производства, следовательно, и потребителей, независимых от организации производства и удовлетворяемых трудом, нет»⁷⁷.

По Булгакову—«общественная прибавочная стоимость (как и общественная прибыль) есть абстракция, уже в самом деле мыслительный факт (*Gedан en tatsache*), и Зомбарт употребляет поистине метафизический прием, принимая это создание нашего мозга за единственно существующую реальность»⁷⁸.

Однако Булгаков считает правильными критические замечания Зомбарта, направленные против марксовой теории средней нормы прибыли. По Булгакову, «распределение прибавочной стоимости по средней норме прибыли есть лишь теоретический постулат, необходимый для торжества известной теории; вместо того чтобы объяснять факты, он требует, чтобы факты располагались в известном порядке. Поэтому в т е п е р е ш н е м (я усиленно подчеркиваю это слово) изложении III тома рассматриваемая гипотеза представляет несомненно *petitio principii*»⁷⁹. Булгаков далее указывает, что для доказательства правильности трудовой теории стоимости отнюдь не обязательно равенство суммы цен производства товаров, или, как он пишет, суммы цен с суммой их стоимостей. «Если только мы правильно понимаем,— пишет Булгаков,— что такое ценность у Маркса... то ведь ценность есть меновая пропорция, правило обмена. Всякая иная ценность (*valeur intrinsèque*) есть *contradictio in adjecto*. Если же ценность определяет меновые пропорции, относительно ее и может быть предложен только один вопрос: соответствуют ли меновые пропор-

⁷⁶ „Сборник правоведения и общественных знаний“, т. VI, С.-Петербург 1896 г., стр. 245.

⁷⁷ *Ibid.*, стр. 244.

⁷⁸ *Ibid.*, стр. 249.

⁷⁹ *Ibid.*, стр. 251.

ции трудовой ценности или нет. А что касается возможного совпадения или несовпадения суммы цен с суммой стоимостей, то этот факт может говорить и за и против трудовой теории, потому что является по существу дела посторонним относительно меновой ценности в истолкованном выше смысле»⁸⁰.

В заключение Булгаков отмечает близость взглядов Зомбарта и Родбертуса. Об экономической системе Родбертуса мы у него читаем: «...не будучи безупречна со стороны исторической, с логической стороны теория Родбертуса свободна от тех упреков в непоследовательности, которые могут быть предъявлены системе Маркса»⁸¹.

Такова критика зомбартовской интерпретации у Булгакова. Хотя Булгаков и критикует концепцию Зомбарта, он по существу стоит на его теоретических позициях. Так же как и Зомбарт, он рассматривает стоимость как теоретическую фикцию, гипотезу, как модель исследователя, желающего осознать капиталистический хозяйственный режим, так же как и Зомбарт, Булгаков считает учение Маркса о распределении прибавочной стоимости по средней норме прибыли лишь теоретическим постулатом, общественную прибавочную стоимость Булгаков также объявляет отнюдь не реальностью, а лишь абстракцией исследователя. Булгаков пытается, правда, прорваться через этот заколдованный круг теоретических фикций, точих абстракций, лишенных всякой реальности, Булгаков, правда, пытается вырваться из этого царства бесплотных теней в мир реальных фактов, он полагает, что для правильности теории стоимости отнюдь не обязательно совпадение суммы цен производства товаров с их стоимостями, но и эти попытки нашего исследователя терпят крушение, ибо и они базируются на неправильной трактовке марксовской категории стоимости. Булгаков не понимает, что равенство цен производства товаров и их стоимостей означает то, что источником стоимости и прибавочной ценности является сфера материального производства и только она, что это равенство находится в теснейшей связи с учением Маркса о труде как субстанции стоимости, в теснейшей связи с материалистическим пониманием природы и общества. «Если прибыли должны быть равны,— писал К. Маркс,— как известная норма процента на капитал, в течение года например, т. е. если капиталы одинаковой величины должны приносить одинаковые прибыли в одинаковые промежутки времени, то цены товаров должны быть отличны от их стоимостей. Эти цены производства всех товаров вместе, их сумма будет равна их стоимости. Равным образом вся прибыль будет равна всей прибавочной стоимости, которую капиталы вместе приносят например в течение одного года. Средняя прибыль, а следовательно и цена производства, была бы просто воображаемой и бессодержательной, если бы мы не приняли в качестве основы — определения стоимости, Уравнение прибавочной стоимости в различных сферах производства не изменяет ничего в абсолютной величине этой прибавочной стоимости в целом, а меняет только ее распределение по различным сферам производства. Но определение самой прибавочной стоимости исходит только из определения стоимости рабочим временем. Без этого средняя прибыль есть среднее из ничего, простая фантазия. И она тогда могла бы составлять одинаково 1 000, как и

⁸⁰ Ibid., стр. 253.

⁸¹ Ibid., стр. 257.

10 процентов»⁸². Взгляд Булгакова, что для доказательства правильности теории стоимости необходимо совпадение цен производства товаров с их стоимостями, вытекает из его неправильного понимания стоимости, лишь как относительной стоимости, меновой стоимости, из непонимания, что меновая стоимость есть форма проявления стоимости, что относительная стоимость предполагает наличие абсолютной стоимости. Маркс писал: «...Выражаю ли я стоимость двух товаров взаимно в их собственных потребительных стоимостях или представляю оба товара в их денежной цене, в потребительной стоимости третьего товара, это относительные или сравнительные стоимости или цены суть те же самые, и их изменения следует различать от изменений их относительных стоимостей в первом смысле, т. е. поскольку они не выражают ничего другого, кроме изменения рабочего времени, требующегося для их собственного производства, следовательно в них самих реализованного. Последняя относительная стоимость является следовательно «абсолютной стоимостью» сравнительно с относительными стоимостями в первом смысле, в смысле реального выражения меновой стоимости одного товара в потребительной стоимости другого или в деньгах»⁸³.

В своих замечаниях на книгу Адольфа Вагнера Маркс писал: «Я... не подразделяю стоимость в о б щ е на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположные понятия, на которые распадается абстрактное понятие стоимости, но конкретная общественная форма (Jestalt) продукта труда, «товар», есть, с одной стороны, «стоимость», а не меновая стоимость, так как одна только форма проявления не составляет собственно содержания его»⁸⁴. Повторяем, что Булгаков стоит на тех же методологических позициях, что и Зомбарт. Основной порок концепции того и другого — разрыв исторического и логического, растворение исторического и логического.

Трактовка исторического и логического у Зомбарта, с которой, как мы видели, по существу солидаризируется Булгаков, получила в наши дни свое дальнейшее развитие и «углубление» в работах Рубина в том же вопросе соотношения стоимости и цен производства. «Мы не будем здесь заниматься историческим спором, — читаем мы у Рубина, — о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально израсходованным для их изготовления трудовым затратам, или нет. Мы из методологических соображений возражаем против того, чтобы этот вопрос соединялся с вопросом о теоретическом значении закона трудовой стоимости для капиталистического хозяйства... Если некоторые замечания III тома «Капитала» могли быть использованы сторонниками исторического обоснования теории стоимости, то теперь, когда нам доступны и другие работы Маркса, мы доподлинно знаем, что Маркс самым резким образом отвергал взгляд, будто закон трудовой стоимости имел силу в период, предшествовавший развитию капитализма»⁸⁵. Для доказательства этого тезиса Рубин применяет излюбленный прием всех ревизионистов — он констатирует наличие противоречия между «Капиталом» и «Теориями прибавочной стоимости». В «Теориях...» Маркс полеми-

⁸² К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, изд. 1923 г., стр. 33.

⁸³ Ibid., стр. 15.

⁸⁴ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. V, Гиз, 1930 г., стр. 394.

⁸⁵ И. Рубин, Очерки по теории стоимости, изд. 4-е, стр. 218.

зирует с Торренсом, который в отличие от Рикардо, пытавшегося доказать, что разделение капитала и заработной платы (за некоторыми исключениями) ничего не меняет в определении стоимости товаров,— опираясь на рикардовские исключения, возвращается обратно к А. Смиту, полагавшему, что обмен товаров по стоимостям происходил в «начальных стадиях общественного развития», когда не было капитала и собственности на землю. «Это значит,— иронически замечает К. Маркс по адресу Торренса,— что закон, действительный для товаров как товаров, недействителен для них, лишь только они рассматриваются как капитал или как продукты капитала, лишь только вообще переходим от товаров к капиталу. С другой стороны, продукт всецело принимает форму товара как тем, что весь продукт должен быть превращен в меновую ценность, так и тем, что ингредиенты его производства сами входят в него как товары; он становится всецело товаром лишь с развитием и на основе капиталистического производства. Следовательно закон товара действителен-де в производстве, которое не создает товаров (или создает их лишь отчасти) и не действителен в производстве, основой которого служит существование продукта как товара. Самый закон, а также товар, как общая форма продукта, абстрагирован из капиталистического производства, и именно для него он будто бы недействителен»⁸⁶. Как видно из приведенной цитаты, Маркс вовсе не считает, как это полагает Рубин, что закон стоимости не применим к простому товарному производству, к историческому периоду, предшествовавшему возникновению капитализма. Маркс критикует Торренса, который не понимал, что этот закон действителен и для капитализма, который является развернутым товарным производством. Но для того чтобы замаскировать перед читателем произведенное им явное насилие над текстом Маркса и «примирить» «Теорию» с «Капиталом», Рубин ссылается на «Введение к «Критике политической экономии», где Маркс писал, что метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, но не способ возникновения самого этого конкретного. «Переход от трудовой стоимости или простого товарного хозяйства к ценам производства или капиталистическому хозяйству есть способ понять конкретное, т. е. капиталистическое хозяйство. Это — теоретическая абстракция, а не изображение исторического перехода от простого товарного к капиталистическому хозяйству»⁸⁷. И в другом месте: «Теория трудовой стоимости и теория цен производства представляют собою... теорию одного и того же капиталистического хозяйства, взятую на двух различных ступенях научной абстракции. Теория трудовой стоимости есть теория простого товарного хозяйства не в том смысле, что она описывает тип хозяйства, предшествовавший капиталистическому, а в том смысле, что она описывает только одну сторону капиталистического хозяйства, а именно производственные отношения между товаропроизводителями, характеризующие всякое товарное хозяйство»⁸⁸. Таким образом, по Рубину, простое товарное производство и категория стоимости являются лишь теоретическими построениями экономиста-исследователя, изучающего капитализм. У самого Рубина мы читаем, что схема простого товарного производства «представляет собою более абстрактную, ул-

⁸⁶ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 63—64.

⁸⁷ И. Рубин, Очерки по теории стоимости, изд. 4-е, стр. 219.

⁸⁸ Ibid.

рощенную модель явления, но модель, необходимую для понимания более сложной формы явления, как оно происходит в капиталистическом обществе»⁸⁹.

Таким образом, по Рубину, как товарное производство, так и стоимость являются фикциями, гипотезами, нереальностями, абстрактными «моделями», применяемыми исследователем для познания капиталистического способа производства. Метафизическая идеалистическая концепция Рубина отвергает взгляд, что «вполне развитое товарное производство возможно только в капиталистическом обществе, но «товарное производство» вообще есть и логически, и исторически *præius* по отношению к капитализму»⁹⁰; социал-фашистская концепция Рубина отвергает взгляд, что «стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения»⁹¹.

Концепция Рубина стирает всякие грани между капиталистическим производством и товарным; по Рубину, простой товаропроизводитель по существу является капиталистом. Мы на этот счет впрочем имеем у него прямые высказывания. Так например, мы у него читаем: «Если при капитализме закон количественных пропорций обмена видоизменяется по сравнению с простым товарным обращением, то качественная сторона обмена одна и та же, и только ее анализ дает возможность притти к пониманию количественных пропорций...»⁹². Таким образом для Рубина нет принципиального отличия между обменом в условиях простого товарного производства и капиталистического; производственные отношения между капиталистами и рабочими и между простыми товаропроизводителями для Рубина ничем не отличаются. Здесь мы имеем явную, не прикрытую апологетику капитализма. «Меновые отношения между капиталистом и рабочим,— писал Маркс,— становятся таким образом простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию, лишь затемняет его действительный смысл. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть овеществленного чужого

⁸⁹ Точка зрения Рубина на категорию стоимости весьма сходна с трактовкой этой категории у яркого представителя „социального направления“ Петри. По Петри, Маркс стремится „извлечь скрытую под внешними формами конкуренцию форм организации человеческого труда“ (Петри, Социальное содержание теории стоимости Маркса, русский перевод, стр. 52)... основной принцип экономических исследований заключается в том, чтобы уяснить себе „фактические правовые отношения“, проявляющиеся и осуществляющиеся в рамках правового сознания общества посредством игры частных интересов, т. е. уяснить себе эти возникшие в процессе обмена конкретные социальные отношения...“ (стр. 40). Понятие стоимости и является, по Петри, орудием анализа этих социальных отношений. „Стремление Маркса,— пишет Петри,— сводится к тому, чтобы в понятии стоимости приобрести некую социологическую категорию, некоторое орудие анализа общественных отношений“ (стр. 51). Цель понятия стоимости — „анализ социальной структуры капиталистического хозяйства“ (стр. 44), ибо „общественные отношения, в которые люди вступают в процессе материального производства, скрываются за внешними отношениями в обмене конкретных потребительных стоимостей и могут быть вскрыты только путем анализа имманентных трудовых отношений“ (стр. 40).

⁹⁰ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 24.

⁹¹ „Ленинский сборник“ IX. По Рубину неправилен взгляд, что „до появления капитализма... всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей по отношению к средствам производства... Историческая роль капитализма и его носительницы — буржуазии — заключалась именно в концентрации этих рассеянных мелких средств производства... в превращении их в современные могучие производства. Как выполняла она эту роль... подробно изображено в IV отделе „Капитала“ Маркса“, Энгельс, Анти-Дюринг. Гиз, 1930, стр. 253.

⁹² И. Рубин, Очерки, изд. 3-е, стр. 104.

труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого труда»⁹³. Здесь Рубин ничем не отличается от любого капиталиста, который «любит в своем представлении смешивать свой вид собственности и присвоения, покоящийся в своем дальнейшем развитии на присвоении чужого труда и в своем начале на экспроприации непосредственного производителя, с тем способом производства, который, наоборот, предполагает частную собственность непосредственного производителя на его условия производства,—предпосылка, при которой был бы невозможен капиталистический способ производства в земледелии и в промышленности, и поэтому также изображать все нападки на последнюю форму присвоения как нападки на эту заработанную собственность, даже как на всякую собственность»⁹⁴. Подобно Зомбарту Рубин превращает стоимость в логический постулат, подобно Зомбарту он растворяет историческое в логическом. Разрыв между историческим и логическим приводит Рубина к трактовке категорий политической экономии, как каких-то абстрактно-логических категорий, которые движутся сами по себе к непониманию того, что они отражают историю развития капитализма. Вся его методология, его трактовка стоимости и простого товарного хозяйства как априорных схем исследователя превращает категории политической экономии в царство теней, в праздную игру понятиями. Рубин пишет: «На первый взгляд, эта логическая эманация основных экономических понятий из понятия стоимости кажется необъяснимою. Но она объясняется тем, что производственные отношения капиталистического общества, выражением которых служат указанные понятия (капитал, заработная плата, прибыль, процент, рента и т. п.), происходят в форме отношения между независимыми товаропроизводителями, выражаемого понятием стоимости»⁹⁵. В приведенной цитате мы имеем прямое, недвусмысленное заявление Рубина, что диалектика марксовых категорий представляет собой логическую эманацию категории стоимости, что «разум» исследователя, что «свободный полет» его творческой фантазии «диалектически» превращает одну категорию в другую, тем самым образуя систему экономических понятий. Непониманием и искажением сущности марксовой диалектики и объясняется идеалистический, формалистический метод Рубина, который сводится к схоластическому, «филигранному» теоретизированию путем искусного нанизывания абстрактных формул, оторванных от исторической, социально-классовой действительности. «Диалектика» категорий у Рубина напоминает процессию величавых бесплотных царственных теней в шекспировском «Макбете». Блестящую характеристику такого метода мы встречаем у Маркса, в его критике метафизики Прудона.

«Но раз он поставил себя как тезу, эта теза, эта мысль, противопоставляясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой,—на положение и отрицание, на да и нет. Борьба этих двух, заключающихся в антитезе, противоположных элементов образует диалектическое движение. Да превращается в нет, нет превращается в да, да становится одновременно и да, и нет. Таким пу-

⁹³ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 451.

⁹⁴ „Из неопубликованных рукописей К. Маркса“. „Правда“ от 8 апреля 1932 г. № 98 (5263).

⁹⁵ И. Рубин, Очерки, изд. 4-е, стр. 81.

тем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух моментов мысли, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтезис. Эта мысль новая опять разделяется на две противоположные мысли, которые в свою очередь сливаются в новом синтезисе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтезис. Так, из диалектического движения простых категорий рождается группа, так, из диалектического движения групп возникает серия, а диалектическое движение серий порождает всю совокупность системы»⁹⁰.

Эта бичующая, полная сарказма характеристика, данная Марксом метафизике Прудона, целиком применима и в идеалистической, меньшевистской концепции Рубина, у которого категории совершают свое торжественное шествие, повинаясь «чистому разуму» исследователя. Метафизическая концепция Рубина, отказывающаяся рассматривать капитализм в его возникновении, росте и гибели, фактически означает признание вечности капиталистического режима, она исключает даже постановку вопроса перехода от капитализма к социализму.

Интересно отметить, что и у Н. И. Бухарина мы встречаем формулировки, где он скатывается к трактовке стоимости лишь как логической абстракции. Пытаясь доказать сходство системы Маркса с учением Фомы Аквината, Струве писал: «Для меня совершенно ясно, что марксова теория трудовой ценности по своему логическому строению много столетий тому назад имела грандиозную аналогию и прообраз в «реалистически» обоснованном схоластическом учении о первородном грехе. Отдельный товар, с точки зрения Маркса, также необходимо участвует в общественной ценностной субстанции, как для схоластики отдельный человек участвует в грехе Адама. Возьмите третий том «Капитала» с его социологическим увенчанием трудовой теории ценности и сопоставьте эти рассуждения с схоластическими учениями о первородном грехе. Точно так же, как у Маркса, эмпирические «цены» управляются законом ценности, так сказать, заимствуют свое бытие от субстанции ценности, так для схоластики эмпирические действия людей определяются первородным грехом»⁹⁷. Подвергая критике интерпретацию Струве, Бухарин утверждает, что стоимость для Маркса отнюдь не является законом цен, она представляет собой лишь логическую абстракцию. Бухарин писал: «Цены у Маркса никакого бытия от ценности не заимствуют и не могут заимствовать; самое выражение Струве в приложении к Марксу просто бессмысленно; у Маркса ценность есть абстракция, объясняющая цены. В исследовании он идет от «рыночных цен» через «производственные цены» к ценности; в изложении он идет от «ценности» через производственные цены к «рыночным ценам». Ясно, что цена может заимствовать свое бытие у ценности так же мало, как, скажем, совершенно конкретный г. Струве во всей его индивидуальности может заимствовать свое струвистское бытие у человека вообще»⁹⁸. В приведенной нами цитате Бухарин по существу скатывается на позицию Зомбарта, рассматривая стоимость

⁹⁰ К. Маркс, Нишета философии.

⁹⁷ Петр Струве Хозяйство и цена, ч. I. Петербург, 1913 г.

⁹⁸ Н. Бухарин, „Атака“, изд. 2-е. Гиз, стр. 79.

лишь как мыслительное образование, разрывая историческое и логическое. Интересно сопоставить с критикой Бухарина критику Ленина. У Ленина мы читаем: «Цена есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены. О «независимости» здесь можно говорить лишь для издевательства над наукой, которая во всех областях знания показывает нам проявления основных законов в кажущемся хаосе явлений. Возьмем например закон изменения видов и образования высших видов из низших. Очень дешево было бы объявить фантомом обобщения естествознания, найденные законы... поиски исправлений и дополнений к ним. В области естественных наук человека, который сказал бы, что законы явлений естественного мира — фантом, посадили бы в дом сумасшедших, или просто осмеяли. В области наук экономических человека, щеголяющего так смело... в голом состоянии... охотно назначат профессором, ибо он действительно вполне пригоден для отупления буржуазных сынков»⁹⁹. Таким образом, если по Бухарину стоимость является лишь абстракцией, от которой цена отнюдь не заимствует своего бытия, Ленин рассматривает стоимость как закон цен, точку зрения «независимости» цены от стоимости объявляет вульгарщиной, поповщиной.

Отметим также, что и по вопросу об общей характеристике метода Маркса Бухарин соглашается с точкой зрения Зомбарта. «В своей известной статье по поводу т. III «Капитала» Маркса Вернер Зомбарт, — пишет Бухарин, — противопоставляя два метода в политической экономии, метод субъективный и метод объективный, охарактеризовал систему Маркса как проявление «крайнего объективизма»; наоборот, австрийская школа, по мнению Зомбарта, есть «наиболее последовательное развитие» противоположного течения. Эта характеристика на наш взгляд совершенно правильна»¹⁰⁰. Зомбартовские определения метода Маркса как объективного применимы и к ряду буржуазных экономистов и ученых. Известен отзыв Маркса об «объективных историках», которые не исследовали действительные формы классовых антагонизмов и классовой борьбы. Маркс писал: «Прудон со своей стороны стремится представить государственный переворот 2 декабря результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую аналогию этого переворота. Он впадает таким образом в ошибку так называемых объективных историков. Я напротив показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие дюжинной и смешной личности сыграть роль героя». Известно знаменитое место, посвященное критике Струве, где Ленин объективизму Струве противопоставляет точку зрения партийности науки. «Объективист, — писал Ленин, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который заведует и данным экономическим поряд-

⁹⁹ Ленин, т. XVII, стр. 273.

¹⁰⁰ Н. Бухарин, Политическая экономия рантье, стр. 32.

ком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае например материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹⁰¹. Таким образом Бухарин не понимает своеобразия марксового объективизма, который заключается в том, что теория Маркса правильно отражает действительность, что она является идеологией наиболее передового революционного класса, что партийность метода материалистической диалектики является в то же время его наивысшей объективностью, — Бухарин не понимает, что составной частью марксова объективизма является непримиримая партийность, следовательно материалистическая точка зрения.

(Продолжение следует)

---

¹⁰¹ Ленин, т. I, стр. 288.

ВОПРОСЫ АВТОМАТИЗМА

(О книге Г. Цыперовича «Автоматизм»)

Техническое развитие капитализма на протяжении последних десятилетий отличается исключительной противоречивостью. Противоречия все больше расшатывают здание капиталистической цивилизации, производительные силы все чаще восстают против отживающей оболочки производственных отношений.

Чем характерна техническая база империализма, в чем особенности ее развития сейчас, в эпоху всеобщего кризиса капитализма?

Паровая машина — основа энергетики промышленного капитализма — далеко ушла вперед от своего «уаттовского» прототипа. Рост ее размеров, мощностей, к. п. д.¹, давлений, температур и т. д. происходил в противоречивом взаимодействии с развитием других элементов двигательного аппарата. Вместе с тем все больше обострялось противоречие между быстро растущим комплексом производительных сил и принципом работы локальной, ограниченной, неэкономичной паровой установки.

Паровая турбина и двигатель внутреннего сгорания, призванные «исправить» ограниченность поршневой машины и ее слабую подвижность редким подъемом мощностей и к. п. д., — могли быть использованы довольно совершенно лишь с дальнейшим развитием техники и ростом ее пространственных связей (транспорт, земледелие), с одной стороны, и с промышленным использованием нового всеобщего вида энергии — электричества, — с другой.

До сих пор электричество нашло себе применение в технической системе капитализма, главным образом в качестве вторичного двигателя.

Но и в этом своем качестве электрификация двигательного аппарата сталкивается со всей системой монополистического хозяйствования, как только использование электричества перерастает границы предприятия и треста.

Электрическая энергия проникла на капиталистическую фабрику в конце прошлого столетия и, раздробив прежде связанные фаланги исполнительных механизмов на самостоятельные станки с индивидуальными моторами, она преобразовала, ускорила, усложнила их работу, обособила единый привод на многообразные функции нескольких приводов одной и той же рабочей машины. Рост органического состава капитала — другая сторона роста автоматической системы и его автоматического обслуживания — определил дальнейшее развитие производительности и интенсивности труда и массового производства.

А связь двигательной системы фабрики с районными центрами в сотни тысяч киловатт дополнила это противоречие между массовым производством и узким (национальным) рынком, противоречием между плановой централизованной связью системы машин целой страны через высоковольтные сети и капиталистической конкуренцией, боязнью пролетарского захвата центров, застойной атмосферы монополий.

Таким образом анализ производительных сил, внутреннего их развития и взаимодействия с производственными отношениями, данный Марксом в «Капитале», как нельзя более, подтвердился последующими десятилетиями.

Маркс не только анатомировал «тело» капиталистической фабрики — систему машин и ее элементы, он раскрыл также их взаимозависимость и тенденцию их дальнейшего движения. Маркс с необычайной теоретической силой показал, как система машин, связанная одним центральным двигателем, при непрерывности производственного процесса и дроблении его на части, которые одну за другой захватывает рабочая машина, оставляя за рабочим лишь универсальные функции контроля, — как эта система становится автоматической в принципе и частностях. Энгельс дополнил выводы «Капитала» гениальной характеристикой новой двигательной силы — электрической энергии, замыкающей круг полезных преобразований всех форм энергии, причем «производительные силы достигнут таких размеров, что перерастут господство буржуазии».

¹ Коэффициент полезного действия.

Ленину предстояла задача продолжения этого анализа на материале монополистического капитализма; он обогатил наше познание в данной области глубоким исследованием процессов, выявляющих тенденции загнивания и паразитизма в современном капитализме.

Исследование истории капитализма и его нынешнего технического базиса имеет для нас значение прежде всего с точки зрения критического использования передовых достижений Запада и Америки и дальнейшего невиданного подъема техники в СССР. Особенно важно освещение таких тенденций капиталистической техники, как электрификация, автоматизм, стандартизация и т. п., — тесно связанных между собою и дающих уродливое, но все же наглядное представление о вершинах техники в царстве Гуверов и Зеверингов.

Недавно вышедшая книжка Г. Цыперовича «Автоматизм» ставит своей задачей осветить указанные технические сдвиги, синтезируя их на основе марксовской характеристики капиталистической фабрики.

Автору удалось изобразить целый ряд важных явлений научно-технического прогресса и их торможение экономическими рогаками капитализма. В книге освещены вопросы автоматизации, взаимозаменяемости, суррогатирования, «синтетизма» и т. д.

При нашей бедности техно-экономическими обобщениями этих вопросов фактические данные и некоторые выводы книги в связном, хорошем изложении представляют значительный интерес для читателя.

К сожалению основное достоинство книги — постановка вопроса о роли автоматизма в марксистском освещении этого важного явления — обратилось в серьезный недостаток этой книги.

Все дело — в основной мысли Г. Цыперовича, сформулированной в следующих строках:

«Идея автоматизма и первые... важнейшие шаги в ее применении на практике относятся к эпохе, более отдаленной (чем современная. — В. Э.), к началу прошлого века, когда капитализм начал создавать новый технический базис, соответствующий крупной промышленности того времени».

И далее:

«Эта идея в зачаточном виде так же стара, как и сама техника, и... рождение ее относится к седой старине» (стр. 5).

Определяя автоматизм как «самостоятельное действие машины, не нуждающейся для выпуска продукции или исполнения какой-нибудь функции в участии рабочей силы», автор считает применение принципов автоматизма в обслуживании производственного процесса в легкой индустрии, транспорте, сельском хозяйстве и т. д. — производным. Только машинное производство машин представляет действительную суть и наиболее важно для автоматической системы.

Наконец, критикуя бухаринское определение автоматизации как «дробной тенденции механизации», Цыперович противопоставляет ему отождествление этих двух моментов и растворяет кроме того автоматизм в электрификации и химизации в качестве их основного принципа.

Такова постановка вопроса автора. Прежде чем их охарактеризовать, приведем слова Маркса, с достаточной полнотой осветившего интересующий нас вопрос.

Система машин, приводимая в движение одним центральным автоматом, образует по Марксу необходимую основу автоматической системы. И Маркс резюмирует свою мысль следующим образом:

«Когда рабочая машина без содействия человека выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая остается способной к постоянному дальнейшему совершенствованию в частности» («Капитал», т. I, стр. 345).

В «Нищете философии» Маркс писал почти в тех же словах:

«Принцип автоматической системы заключается следовательно в вытеснении ручного труда машинным и в замене разделения труда между ремесленниками, разложением процесса на его составные части» (стр. 131, разрядка наша. — В. Э.).

Наконец за две страницы до приведенной цитаты Маркс приводит схему «хода развития машин», завершающим пунктом которой выступает «система машин, имеющая автоматический двигатель».

Читателю, внимательно сопоставившему приведенные цитаты Маркса с рассуждениями нашего автора, легко заметить у последнего смещение вопроса с исторической почвы и происходящие отсюда ошибочные выводы.

Г. Цыперович правильно отмечает апологию творческих сил империализма. Но он доводит свою мысль до абсурда, отрицая для позднейшего технического раз-

вития (от рубежа XIX в.) наличие резких сдвигов, о которых мы уже писали выше. Он хочет втиснуть весь XIX в. и начало XX в. дальнейшее количественное и пространственное расширение принципов автоматизма, повлиявших уже в часах и автоматах Вокансона.

Это легко приводит автора к механистичности в рассмотрении качественно различных ступеней развития автоматизма. Это приводит также к затушевыванию тех противоречий, которые вытекают из развития автоматизма — в эпоху империализма. Недиалектичным и бессильным будет наше познание, если мы станем игнорировать прошедшее столетие технического развития, его сдвиги, противоречия и результаты, столь важные для нашей технической реконструкции.

Неправильны такие выводы автора, как указание на широкое распространение автоматизма в производстве средств производства и вспомогательное (производное) значение всей остальной сферы применения этого принципа, т. е. легкой индустрии, транспорта, военного дела и даже ряда автоматов тяжелой индустрии. Здесь автор забыл связать автоматическую фабрику и ее дальнейшее совершенствование с экономикой рынка, с потребностью массового производства и его ограниченностью.

Кривая действительного развития гораздо сложнее подобной примитивной схемы. Именно в производстве средств потребления, где рынок наиболее массовый, автоматизм и все сопутствующие ему явления получили широкое распространение. А производство станков — этой машиностроительной базы крупной промышленности, так же как и других машин и сырья для них, слабее затронуты взаимозаменяемостью, непрерывным потоком, автоматическим характером производства (несмотря на автоматическое производство целого ряда стандартных деталей машин).

Рост отношения $\frac{c}{v}$ идет здесь скорее путем индивидуального и серийного производства циклопических полуремесленных машин-орудий. Лишь при социализме можно говорить о стандартном производстве турбогенераторов, станков, паровозов и т. д.

Предвзятая точка зрения приводит автора и к такому неверному выводу, будто автоматы Дро, Вокансона и др. представляли уже в совершенно развитой форме то, из чего зародилась современная машинная промышленность. По Марксу часы и другие автоматы, появившиеся в XVIII в. (они кстати не являются машинами), имеют главным образом то значение, что они толкали исследователей к познанию законов трения, равномерного движения и т. д., приблизив тем самым мощную волну промышленной революции. В этом и состоит их важное значение, а не в прямом применении к производству, что было тогда невозможно и зачастую не выгодно, тогда как сейчас, напротив, замена автомата человеком чаще всего невыгодна капиталистам, и зачастую бывает просто невозможна (управление ЦЭС).

Ошибка Г. Цыперовича заключается в том, что он не видит исторических ступеней технического развития, которое шло на первых порах в направлении механизации, т. е. «вытеснения ручного труда машинным» (Маркс). Сюда относятся использование ветра, воды, первые паровые насосы и т. д.

Автоматизация появляется позже (главным образом в бумажной и текстильной промышленности) в качестве более сложного технического принципа: система машин связывается центральным двигателем — автоматом; производственный процесс дробится на части с последовательным захватом их рабочей машиной; вводятся элементы непрерывности производства; растет автоматизация обслуживания и контроля производства.

Автоматизация — более сложное явление, чем простая замена человека машиной. Развертывание всех возможностей ее дает только социализм, а не эпоха 30-х годов прошлого столетия или «седая старина» развития техники. Таким образом не «механизация начинается с применения принципов автоматизма к производству» (стр. 15), но, наоборот, автоматизация является вторичной, более сложной формой механизации.

В фактическом изложении автор часто впадает в противоречие со своими исходными установками и рисует в общем верную картину развития автоматизма и ряда реконструктивных процессов на протяжении последних десятилетий.

Но и здесь автор старается втиснуть развитие в искусственную схему, объявляя например изобретение Вилькинсоном (в 1775 г.) свободной направляющей станка и устройство Модсли суппорта для круглых пустотелых предметов — твердым установлением принципа автоматизма.

В действительности простой токарный станок конечно включал моменты автоматизма, но пуск, останов, перемена скоростей и целый ряд других функций приходились на долю виртуозности токаря; только позднейшее совершенствование привода, салазок, приспособлений, затем превращение универсального станка в специальный сделали его автоматическим (но все еще далеким от совершенства).

В той же плоскости стоит и утверждение автора, что в противоположность «гражданской войне в Америке, давшей сильнейший толчок развитию автоматизма, последняя мировая война сравнительно мало дала современному машиностроению» (стр. 12).

Ответим непосредственному автору его же словами:

«Со времени последней мировой империалистической войны применение принципа автоматизма для разрушения достигло такого размаха, перед которым механизация старого типа кажется совершенно невинной» (стр. 45).

Ясно, что в указанный период входят и четыре года войны, в течение которых необходимость замены человека автоматом стала острой, как никогда, а производство приобрело наконец достаточно постоянный и достаточно массовый «сбыт». В том-то и состоит диалектика гибели антагонистического общества, что орудия смерти производятся им наиболее автоматически, массово, совершенно!

* * *

Теперь мы попытаемся вкратце охарактеризовать некоторые другие тенденции, прослеженные автором в современном капитализме и допущенную им путаницу.

Сюда относится, как уже отмечено выше, оценка применения автоматизма «в различных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, промышленного использования полу- или целиком самодействующей машины», имеющих якобы «производное значение».

Фактическая неверность приведенного положения совершенно ясна. Мы не должны закрывать глаза на те многообразные автоматические приспособления, приборы, переключатели и счетчики, которые настолько сростаются с исполнительным механизмом, двигателем и передачей, что становятся их контролерами, составными частями и регуляторами. Особенное значение приобретает автоматическое обслуживание у нас, где зачастую отсутствует бензиномер на самолете или счетчик процента углекислоты в отходящих газах для котельной установки. На применении автоматизма в СССР мы еще остановимся в конце статьи.

Несколько глав своей книги автор посвящает проблемам синтетического сырья, суррогатированию и другим техническим явлениям, связанным и обусловленным развитием автоматизма. Вот что мы читаем о взаимозаменяемости: «Несмотря на огромные очевидные преимущества, система взаимозаменяемости не получила большого развития в капиталистическом обществе» (стр. 41).

Если стандартизация прокладывает себе дорогу при капитализме в условиях суженного рынка, бешеной конкуренции предприятий и трестов, то это отнюдь не дает нам права отрицать серьезных успехов стандартизации и нормализации в передовых отраслях промышленности Америки, Германии и др.

Вообще существенно не огульное указание на ограниченность, непоследовательность взаимозаменяемости при капитализме, а исследование того, в каких отраслях промышленности и в каких формах протекает развитие стандартизации.

При таком подходе можно обнаружить тесную связь между стандартизацией и массовым производством. Детальный анализ должен был бы показать, как на основе скачкообразности развития в эпоху империализма кривая стандартизации шла вверх в Америке, тогда как Англия — родина Витворта — все больше отставала в этой области.

С другой стороны, отраслевой анализ показывает проникновение стандарта в области калибров, приспособлений, в военную промышленность и производство деталей массового машиностроения. Отрасли тяжелой промышленности больше других выражают противоречивость проникновения стандартизации в производство.

Одно из важнейших явлений автоматической фабрики — конвейер — в книге подано несколько нечеткими фразами. Автор, думается нам, упустил из виду то, что является важнейшим для противоречивости современного конвейера.

Капиталистический конвейер характеризуется не только жуткой эксплуатацией мускульной энергии и нервов рабочего. Это существование для его капиталистического применения. С технической стороны конвейер представляет собой синтез средств труда и рабочих сил, приспособленный к потребности массового производства, и вместе с тем ряд противоречий, связанных с несовершенством, «ученическим» характером его. Действительно, мы имеем здесь непрерывный поток деталей и такую же непрерывную обработку и сборку их. Обе эти стороны в достаточной степени предугаданы Марксом, который дал еще дальше идущее предвидение (ибо лента Фордовского конвейера, как бы быстро она ни двигалась, все же приспособляется к рабочим «рукам», — пусть самым выносливым и покорным, но все-таки живым) автоматического характера всего процесса изготовления — сборки.

В подчеркнутом нами — неизбежная тенденция техники, уничтожение мануфактурного повторения ручной работы на конвейере.

Лишь социалистические формы труда и производства сделают сборку на конвейере автоматической до конца, дополняя непрерывность производственного процесса бешеным темпом автомата.

Следующая тенденция технического развития — универсальные и специальные автоматы — тоже неправильно трактуется в рецензируемой работе. Автор связывает многообразно применение трактора с универсальностью фрезерного станка «цинцинатти». Он говорит о них как о «двух прекрасных произведениях современной техники, возвышающих автоматизм над особенностями обработки ваемого сырья, выполняемых функций, организационных форм хозяйства» (стр. 57).

И наряду с этим в книге ни слова о том, что путь технического развития есть путь специальных станков, специализации сельскохозяйственных машин, чрезвычайно дробного разделения труда автоматов, связанного с массовым производством и потому неприменимого последовательно при капитализме.

* * *

Переходя к вопросам суррогатирования, синтетического сырья, субститутов и т. д. в плоскости, затронутой автором, попытаемся в самом сжатом виде охарактеризовать соответствующие главы книги.

Автор показывает рядом фактов противоречия между городом и деревней, как они выражаются в проблемах сырья, удобрений, замены ручного труда машинным. Он выявляет далее тенденции замены многих видов естественного сырья синтетическим (каучук, вискоза, удобрения), широкого распространения субститутов в производстве одежды и обуви (картон и бумага вместо кожи и т. д.) и ту роль, какую играют все эти капиталистические «изобретения» в конкурентной борьбе. У автора выхолащивается всякое классовое содержание проблемы противоположности между городом и деревней.

Автоматизму в промышленности и «синтетизму» в земледелии, субститутивной системе и т. д. автор придает значение всеобщего принципа, гиперболизируя их. В результате такого рассмотрения, важнейший вопрос о взаимоотношении города и деревни при капитализме лишается своего классового (экономического) анализа и разрешается в плоскости технических модификаций.

«Применение натурального удобрения и животной тяговой силы ставит земледелию ограниченные пределы», — пишет Цыперович и, вытеснив натуральное удобрение (навоз) аммиачным, он втискивает сельское хозяйство в схему автоматизма. Дальнейшее развитие противоречия между городом и деревней «способствует расширению субститутивного и синтетического хозяйства» (стр. 74). Автор в качестве основного противоречия между городом и деревней выдвигает проблему естественного и искусственного сырья.

Приведем несколько слов Ильича, проливающих яркий свет на развитие капитализма в земледелии и природу тех фактов, какие тормозят его:

«Монополия земледелия создает тормоз развитию земледелия, который, в отличие от промышленности, задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве» (т. XVII, стр. 638).

Помимо указанного выше, автор очень неясно различает естественное и искусственное сырье, синтетическое производство и природу субститутов. В результате кирпич, сталь, очищенный хлопок могут фигурировать как «естественные» материалы; бетон, сталинит, вискоза — как «искусственные». Производство железобетона, сплавов, новых материалов и т. д. представляется якобы путем развития субститутивной системы. Нельзя согласиться с такой картиной технического развития, так как, следуя ей, нетрудно объявить автомобиль субститутом телеги, самолет — заместителем воздушного шара и т. д., суммируя все капиталистическое производство в единую формулу субститутивности, лишенную какого бы то ни было познавательного значения.

* * *

Центральной проблемой автоматического производства, как мы показали вначале, является развитие электрификации. Автор уже с самого начала сужает поле своего исследования, сводя электрификацию к «энергетической базе автоматизма» (так называется соответствующая глава книги). Вот что мы читаем здесь об автоматическом двигателе:

«Автоматизм в первой промышленной (?) стадии своего развития нуждался в соответствующей энергетической основе, которую он получил в виде паровой машины» (стр. 327), и далее: «автоматическое регулирование паровой машины, порождающей собственное движение и поэтому автоматической по существу, создало эпоху в развитии автоматизма как системы» (стр. 28).

Если оставить в стороне то верное, что позаимствовано здесь у Маркса, то разница между выводами последнего и рецензируемой книжкой заключается вот в чем.

Маркс говорил об автоматическом двигателе как о тенденции установки автоматической в основном, но способной к дальнейшим совершенствованиям в частностях.

Наконец Маркс показал временный смысл удовлетворительности парового двигателя. Прошедшее со времени марксова исследования пятидесятилетие требует прежде всего исторического подхода, с учетом того нового, что внесено последующим техническим прогрессом и гениально выражено Энгельсом и Лениным в их известных характеристиках электроэнергии.

Поэтому, несомненно, марксистский анализ должен подвергнуть паровую машину критике истории, отметить ее далекий от автоматического совершенства тип. Если брать не только паровую машину, но и топку, котел, паропроводы, вспомогательные устройства и т. д., то здесь задачи автоматизации еще достаточно широки, поскольку они вообще ставятся для этой пройденной ступени механического двигателя.

В той же главе, характеризуя электроэнергию, Г. Цыпачевич полагает, будто передача энергии на расстояние возможна благодаря «автоматической системе» регулирования электрической энергии» (стр. 28). Дело однако обстоит не совсем так, как кажется автору. Не электрическая энергия обязана автоматизму своим существованием, но ее (электромагнитной энергии) специфические свойства как формы движения делают ее между прочим сильнейшим стимулом автоматизма.

Наш автор механически сопоставляет паросиловое хозяйство и электроэнергию, перед которой первое будто бы отходит на второй план. Надо же различать в паросиловом хозяйстве ее отсталую стадию (поршневая машина) и современные мощные паровые турбины—эту основную (пока) базу электросилового хозяйства².

Дальнейшие ступени автоматизации двигателей представляются автору в виде высоковольтной сети — «районной, комбинированной и наконец отраслевой» системы автоматизма.

Останавливаясь на автоматических процессах внутри фабрики на основе электрификации, мы с удивлением читаем, что «уже и сейчас только потому, что электрический ток огромной мощности поступает издалека, резко меняется характер машин-орудий» (стр. 32).

Совсем не «только потому», а вследствие органического сращивания мотора с рабочей машиной, использования разнородных свойств электроэнергии для передачи, регулирования, контроля, учета и наконец вследствие создания особого электропроизводственного процесса (электроплавка, сварка, гальванопластика, электрохимический процесс). Но даже и здесь для автоматизации внутри предприятия электричество таит еще неисчерпаемые возможности, хотя автор и провозгласил автоматизм законченным для предприятия и развивающимся за его пределами.

Вообще вопросы автоматизма на основе электрификации затронуты в книге не совсем удовлетворительно, с совершенно недостаточным привлечением передовых технических достижений, а выводы автора сводятся к объявлению электричества автоматическим по существу или, так сказать, детищем автоматизма.

Мы полагаем, что анализ переплетения производственно-технических тенденций не должен заменяться отождествлением их. Суть дела заключается в указании прогрессивного характера задач автоматизма для каждого механизма, прибора, процесса, но никак не в сплошном отнесении к автоматизму всего, что пахнет электричеством.

Автор, вслед за паром, объявляет автоматичной электроэнергию по своей внутренней сути и всем проявлениям. «Теперь технического предела для темпов уже не существует» — напрося грешит он против фактов. Такая точка зрения только мешает видеть недостатки автоматичности самого совершенного электромотора (далеко не автоматично откликающегося на изменение нагрузки, пуск, остановки и т. п.).

* * *

Последний вопрос, на котором мы считаем необходимым остановиться, это — социалистическая реконструкция СССР и автоматизм.

Строительство социализма в нашей стране происходит на основе использования самых передовых технических и научных достижений капиталистического мира, на основе плановой социалистической системы и потому раскрываю-

² Гидроэлектростанции — вторая важнейшая база генерирования энергии, которой предстоит у нас бурное развитие в ближайшем будущем, — представляют уже сейчас действительно автоматическое «достоинство социализма» производство.

ших совершенно невиданные для Европы и Америки технические возможности. Беспрецедентные для истории темпы, рациональное использование естественных богатств, иное качество использования оборудования, напряженная загрузка всех агрегатов, непрерывный рост производительности труда и рост благосостояния трудящихся — вот что отличает нашу передовую индустрию в нарастающей динамике ее развития, в реконструкции ею всех отраслей народного хозяйства и быта.

Каким образом должны быть использованы нами технические рычаги для скорейшего построения бесклассового общества?

Г. Цыперович правильно отбрасывает «левацкие» установки товарищей, вроде Гастева, желающих сдать в музей капиталистическую технику, но в свою очередь допускает ошибку, не сказав почти ничего о необходимости критической переработки всех технических новинок Запада.

Довольно путанно изложен в книге также вопрос о технической базе социализма. Подчеркивая необходимость создания новой технической базы социализма, автор далее переходит к характеристике нашей перестройки и приводит примеры переоборудования ленинградских заводов с привлечением иностранной помощи.

Отсутствие всякого упоминания об электрификации (в этой связи) конечно дезориентирует читателя. Даже в фактических данных о перевооружении нашей техники автор почему-то выдвигает в качестве типичного такое обстоятельство, как реконструирование боровического кустарного производства в небольшую фабрику с постройкой там электростанции.

Опуская ряд мелких неправильных формулировок, допущенных автором в характеристике автоматизации предприятий и бытового обслуживания у нас и за границей (вроде того, что «конвейер и рабочие, работающие на нем, пришли по указанию партии в иное соотношение друг с другом на СТЗ), коснемся еще только одного места книги, намечающего перспективы развития сельского хозяйства.

Приведем полностью поставленный автором вопрос:

«Значит ли это (т. е. результат исследования.— Б. Э.), что современная техника, пользуясь автоматизмом в производстве и синтетизмом в изготовлении сырья и полуфабрикатов, тем самым подготавливает почву для отрицания сельского хозяйства?»

Эту дилемму, выраженную таким странным образом, автор разрешает для СССР в отрицательном смысле.

Чтобы закрепить свою пока еще весьма шаткую позицию, он ссылается на указания партии о развитии коневодства, с недопустимости противопоставления электрификации трактору и т. д.

Мы ограничимся только тем, что укажем на неправильность самой постановки вопроса в такой общей форме. В самом деле, здесь спутаны все понятия. Автор упростил проблему, не выделив особо тенденций нашего и капиталистического хозяйства.

* * *

Мы не стали бы рекомендовать эту книжку, если бы она не ставила свежо и по-новому целого ряда проблем, в совершенно незначительной степени освещенных в нашей литературе.

Но именно последнее обстоятельство, а также то, что мы далеко не исчерпали ошибочных формулировок автора, понуждает нас рекомендовать читателю критически отнестись ко всем затронутым автором проблемам.

Б. Эрлихман

БУРЖУАЗНАЯ КОНТРАБАНДА ПОД ФЛАГОМ МАРКСИЗМА

(Т. Черданцев, Основы сельскохозяйственной географии (Сельколхозгиз, 1932 г., тир. 3 000 экз.)

«Только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма» (И. Сталин).

XVII партконференция важнейшей задачей в области сельского хозяйства ставит организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов и социалистическое перевоспитание колхозных масс.

В связи с этим огромное значение приобретает дело переподготовки кадров для наших колхозов и совхозов.

Миллионная армия новых работников социалистического сельского хозяйства должна вооружиться марксистско-ленинской теорией и техническими знаниями.

Работа Черданцева — «Основы сельскохозяйственной географии» выпущена Сельхозгизом в начале 1932 г. и очевидно будет использована для подготовки наших сельскохозяйственных кадров.

Является ли она пригодной книгой для этой цели, может ли она научить правильному пониманию и применению марксистско-ленинской теории в сельском хозяйстве?

Автор выступает под флагом марксизма-ленинизма, приводит многочисленные выдержки из постановлений партийных органов, цитирует правильные марксистские положения, но этим он лишь прикрывает ряд своих грубейших политических ошибок и искажений марксизма-ленинизма.

Прежде всего скажем о наиболее основных ошибках автора, политически дезориентирующих читателя.

Находясь под сильным влиянием вульгарно-экономической (деновской) школы в экономической географии, Черданцев имеет склонность отрывать в своем изложении производительные силы от производственных отношений и самые производительные силы понимать как технику, зачастую рассматривая в своей книге отношения вещей вместо отношений людей.

Вследствие этого в целом ряде вопросов замазываются моменты классовой борьбы, классовых противоречий капиталистического общества.

Так например (в главе о сельском хозяйстве), автором замалчиваются социально-экономические условия развития сельского хозяйства в дореволюционной России. На стр. 26—28 автор рассматривает технику дореволюционной России оторванной от производственных отношений и общую отсталость сельского хозяйства дореволюционной России выводит из чисто технических предпосылок, а не из социально-экономических условий:

«Собственно производство сельскохозяйственных машин в дореволюционной России почти не существовало. Не было налажено и производство минеральных удобрений. Вследствие этого в сельскохозяйственном отношении страна была самой отсталой».

Ленин говорил: «У десяти миллионов крестьянских дворов — 73 млн. десятин земли, у двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 64 млн. десятин, на этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники (подчеркнуто мною. — Г. И. Г.) и заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы; бесконечно разнообразные формы крепостнической эксплуатации».

Автор игнорирует этот основной фон и все многочисленные места из работ Ленина, в которых анализируются социально-экономические условия, создавшие отсталость нашего сельского хозяйства.

В главах о населении и перенаселении в дореволюционной России (стр. 30—32) и в главе о Центрально-черноземной области (стр. 72—73) автор ни слова не упоминает о классовых отношениях как о причинах аграрного перенаселения, о высоких арендах и отработках, о крестьянском малоземельи и помещичьем многоземельи в Центрально-черноземной области; вместо этого он указывает как на причины аграрного перенаселения на большую плотность населения в сельскохозяйственном центре дореволюционной России и на низкий уровень техники.

Автор даже дает свой рецепт ликвидации перенаселения: «Чтобы применить на родине свой труд и получить достаточное количество средств питания, необходимо было совершенно перестроить хозяйство; развить переработку продуктов сельского хозяйства, создать новую промышленность...» (стр. 32).

Средств питания в нашем сельскохозяйственном центре добывалось, оказывается, недостаточно для того, чтобы прокормить плотно население, — утверждает автор в добром согласии со старым Мальтусом. А кто же производил тот хлеб, который выкачивался помещиками за границу из этого района? В рецепте, который автор порекомендовал для нашего дореволюционного сельского хозяйства, ни слова не говорится о задаче ликвидации помещичьего землевладения и о борьбе с засильем кулачества. Для ликвидации перенаселения, по рецепту Черданцева, не было необходимости совершать Октябрьскую революцию.

Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов предостерегал против тех теоретиков, которые смазывают огромное значение Октябрьской революции для нашего крестьянства. Черданцев как раз и смазывает эту проблему. Зато в главе «О социальном расслоении сельского населения» автор явно по-троцкистски изображает расслоение нашей деревни в восстановительный период.

В противоположность положению, что «середняк является центральной фигурой нашей деревни», Черданцев стремится в качестве центральной фигуры выдвинуть кулака:

«Понятно, что при таком общественном расстройстве крестьянства обмен и организация общественного разделения труда находились в значительной степени в руках кулацкой верхушки». От кулака же «зависело то или иное использование земли, т. е. направление и специализация хозяйства... понятно, что громадная бедняцкая и пролетарская часть крестьянства была лишена возможности получать достаточно средств существования» (стр. 33).

Кулачество восстановительного периода здесь возвеличивается автором до ведущего класса, который в условиях диктатуры пролетариата «организует» в сельском хозяйстве географическое разделение труда; игнорируется совершенно вопрос о качественном отличии послеоктябрьского расщепления деревни от дооктябрьского.

Еще более значительные ошибки допущены при изображении современного капиталистического хозяйства; так, на стр. 130 Черданцев говорит: «Мы с достаточной точностью можем знать, как будут развиваться капиталистические страны и далее на той же странице: «примем за 100% размер добычи 1928 г.— тогда окажется, что в 1933 г. САСШ и Англия будут иметь прирост добычи каменного угля на 50%, Франция — на 29%... выработка стали во всем мире (исключая СССР) увеличится на 18%; текстильная хлопчатобумажная увеличится на 4—11%...» Автор преподносит это читателю в 1932 г., когда в САСШ из 396 домен работают лишь, 69, когда во всех капиталистических странах производство упало на десятки процентов.

Женевские кликуши — прорицательницы о судьбах капитализма, имеющие успех на заседаниях Лиги наций, — должны умолкнуть и устыдиться своего маловерия. Новоявленный пророк, появившийся в СССР (в СССР!) Черданцев «прорицает» судьбы западного капитализма не далее как на 1933 г. и рисует их в самом радужном свете, исчисляя в процентах точно рост капиталистической продукции!..

По вопросу о географическом разделении труда, специализации сельского хозяйства в капиталистическом мире г. Черданцев становится на апологетическую точку зрения. Кладя в основу своих рассуждений примитивно абстрактное представление о географическом разделении труда, взятое на прокат из буржуазной политической экономии («земледельцы, производящие хлеб, обмениваются со скотоводами на продукты скотоводства», стр. 4), он не проводит качественной разницы между географическим разделением труда в условиях капитализма и социализма. По Черданцеву отношение географического разделения труда между советской Средней Азией и Московской областью однородно и однотипно с географическим разделением труда между Великобританией и Индией внутри Британской империи.

Рассуждая о географическом разделении труда, взятом «вообще» (и для капиталистического и социалистического общества), Черданцев (на стр. 4) говорит: «Общественное географическое разделение труда способствует развитию хозяйства потому, что заставляет людей, живущих в одной местности, специализироваться на одной отрасли (или отраслях) сельского хозяйства». Таким образом, в Египте одностороннее уродливое развитие хозяйства, по Черданцеву, получается вследствие того, что будто бы географическое разделение труда «заставляет» его развиваться в этом направлении.

А мы до сих пор думали, что здесь действует закон неравномерности развития капитализма, — что Египту как колониальной стране принудительно навязано одностороннее хлопковое хозяйство английским империализмом. Далее Черданцев говорит: «От этой специализации... сельское хозяйство много выигрывает. Увеличивается общая масса сельскохозяйственной продукции, улучшается ее качество». Итак, тишь и благодать стоят в капиталистическом мире. Географическое разделение труда между метрополиями, колониями и полуколониальными странами приводит к всеобщему расцвету сельского хозяйства («увеличивается масса продуктов, улучшается их качество»).

На XVI партсъезде г. Сталин, формулируя наши важнейшие задачи, говорит: «при мелкокрестьянском хозяйстве серьезное проведение специализации сельского хозяйства невозможно», и теперь мы можем и должны поставить себе задачу правильной организации специализации сельского хозяйства по культурам и областям.

Содействует ли Черданцев своей книгой, посвященной вопросам размещения сельского хозяйства, выполнению этой важной задачи социалистического строительства? Указывает ли он на стихийный анархический характер и недостаточную степень капиталистической специализации в дореволюционной России? Указывает ли он на возможности глубокого проведения специализации в крупных социалистических хозяйствах? Проследивает ли он решающее значение зерновой проблемы

для правильного размещения нашего сельского хозяйства? Ничего этого не находим в книге т. Черданцева.

Рассуждая о специализации сельского хозяйства, взятой «вообще» и для капиталистического и для социалистического хозяйства, автор укрепляет этим позиции буржуазно-реставраторских теорий (Челдинцева, Чайнова и др.), которые пытались навязать нашим совхозам и колхозам универсальный капиталистический тип специализации.

В вопросах экономического районирования автором в названной книге проводится грубо механистическая и натуралистическая точка зрения.

«Общий экономический район — это часть земной поверхности, на которой ведется сельское хозяйство, отличное от сельского хозяйства другой части земли» (стр. 59).

«Сельскохозяйственный район — это часть земной поверхности, на которой ведется сельское хозяйство, отличное от сельского хозяйства другой части земли» (там же).

Ни слова об отличиях районов капиталистического хозяйства и районов советских, ни слова о связи сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства внутри районов, ни малейшего намека на критику многочисленных буржуазных теорий районирования.

Вот как разъясняется читателю понятие сельскохозяйственного района: «Если нам нужно обратить внимание только на сельское хозяйство, то мы будем разбирать, какое это сельское хозяйство, чем оно отличается от сельского хозяйства другой части страны, в другом районе. Тогда мы найдем разницу в сельскохозяйственных районах, например: в одном мы найдем большой процент технических культур и сеяных трав... в другом мы встретим преобладание зерновых культур и мясное направление животноводства».

Такой подход к сельскохозяйственному району весьма близок методологии Кожанова, который смотрел на сельскохозяйственное районирование как на «географическое познание сельского хозяйства».

В главе «Природные условия сельского хозяйства СССР» Черданцев предварительно огораживает себя коротенькой марксистской декларацией о роли природной среды в развитии народного хозяйства, а затем усердно повторяет зады из Когана-Бернштейна, Гегнера и других буржуазных географов.

Наш Союз изображается автором как сосредоточение естественных условий, неблагоприятных для хозяйственного развития. И климат, дескать, у нас суров, и засухи на юге, и «Москва отстоит от моря на 650 км, а Пермь на 1000». Нехватает у нас удобных бухт и заливов, а моря лежат на самых окраинах страны: «Например, — говорит автор, — Черное и Азовское моря» (хороша окраина, рядом с Донбассом, крупнейшим индустриальным центром. — Г. И. Г.); направление рек неудобно для внешней торговли; вся природа Союза слишком однообразна и не благоприятствует общественному географическому разделению труда.

«В области культуры хлопчатника СССР вследствие природных условий не сможет достичь уровня более благоприятствуемых природой стран, в частности САСШ», говорит автор (стр. 129); (непонятно, почему природные условия САСШ более благоприятны для хлопка, чем условия советской Средней Азии и Закавказья. — Г. И. Г.)

Автор приводит весь арсенал доводов, который употребляется буржуазными географами, когда они пытались обосновать реставраторский тезис: «Отсталость России вытекала из природных условий, предопределяющих эту отсталость и на будущее».

Автор изображает природную географическую среду как нечто статичное, неизменное. Была она неблагоприятна в дореволюционной России — осталась неблагоприятной и сейчас.

В самом построении работы т. Черданцева, в последовательности глав проглядывает механистическая методология автора, весьма близкая к буржуазной экономическо-географической школе Дэна. Производительные силы рассматриваются оторванно от производственных отношений и подаются в узкотехническом аспекте. Две большие главы 4-я и 6-я (об отраслях сельского хозяйства, о районах) представляют собой механическое нагромождение материальных показателей производства, взятых оторванно от производственных отношений.

Таким образом, автор под прикрытием марксистских фраз и цитат протаскивает целый ворох буржуазных антиленинских установок.

В нашей экономической географии до последнего времени сильнейшее влияние имели реставраторские построения Рыбникова и Когана-Бернштейна. В сфере экономики сельского хозяйства тоже имелось в течение ряда лет засилье буржуазных идеологов (Кондратьев, Чайнов и др.).

Для того чтобы советская экономическая география стала действительно марксистской наукой и полезным орудием социалистического строительства, требуется непримиримая борьба со всеми остатками буржуазных теорий.

Поэтому при разработке вопросов «Экономической географии сельского хозяйства» требуется удвоенная бдительность, необходимо преодолевать элементы классово враждебных теорий и по линии экономической географии и по линии экономики сельского хозяйства.

Черданцев с этой задачей не только не справился, но выступает в качестве проводника буржуазных идей среди вновь подготавливаемых кадров колхозной и совхозной молодежи.

Редакция же Сельколхозгиза, выпуская подобную книгу в начале 1932 г. (и при том еще в массовом тираже), проявляет явный либерализм и способствует протаскиванию буржуазной контрабанды в нашей экономической литературе.

Г. Иванов-Гель

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор),
Вознесенский Н., Гатовский Л., Кривицкий М., Шурыгин В.

Сдано в производство 7/IX 1932 г.
Подписано к печати 23/XI 1932 г.
Уполн. Главлита В—39298
Выпускающий Широков.

Формат 72×105 1/16
Партиздат № 1997 Зак. тип. 1400
Объем 15 печ. лст. 67.000 экз. в печ. л.
Тираж 20450 экз.

Отп. в 7-й тип. Мособлполиграффа „Искра революции“, Москва, Арбат, Фил. пер., 18.